

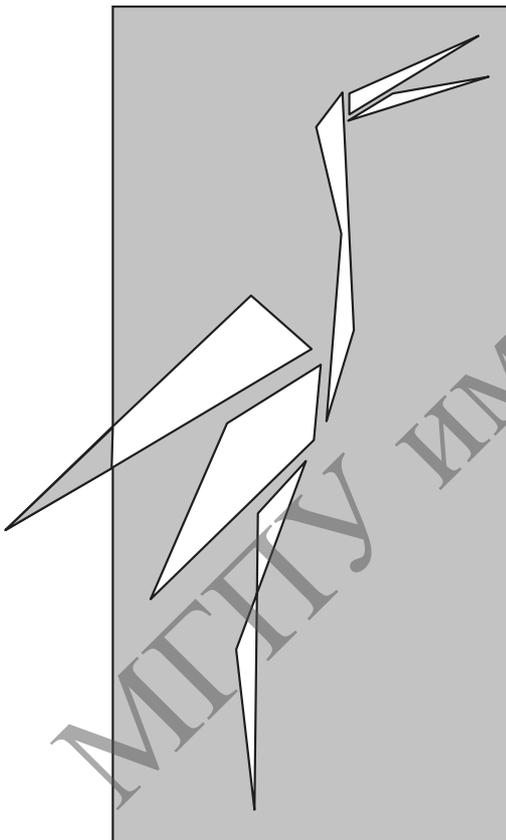

ФОНД РУССКИЙ МИР

ТЕКСТ

ЯЗЫК

ЧЕЛОВЕК

**Неделя русской филологии
в Мозырском государственном
педагогическом университете
имени И. П. Шамякина**

Часть 1

**Мозырь
2011**

**Министерство образования Республики Беларусь
Посольство Российской Федерации в Республике Беларусь
Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь
Фонд «Русский мир»**

**Белорусское общественное объединение
преподавателей русского языка и литературы**

**Учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»**

**Национальный исследовательский университет
«Белгородский государственный университет»**

ТЕКСТ. ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК

**Неделя русской филологии
в Мозырском государственном
педагогическом университете
имени И. П. Шамякина**

Сборник научных трудов

В двух частях

Часть 1

**Мозырь
2011**

УДК 81.161.1(08)
ББК 81.2 Рус
Т30

Редакционная коллегия: д. ф. н., проф. *А. М. Аматов*;
к. ф. н., доц. *П. Е. Ахраменко*;
к. ф. н., доц. *Л. Н. Боженко*;
к. ф. н., доц. *В. В. Кузьмич*;
к. ф. н., доц. *О. И. Ревуцкий*;
д. п. н., доц. *В. Ф. Русецкий*;
к. ф. н., доц. *В. С. Сидорец*;
к. ф. н., доц. *Т. И. Татарина*.

Ответственный редактор: к. ф. н., доц. *С. Б. Кураш*.

Рецензенты: *Гируцкий А. А.*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории языка УО БГПУ им. М. Танка;
Николаенко Г. И., доктор педагогических наук, проректор по научно-методической работе Академии последипломного образования.

Печатается согласно сводному тематическому плану проведения научных и научно-технических мероприятий в Республике Беларусь в 2011 году
Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь
и приказу по университету № 432 от 04.05.2011 г.

Текст. Язык. Человек. Неделя русской филологии в
Т30 Мозырском государственном педагогическом университете имени
И. П. Шамякина : сборник научных трудов : в 2 ч. / УО МГПУ
им. И. П. Шамякина; редкол.: С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. –
Мозырь, 2011. – Ч. 1. – 216 с.
ISBN 978-985-477-445-9.

В сборнике представлены статьи, отражающие содержание докладов VI Международной научной конференции «Текст. Язык. Человек», проведённой в рамках Недели русской филологии в Мозырском государственном педагогическом университете имени И. П. Шамякина с 23 по 27 мая 2011 г.

В первой части сборника представлены доклады, раскрывающие онтологические и методологические аспекты текста, посвящённые вопросам типологизации текстов, стилей и жанров, а также по проблемам исследования текстов в аспекте диалога языков и культур.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам филологических специальностей.

Материалы сборника публикуются в авторской редакции.

УДК 81.161.1(08)
ББК 81.2 Рус

ISBN 978-985-477-445-9 (Ч. 1)
ISBN 978-985-477-298-1

© Коллектив авторов, 2011
© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2011

Для первой

В сборнике представлены статьи, отражающие содержание докладов VI Международной научной конференции «Текст. Язык. Человек», проведённой в рамках Недели русской филологии в Мозырском государственном педагогическом университете имени И.П. Шамякина с 23 по 27 мая 2011 г.

В первой части сборника представлены доклады, раскрывающие онтологические и методологические аспекты текста, посвящённые вопросам типологизации текстов, стилей и жанров, а также по проблемам исследования текстов в аспекте диалога языков и культур.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам филологических специальностей.

Материалы сборника публикуются в авторской редакции.

В сборнике представлены статьи, отражающие содержание докладов VI Международной научной конференции «Текст. Язык. Человек», проведённой в рамках Недели русской филологии в Мозырском государственном педагогическом университете имени И.П. Шамякина с 23 по 27 мая 2011 г.

Во второй части сборника представлены доклады по филологическому анализу художественного текста и проблемам развития креативной языковой личности в школе и вузе.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам филологических специальностей.

Материалы сборника публикуются в авторской редакции.

МГПУ ИМ. И.П.ШАМЯКИНА

ТЕКСТОВЕДЧЕСКИЙ ВЕКТОР В ПРЕПОДАВАНИИ И ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ В МОЗЫРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ И. П. ШАМЯКИНА: СВЯЗЬ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина – один из двух профильных педагогических вузов Республики Беларусь, в котором приобретают специальность педагога около 8000 студентов. Наш университет уже более 65 лет выполняет одну из ключевых ролей в социально-экономическом, образовательном, научном и культурном развитии уникального уголка Беларуси – Мозырско-Припятского Полесья.

Специальность учителя русского языка и литературы у нас приобретают более 400 студентов; по данному профилю также ведётся подготовка магистрантов и аспирантов. Кроме того, русский язык преподаётся в вузе студентам ряда нефилологических специальностей. Нашими студентами изучаются история и культура России, ведутся научные исследования в данной области. Мы также готовим учителей русского языка и литературы из числа студентов – иностранных граждан, ведём преподавание русского языка как иностранного.

Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина в качестве приоритета своей международной деятельности определяет дальнейшее развитие и укрепление творческих научных, образовательных и культурных связей с государственными и общественными организациями стран ближнего и дальнего зарубежья, и в первую очередь – с учебными и научными заведениями Российской Федерации.

Такой вектор приоритета международного сотрудничества вуза определяется проводимым Президентами и Правительствами Республики Беларусь и Российской Федерации курсом на дальнейшее политическое, экономическое и культурное сближение двух стран в рамках Союзного государства.

Активную политику, нацеленную на упрочнение позиций русского языка и культуры за рубежом, проводит МИД Российской Федерации. Положительно, что эта политика не замыкается на столичном уровне, а направляется вглубь регионов тех государств, где поддержка русского языка имеет особое значение.

Это, безусловно, относится к Республике Беларусь, где русский язык имеет статус второго государственного (наравне с белорусским) и профессионально изучается во всех классических и педагогических университетах.

Особая роль в реализации политики культурно-гуманитарного сотрудничества Беларуси и России, в том числе и языковой политики, отводится вузовским кафедрам русистики (лингвистического, литературоведческого, исторического и др. профилей). В нашем университете данное направление международной деятельности возглавляет коллектив кафедры русского языка, которая на протяжении достаточно длительного времени определяет в качестве основной задачи научно-учебной работы всестороннее развитие личности каждого обучаемого через усвоение русского языка в условиях белорусско-русского двуязычия посредством обращения к тексту как основной единице коммуникации, тексту как дискурсу.

В апреле 2009 года в нашем университете состоялось яркое и важное событие – открытие **научно-методического**

Центра русистики. Не только для нашего вуза, но и для всего Полесского региона это событие имеет большое научное, культурное и воспитательное значение. Неоценимую помощь в этом нам оказало **Посольство Российской Федерации в Республике Беларусь.** В его открытии приняли личное участие **Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Беларусь Александр Александрович Суриков,** а также представители Гомельской областной и Мозырской районной администрации. Значимость этой гуманитарной акции ещё более возрастает с учётом того, что около 25 лет наш университет готовит учительские кадры для учебных заведений районов Гомельской области, в наибольшей степени пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, работая в отдалении от крупных научно-образовательных и издательских центров.

Центр русистики университета реализует в первую очередь задачи популяризации русского языка, литературы и культуры, повышения качества их преподавания. К настоящему моменту Центр способен выполнять роль регионального учебно-образовательного комплекса подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров, консультационного пункта по вопросам культуры речи в условиях близкородственного (белорусско-русского) двуязычия, разработчика учебно-методических материалов (в том числе мультимедийного и программно-операционного характера), чему способствует наличие квалифицированного кадрового потенциала и материально-технического оснащения данного структурного подразделения вуза. Помимо имеющейся в распоряжении Центра ценной справочной и методической литературы, нами собран, систематизирован и обобщён опыт работы лучших учителей-практиков региона, и эта работа продолжается.

В прошедшем году на базе Центра русистики был выполнен хозяйственный договор с УО «Мозырский государственный областной лицей» по внедрению технологии личностно-адаптированной системы обучения при изучении русского языка и литературы в учебный процесс данного образовательного учреждения.

Нами налажено плодотворное сотрудничество с руководителем представительства **Россотрудничества в Республике Беларусь Александром Сергеевичем Ломакиным.** При его непосредственном участии за последние годы удалось решить целый ряд организационных и практических вопросов, связанных с совершенствованием преподавания русского языка и проведением научных исследований по русской филологии, истории и культуре.

23–27 мая 2011 в университете под эгидой Белорусского общественного объединения преподавателей русского языка и литературы проводится **Неделя русской филологии.** В формат данного мероприятия включено проведение ряда культурно-образовательных и воспитательных мероприятий, а также **VI международной конференции «Текст. Язык. Человек»,** включающей организацию секций, круглых столов, мастер-классов и лекций ведущих исследователей и педагогов-русистов из Белоруссии, России и других стран.

Предыдущие пять конференций (начиная с 2001 года) отразили один из магистральных векторов развития современной филологической науки – утверждение в ней на ведущих позициях функционально-прагматического подхода к изучению языка, выразившегося в таких дескрипторах современной лингвистики, как антропоцентризм и междисциплинарность, что повлекло за собой смещение исследовательского акцента с таких традиционных единиц, как слово, словосочетание, предложение, на более протяжённые отрезки речи, главенствующее положение среди которых занял текст.

Конференция, проводимая в нынешнем году, шестая по счёту, позволяет констатировать, что научный текстологический форум в Мозыре, привлекающий «своим интегральным характером»¹, прочно обозначил свои позиции в кругу значимых научных встреч, проводимых в нашей стране: он привлёк внимание многочисленных исследователей, многие из которых – наши постоянные участники.

На участие в мероприятиях Недели русской филологии и в конференции «Текст. Язык. Человек» в этом году оргкомитетом было принято более 190 заявок от представителей вузов и научных и учебных учреждений 9 государств мира. **Республику Беларусь** представляют на конференции учёные из Минска, Гомеля, Могилёва, Бреста, Гродно, Витебска, Мозыря, Речицы. **Российская Федерация** на этот раз представлена докладчиками из Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Новосибирска, Волгограда, Брянска, Смоленска, Белгорода, Казани, Стерлитамака, Твери, Ставрополя, Первоуральска, Липецка, Самары, Тольятти, Волжского. **Украину** представляют учёные из Киева, Днепропетровска, Нежина, Сум, Горловки. Представлены также исследователи из **Германии** (Гейдельберг), **Болгарии** (Шумен), **Польши** (Седльце), **Китая** (Пекин), **Азербайджана** (Баку), **Армении** (Ереван).

Среди заявленных участников доктора наук, профессора, кандидаты наук, доценты, аспиранты, магистранты, студенты. Особо следует отметить и участие в этих мероприятиях учителей-практиков, представивших доклады на конференцию и – соответственно – представивших ряд статей в настоящий сборник.

Нельзя не назвать тех гостей конференции, которые остаются верными ей уже в шестой раз: это В. К. Щербин (г. Минск) и С. М. Антонова (г. Гродно). Не в первый раз принимают участие в конференции Я. К. Алхасов (г. Баку), А. М. Амагов (г. Белгород), А. Н. Андреев (г. Минск), Е. Е. Долбик (г. Минск), Е. Е. Иванов (г. Могилёв), В. И. Коваль (г. Гомель), И. А. Королёва (г. Смоленск), А. А. Мурашов (г. Москва), В. И. Сенкевич (г. Брест), В. Д. Старичёнок (г. Минск) и другие известные учёные.

Целью конференции является координация научных исследований в области текста, коммуникативной лингвистики и лингвопрагматики, культуры речи, риторики, методики преподавания языков и литератур. Особое внимание участников конференции будет уделено проблемам функционирования и преподавания русского языка в Белоруссии, России, а также других странах СНГ и мира.

Проблемное поле конференции сосредоточивается на следующих основных направлениях:

- Онтологические и методологические аспекты текста.
- Проблемы типологии текстов и исследования отдельных текстотипов.
- Текст и мир. Межкультурная коммуникация. Диалогика текста и интертекстуальность.

- Развитие креативной языковой личности как средства и фактора коммуникативного взаимодействия.

- Учебный текст и проблемы современного учебника. Программное и учебно-методическое обеспечение филологических дисциплин в школе и вузе.

- Проблемы вузовского преподавания русского языка и речеведческих дисциплин.

- Филологический анализ художественного текста в вузе и школе.

В рамках Недели русской филологии предусмотрен ряд творческих конкурсов, презентаций и других культурно-образовательных мероприятий, посвящённых значимым для русской культуры юбилейным датам: **190-летию со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского, 125-летию со дня рождения Николая Степановича Гумилёва, 120-летию со дня рождения Михаила Афанасьевича Булгакова**. В них принимают активное участие студенты высших учебных заведений, учащиеся школ, гимназий, лицеев.

Широкая проблематика конференции «Текст. Язык. Человек» открыла возможности для участия в ней не только русистов, но и представителей иных языковедческих направлений – славистов, германистов, романистов, тюркистов. Это, на наш взгляд, нисколько не противоречит формату Недели русской филологии, поскольку, напротив, позволяет взглянуть на русский язык, русский текст, русскую языковую личность в диалоге языков и культур, что, несомненно, расширяет научные горизонты и перспективы интеграции и взаимообогащения разнообразных научных подходов, направлений, методик, школ.

Поддержку в проведении дней русской филологии и VI международной научной конференции «Текст. Язык. Человек» нам и в этот раз оказывают Посольство Российской Федерации в Республике Беларусь и Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь.

- Хотелось особо отметить и поддержку, оказанную нашему проекту **Фондом «Русский мир»**, и выразить слова благодарности исполнительному директору Фонда доктору исторических наук **Вячеславу Алексеевичу Никонову**, а также сотрудникам данной организации.

В качестве соорганизатора конференции в этом году выступил **Белгородский государственный университет** (Российская Федерация), с которым наш вуз плодотворно сотрудничает на протяжении нескольких лет, в частности, являясь соучредителем проводимой в нём международной научной конференции «Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков».

В числе ожидаемых итогов мероприятия – выработка общих направлений научной и педагогической деятельности, направленной на совершенствование речевой культуры общества, разработку конкретных рекомендаций по оздоровлению речевой ситуации в обществе.

Нет сомнений и в том, что ряд идей, подходов, рекомендаций, высказанных участниками запланированных мероприятий, представленный здесь научно-педагогический опыт в самом скором времени получат внедрение в практику обучения студентов и школьников, ориентируют будущих исследователей на актуальную научно-педагогическую тематику, а статьи, помещённые в этом сборнике, будут востребованы как вузовскими специалистами, аспирантами и студентами, так и учителями-практиками в своей профессиональной деятельности.

С.Б. Кураш,
председатель оргкомитета,
руководитель научно-методического Центра русистики,
зав. кафедрой русского языка,
кандидат филологических наук, доцент

¹ Коношкевич, М. И. Белорусская русистика / М. И. Коношкевич // Русистика в Беларуси. – 2010. – № 1. – С. 15.

ОНТОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ТЕКСТА

А. М. Аматов (Белгород, Россия)

ДИКТЕМА КАК ЯЗЫКОВАЯ И ТЕКСТОВАЯ ЕДИНИЦА

Лингвистические исследования текста, активно проводящиеся примерно начиная с 60-х годов XX века, придали текстовой лингвистике статус особой языковедческой дисциплины, в которой к настоящему времени выделяются три основных направления: общая теория текста, стилистика текста и грамматика текста. Грамматика текста, речь о которой пойдёт в данной статье, подразумевает выделение особых единиц, составляющих уровень языка выше предложения (последние рассматриваются в традиционном синтаксисе) и установление взаимоотношений между этими единицами. Таким образом, одной из насущных задач грамматики текста стало выявление элементарных текстовых единиц, которые подчинялись бы общим правилам построения структуры языка и вместе с тем выполняли бы особую функцию, не свойственную единицам нижележащих уровней.

В рамках парадигматического синтаксиса (труды М. Я. Блоха) было выдвинуто и разрабатывается понятие диктемы, претендующее на роль, с одной стороны, высшей уровневой единицы языка, а с другой стороны – элементарной тематической единицы текста. Именно о диктеме и пойдёт речь в настоящей работе.

Диктему, как и любую единицу языка, можно рассматривать с двух точек зрения: с позиций структуры и функции. Во-первых, диктема – это урвнеструктурная единица, т. е. в иерархии языковых единиц она занимает положение непосредственно над предложением: фонема – морфема – лексема – денотема (член предложения) – пропозиема (предложение) – диктема (Блох, 2000). Таким образом, диктема – единица языка и, соответственно, подвержена влиянию универсальных языковых правил и законов. Прежде всего, представленная структура языка строится на основе реверсивного принципа, суть которого заключается в том, что одна или более единиц одного уровня образуют одну и только одну единицу непосредственно вышележащего уровня. Исходя из этого принципа, каждая вышележащая единица, помимо особой урвнеобразующей функции (возможно, более чем одной) включает в себя свойства нижележащих, но сама не сводима к ним ни по структуре, ни по функциям. Для диктемы такими функциями становятся тематизация и стилизация: «Через диктему в рамках аспекта тематизации реализуются близкие и далекие связи частей текста» и «Первичная стилизация – это естественная, витальная стилизация, которая может осуществляться либо сознательно ..., либо бессознательно, органически вплетаясь в когнитивно-коммуникативный процесс выражения мыслей говорящего» (Блох, 2000: 63).

Во-вторых, диктема выражает собственную тему и содержит определенные стилистические характеристики, что позволяет одновременно отнести диктему и к единицам речи. Именно диктема непосредственно входит в состав текста (остальные уровневые единицы – опосредованно), т. е. те связи, на которых строится текст – это связи между диктемами в его составе, а не между, например, отдельными предложениями вне диктемы. В принципе, в тексте могут встречаться и такие

предложения, которые не образуют ни семантического, ни синтаксического единства с другими элементами текста. Однако такие случаи, как правило, редки и указывают на переходы мысли, каждый из которых можно развернуть в связную последовательность. Более того, даже такое предложение, не связанное «общеграмматическими» или даже «общесемантическими узлами» ни с другими предложениями в потоке речи, «остается диктемой по определению, если только оно является полноценным, пропозиционально оформленным предложением, ... выражающим собственную тему (микротему), а не случайным междометоподобным изглаголенным выкриком» [1, с. 62].

Диктема представляет собой смысловое единство, большее, чем предложение, поскольку выражает не отдельную законченную мысль, а микроситуацию. В письменной речи она обычно бывает представлена абзацем, поэтому именно письменный текст наиболее удобен в плане исследования диктемы в виду их достаточно отчетливой визуализации. Однако письменная речь, безусловно, вторична по отношению к устной, и поэтому именно в устной речи следует искать манифестации данной единицы, которая находит своё графическое выражение и в письменном тексте. В устной монологической речи ограничивается «диктемно-долгой паузой» длительностью более чем в две моры (для сравнения, нормальная длительность паузы между отдельными предложениями внутри диктемы составляет две моры) и «диктемно-финальным просодическим тоном», а в диалогической речи, как правило, представлена одной репликой (Блох, 2000: 63). Разумеется, возможны и отклонения от этих правил. Так, диктема вполне может быть представлена более чем одним абзацем. Например:

На рассвете далеко за городом сидели в овраге уполномоченный и курьер.

Они пилили гири. Носы их были перепачканы чугушной пылью. Рядом с Паниковским лежала на траве мантишка. Он её снял: она мешала работать. Под гирями предусмотрительный нарушитель конвенции разостлал газетный лист, дабы ни одна пылинка драгоценного металла не пропала зря (И. Ильф, Е. Петров).

Нет никаких сомнений в том, что каждый из данных отрывков текста тематически представляет собой одну диктему, которую авторы, однако, представили в виде двух абзацев. Очевидно, что в приведённом образце это было сделано с целью акцентуации наиболее существенного (с информативной точки зрения) предложения: *Они пилили гири.*

Впрочем, в подобном разделении диктемы на два абзаца нет ничего необычного. В предложении также та или иная денотема может отделяться от других (парцелляция). Возможен и обратный случай – несколько диктем могут быть объединены в один абзац.

Наконец, и в диалогической речи возможны длинные реплики, состоящие более чем из одной диктемы. Так, реплика, состоящая из двух (или даже более) диктем, может быть представлена как миниатюрный текст, своего рода

«текст в тексте». То, что этот микротекст может состоять из нескольких диктем, вполне естественно и обусловлено намерением говорящего, а также, возможно, готовностью слушающих воспринимать такой солидный объём информации, не перебивая рассказчика собственными репликами.

Каков объём диктемы? В содержательном плане это определяется выражаемой ею микроситуацией. Подобно тому, как предложение выражает законченную мысль и, соответственно, может быть распространённым или нераспространённым, одноставным или даже односложным, диктема выражает относительно самостоятельную микротему, которая также должна быть законченной.

В структурном отношении диктема, согласно реверсивному закону, может выражаться одним предложением, членом предложения, словом, морфемой и даже фонемой. Разумеется, фонема в данном случае будет одновременно выполнять функцию морфемы, слова, предложения и т. д.

Известен пример на основе латинского языка: два человека решили обменяться самыми короткими фразами. Первый сказал: “*Eorus*” (Еду в деревню), на что второй ответил: “*I!*” (Поезжай!). Короткое слово *I* (всего одна морфема, состоящая также из одной фонемы) является здесь не только предложением, но и диктемой по определению, поскольку это реплика в диалогической речи.

Несомненно, эта диктема может быть релевантной лишь в определённом контексте, однако в приведённый здесь элемент дискурса она укладывается полностью. Данная диктема выполняет здесь функцию тематизации, являясь адекватной реакцией второго собеседника на реплику первого. Кроме того, очевидна и стилизация, которая связана, прежде всего, с требованием краткости фразы – в ответ на краткую реплику (диктему) собеседник произносит свою, ещё более краткую.

В данном примере, несмотря на краткость фразы, мы всё же встречаем предложение в императиве, оформленное по всем правилам языка. Но возможны и такие случаи, когда слово, на первый взгляд вырванное из структуры предложения, всё же сохраняет в потоке речи функцию этого предложения и даже служит диктемой. Вспомним ещё один пример краткого изречения, на этот раз принадлежавшего основоположникам лаконичности – спартамцам.

На угрозы афинян и их заявление о том, что если они войдут в Спарту, то город будет разрушен дотла, полководец спартамцев Лисандр ответил одним коротким словом – «*Еáу*» (если). Примечательно, что реплика здесь состоит не из предложения и даже не из знаменательного слова, а включает лишь одну служебную лексему – союз, который всё же является диктемой – единицей более высокого уровня, чем предложение.

Краткость и здесь, как видим, оказалась вполне релевантной. Несомненно, ответом здесь могло быть и предложение. «Расшифровать» фразу Лисандра можно приблизительно так: «Если вы захватите наш город, в чём я, впрочем, сильно сомневаюсь, то, конечно, сможете его разрушить». Однако, употребив один лишь условный союз, Лисандр показал и даже подчеркнул тем самым условность данного заявления афинян и, как следствие, сомнительность всего их предприятия.

Итак, в качестве диктемы может выступать не только набор предложений или отдельное предложение, но и член предложения или даже вырванное из структуры предложения слово, в том числе и служебное. Такой

член предложения или служебное слово обязательно должны быть ремой (или частью ремы) того предложения, из структуры которого они изымаются.

Подобные «изъятия» сплошь и рядом встречаются в обиходной речи, художественной литературе, публицистике и прочих видах дискурса. Причём причиной такой «лаконичности» зачастую является не стремление говорить кратко, а отсутствие потребности в повторении темы, которая и без того хорошо известна собеседнику. Рассмотрим следующий пример:

A Juryman: Did you see nothing which aroused your suspicions when you returned on hearing the cry and found your father fatally injured?

Witness: Nothing definite (A. Conan Doyle).

Полный ответ здесь мог бы выглядеть как оформленное предложение, в котором произнесённая фраза могла бы быть дополнением или подлежащим: *Isawnothing definite* или *Nothing definite aroused my suspicions*. Тем не менее, одна только рема *Nothing definite* вполне способна (при определённых обстоятельствах) выполнить функцию предложения и передать всю необходимую информацию. Таким образом, член предложения (дополнение), состоящий из двух лексем, выполняет здесь функцию и предложения, и диктемы.

Итак, в диктеме аккумулируются функции всех нижележащих единиц языковой структуры. Соответственно, в речи отдельные элементы низших уровней (морфемы, слова, предложения) представлены не как набор разрозненных единиц: их семантические, синтаксические и стилистические характеристики подчинены диктеме, в состав которой входят эти элементы. Сама же диктема подчинена единым для всего текста правилам тематизации и стилизации.

Подобно тому, как значения отдельных слов актуализируются и конкретизируются в предложении, смысл высказывания раскрывается в диктеме. Так, если мы рассмотрим возможные толкования вопросительных и отрицательных предложений, то легко обнаружим, что их в принципе может быть столько, сколько членов (денотем) содержит то или иное предложение. Например, предложение *Иван не заставлял сына учить уроки* вне контекста может иметь следующий набор толкований:

1. Не Иван, а кто-то другой заставил сына учить уроки.
2. Иван не заставлял сына учить уроки, а просто попросил.
3. Иван заставлял не сына, а кого-то другого учить уроки.
4. Иван заставлял сына не уроки учить, а делать что-то другое.

В рамках диктемы такие предложения однозначны, или, вернее будет сказать, *как правило однозначны*, поскольку иногда речь может быть построена на двусмысленности. Но так или иначе, «лишние» смыслы предложения в диктеме отпадают, а сохраняются лишь тот, который соответствует (или должен соответствовать по замыслу) намерениям говорящего. То же самое относится и к повествовательным, побудительным, и вообще ко всем предложениям: именно в диктеме предложение принимает тот смысл, который намеревается вложить туда говорящий.

Таким образом, все языковые элементы, получая речевое выражение, входят в текст не самостоятельными единицами, а через диктему и только через неё.

Литература

1. Блох, М. Я. Диктема в уровневой структуре языка / М. Я. Блох / Вопросы языкознания, 2000, № 4. – С. 56–67.

ЗАКОН КРАСОТЫ, ИЛИ ДИАЛЕКТИКА ГЕНИЯ И ЗЛОДЕЙСТВА

Красота литературно-художественного произведения – это, конечно, метафора.

Под красотой в литературоведении следует понимать духовно-эстетическую категорию, дающую представление об интенсивности информационного воздействия на объект художественного общения – воспринимающее сознание. При этом субъект художественного общения, собственно творец парадигмы «красота», также подвержен информационному воздействию закона красоты – закона, который творец не создал; он создал творение в соответствии с постигнутым (угаданным – не суть) законом.

Таким образом, субъект и объект общаются посредством обнаруженного закона красоты и по поводу этого закона.

Закон красоты в рабочем порядке можно сформулировать следующим образом: если выразительная сторона произведения приближается к степени «очень красиво», если возникает воспринимаемый одновременно чувствами и абстрактно-логическим мышлением феномен стиля, значит содержательная сторона в чем-то существенном верно отражает природу человека (личности).

Совершенно вне контекста истины (другой метафоры, отражающей законы духовного функционирования личности) красота существовать не может. Наличие красоты служит прямым показателем присутствия в произведении научных гуманитарных законов.

Сам закон красоты становится законом художественного отражения гуманитарных законов.

Определение стиля в этой связи может быть следующим.

Стиль – единство принципов изобразительности и выразительности – принципов, формируемых смыслом, концепцией личности данного произведения.

Мы распространили широко известное определение Г. Н. Пospelова, дополнив его пунктом о взаимосвязи концепции личности (смысла) с единством принципов изобразительности и выразительности. Концепция личности определяет принципы изобразительности, и вся оригинальность красоты «программируется» оригинальностью смысла.

Если красота настойчиво дистанцируется от смысла, то она превращается в циничную содержанку смысла.

Именно так: красота как таковая – циничная содержанка смысла.

Выражение *красота спасет мир* имеет смысл в том случае, если подразумевается мир спасет духовно совершенная личность. В противном случае знаменитое изречение также приобретает циничный оттенок.

Таким образом, красота – один из факторов экзистенциальной духовности, наряду с истиной.

Легко понять, почему на «Евгения Онегина» реагируют как на красиво сделанную вещь. Если красота является способом организации смысла, следовательно, перед нами «умная», смыслонасыщенная вещь. Говорят о феноменальном художественном совершенстве романа в стихах – подразумевают его духовную значимость.

Вместе с тем упорное подчеркивание именно бескорыстной воздушности, художественности как таковой «Евгения Онегина» свидетельствует о непонимании его культурного значения.

Если распространить закон красоты на «Евгения Онегина», то опорным становым хребтом этой эфемерно-эфирной «воздушной громады» становится его духовный каркас – духовность, непосредственно связанная с плотью и кровью человека.

Закон красоты, явленный нам в модусе «Евгения Онегина», поражает воображение настолько, что заставляет совершенно серьезно оперировать сумасшедшими аргументами Сальери:

Что пользы, если Моцарт будет жив

И новой высоты еще достигнет?

Подымет ли он тем искусство? Нет;

Оно опять падет, как он исчезнет:

Наследника нам не оставит он.

Что пользы в нем? Как некий херувим,

Он несколько занес нам песен райских.

Чтоб, возмугив бескрылое желанье

В нас, чадах праха, после улететь!

Так улетай же! чем скорей, тем лучше.

Закон красоты, рассмотренный в контексте «что пользы», «что пользы в нем», превращает закон, имеющий безграничную информационную, духовно-эстетическую природу, в закон социально значимый и социально ограниченный. Точкой отсчета здесь выступает уже не личность, но общество, точнее, человек, целиком и полностью ориентированный на общественную мораль, сурово осуждающую нравственные потребности личности. Согласно версии Сальери, искусство является служанкой общества, а уж никак не способом раскрытия духовных возможностей личности.

Думаю, Пушкин угадал и сформулировал эпохальное противоречие между возможностями искусства как духовно свободного (и, следовательно, духовно ответственного) творчества и искусства, привязанного к потребностям общества, – между законом красоты и законом неприятия красоты человеком, который не желает становиться личностью.

Хорошая литература – всегда обо всем, то есть об истине (хотя и воспринятой сквозь определенную призму). Проще говоря, о становлении личности.

Еще проще: хорошая литература – отчетливо персоноцентрична (и в этом смысле элитарна, аристократична).

В этой связи уместно затронуть самую чудесную и, соответственно, темную проблему в философии искусства: гения и таланта.

Гениальность художественная – это информационные способности творить красоту, с помощью которых удается обнаружить в человеке личность.

Гениальность – это способность фиксировать в образах мысль, то есть передавать мысль средствами, саму мысль не только порождающими, но и уничтожающими, – способность, с помощью которой удается запечатлеть редчайшее природно-социально-духовное явление, а именно: обнаружить гармоническое равновесие между психикой и сознанием, – состояние гармонии, ведущее к возникновению подлинной духовности. Гений на пике развития собственных духовных и творческих потенций способен уловить такой уникальный информационный баланс, при котором сознание, многократно усиливая свою мощь за счет резервов психики, дает возможность психике реализовать максимум своих возможностей за счет своих, «сознательных», резервов.

Чувства, которые испытывает личность, становятся «умными» (тонкими, в иной терминологии), а философский взгляд на мир предполагает наличие чувства как условия возникновения самой философии.

Феномен гения – это феномен содержания (вневременной фермент), которое способно породить исключительно выразительный феномен стиля (эфемерный эстетический ряд, передающий дух эпохи). Человеческое «здесь и сейчас» закрепляется сверхчеловеческим (личностным) «на века».

Гениальность – это дар постижения и изображения человека с позиций личности.

Остается добавить, что художественный талант – это информационные способности творить красоту, с помощью которых удается предчувствовать в человеке личность. Что касается художественных способностей, то определение их сути в контексте «гений» и «талант» видится таким: это природный информационный дар фиксировать в образах мысль (творить красоту).

Разница между способностями, с одной стороны, и талантом и гением, с другой, является не количественной, но качественной. Это феномены разной информационной природы. Способности как дар формотворчества, как некая технологическая вещь в себе переходят в умение, которое может развиваться до степеней, присутствующих таланту или гению.

Поскольку способность выражать информацию в известном смысле автономна от качества самой информации (то есть, от духовной составляющей – от первоосновы! – таланта или гения), то в принципе допустимо расхождение между информационными возможностями (способностями) субъекта и реальным содержанием его творчества, между формотворчеством и идейно-духовным содержанием – между Красотой и Истиной. Потенциально талантливый или гениальный человек может так и не раскрыть возможности своего дара в полной мере.

Гносеологическая возможность отделения способностей от таланта или гениальности является основой философского трюка, позволяющего, в частности, утвер-

ждать, что гений (читай гениальные способности) и злодейство (духовная бездарность) – две вещи совместные. Формотворчество и бессодержательность – две вещи совместные, не так ли?

Получается, что гениальность художественную можно трактовать как информационные способности, с помощью которых возможно уничтожить в человеке личность.

Если допустить, что феномен гения – это феномен формы, то так оно и есть. Проблема только в том, что говорить о феномене формы, отвлекаясь от феномена содержания, не просто нелепо, но просто невозможно. Противостоит. Противозаконно (с точки зрения законов универсума, в частности, с точки зрения закона сохранения информации). Обосновать приоритет формотворчества гносеологически невозможно. Именно поэтому феномен гения мы вынуждены трактовать, прежде всего, как феномен содержания, гуманистического содержания, не существующий, разумеется, вне категорий «способности», «форма», «красота» и т. п.

Способность и умение (дар!) творить, то есть выражаться языком образов, в гении сочетаются с даром прозревать (в значительной степени бессознательно осваивать философский уровень постижения реальности). Понятие гений неотделимо от понятия личность и уж никак не сводимо к понятию «божественное мастерство».

Совместимы ли в таком случае гений и злодейство?

Вопрос, который так мучил Сальери, превращается в риторический (каким он, собственно, и является у Пушкина: «А гений и злодейство – две вещи несовместные. Не правда ль?» – роняет гениальный Моцарт): нет, не совместимы, ибо чуткость к личностному началу исключает преступные умыслы, направленные против личности.

Если есть красота – следовательно, существует истина.

Если есть гений – следовательно, существует и личность.

Гений и злодейство – две вещи несовместные.

С. М. Антонова (Гродно, Беларусь)

АНТРОПОГЕННАЯ ПРОГРАММА ОТОЖДЕСТВИТЕЛЬНОЙ УСТРЕМЛЁННОСТИ К ИДЕАЛУ: ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ РИТОРИКА, ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ, КРЕАТИВНОСТЬ

При отсутствии спокойного, хорошо направленного систематического труда высоко одарённый наш соотечественник делает подчас меньше, чем довольно ограниченный иностранец, спокойно идущий тою колеёю, которая проторена ему доброй традицией и школой.

Н. Е. Введенский

Формирование и использование в образовательной сфере влиятельных интеллектуальных технологий, способных именоваться авангардными и несущими позитивный образ мира и человека, устремлённого к самореализации, возможно при условии использования матрицы подлинной культуры, вытесненной для большинства наших современников из моделирования мира её агрессивным антиподом – матрицей чёрной, девиантной, культуры, если «это» вообще можно назвать культурой. Поэтому, формируем ли мы позитивное мировосприятие, креативное языковое сознание, идеал человека говорящего или современную языковую личность, отвечающую всем параметрам

таковой, или находимся в поиске адекватной модели коммуникативного менеджмента для формирования моды на здоровье, говорить в любых условиях приходится, начиная с формирования собственных и собеседника представлений, об Идеале – мира и человека. Причём всегда этот разговор о духовности, культуре мысли и слова, а в конечном счёте – антропогенных технологиях формирования, образования и развития личности и человеческого сообщества, чем бы такой разговор ни начинался и к чему бы ни стремился. В противном случае он превращается в диалог глухих, если сохраняет хотя бы видимость диалога вообще. И в контексте диалога о

совершенных креативных технологиях без определения Идеала и его статуса не обойтись, как и не достичь понимания. В особенности – при осмыслении профессиональной деятельности современной языковой личности филолога, если таковое исходит из реализма мониторинга наших стандартных образовательных параметров и матриц измерения всякой языковой личности. Тем более что всякий современный наш образовательный шаг автоматически теряет свойства нашего времени и превращается во фрагмент образовательной модели, сопоставимой с моделями геной инженерии по отношению к будущему: готовим-то мы языковую личность, которой предназначено измерять будущее, наше в том числе, но ещё в большей мере – будущее Будущего, будущее Другого. То есть мы собою и своими представлениями об Идеале языковой личности сегодняшней закладываем контуры этого Другого как уникального феномена и Сообщества Других.

Понимая и осознавая это профессионально, мы должны были бы и говорим о параметрах и измерениях языковой личности, предлагаемых уникальными специалистами, постигшими не просто на уровне теории сущность и явления научного и образовательного феномена, именуемого *современная языковая личность*, но представляющими такую личность всеми уровнями в структуре собственной языковой личности. Реально же мы ежедневно имеем дело даже в своей профессиональной жизни с риторикой лжи: в мыслях одно, в слове другое, а в поступке – третье. С трудом верится, что сегодняшние системы профессионального и политического мониторинга не учитывают этого момента: законодатели в области образовательной идеологии и политики сами в грехах погрязли, и не только грехах человеческих (Бог им Судья!), но и в элементарной необразованности, насаждая тем самым антириторику или ложь как эрзац риторики и как главную образующую человека систему. И, хотя ещё с сентября 2002 года все члены правительства России и все депутаты обеспечены карманными словарями трудностей орфоэпии и акцентологии русского языка «Давайте говорить правильно!» и словарями русской фразеологии, согласное движение законодателей языка и законодателей социальной жизни воспринимается пока как беспрецедентное. Как исключение из правила. Хотя, конечно, симптоматичен вектор его и его идеологически верная интерпретация – это **экологически вынужденный шаг в сторону слабого звена**. Хочется думать, однако, что этот прагматический шаг станет ещё восприниматься и как жест символический и знаменательный для системы, текста и дискурса образования. Его ждут и ученик, и учитель, и специалист, и рядовой носитель языка, и система в целом. Правда, ждут в условиях новой прецедентности имён, событий, фактов, определяющих языковой образ современного мира и формирующих будущее языковое сознание: профессор русской филологии может позволить себе *нешто, вошем, два раза, воду*, ведущий учитель физики в физико-техническом лицее – *лаболатория*, директор школы-лицея – *наверное*; русскоговорящий белорус и украинец (и даже современный россиянин!!!) живут на изолированных глобусах – обнаруживают незнание истории Древней и Великой Руси, России, Великой Отечественной войны, её героев, событий, Ангары,

Волги, Камчатки, административно-территориальных единиц современной России, фразеологии русского языка, фольклора, сказок Пушкина, традиций русского народа, русской литературы; целая государственная образовательная система осуществляет безвекторное образование и развитие **Личности вообще**, а формирование языкового сознания – **в отрыве от ментальных основ Отечества**, в рамках **иной** концептосферы, **вне** государственной **идеологической системы**, но на базе ментальных псевдоценностей: плюрализма идей без представлений о базисных сущностях сознания, толерантности к чужому без проникновения в собственное, подмены демократии анархией, свободы слова и Дух – порнографией того и другого, вездливое изучение чужих историй, географий, языков¹, позиционирования заморских традиций и ценностей на фоне забвения собственных Героев, Подвигов, Мифов, Идеалов... Симптоматична вулгаризация ассоциативного строя нашего современного языкового сознания, в котором начинают плодиться брутальные физические характеристики самого говорения: *перетирать, молоть, Не наезжай: задавало базаром!!!* Не знай мы иных факторов, всё можно объяснить послушным нашим следованием заморским стратегиям разрушения и уничтожения нас же самих.

Хвала Создателю, нам не приходится лишь мечтать о возрождении и создании подлинных Идеалов русского языкового сознания и прецедентными языковыми личностями: наш мир одарён и озарён таковыми. **Елена Анатольевна Юнина – одна из ярчайших среди них**². Характеризуя такую личность, понимаешь, почему каждый человек – это текст. Текст, который пишется каждым словом бытия этой личности. Поэтому о прецедентных личностях следует говорить как об образовательно значимой системе знания в категориях **универсума прецедентных текстов** [1] – построенных по законам культуры и устной, и письменной речи. И рассматривать их как такие, «которые связывают данную общность в одно культурно-языковое целое, в чём и обнаруживается «кумулятивная функция языка, когда язык выступает как кладёшь культуры данного народа» [2, 88]. Связывают. Если эти же связи не разрушают. Измерить языковую личность в категориях и параметрах матрицы, предложенной Е. А. Юниной, удалось другой блистательной прецедентной языковой личности – **Александрю Ивановичу Севруку**³.

¹ В этом году только в Гродно получают университетские дипломы свыше 120 специалистов по иностранным и только по 20 с небольшим по русскому и белорусскому языкам.

² Доктор Кембриджского университета, доктор философских наук, кандидат психологических наук, кандидат филологических наук, профессор педагогики, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермского регионального института информационных технологий, автор оригинальной риторической концепции, по которой работают около 20 экспериментальных площадок Пермской области, блистательный ритор, для которого риторика стала образом жизни.

³ Математику, доктору физико-математических наук, профессору, проректору по научной работе Пермского регионального института информационных технологий, автору уникальной технологии мониторинга педагогической деятельности, позволяющей выявлять профессиональный рейтинг каждого учителя без колоссальных затрат на шоу «Учитель года», автору монографии, посвящённой мониторингу административной деятельности управляющих кадров системы образования в том числе.

В категориях риторической технологии образования и мониторинга языковой личности, разработанных и апробированных Е. А. Юниной и А. И. Севруком, современной можно назвать ту, которая соответствует шестерим параметрам: уникальность, осознанность, ответственность, диалогичность, действенность, эстетичность, определяющим современную языковую личность третьего тысячелетия и соответствующих сущностным характеристикам нашей эпохи: 1. Субъектное мировоззрение, т. е. отношение к человеку не как к объекту, а как к субъекту, обладающему рядом свойств; 2. Знание и ненарушение Законов Бытия, следствием чего является способность человека жить в согласии с собой и окружающим миром; 3. Духовно-прагматическая ориентация, что означает «душой в небеса, а ногой на земле» (диалектическое единство жизненно важных качеств, делающих человека здоровым, успешным и счастливым) [3].

Попытки всякого *Возрождения Отечества* как сообщества на основах духовных приоритетов, памяти о прецедентах и прототипах ментального и культурного единства сродни титанической креативной работе коллектива учёных, политиков и деятелей культуры под руководством доктора философских наук И. Б. Чубайса, создавшими для школ России учебный курс отечествоведения в 2004 году. Такие стратегические интеллектуальные прорывы позволяют возобладать составляющим главной и самой высокотехнологичной в силу её встроенности в ментальную память большинства сегодня живущих соотечественников наших не только в пределах наших республик, но и далеко за их рубежами. Эта технология – **риторика как образ жизни**. Высокая технологичность риторического знания сегодня уже не требует ни своего обоснования, ни демонстрации на примерах, но лишь ожидает **внедрения в повседневную практику диалога** администратора и служащего, врача и его пациента, учёного и студента, педагога и ученика, журналиста и читателя, поскольку на уровнях всех этих и иных в социометрии нашей жизни сегодня и давно уже торжествует антириторикабездуховности, сытости, нигилизма и нездоровья. Самое же страшное в этом даже не затянувшийся период этого торжества, а то, что формируется общественное сознание, порождаемое антириторикой как доминирующее и даже идеологически господствующее, процветающее и успешное, а на фоне этого торжества складывается уже второе поколение социально активных людей, не подозревающих об иных моделях человеческого и социального устройства, и языковые формы сознания, узаконивающие отклонение от нормы – девиантность во всех её версиях – в качестве нормы ментальной и социальной. Попытки смоделировать работу нашего языкового сознания при отражении феноменологии действительности речевого события (как и всей предсистемы в целом и всякого её участка или фрагмента) на основании языковой и концептуальной картин мира обращают к осмыслению когнитивной и образовательной значимости ключевых методологическими и философскими моментами современного гуманитарного знания. Образовательным интенциям и предсуппозициям формирования креативной языковой личности соответствует как сценарий **филологическая риторика** [4], обеспечивающая каждую языковую личность прецедентными воплощениями сценариев интеллектуального и духовного восхождения к

креативной мыслительной, языковой, речевой и коммуникативной компетентности. На основании этой модели школа и субъект образовательной деятельности в ней получают шанс реализовать гармонию личностного и общечеловеческого, творчества и памяти, которая заложена в слове как программа и код языкового сознания личности, национального, общечеловеческого и личностного начал.

В эпоху *инфомира*⁴ текстуализуются и нарративизируются все предсистемы и пресуппозиции бытия Мысли и Слова, мир и жизнь вокруг нас, а наши внутренние миры и их жизнь измеряются и задаются языковой картиной мира и собственно Словом на уровне феноменологических и онтологических характеристик и матричных параметров. Так, всякому учителю помогают научить японского школьника видеть мир в диапазоне 300 оттенков цветов не только прекрасные иллюстрации-идентификаторы самих этих оттенков, но и сам язык, в котором есть лексические идентификаторы этого видения, признанные *argiori* актуальными для образования языковой компетентности как части японской (и школьной в первую очередь) модели-стандарта миропонимания. Нашему же учителю, не мешающий постигать эти грани мировидения, не менее великий и могучий, язык русский не раскрывает таких своих возможностей в силу неактуализованности в образовательной нашей системе – на уровне государственного заказа и стандарта – той технологии, что во всём мире называется *здоровье берегающей* и соотносится с идеалом цельного знания.

Уже автору концепта и термина *ноосфера* не представлялся отрыв чувства от мысли вне страдания, болезни или смерти самого субъекта даже не собственно **мыслеречедеятельности**, главного вида деятельности человека как вида *Homo sapiens*, но просто *работы*. Сегодня востребованность такого образования обнаруживается прямо и косвенно, но уже в качестве единственного интеллектуального способа спасения от вымирания самой ноосферы. Отсюда бесконечная вереница «носителей» такого провидчески цельного знания «посвящённых». Но разве не учительской областью деятельности (после *Него*, конечно!) всегда были эти отбор, систематизация и интерпретация информации в синтезе целостного видения-знания мира? И разве это не есть всё ещё только журавль в небе нашего образования *человека мыслящего и говорящего*? А вот субъект образования и культуры, по мнению учёных, предстаёт в органике **мыслесловопоступка** как идеал, путь к которому одолеть может только сам субъект, ведомый прецедентами и находящийся в пути к нему. Видятся и этапы, и технология движения к спасению мыслительной компетенции языковой личности как человека говорящего: 1) преодоление аналитичности знания и приближение к идеалу цельного знания (С. Н. Булгаков); 2) виртуозное владение родным словом как первое условие материализации любви к Родине⁵; 3) воспитание и развитие чувства причастности

⁴ Это слово вошло в модель человека говорящего, представляемую в данной статье, подаренное его автору на уроке риторики первоклассниками при обсуждении источников их знания о мире. «Мой *инфомир*, – сказала одна из гимназисток, – это моя бабушка, мама, папа и младший братик. А ещё это гимназия и учителя. И телевизор – тоже мой *инфомир*, и книги. И всё вокруг». И это слово было узнано как своё всем классом.

⁵ Именно на этом параметре строится матрица современной языковой личности, технология формирования Идеала человека говорящего и мыслящего и система всех измерителей движения к Идеалу [3].

к своему роду и племени (В. И. Сухомлинский)⁶; 4) интеграция и синкретизация разумного и чувственного начал жизни, вне которых не работает живой организм (В. Вернадский)⁷; 5) внимание к культуре как антропогенному фактору (великий посыл) бескорыстного объединения (М. Л. Князева)⁸; 6) постижение культурных и духовных прецедентов всех добродетелей, запечатленных в русском Слове; 7) риторические и коммуникативные ликбезы по разоблачению манипулятивных технологий обработки сознания в государственных СМИ; 8) целевые программы по обучению навыкам распознавания манипулятивных уловок NLP и чёрных PR-технологий; 9) профессиональная помощь населению и организациям со стороны работников СМИ и высшей школы по коммуникативному менеджменту; 10) преодоление пороков репродуктивного языкового сознания и потребительского отношения к информации у школьников через общеобразовательную систему; 11) создание и популяризация сети образовательных услуг для населения по совершенствованию языковой личности, преодолению риторической необразованности и бескультурья через приобщение к речеведческим, коммуникативным дисциплинам и риторическому искусству; 12) риторизация образовательной деятельности школы через повсеместное внедрение передовых образовательных технологий (развивающее обучение, технологии опережающего развития и критического мышления, риторическая технология) как единого и универсального условия сертификации современных образовательных услуг; 13) утверждение не только всей современной системой категоризации и концептуализации теоцентрического понимания человека как феномена, адресованного всем своим земным бытием земным бытием адресован Богу – своему Творцу и главному прецеденту, 14) превращение теоцентрической концепции мироздания в реальную образовательную силу формирования научной картины мира; 15) научное обоснование (через когнитивистику, философию нового времени, психологию, коммуникативистику, лингвоперсонологию, риторику) и

⁶ «Нас, учителей очень тревожит, что некоторая часть выпускников школ плохо владеет языком. Иногда можно слышать или читать бледную, невятную, искаленную речь. Когда я слышу такую жалкую, искажённую речь, мне кажется, что в хорошем концертном зале играют на расстроенной скрипке или пытаются вырезать из дерева фигуру красавицы ржавым топором. **Язык – это своеобразное окно, через которое человек всматривается в мир, постигает жизнь.** Но что он увидит и постигнет, если его окно закопчено, опутано паутиной? Любовь к родине невозможна без любви к родному слову. Только тот может постигнуть своим сердцем и разумом красоту, величие и могущество нашей многонациональной Родины, кто дорожит родным словом. Человек, который не любит языка родной матери, которому ничего не говорит родное слово, это человек без рода и племени».

⁷ «Разум и чувство представляются мне тесно-претесно переплетённым клубком: одна нить – разум, а другая – чувство, и всегда они друг с другом соприкасаются, и, когда одна из них бодрствует, а другая спит, когда в этом клубке рядом мёртвое и живое, разве может быть сила, разве может быть какая-нибудь работа?».

⁸ «Для того, чтобы культура двинулась в рост, она должна найти новый вариант ответа на извечный вопрос жизни: преодоления человеческого одиночества, найти новую версию соединения людей. Культура даёт формы для реализации заложённой в человеке **генной программы отождествительного слияния**. Я – как ты, мы вместе, мы – римляне, мы американцы, мы – советские люди, мы – земляне. То есть культура развивается на великом посыле бескорыстного объединения» [5].

сакрализация духовности и устремлённости человека к идеалу гармонии с миром как единственно возможного пути человека не только к постижению тайны мироздания, но и к Истине, Добру, Красоте лишь на условиях самозабвенного подвижнического служения Творцу.

Образовательной идее формировать человека, востребованного в интеллектуальной и духовной ипостасях как актуализации всей личности не на день нынешний только, но в проекции всего её миробытия, все возрасты покорны. Поэтому строки Марии Терезы, выгравированные на стенах Дома, подаренной Марией Терезой обездоленным детям Калькутты, помогают преодолеть дисгармонию между устремлённостью каждого человека к Идеалу Мира, Добра, Красоты, Истины, Пользы, Свободы и Блага и несовершенством мира и установить креативное понимание отечественного риторического Идеала, когда я общаюсь с любой аудиторией и прошу выстроить её представления об идеале человека говорящего:

*Отдавай миру всё лучшее, что у тебя есть,
и этого всё равно будет всегда недостаточно.*

В любом случае, отдавай миру всё лучшее, что имеешь.

*И в конечном счёте ты поймёшь, что всё это происходило
между тобой и Богом.*

И никогда не было отношениями между тобой и людьми.

Эти слова – об изначальной и непреходящей адресованности всего человеческого существования, подобной адресованности нашего слова. Это интертекст (он «встретил» тексты мысли, слова, поступка и действительности во всех формах их бытия, сущности и явления), выражающий смысл подвижнического учительского служения образованию *Другого*. С ним сопоставим по Истинности разве что Текст-Судьба учителя, который учит не только жить, но и умирать, разделяя с учениками их последний: Путь Януша Корчака, героя повести В. Быкова «Обелиск», Учителей Беслана... Они мимотворяют и обращают к поиску собственного Пути к Идеалу, вдохновляют к самозабвенному, каждодневному и неотвратимому движению по этому Пути... к себе самому.

Идея альтруизма и подвижничества движет бытием образования и самим миром, но сегодня как будто вытеснена на обочину идеей самоценности просто жизни биологической и приоритета материальных измерений благополучия, процветания и счастья. Но и сегодня любовь правит миром, что очень хорошо воспринимают дети, подростки и молодые люди: за неё и готовы, и отдают жизнь, делая её идентификатором Души и Творца. Учить любить можно и нужно. На человеческих образцах вернейшего служения Долгу и Любви. На формировании активного отношения к поруганию любимого. На создании проектов спасения мира от насилия, лжи, не любви. Наши школьные городские фестивали риторики (их в Гродно уже было пять), участие студентов ГрГУ, заинтересованных в личностном и профессиональном саморазвитии, в пяти Московских «Форумах молодых PR-специалистов»⁹ и четырёх PR-фестивалях в ЛЭТИ в Санкт-Петербурге¹⁰, уроки риторики и коммуникативные практикумы студентов, бакалавров и магистрантов

⁹ На их счету более 20 дипломов и грамот победителей и участников, около 40 образовательных сертификатов.

¹⁰ Это чуть меньшее число наград и свидетельств.

убеждают в том, что путь к гармонизирующему полифоническому диалогу и собственному слову о мире лежит **через креативную риторическую технологию** причащения к кладезю Отчественной духовности, опыт сопереживания чужого горя, воплощённые в собственных влиятельных текстах. В активе школьников и студентов опыт моделирующей мыслительной деятельности на уровне Идеала и Мечты, последующего словесного воплощения замысла, успешного предъявления результата риторической деятельности в практике связей с общественностью и экспертизы их деяния прецедентными личностями. Предметами риторического миромоделирования для них были PR-проекты белорусской национальной идеи, образа чиновника, армии, обращения молодёжи к чтению, трудоустройства молодого специалиста, высшего образования для лиц с ограниченными физическими возможностями (университет имени Маресьева), деинституализации сиротских учреждений Беларуси, здорового питания детей... Сегодня креативные языковые личности Гродненщины из числа современных студентов и будущих молодых специалистов в области филологии и коммуникации трудятся над моделью международного симпозиума молодёжных PR инициатив, на который стремятся попасть их единомышленники из Украины, России, Польши и Литвы.

Литература

1. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – С. 216.
2. Иванова, С. В. Культурологический аспект языковых единиц / С. В. Иванова. Изд-е Башкирск. ун-та. – Уфа, 2002. – 116 с.
3. Севрук, А. И. Современная языковая личность: параметры и измерения / А. И. Севрук, Е. А. Юнина / Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: материалы VII Междунар. науч. конф., Гродно, 14-15 апр. 2000 г. / Гродн. гос. ун-т; отв. ред. А. В. Никитевич. – Гродно, 2000. – С. 370-375.
4. Антонова, С. М. Риторическая компонента в современном образовательном дискурсе языковой личности / Новітня філологія. – № 12 (32). – Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2009. – С. 6-56.
5. Князева, М. Л. Кризис. Чёрная культура. Светлый человек / М. Л. Князева. – М.: Издательство Академии Наук и Искусств XXI века «Норма», 1999 г. – 32 с.
6. Антонова, С. М. Литературно-образовательно-познавательный альманах: модель и технология формирования креативной языковой личности / III Всероссийская научно-практическая конференция «Медиаобразование в развитии науки, культуры, образования и средств массовой коммуникации»: материалы выступлений (Россия, г. Томск, Сибирская ассоциация медиаобразования, Томский институт информационных технологий, Томский государственный университет, Томский институт повышения квалификации работников образования, 3-6 декабря 2009 г.). – Томск, 2009. – С. 213-222.

П. Е. Ахраменко (Мозырь, Беларусь)

БЕЗЛИЧНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

Одной из форм отражения культуры общества является язык, содержание языковых компонентов показывает всю многогранность общественного исторического достояния. Через язык можно постигнуть как особенности национальной культуры, так и попытаться проникнуть в образ мышления конкретного человека, индивида, попытаться увидеть окружающее его глазами.

Язык и культура автономны, но в то же время они соотношены с мышлением и через эту связь соединены друг с другом.

Культурный опыт, закреплён в языке в виде понятий, концептов, передаваемых посредством языка. Они помогают вывить систему ценностей, установок и традиций воспитания, присущих носителям языка. Кубрякова Е. С. отмечает, что под концептом понимается не только "оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике", но и единица универсального "синтаксиса человеческих мыслей" [1]. Таким образом, единицами, отражающими

Для нашего региона и условий изучения русского языка, позволяющий осуществлять влиятельную образовательную политику в сфере языкового сознания и его отечественной культуры, актуален ещё и формируемый нами текстуализованный бренд – литературно-образовательно-познавательное издание, творимое совместными усилиями и словами учителей, учёных, учеников и студентов – альманах «Рьди» [6]. Информационная, культурная и образовательная ниши такого альманаха не заняты на всём постсоветском пространстве, что делает такое издание имиджевым уникальным беспрецедентным опытом совместной деятельности коллег и соратников России и Беларуси, ведущих поиск прецедентов и авангардных технологий формирования моды на здоровье и популяризации здорового образа жизни тела и духа нашего современника. В здоровом теле всегда отыскивался здоровый дух. И это означает только то, что приоритеты духовного здоровья, культивированные в нашем общем Отечестве всегда, сегодня, соединённые с новыми возможностями ментального управления всеми субстанциями человека (физическим телом, биополем, эмоциональной сферой, интеллектом, словом, телом причины и телом Творца), открывают реалистичный путь возрождения наших народов и достойной жизни каждого человека в пространстве наших стран, а не за их пределами.

отношение к миру, могут выступать не только лексические, но и синтаксические единицы.

А. Вежбицкая отмечает, что ключевыми лингвистическими концептами русского языка являются эмоциональность, иррациональность, неагентивность, любовь к морали [2, с. 33]. Эти значения в синтаксическом строе русского языка передаются посредством безличных конструкций, которые в силу своей «безличной природы» и в соответствии со своей семантикой актуализируют неконтролируемость эмоций, действий, состояний. Даже более – позволяют через контекст показывать характер, раскрывать особенности личности воспитанца, манеру поведения. Так, через безличные конструкции можно увидеть такие особенности поведения человека, как аутизм, инфантильность и даже мазохизм. С. Л. Рубинштейн отмечал, что «речь выполняет свою функцию сообщения на основе ее смысловой, семантической, обобщающей функции» [3, с. 231]. Эти обобщения и находят свое выражение в тексте, который «поделается как языковая ткань произведения – результат творческого процесса, его порождение» [4, с. 8].

Это можно проследить на примере рассказа А. П. Чехова «Княгиня».

Главная героиня рассказа, Вера Гавриловна, любила бывать в N-ском монастыре. Здесь ее все «трогало, умиляло и располагало к созерцанию и хорошим мыслям». Это место располагало для того, чтобы ей все начинало казаться призрачным, невесомым, добродетельным, но именно казаться. Безличную конструкцию со сказуемым в форме «казаться» А. П. Чехов использует на протяжении всего рассказа. Причем, соседство данной синтаксической единицы с двусоставными предложениями позволяет представить как нечто кажущееся, иллюзорное и посредством самих двусоставных построений: *Достаточно ей было побывать в покоех полчаса, как ей начинало казаться, что она робка и скромна, что и от нее пахнет кипарисом; прошлое уходило куда-то вдаль, теряло свою цену, и княгиня начинала думать, что, не смотря на свои двадцать девять лет, она очень похожа на старого архимандрита и так же как он, рождена не для богатства, не для земного величия и любви, а для жизни тихой, скрытой от мира, сумеречной, как покой...* [5, с. 265]

Безличность, отраженная в рассказе, является основой для построения рассказа в форме кольцевой композиции: сначала сладкое, кажущееся, иллюзорное восприятие действительности – затем жестокий мир реальности, переданный в словах доктора – и в конце опять возвращение к своему счастливому состоянию.

Первая часть – сладкое иллюзорное восприятие действительности – обозначается безличными предложениями со сказуемым «казалось», что позволяет выдавать главной героине желаемое за действительное: *Княгине казалось, что она принесла с собой извне точно такое же утешение, как луч или птичка. Ее приветливая, веселая улыбка, кроткий взгляд, голос, шутки, вообще вся она, маленькая, хорошо сложенная, одетая в простое черное платье, своим появлением должна была возбудить в простых суровых людях чувство умиления и радости.* [5, с. 265] Причем, форма «казалось» употребляется не только в безличных, но и в формально двусоставных предложениях: *От монастырского цветника повеяло на княгиню душистой влагой только что политой резеды, из церкви донеслось тихое пение мужских голосов, которое издали казалось очень приятным и грустным.* [5, с. 266]

Мечтательность желания героини приводит ее к меланхолическому состоянию, которое описывается безличными предложениями со значением желательности. Это обозначается в форме безличных предложений как с составным глагольным сказуемым, так и в форме безличных предложений с составным именным сказуемым: *В темных окнах, где кротко мерцали лампадные огоньки, в тених, в фигуре старика монаха, сидевшего на перти около образа с кружкой, было написано столько безмятежного покоя, что княгине почему-то захотелось плакать...* [5, с. 266]

Безличные с именным сказуемым в форме слова категории состояния обозначают томную, несбыточную желательность. Слово категории состояния выражается сослагательной формой «хорошо бы». Следует отметить, что в небольшом десятистраничном рассказе целый большой абзац текста с размышлениями и мечтаниями героини построен таким образом. И только в последнем предложении абзаца не употребляется слово категории состояния «хорошо» – формально предложение становится инфинитивным, но это только формально. На самом деле слово категории состояния «хорошо»

имплицитно наличествует у нас в подсознании: *Она думала о том, что хорошо бы поселиться на всю жизнь в этом монастыре, где жизнь тиха и безмятежна, как летний вечер: хорошо бы позабыть совсем о неблагоприятном, распутном князе, о своем громадном состоянии, о кредиторах, которые беспокоят ее каждый день, о своих несчастьях, о горничной Даше, у которой сегодня утром было дерзкое выражение лица. Хорошо бы всю жизнь сидеть здесь на скамье и сквозь стволы берез смотреть, как внизу под горой ключьями бродит вечерний туман, как далеко-далеко над лесом черным облаком, похожим на вуаль, летят на ночлег грачи, как два послушника – один верхом на пегой лошади, другой пешком – гонят лошадей на ночное и, обрадовавшись свободе, шалют, как малые дети; их молодые голоса звонко раздаются в неподвижном воздухе и можно разобрать каждое слово. Хорошо сидеть и прислушиваться к тишине: то ветер подует и тронет верхушки берез, то лягушка зашепестит в прошлогодней траве, то за стеною колокольные часы пробьют четверть... Сидеть бы неподвижно, слушать и думать, думать, думать... [5, с. 266].*

Первая композиционная часть могла бы и завершиться безличным предложением со значением желательности, причем, в конце предложения стоит многообразие, следовательно, мечтания могли бы и продолжаться. Но им нет предела, и поэтому, чтобы поставить точку над нескончаемыми и несбыточными мечтаниями, последнее предложение первой композиционной части начинается с противительного союза «но» в двусоставном предложении: *Мимо прошла старуха с котомкой. Княгиня подумала, что хорошо бы остановить эту старуху и сказать ей что-нибудь ласковое, задушевное, показать ей... Но старуха ни разу не оглянулась и повернула за угол.* [5, с. 266]

Вторая часть кардинально отличается по лексической наполняемости безличных предложений от первой части. В ней наличествуют такие лексемы, как страшно, стыдно, обидно и подобные. Она начинается встречей княгини с доктором Михаилом Ивановичем, имя которого упоминается лишь один раз, а в других случаях он именуется просто доктор.

Такой прием используется для того, чтобы Михаил Иванович, прежде всего, выглядел не просто доктором человеческого тела, а доктором человеческих душ. У княгини прекрасное мечтательное настроение, но на ее «приветливую и кроткую улыбку» доктор «отвечает холодно и сухо», как и подобает настоящему беспристрастному доктору человеческих душ. И вот здесь впервые состояние души княгини меняется от мечтательности к непониманию и даже страху, что также выражается формой безличных единиц, отражающих ее состояние. Ей *«страшно оглянуться назад: сколько перемен, несчастий разных, сколько ошибок!»* [5, с. 267] Но ее мысли предельно направлены лишь на ее саму, она ни о чем другом и ни о ком другом не может и не хочет ни думать, ни слушать и поэтому немного смутилась лишь потому, что сама *«она знала свои ошибки; все они были до такой степени интимны, что только одна она могла думать и говорить о них».* [5, с. 268]

В речи доктора, обличающей в несправедном поведении и несправедливости княгиню, преобладают двусоставные предложения. Но состояния своей души он передает с помощью безличных. Он корит ее за «нелюбовь и отвращение к людям», за то что *«молодых медиков, агрономов, учителей, вообще интеллигентных работни-*

ков, боже мой, отрывают от дела, от честного труда и заставляют из-за куска хлеба участвовать в разных кукольных комедиях, от которых стыдно делается всякому порядочному человеку!» [5, с. 269]

Безличные предложения со значением слухового восприятия и со сказуемым, в котором глагольная связка употребляется постоянно с частицей «не», функционируют в качестве придаточной части цели: *У всех дверей на лестницах стоят сытые грубые и ленивые гайдуки в ливреях, чтоб не пускать в дом неприлично одетых людей; в передней стоят стулья с высокими спинками, чтоб во время балов и приемов лакеи не пачкали затылками обоев на стенах; во всех комнатах шершавые ковры, чтоб не было слышно человеческих шагов; каждого входящего обязательно предупреждают, чтобы он говорил потише и поменьше и чтоб не говорил того, что может дурно повлиять на воображение и нервы.* [5, с. 268].

Отрицанием, в том числе с использованием безличных предложений со значением отрицания со сказуемым «нет» в нулевой форме, но которое восстанавливается из контекста, пронизана вся гневная речь доктора: *То есть я хочу сказать, что вы глядите на всех людей по-наполеоновски, как на мясо для пушек. Но у Наполеона была хоть какая-нибудь идея, а у вас, кроме отвращения, ничего!* [5, с. 269] Употребляются в его речи и безличные со значением необходимости, но необходимость-то, поскольку речь обличительная, оказывается либо ничтожной, либо ненужной для выполнения: *Этак раза два в неделю, вечером, скажут тридцать пять тысяч курьеров и объявляют, что завтра княгиня, то есть вы, будет в приюте. Это значит, что завтра нужно бросать больных, одеваться и ехать на парад.* [5, с. 270]

Княгиня еще ничего не хочет понимать, ей по-прежнему лишь все представляется, кажется: *Никогда раньше с нею не говорили таким тоном. Неприятный сердитый голос доктора и его неуклюжая, заикающаяся речь производили в ее ушах и голове резкий, стучающий шум, потом же ей стало казаться, что жестикулирующий доктор бьет ее своею шляпой по голове.* [5, с. 269]

В авторских словах используются безличные со значением восприятия возможности и отрицания наличия чего-либо: *Доктор захохотал басом и махнул рукой... Смеялся он тяжело, резко, с крепко стиснутыми зубами, как смеются недобрые люди, и по его голосу, лицу и блестящим, немножко наглым глазам можно было понять, что он глубоко презирал и княгиню, и приют, и старух. Во всем, что он так неумело и грубо рассказал, не было ничего смешного и веселого, но хохотал он с удовольствием и даже с радостью.* [5, с. 271]

И даже теперь княгине лишь все еще представляется, что доктор бьет ее шляпой по голове, и «все еще ей казалось», хотя она уже и предельно растеряна: *У княгини страшно билось сердце, в ушах у нее стучало, и все еще ей казалось, что доктор долбит ее своей шляпой по голове. Доктор говорил быстро, горячо и некрасиво, с заиканьем и с излишней жестикуляцией; для нее было*

только понятно, что с нею говорит грубый, невоспитанный, злой, неблагодарный человек, но чего он хочет от нее и о чем говорит – она не понимала. [5, с. 272]

После этого у главной героини наступает период душевной инфантильности, переходящей в мазохизм: *Она чувствовала себя обиженной и плакала, и ей казалось, что и деревья, и звезды, и летучие мыши жалеют ее; и часы пробили только для того, чтобы посочувствовать ей. Она плакала и думала о том, что хорошо бы ей на всю жизнь уйти в монастырь: в тихие летние вечера она гуляла бы одиноко по аллеям, обиженная, оскорбленная, не понятая людьми, и только один бог да звездное небо видели слезы страдальцы. В церкви еще продолжалась всенощная. Княгиня остановилась и прислушалась к пению; как хорошо это пение звучало в неподвижном, темном воздухе! Как сладко под это пение плакать и страдать!* [5, с. 274].

Перед сном она опять занимается самобичеванием. Она представляет, как она будет разорена и ее все покинут, начнут говорить грубости, будут злословить, смеяться, а она *«уйдет в монастырь, и никому ни одного слова упрека; она будет молиться за врагов своих, и тогда все поймут ее, придут к ней просить прощения, но уж будет поздно...»* [5, с. 274] С этими мыслями княгиня заснула.

Третья композиционная часть пронизана опять светлыми тонами, что передается соответствующей лексической наполняемостью безличных предложений.

Когда она проснулась, было уже половина десятого, «яркая полоса света от луча шла из окна». *«Рано!» – подумала княгиня и закрыла глаза.* [5, с. 274] Этим «рано», как нам видится, сказано через восприятие героини и то, что не нужно никуда спешить, и то, что все нормально, и то, что она может себе позволить еще послать. Окончательно проснувшись *«она улыбнулась и подумала, что если бы эти люди сумели проникнуть в ее душу и понять ее, то все они были бы у ее ног...»* [5, с. 274] Это, в принципе, так и получилось, когда ее позднее провожали: *Ее приятно удивило, что вместе с монахами у крыльца находился и доктор [5, с. 275], которому княгиня улыбнулась и протянула к его губам руку.*

И опять у княгини прекрасное настроение, ей всё в радость, она порхает: *На душе у нее было весело, ясно и тепло, и сама она чувствовала, что ее улыбка необыкновенно ласкова и мягка. Она думала о том, что нет выше наслаждения, как всюду носить с собою теплоту, свет радости прощать обиды и приветливо улыбаться врагам.* [5, с. 275]

Наступает обычное для нее, невесомое, счастливое состояние, когда ей опять лишь все кажется: *Встречные мужики кланялись ей, коляска мягко шуршала, из-под колес валили облака пыли, уносимые ветром на золотистую рожь, и княгине казалось, что ее тело качается не на подушках коляски, а на облаках, и что сама она похожа на легкое, прозрачное облачко... Как я счастлива! – шептала она!* [5, с. 275]

Так через безличные единицы отражается внутренний мир человека.

Литература

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1997.
3. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1946. Цит. по изд.: Р. М. Фрумкина Психолингвистика. – М., 2001.
4. Львов, М. Р. Основы теории речи / М. Р. Львов. – М., 2002.
5. Чехов, А. П. Собрание сочинений: в 8 т. / А. П. Чехов. Рассказы, повести, статьи и фельетоны 1887-1891 гг. – М., 1970. – 4 т.

КОММУНИКАТИВНО-АССОЦИАТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СИМВОЛИЧЕСКИ-ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ

1. Символически-языковая коммуникативная логика

Информационной единицей языкового мышления и речевого общения человека является слово. Слово называет представителя либо видимого материального мира, либо невидимого рационального мира, либо невидимого духовного мира.

Языковая логика мышления – это процесс коммуникативного слияния на втором сигнальном уровне слов в словосочетания, словосочетаний в предложения, предложений в суждения. Коммуникативное слияние слов в словосочетания осуществляется по признаковой схеме первого сигнального уровня, словосочетаний в предложения осуществляется по ситуативно-признаковой схеме первого сигнального уровня, предложений в суждения по ситуативной схеме первого сигнального уровня.

Коммуникативное слияние словосочетаний в предложения, предложений в суждения осуществляется по второму сигнальным и первого сигнальным атрибутам информационной потребности человека. Полученные в результате коммуникативного слияния предложение или суждение является реализацией информационной потребности.

1.1. Сущностноориентированный словарь.

Пусть S – орфографический словарь, где $S = \{S_i\}$, S_i – морфологическое слово. Слово S_i называет признак Q_{ij} представителя M_{ij} из множества M_i , где $M_i = \{M_{ij}\}$. Обозначим лексическое значение слова S_i через $\{M_{ij}, Q_{ij}, S_i\}$. Связь лексических значений слов $\{S_i\}$ с элементами множества M_i зададим совокупностью признаковых отношений Q_i , где $Q_i = \{Q_{ij}, (M_i, M_{ij})\}$.

Множество лексических значений связанных совокупностью признаковых отношений с представителями является сущностноориентированным словарем. Слова в словаре снабжаются признаковыми индексами соответственно их признаковым отношениям с представителями. Сущностноориентированный словарь фиксирует признаковые сущности представителей. Словарь помогает употреблять слова со своим лексическим значением и различать представителей, которых они называют.

Слова употребляются ориентированно на основе признаковых индексов. Каждый признак имеет три индекса. Один индекс указывает на предметную область знаний, второй на ситуацию, третий на ситуативный момент. Слова с несколькими лексическими значениями, имеют несколько наборов индексов. Каждый набор индексов определяет лексическое значение слова.

1.2. Признаки и грамматические виды

Представители реалии или абстракта имеют признаки изменения, пространства, объекта, субъекта, действия, качества, количества и т.д. Они выражаются в языке словами соответственно определенным грамматическим правилам.

Определение 1. Грамматическая характеристика множества слов категории признаков, морфологическое значение которых формируется по общим правилам грамматики, называется грамматическим видом.

Существительное, прилагательное, глагол, наречие, местоимение, причастие, числительное, деепричастие и междометие являются грамматическими видами русского языка.

1.3. Информационное семейство

Слова, которые образованы в языке от слова с главным значением, являются родственными. Для образова-

ния родственных слов служит приставка перед главным словом и суффикс после основы главного слова. От суффикса зависят окончания.

Определение 2. Множество слов одного грамматического вида, родственных слову с главным значением, называется информационным родом.

Определение 3. Два рода разного грамматического вида называются родственными, если их слова с главными значениями родственные.

Определение 4. Множество родственных информационных родов называется семейством.

В семействе содержатся родственные слова разных грамматических видов. В семействах родственные слова упорядочены по видам и внутри вида.

1.4. Информационное сообщество

Определение 5. Множество слов, образующих словосочетания с заданным, называется его информационным сообществом.

Количество представителей сообщества слова определяет его смысловую интенсивность.

1.5. Коммуникация словосочетаний в предложениях

Теорема 1. Любое предложение можно сформировать по его синтаксической структуре из необходимого и достаточного набора словосочетаний путем морфологического, синтаксического и семантического их анализа и слияния.

1.6. Коммуникация предложений в суждениях

Определение 6. Родственно сливаемые по содержанию предложения через словоформы семейств и ассоциативно сливаемые по содержанию предложения называем элементарным ассоциативным суждением.

Определение 7. Последовательность предложений $P_1, \dots, P_n$ называется ассоциативным суждением, если для всех i, P_i, P_{i+1} есть элементарное ассоциативное суждение.

Теорема 2. Любое элементарное ассоциативное суждение S_0 можно сформировать по его синтаксической структуре SS из необходимых ситуативно-валентных предложений путем морфологического, синтаксического и семантического их анализа и слияния.

Теорема 3. Любое ассоциативное суждение S_0 можно сформировать по его синтаксической структуре SS из необходимых элементарных ассоциативных суждений путем морфологического, синтаксического и семантического их анализа и слияния.

1.7. Предметные области знаний

Предметные области знаний представляют собой сети ассоциативно связанных информационных потребностей и их реализаций из коммуникативно связанных символических языковых элементов (информационных следов коммуникативно-ассоциативного символически-языкового мышления). Реализация информационной потребности может быть сама информационной потребностью. Тогда ассоциативная ей сеть коммуникативно связанных элементов будет ее реализацией. Комбинированные информационные потребности состоят либо из вложенных информационных потребностей предметной области знаний, либо из последовательности информационных потребностей, либо из последовательности вложенных информационных потребностей. Комбинированные информационные потребности состоят либо из простых, либо из простых и комбинированных, либо из комбинированных. Информационные потребности предметной области знаний образуют комбинационно расширяемую сеть.

Совокупность элементов знаний с разметкой является базой знаний. Повелительное или вопросительное предложение базы знаний является информационной потребностью. Совокупность процедур реализации информационной потребности является базой умений.

Согласно теоремам 1-3, информационная потребность имеет реализацию в базе знаний и базе умений, если существует необходимый и достаточный набор элементов знаний в базе знаний и процедур реализации в базе умений.

Для информационной потребности, являющейся комбинацией информационных потребностей, для которых имеется реализация, существует необходимый и достаточный набор элементов знаний в базе знаний и процедур реализации в базе умений. Соответствующая комбинация необходимого и достаточного набора имеющихся реализаций будет реализацией комбинированной информационной потребности. Символически-языковая коммуникативная логика связывает реализуемые информационные потребности, то есть истинные.

Пусть заданы CS – сущностноориентированный словарь предметной области знаний;

BIP – базовые информационные потребности предметной области знаний, составленные из слов словаря CS. Базовая информационная потребность является либо вопросным, либо повелительным предложением;

RBIP – реализации базовых информационных потребностей;

PKIP – правила комбинирования информационных потребностей из базовых.

KKASRIP – конструктор коммуникативно-ассоциативной сети реализаций информационных потребностей пользователя;

KASRIP(b) – коммуникативно-ассоциативная сеть реализаций базовых информационных потребностей предметной области знаний.

Пусть пользователем задана IP(i), составленная по правилам PKIP. Применим к ней конструктор KKASRIP. Получим KASRIP(i) расширение сети KASRIP(b) с реализацией IP(i).

Реализация вопросной информационной потребности в коммуникативно-ассоциативной сети предметной области знаний осуществляется следующим образом. Пусть предложение P1 с разметкой является вопросной информационной потребностью с ситуативно-признаковой схемой SP1 из ситуативной схемы S1. Вопросное слово в предложении P1 к неопisanному признаку Q1 лексического значения LZ1 информационной ниши ИН1.

Нужно найти в коммуникативно-ассоциативной сети предметной области знаний предложение P2 содержащее словосочетания и лексические значения предложения P1 и лексическое значение LZ2, являющееся описанием признака Q1.

Процедура реализации строит по предложению P1 шаблон P2Ш с неопisanным признаком Q1 предложения P2. По шаблону P2Ш, его разметке, SP1, S1 процедура реализации ищет предложение P2 в сети коммуникативных словосочетаний предметной области знаний с помощью процедур морфологического, синтаксического и семантического анализа. Найденное предложение P2 будет реализацией.

Повелительная информационная потребность заменяется эквивалентной вопросной информационной потребностью.

Вывод показывает, что символически-языковая коммуникативная логика алгоритмически разрешима.

2. Модель символически-мыслящего робота

Символически-языковая коммуникативная логика позволяет создать модель символически-мыслящего робота.

Информационной единицей общения между роботом и собеседником является информационная потребность либо речевая, либо письменная на естественном функциональном языке [2]. Собеседник использует информационные потребности, которые содержатся в базе знаний робота. Он общается с роботом с помощью комбинаций имеющихся информационных потребностей, обогащая, тем самым, робота новыми информационными потребностями и их реализациями. Базовые информационные потребности и их реализации робот получает во время его обучения.

Система реализации информационной потребности использует сущностноориентированные словари предметных областей базы знаний, процедуры анализа, слияния (синтеза) и расщепления из базы умений, а также сеть поэлементной реализации информационных потребностей. Робот реализует информационную потребность, если база знаний содержит необходимый набор элементов знаний, база умений содержит необходимый набор элементов реализации.

Имитация символического языкового мышления осуществляется на основе символически-языковой коммуникативной логики над символическими языковыми элементами знаний предметных областей. Предметные области знаний представляют сети коммуникативно и ассоциативно связанных символических языковых элементов с ситуативно-признаковой и языковой разметкой.

Определение 8. Сеть $G(Xt, \Gamma t, Vt)$ является концептуальным представлением знаний, если $Xt = X_1^1 U X_2^2 U X_3^3$, где X_1^1 – множество вершин суждений с ситуативной и языковой разметкой, X_2^2 – множество вершин предложений, имеющих языковую и ситуативно-признаковую разметку: {лексическое значение, вид}, {признак, ниша}, X_3^3 – множество вершин словосочетаний с признаковой и языковой разметкой, Vt – множество коммуникативных связей элементов множества Xt , Γt – множество ассоциативных связей элементов множества Xt , t – дискретные моменты появления новых элементов знаний, признак – признак представителя реалии указывающий на смысловое употребление слова в речи и письменно, вид – грамматическая характеристика множества слов, морфологическое значение которых формируется по общим правилам грамматики, ниша – единое ситуативное использование множества слов различных видов в различных синтаксических структурах предложений (ниша может быть субъектно-объектной, процессуальной, обстоятельством, определительной, дополнительной).

Ассоциативные связи соединяют вершины, которые являются информационной потребностью и ее реализацией. Коммуникативные связи исходят из вершин коммуникативных элементов знаний в общую вершину.

Реализации информационной потребности формируются процедурами семантического синтаксического и морфологического анализа, слияния и расщепления элементов информационной потребности пользователя, слов сущностноориентированного словаря и элементов знаний предметной области и процедурами реализации информационных действий информационной потребности. Процедуры содержатся в базе умений.

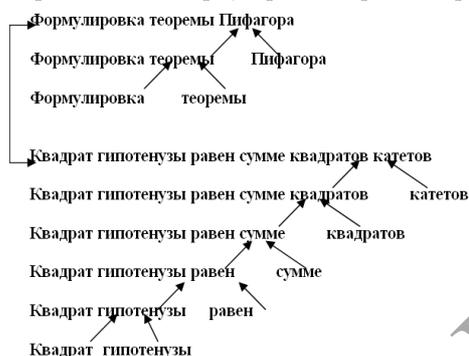
Робот имитирует подражательное мышление. По новым информационным потребностям робот выдает версию реализации, если у него достаточно имеющихся коммуникативных и ассоциативных элементов знаний и процедур реализации.

2.1. Реализация информационной потребности

По информационной потребности пользователя ищется ее реализация в сети коммуникативных и ассоциативных символических элементов предметной области.

Например, пусть задана повелительная информационная потребность «Сформулировать теорему Пифагора». По лексическому значению слова «формулировка» находим через сущностноориентированный словарь представительное словосочетание «формулировка теоремы» в сети предметной области знаний, указанной в разметке информационной потребности. Затем по дереву коммуникативных словосочетаний с лексическими значениями информационной потребности путем их синтеза добираемся до ассоциативной вершины «формулировка теоремы Пифагора». Далее по ассоциативной связи от ассоциативной вершины информационной потребности переходим к ассоциативной вершине реализации «квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов».

Реализация информационной потребности может сама быть информационной потребностью. В этом случае по коммуникативному дереву лексических значений формулировки теоремы путем их синтеза добираемся до ассоциативной вершины. Затем по ассоциативной связи определяем реализацию «Формулировка теоремы Пифагора».

Если информационная потребность или реализация информационной потребности содержит информационное

действие, тогда запускается типовая процедура реализации. В разметке информационного действия указывается ссылка на процедуру реализации.

Например, пусть задана повелительная информационная потребность «найти сумму X плюс Y , при X равно 15, Y равно 10». « X равно 15, Y равно 10» является информационным условием. Коммуникативные словосочетания « X равно» и «равно 15» в информационном условии информационного действия «плюс» инициирует замену X на 15. По информационному условию « X равно 15, Y равно 10» произойдет замена X на 15, а Y на 10 в типовой реализации информационной потребности. Лексическое значение информационного действия «плюс» в сущностноориентированном символическом языковом словаре содержит ссылку на аналитический знак «+» в аналитическом сущностноориентированном словаре. Знак «+» в аналитическом сущностноориентированном словаре имеет ссылку на типовую процедуру сложения двух аргументов.

Робот с символически-языковым коммуникативно-ассоциативным моделированием подражательного мышления, адаптивным поведением, имеющим дистанционную связь с человеком, способен выполнять поручения человека во многих сферах жизнедеятельности.

Литература

1. Брындин Е. Г. Природа информационной деятельности. – Новосибирск: Издатель (Наука. Сибирское отд-ние), 2001. – 80 с.
2. Брындин Е. Г. Взаимодействие символически-мыслящего робота с человеком и внешней средой / Жур. № 6 «Информационные технологии». – Москва, 2004. – С. 2-8.
3. Брындин Е. Г. Символически-языковая коммуникативно-ассоциативная технология подражательного мышления // Сб. трудов 4-ой Междунар. науч.-практ. конф. «Высокие технологии, фундаментальные и прикладные исследования, образование». – СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. – Т. 11. – С. 442-444

Н. А. Илюхина (Самара, Россия)

РОЛЬ ТЕКСТА В ИЗУЧЕНИИ ГЕНЕЗИСА ОБРАЗНОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА

Концептология, провозгласившая комплексный подход к изучению объекта (концепта), опирается на принципиально разные источники, среди них – материалы словарей, тексты и данные ассоциативного эксперимента, которые в совокупности обеспечивают объемное видение объекта.

Остановимся на роли текста как среды речевого функционирования концепта, в которой эксплицируются многие его стороны, значимые для его теоретической интерпретации. Именно в тексте во всей полноте эксплицируется структура концепта (как содержательная, так и вербальная), обнажаются закономерности его воспроизведения в разных типах дискурса, системные связи с другими концептами, характерные для языковой и ментальной картин мира. Остановимся на роли текста в выявлении генезиса

ключевых метафор, концептуализирующих знания о реалии и входящих в структуру соответствующего концепта в качестве образного компонента.

В работах по когнитивной лингвистике по-разному моделируется структура концепта: состав элементов и их иерархия. Но при всех различиях в его структуре обычно выделяются – в разном терминологическом обозначении – понятийная и образная составляющие, которые в разных концепциях находятся в неодинаковых иерархических отношениях. Так, С. Г. Воркачев выделяет понятийную составляющую (отражающую его признаковую и дефиниционную структуру в виде абстрактного слоя), образную составляющую (когнитивные метафоры, концептуализирующие знание о денотате) и значимостную составляющую [1]. В концепции З. Д. Поповой и И. А. Стернина концепт, представлен-

ный в логике поля, структурируется на ядро (наглядно-чувственный образ) и периферию (абстрактный компонент) [2, 38]. В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин в структуре лингвокультурного концепта выделяют ценностный, фактуальный (понятийный) и образный элементы [3, 19].

Под образным элементом понимаются неодинаковые феномены: в одних случаях эмпирический (чувственно-наглядный) образ реалии, знания о которой аккумулирует концепт, в другом – метафорические образы, концептуализирующие эти знания. В концепции В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина образный элемент объединяет обе названные составляющие – образно-перцептивный и образно-метафорический компоненты.

Описание *концептов-абстракций* показывает, что в их структуре образный компонент существует в двух обязательных разновидностях – образно-перцептивной и образно-метафорической (в терминах В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина). Первый представляет собой чувственно-наглядный образ, а второй – систему метафорических образов, которые это знание интерпретируют в ЯКМ. Проведенные нами исследования показывают *прямую связь* между этими двумя, на первый взгляд *абсолютно разными*, элементами структуры концепта. Между образно-перцептивным и образно-метафорическим компонентами существуют отношения *производности*: эмпирическое представление о реалии в результате трансформации становится и метафорической призмой ее интерпретации.

В качестве иллюстрации в рассуждениях воспользуемся концептом времени, той его частью, которая относится к суточному времени.

Концептуализация абстрактного феномена времени происходит с использованием метафорических образов – перемещающегося предмета, огня, света, живого существа и других. Например: *День уходил; Сиял солнечный июльский день; Догорал летний вечер*.

Решающую роль в выборе образов в качестве средств концептуализации времени играют отношения смежности – соположенность времени с реалиями, которые служат показателями его динамики.

Стереотипными средствами образной концептуализации суточного времени в русской ЯКМ выступают метафоры огня и метафоры перемещения предмета: *Догорает день и Уходит день; Разгорается рассвет и Приходит рассвет*, которые в типовых воплощениях являются семантически эквивалентными, акцентируя динамику суточного времени.

Образ огня актуализирует динамику суточного времени, указывая на начало, разгар и конец дня, на начало и разгар утра, на конец вечера. Наряду с этим образ огня указывает на *динамику интенсивности света и тепла* в течение суток (уменьшение / увеличение интенсивности света, понижение / повышение температуры), на *цветовую гамму утреннего и вечернего неба* в период восхода и заката солнца и т. д., т. е. комплексно характеризует время суток: *Пылал июльский день; Угасал длинный летний день...* (Щукин); *Ненастный день потух...* (Пушкин); *Подожди, погаснет скучный день...* (Гумилёв); *Горит восток зарею новой* (Пушкин); *...ночь, божественная ночь, величественно догорала* (Гоголь).

Метафоры *перемещающегося предмета* при концептуализации суточного времени обычно направлены лишь на интерпретацию динамики времени: *Шли дни, и каждый день уносил часть надежды*

(Гранин); *В те июльские дни, что катились ни шатко ни валко...* (Городницкий).

Ситуативно-дискурсивная синонимия двух метафорических образов при интерпретации динамики суточного времени (*время – огонь* или *пылающий предмет*; *время – перемещающийся предмет*) формируются в сознании и в речи на основе единого представления – представления о солнце, которое предстаёт как *движущееся* по небу с востока на запад, как *встающее, заходящее, как разгорающееся, пылающее, гаснущее*. Таким образом, представление о солнце, выступающее в обыденном сознании главным мерилом динамики суточного времени, образует в структуре концепта времени образно-перцептивный компонент. Приведем в качестве примера два текстовых фрагмента пейзажного описания суточного времени – соответственно вечернего и утреннего, в которых суточное время передается через наиболее показательные признаки его динамики, среди которых – *уходящее за горизонт солнце* и, напротив, *поднимающееся над горизонтом солнце*: *Свежее, и блеск вечера меркнет. Меланхолично засинели поля, далеко-далеко на горизонте уходит за черту огромным мутно-малиновым шаром солнце* (Бунин); *А затем пришел день; красное, ледяное зарево разгоралось над заволжской степью* (Гроссман).

Предложенную мотивацию генезиса метафорических моделей наиболее убедительно подтверждают именно художественные тексты. В сюжетно-композиционных фрагментах *описания пейзажа* суточное время передается подчеркнуто субъективно – через призму его чувственно-наглядного, эмпирически конкретного восприятия персонажем.

Если в приведённых выше текстовых фрагментах уходящее за горизонт или разгорающееся солнце служит показателем динамики суточного времени в качестве буквального эмпирического представления, т. е. с актуализацией *образно-перцептивного компонента* концепта, то в приводимых далее фрагментах наблюдается этап *трансформации* образно-перцептивного компонента концепта в метафорический образ, т. е. эксплицируется образно-метафорический компонент концепта суточного времени. При этом иногда в одном и том же художественном фрагменте можно наблюдать *процесс* трансформации – воплощение обоих образных компонентов структуры концепта времени – с обнажением отношений производности между ними. Именно воспроизведение концепта с актуализацией обоих разновидностей образного элемента (образно-перцептивного и образно-метафорического компонентов) в рамках *одного текстового фрагмента* служит убедительным аргументом при реконструкции генезиса метафорического образа (образно-метафорического компонента концепта), представляя процесс трансформации образа солнца в метафору огня или в метафору движущегося предмета в лексически обнаженном виде. Обратимся к некоторым художественным фрагментам.

Она любила на балконе Предупреждать зари восход, Когда на бледном небосклоне Звезд исчезает хорывод, И тихо край земли светлеет, И, вестник утра, ветер веет, И всходит постепенно день (Пушкин). – Стереотипное выражение *восход зари* (ср. *восход солнца*) в рамках одной поэтической фразы сопровождается нестереотипным выражением *всходит день*, которое явно мотивировано первым.

...Проглянет день как будто поневоле И скроется за край окружных гор... (Пушкин). – В поэтическом выражении *проглянет* (зимний короткий) *день...* и *скроется...* слово *день* помещено в контекст, типичный для слова *солнце*. Это обстоятельство делает выражения

проглянет солнце и скроется и проглянет (зимний короткий) день... и скроется ... дискурсивными синонимами, между которыми наблюдаются отношения производности: второе выражение явно мотивируется первым.

Метафорическое выражение *Сиял солнечный, но прохладный денёк...* (Щукин) представляется также результатом трансформации, ср.: *сияло солнце → сиял день*.

Ср. другую показательную корреляцию: *А с востока снова катится колесница поднебесная* (о солнце – Ахматова) – *...июльские дни... катились ни шатко ни валко...* (Городницкий).

Показательно в этом отношении следующее высказывание, в котором исходные представления – связь образов огня и перемещающегося предмета с солнцем и далее с суточным временем (днем) – объединяются: *Усталое солнце уходило от мира, спокойно проплыл свой полдень и утро, и угасающий день пленительно и ярко румянился* (Гоголь). Исходные представления «солнце – огонь», «солнце – перемещающийся предмет» трансформируются в производные представления «день – огонь (или сгорающий предмет)»,

«день – перемещающийся предмет», которые воспринимаются как метафорические модели.

Подчеркнем роль метонимии в картине образной концептуализации суточного времени, которая осуществляется с опорой на отношения смежности времени и основных показателей его динамики (подробнее об этом на материале образной концептуализации суточного и годового времени см. нашу статью [4]).

Соглашаясь с мыслью В. Н. Телии, что в отличие от метафоры, метонимия и синекдоха (являющиеся не менее продуктивными способами образования производных значений и трансформации концепта) «оперируют не образно-ассоциативным подобием, а реальной смежностью, соположением обозначаемых или их парциальностью» [5, 197], сделаем существенное добавление: в картине генезиса когнитивных метафор именно метонимия обеспечивает образность и наглядность метафоры, поскольку апеллирует к образу, соположенному с денотатом, органично с ним связанному в восприятии носителей языка и в языковой картине мира.

Литература

1. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. – Выпуск 24. – М., 2003.
2. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.
3. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики: сб. статей. – Барнаул, 2003.
4. Илюхина Н. А. Концептуализация суточного и годового времени: семасологическая и лингвокогнитивная интерпретация метафорических высказываний // Язык – текст – дискурс: Проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах: материалы международной научной конференции. – Самара: Издательство «Универс групп», 2011.
5. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1998.

Т. В. Ицкович (Первоуральск, Россия)

ЖАНР И ТЕКСТ

Функциональная стилистика сосредоточена на проблемах зависимости речи от комплекса экстралингвистических условий, связанных в первую очередь со спецификой мышления, формами общественного сознания и разновидностями человеческой деятельности. Выявление коммуникативно-деятельностных параметров функциональных стилей привело к обнаружению зависимости речевой фактуры стиля от авторского замысла с его ведущим признаком – стратегической целью коммуникации. Целенаправленность коммуникации является организующим принципом текста, свидетельствует о текстовой организованности речевого произведения. Под текстом понимается «объединенная смысловая связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [11, с. 555]. Каждый функциональный стиль реализуется в виде совокупности текстов, и выявление характерологических особенностей стиля возможно на собственном текстовых основаниях.

Рассмотрение жанра как текстотипа в рамках определенного функционального стиля опирается на разработки текстотипологического языкознания в целом и стилистики текста в частности. Различные подходы к тексту не снимают поиска интегрального качества текста [15; 17], и этим качеством обладает суперкатегория коммуникативности [15; 16], позволяющая обосновать системно-коммуникативный подход к тексту как объекту лингвистического исследования. В данной статье принимается категориальная концепция текста, согласно которой текст трактуется как система текстовых категорий (типологических признаков текста) [3], каждая из которых имеет знаковую природу и характеризуется

единством содержания и многоуровневой композиционной манифестацией. Речевое воплощение каждой текстовой категории отвечает экстралингвистической заданности текста и обладает собственной спецификой применительно к функциональному стилю литературного языка [10]. Полагаем, что сказанное соответствует и аналогичному объекту более низкого уровня абстракции, чем функциональный стиль, а именно жанру-текстотипу в рамках того или иного функционального стиля.

Лидерство в разработке теории жанра как типа текстов принадлежит не столько лингвистическому, сколько общелингвистическому направлению. Еще Аристотель описывает жанр как внутрилитературное явление, распознаваемое по соответствующим критериям, что отражено в современном истолковании данного понятия: «Жанр как исторически сложившийся тип литературного произведения выделяется на основании принадлежности к тому или иному литературному роду, а также по преобладающему эстетическому качеству (эстетической тональности). Любой жанр есть конкретное единство формы в ее основных моментах – своеобразной композиции, образности, речи, ритма» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 107].

Традиционная лингвистическая точка зрения на жанр связана, прежде всего, с функциональной стилистикой, где жанр понимается как видовой способ реализации функционального стиля. В каждой сфере человеческой деятельности существуют свои «жанровые стили», «бытуют и применяются свои жанры»; «определенная функция (научная, техническая, публицистическая, деловая, бытовая) ...

порождает определенные жанры» [2]. Жанры, изучаемые с функционально-стилистической точки зрения, предстают как культурные формы (модели, образцы), в соответствии с которыми в текстах объективируются социально-необходимые виды духовной деятельности [14].

В целом различия жанров (текстотипов) характеризуются не только стилистическими, но и конструктивными различиями. Различия же текстотипов внутри одного функционального стиля определяются прежде всего конструктивно-стилистическими приемами, способами обработки и подачи содержания. «Исследования разных жанров и типов устной и письменной речи, имеющих широкое распространение в общественной практике, естественно, тесно связывается с исследованием форм и видов монологической и диалогической речи. При таком исследовании раскрываются и общие конструктивные свойства монолога и диалога, и стилистические различия между разными их композиционными типами» [4, с. 17]. Данные внутрителивые различия текстов определяют их распределение по жанрам: «Жанр можно определить как выделяемый в рамках того или иного функционального стиля вид речевого произведения, характеризующийся единством конструктивного принципа, своеобразием композиционной организации материала и используемых стилистических структур» [13, с. 156]. Определяя специфику жанра, М. М. Бахтин очень сходно подчеркивает его характеристики: это «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний», «стиль входит как элемент в жанровое единство высказывания» и неразрывно связан тематическим и композиционным единством текста [2, с. 257].

Своеобразие жанровых особенностей вообще и проповеди в частности определяется на основе анализа конкретных текстов. Текст – одно из ключевых понятий гуманитарной культуры 20-го века: «первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [2, с. 306]. Выдвижение текста в качестве главного объекта гуманитарного знания в целом обусловлено вниманием к личности человека, идей антропоцентризма. Антропоцентризм же связан с идеей диалогизации как особой формой взаимодействия: «Мое слово останется в продолжающемся диалоге, где оно будет услышано, отвечено, переосмыслено» [1, с. 5]. В связи с этим актуальными в области гуманитарных наук стали проблемы изучения воздействия текста на адресата и взаимодействия коммуникантов. Поскольку общение (воздействие и взаимодействие) происходит на текстовой основе, именно текст выдвигается на роль основного объекта филологического исследования, становится ключевым понятием в новой научной лингвистической парадигме.

Многочисленные существующие определения текста обусловлены парадигмой научных интересов авторов. В семиотике в качестве текстов рассматриваются произведения изобразительного искусства и музыкальные сочинения, немое кино и ритуальные действия, т. е. текст рассматривается как осмысленная последовательность любых знаков [9].

В языкознании текст – это последовательность вербальных (словесных) знаков, представляющая собой снятый момент языкотворческого процесса, зафиксированный в виде конкретного произведения в соответствии со стилистическими нормами данной разновидности

языка; это произведение, состоящее из взаимообусловленных частей и обладающее целенаправленностью и прагматической установкой.

Первоначальные исследования вербального текста основаны на познании его формально-грамматической природы, описании его грамматических признаков; текст в данном случае характеризуется как явление, которое занимает высшую ступень в системе языковых единиц и, следовательно, является билатеральным знаком, имеющим план выражения и план содержания. Исследования текста как единицы высшего уровня языковой системы (узколингвистический аспект) соответствуют грамматическому подходу, при котором анализируются логические законы развития мысли и взаимосвязи высказываний. В рамках грамматики текста описываются различные типы внутритекстовых связей (формально-грамматические, логические, имплицативные и др.), а также средства их реализации (повторы, дейктические единицы, служебные слова, акцентные выделения, интонация, распределение тема-рематических элементов в предложении и др.).

При этом постоянно идет поиск особых свойств исследуемого феномена. Связность и цельность (целостность) – центральные понятия современного лингвистического анализа текста, благодаря которым текст становится принадлежностью системы языка.

Идея системной структурированности текста наиболее отчетливо отражена в следующем определении: «Текст представляет собой системно-структурное образование, обладающее упорядоченной (иерархической) организацией, которая обеспечивается связностью – глубиной и поверхностной, локальной и глобальной... Текст как процесс и текст как продукт – две тесно связанные между собой, но существенно различные стороны одного явления» [6, с. 21–22]. В то же время это системно-структурное образование характеризуется коммуникативной обусловленностью. Значимость данного аспекта подчеркивает М. Н. Кожина, указывающая на недостаточность интралингвистического контекста при анализе целого текста и утверждающая необходимость широкого экстралингвистического аспекта [7].

Текст, безусловно, относится к явлениям речевым, так что с развитием лингвистики текста при описании данного объекта изучения все чаще делается упор на такие признаки, которые раскрывают его коммуникативные возможности. Так понимаемый текст оказывается в меньшей степени системно-языковым явлением, во всяком случае, связь текста с другими уровнями языка осложнена. «Структуре содержания не может соответствовать ни структура языковых средств внутри предложения, ни структура на уровне соотношения межфразовых единств, отражающих внешнюю организацию текста... Так как текст – это такое образование, где внешняя форма обязательно переходит во внутреннюю форму, которую составляет целостный образ содержания, то этот переход и является наиболее характерным внутренним свойством текста» [12].

Представители коммуникативного направления в лингвистике понимают под текстом речевое произведение, концептуально обусловленное и коммуникативно ориентированное в рамках определенной сферы общения, имеющее информативно-смысловую и прагматическую сущность.

Обилие подходов и определений не снимает насущной необходимости определения интегрального качества текста, на основе которого можно было бы свести все разнообразие текстов к одному понятию [15, с. 55–56].

Приведем широко цитируемое определение, данное тексту И. Р. Гальпериным: «Текст – произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [5, с. 18]. Данное определение построено по принципу перечисления разнорядковых качеств, каждое из которых должно служить определяющим для любого другого текста. Вместе с тем очевидно, что «отдельные признаки сами по себе не могут образовать определенную целостность. Необходимо найти основу, источник их единства» [17, с. 4]. Такой основой, или интегральным качеством текста является коммуникативность. «Коммуникативность текста выражается в его способности служить эффективной предметно-знаковой основой развертывания коммуникации в систему полного, трехчленного состава и, следовательно, в конечном итоге в способности обеспечивать успех социального взаимодействия людей речевыми средствами. Иными словами, коммуникативность текста – это его качественная определенность способом включения в систему речевой коммуникации» [15, с. 51].

Категория коммуникативности относится к тому классу суперкатегорий, которые выявляются в процессе укрупнения грамматики [16]; она выражает надынди-

видуальную сущность текста и как системы речевых знаков, и как знаково-превращенного состояния речевой коммуникации [15, с. 53]. Опишем предлагаемую ученым иерархическую систему соподчинения категорий. Низший уровень абстракции – системно-языковые категории, исследование которых возможно эмпирическими средствами. Системно-языковые категории подчинены функциональным и служат средством их воплощения. Функциональные категории в свою очередь подчинены системным и выступают как средства воплощения последних. Системные же категории, не имеющие материального воплощения, подчинены интегральному, совокупному качеству, воплощаемому всей совокупностью категорий. Отсюда следует определение текста – «это характеризующееся коммуникативностью предметно-знаковое состояние системы коммуникации» [там же: 55].

Категория коммуникативности как интегральное качество текста позволяет обосновать последовательно системный подход к тексту как объекту лингвистического исследования, подход, при котором внутренняя организация текста закономерно увязывается с системной организацией речевой коммуникации: «Текст есть функционально завершенное речевое целое» [8, с. 28]. Мы понимаем текст как речевое целое, обусловленное авторским замыслом. Авторский замысел и тема – взаимосвязанные определяющие условия текста. Адресованность и экстралингвистические факторы порождения текста выступают как корректирующие условия последнего.

Литература

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М., 1975. – 502 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979. – 423 с.
3. Ванников, Ю. В. К обоснованию общей типологии текстов, функционирующих в сфере научно-технического перевода / Ю. В. Ванников / Текст как объект лингвистического анализа и перевода. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1984. – С. 15–26.
4. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М., 1963. – 255 с.
5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1981. – 139 с.
6. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы 19-20 вв.) / М. Я. Дымарский. – СПб., 1999. – 284 с.
7. Кожина, М. Н. Понятие «текст» и «цельный текст» (в аспекте стилистики текста) / М. Н. Кожина // Очерки истории научного стиля русского литературного языка 18-20 вв. Т. 2. Ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). – Пермь, 1996.
8. Леонтьев, А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации / А. А. Леонтьев // Синтаксис текста. – Л., 1979. – С. 18–36.
9. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М., 1970. – 384 с.
10. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. – Свердловск, 1990. – 172 с.
11. Николаева, Т. М. Текст / Т. М. Николаева // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1997.
12. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – М., 1983. – 215 с.
13. Одинцов, В. В. Композиционные типы речи / В. В. Одинцов // Функциональные типы русской речи / А. Н. Кожин, О. А. Крылова, В. В. Одинцов. – М., 1982. – С. 130–218.
14. Салимовский, В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст) / В. А. Салимовский. – Пермь, 2002. – 236 с.
15. Сидоров, Е. В. Проблемы речевой системности / Е. В. Сидоров. – М., 1987. – 139 с.
16. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – М., 1975 – 271 с.
17. Храпченко М. Б. Текст и его свойства // Вопросы языкознания. – 1985. – № 2. – С. 15–21.

С. Б. Кураш (Мозырь, Беларусь)

ИНТЕРТЕКСТ – ГИПЕРТЕКСТ – КОРПУС ТЕКСТОВ: О КОРРЕЛЯЦИИ ПОНЯТИЙ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКЕ

Проблематика, связанная с категориями интертекста и интертекстуальности, не является сверхновой для современной лингвистики. Она восходит к идее диалогичности текста, высказанной в своё время М. М. Бахтиным и продолженной французским постструктуралистом Ю. Кристевой (ей же принадлежит и терминологизация интертекстуальности). К настоящему моменту данная идея нашла свое развитие и

продолжение в двух подходах к интертекстуальности: так называемой широкой концепции **интертекста** как глобального диалога текстов, вне которого не существует ни один текст, и более узкой концепции тематизированной (т. е. маркированной, опознаваемой) интертекстуальности. Лингвистика интертекста стала одним из наиболее динамично развивающихся ответвлений лингвистики текста / дискурса.

В последние 10-15 лет лингвистика текста всё более проявляет интерес к корпусной лингвистике, как и в целом научная парадигма современного языкознания сдвигается в сторону изучения именно корпусных данных и корпусными методами.

Лингвистическим корпусом называют некую совокупность текстов, собранных в соответствии с определёнными принципами, размеченных по определённому стандарту и обеспеченных специализированной поисковой системой. Иногда корпусом (так называемым «корпус первого порядка») называют любое собрание текстов, объединённых каким-то общим признаком (языком, жанром, автором, периодом создания и пр.).

Ещё одним центральным понятием лингвистики компьютерной эпохи является понятие **гипертекста**. Этот термин, введённый Т. Нельсоном и Д. Энгельгардтом в 1967, появился почти одновременно с термином «интертекстуальность», введённым Ю. Кристевой. Под гипертекстом стали понимать текст, фрагменты которого снабжены системой выявленных связей с другими текстами, что позволяет читателю самостоятельно определять различные «пути» («маршруты») прочтения. Таким образом, каждый текст оказывается включённым во всю систему созданных до него или существующих параллельно с ним текстов, приобретает визуальное многомерное представление и читается в любой последовательности. Такое представление текста обуславливает его «децентрацию», ориентируя тем самым читателя на «гипертекстуальное сознание», что порождает тексты, созданные по типу словарей, энциклопедий и т. п. Читай что хочешь в той последовательности, какую сам и выберешь, – такова стратегия поведения реципиента в соответствии с принципами «гипертекстового сознания».

Следовательно, в отношении к процессу интерпретации текста интертекстуальность и гипертекстуальность имеют разную направленность, на что, в частности, указывал М. Риффатер. Интертекстуальность как заданная в тексте авторская сеть ограничений, наложенных на его восприятие читателем, противопоставляется аморфной сети свободных ассоциаций, которую подразумевает гипертекстовая идеология.

Понятие гипертекстового представления информации связывают с проблемой её упорядочения, облегчения её поиска. Это напрямую касается и информации, закодированной текстами художественной культуры. Проблемы систематизации информационных ресурсов художественной культуры «являются актуальными не только для специалистов, занятых конкретной информационно-аналитической деятельностью и создающих информационные базы данных как в традиционной, так и электронной формах представления информации, но и для целого ряда исследователей, изучающих творческую / инновативную лабораторию, в том числе психологию процессов культурной инноватики мастеров различных видов и направлений сферы искусства — «сердцевины» художественной культуры» [1].

К настоящему времени в сети Интернет оказались размещёнными разнообразные подборки художественных текстов, пристанищами которых оказались серверы электронных библиотек, специализированные сайты, тематические интернет-ресурсы и т. п. Так, собрания стихотворных текстов в русскоязычной зоне Интернет можно обнаружить на таких сайтах, как <http://www.goldpoetry.ru>, <http://www.stihi.ru>, <http://my-poetry.ru>, <http://www.ironicpoetry.ru>, <http://www.litera.ru/stixiya/poets.html>.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает сайт <http://www.litera.ru>. Данный проект – не только антология русской поэзии, но и некий начальный вариант её гипертекстовой презентации. В частности, ряду текстов сопутствуют гиперссылки, оформляющие переход к иному автору либо конкретному тексту. Например, стихотворение Анны Ахматовой «Городу Пушкина» предпослан эпиграф: «И царскосельские хранильные сени...» (Пушкин). Данный эпиграф содержит ссылку на примечание «См. раздел Пушкин на этом сайте», представляющее собой гиперссылку на раздел, посвящённый А.С. Пушкину. Стихотворение Беллы Ахмадулиной «Подражание» сопровождается примечанием-гиперссылкой «См. стихотв. А. Пушкина Арион»; её же строки *Четверть века, Марина, тому, / как Елабуга ластится раем / к отдохнувшему лбу твоemu. / но и рай ему мал и неравен* сопровождаются гиперссылкой «О Марине Цветаевой» и т. п.

Однако разработчики данного сайта не преследовали задачу установить и маркировать в виде гиперссылок абсолютно все возможные переклички размещённых текстов, поэтому данный ресурс нельзя квалифицировать как полноценную гипертекст-антологию русской поэзии.

Особо следует отметить и такие вошедшие в филологический обиход понятия, как «сетевая поэзия», «сетевая литература» (художественные тексты, публикуемые на специализированных литературных сайтах). Так, например, на сайте <http://www.stihi.ru> возможно живое обсуждение размещаемых авторами поэтических текстов, общение самих авторов в форме форума, что создаёт единый гипертекст художественного и рефлексивного дискурсов. В то же время следует отметить, что каких-либо специфических жанровых признаков сетевая литература практически не имеет.

Ещё одно понятие, которое важно упомянуть в контексте данной проблематики, – понятие романа-гипертекста. Это понятие рассматривается в качестве одной из основных жанровых форм современной постмодернистской литературы [2; 3; 4; 5]. Из предшествующей литературной традиции хорошо известна и такая жанрово-композиционная форма, как «текст в тексте» (например, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова).

Одним из перспективных путей развития гипертекстовых технологий представления художественной информации является применение методов корпусной лингвистики. К настоящему времени созданы и размещены в сети Интернет корпуса многих языков мира. Русский язык наиболее полно представлен в онлайн-ном Национальном корпусе русского языка, размещённом по адресу <http://ruscorpora.ru>. Кроме того, в Интернете имеются и такие разработки, как Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX века (<http://www.philol.msu.ru/~lex/corpus>), Полистилевой корпус текстов современного русского языка (<http://www.philol.msu.ru/~humlang/articles/PolystylCorp.htm>), Машинный фонд русского языка (<http://www.cf1.ru>) и др. От обычной коллекции текстов корпус отличается наличием дополнительной информации о свойствах входящих в него текстов (так называемой разметкой, или аннотацией). Особую роль в интеграции идей лингвистической поэтики, лингвистики текста и корпусной лингвистики играют труды и разработки Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка РАН.

Полагаем, что разработки в области корпусной лингвистики могли бы быть весьма полезными для изучения интер- и гипертекстовых отношений. Перспективы этого видятся в реализации следующих направлений.

1. Создание корпусов текстов отдельных типов, стилей, жанров, а также корпусов, связанных единством тематики, времени создания и пр. [6].

2. Создание корпусов текстов, интертекстуально связанных с конкретными авторскими идиостилиями, так называемыми «центрами интертекстуального излучения» (Н.А. Фатеева). К настоящему времени имеется целый ряд теоретических (как литературоведческих, так и лингвистических) исследований на данную тему. Например, в диссертации Е.В. Михиной, исследуется чеховский интертекст в русской литературе, выявляются его сущностные характеристики: «Интертекстуальный диалог с чеховским наследием осуществляется по способу сближения/отталкивания. Включение интертекстом формирует и одновременно разрушает «горизонт ожидания» читателя; в одних случаях оно выполняет роль апелляции к авторитету классика, в других – направлено на деконструкцию литературоцентричного сознания. Через многослойность интертекста осуществляется полемика со стереотипными рецепциями классики и происходит приращение смыслов за счет индивидуального социального и эстетического опыта писателей эпохи постмодерна» [7, с. 8].

3. Создание корпусов-инфотекстов, т. е. единых корпусов индивидуально-авторских художественных текстов и сопутствующих им подготовительных, критических и иных материалов. «Находясь на пересечении философских, культурологических, семиотических, психологических и информациологических позиций, а также исходя из вышеизложенной классификации информационных ресурсов художественной культуры, мы приходим к выводу, что **в современном информационном социуме художественное произведение** выступает в качестве **основного информационного продукта, информационного ресурса**, воспринимаемого как **трехуровневый текст**: 1) собственно **текст произведения**, созданный конкретным автором; 2) **контекст произведения**, отражающий элементы общей культурной компетенции автора и непосредственные социокультурные условия, повлиявшие на содержательный компонент произведения; 3) **гипертекст** художественного произведения, включающий все изложенные мнения и суждения о нем, получившие фиксацию в биографической, научной и художественной критике, информационно-вспомогательных материалах и т. д.

Все эти уровни художественного произведения сами по себе и в целом представляют собой **инфотекст**, информационный мир, образующий **информационную сферу**, пронизывающую ноосферу (сферу разума) со всеми ее составляющими – гео-, био-, социо-, когитосферой (познавательной) и сферой художественной культуры (артосферой)» [1].

4. Создание аспектных корпусов текстов, т. е. таких, которые бы формировались вокруг некоей одной проблемы. Так, например, А.Б. Кутузов обосновывает необходимость создания корпуса несовершенных переводов, который окажется весьма полезным для практики обучения будущих переводчиков [8].

5. Создание корпусов текстов вокруг конкретных интертекстов. Интертекстема определяется как наименьшая единица, манифестирующая интертекстуальные отношения. Под этой единицей понимают «межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста – грамматической (морфемно-словообразовательной, морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, – вовлеченный в межтекстовые связи» [9, с. 317]. В научной литературе выделяют такие виды интертекста, как цитата; реминисценция; аллюзия и др.

6. Создание корпусов текстов вокруг различных типов межтекстового взаимодействия. В частности, в диссертационной работе О.Н. Хаками выявлены четыре универсальных типа отношений, возникающих между диалогизирующими текстами (эти же типы оппозиций выявляются и на других языковых уровнях): нулевая оппозиция (отношения тождества), привативная оппозиция (отношения включения), эквиополентная оппозиция (отношения пересечения), дизъюнктивная оппозиция (отношения исключения). Кроме того, в данной работе выявлены и описаны оппозиции «текст – фрагмент текста», «текст – текст», «текст – совокупность текстов» [10].

Следует отметить, что перечисленные корпусы могут функционировать и в качестве подкорпусов, входящих в более обширные по тематике корпусы либо в корпусы национальных языков. Разумеется, возможны и другие направления, по которым исследования категории интертекстуальности будут вестись по линии смыкания с корпусной лингвистикой.

Литература

1. Суминова, Т. Н. Специфика и классификация информационных ресурсов художественной культуры [Интернет-ресурс]. – Режим доступа: http://www.aselibrary.ru/digital_resources/journal/irr/2005/number_5/number_5_2/number_5_2318. – Дата доступа: 03.04.2011.
2. Визель, М. Поздние романы Итало Кальвино как образцы гипертекста / М. Визель [Интернет-ресурс]. – Режим доступа: <http://spintongues.msk.ru/calvino.html>. – Дата доступа: 02.04.2011.
3. Давыдова, К. В. Гипертекстуальность как свойство художественного текста (на материале английских художественных текстов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / К. В. Давыдова. – Армавир, 2006. – 205 с.
4. Карымова, М. Г. Гипертекст и сетература в контексте культуры постмодернизма / М. Г. Карымова // Постмодернизм: pro et contra, под ред. Н. П. Дворцовой. – Тюмень: Изд-во "Вектор-Бук", 2002. – С. 63-68.
5. Умбрашко, Д. Б. Сорокина "Голубое сало" как гипертекст: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Д. Б. Умбрашко, В. Г. Роман. – Барнаул, 2004. – 171 с.
6. Валяев, С. Е. Лингвистические принципы построения и использование корпуса текстов для исследования официально-делового стиля современного немецкого языка: на материале электронного корпуса "DER": дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. Е. Валяев. – Самара, 2005. – 160 с.
7. Михина, Е. В. Чеховский интертекст в русской прозе конца XX – начала XXI веков: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е. В. Михина. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.
8. Кутузов, А. Б. Корпус несовершенных переводов: необходимость проекта / А. Б. Кутузов // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: сб. науч. трудов. Вып. 14. Т. 1. – Нижний Новгород, 2011. – С. 51–54.
9. Сидоренко, К. П. Интертекстовые интерпретаторы в «Словаре крылатых выражений Пушкина» Текст / К. П. Сидоренко // Слово. Фраза. Текст: сб. науч. ст. к 60-летию М. А. Алексеенко. – М.: Азбуковник, 2002. – С. 317–330.
10. Хаками, О. Н. Русский поэтический интертекст в аспекте системных отношений: текстоцентрический и текстотипологический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02; Бел. гос. ун-т / О. Н. Хаками. – Минск, 2007. – 22 с.

СПЕЦИФИКА КОРРЕЛЯЦИИ «СОБЫТИЕ – ФАКТ»

Факт (лат. factum – сделанное) – действительное, невымышленное происшествие, событие, явление; твердо установленное знание, данное в опыте, служащее для какого-л. заключения, вывода...

Словарь иностранных слов

Корреляция событие – факт, как и ее составляющие, всегда были в фокусе внимания представителей разных областей гуманитарного знания. Так, концепт *факт* «в разной связи обсуждался в философских, логических и лингвистических работах. В философии – это проблема реальности факта, то есть его отнесенности к онтологии или эпистемологии. В логике – это, прежде всего, вопрос о структуре атомарного факта и способах его представления. В лингвистику проблема факта вошла вместе с концепцией пресуппозиций – той информации, которая в составе высказывания принимается за истинную» [1, с. 503]. Не менее существенной предстает и проблема объективности, безусловности и достоверности факта по отношению к событию и его оценке в информационном пространстве, генерируемом СМИ. Поскольку же многие аргументы в обосновании той или иной трактовки факта в различных науках опираются на языковое употребление, есть возможность обратиться к решению данной проблемы в лингвофилософских исследованиях, тем более что интерпретация факта языковедами осуществлялась на основе синтеза постановки вопроса о природе факта и его свойствах в смежных гуманитарных дисциплинах.

Прежде всего отметим то, что следует из второй части лексического значения слова *факт*, приведенного в эпиграфе: факты *знают*, поскольку факты чаще всего принадлежат прошлому, что следует из первой части словарной дефиниции. «Отнесенность фактов к логическому пространству была отмечена, в частности, З. Вендлером ... Подчеркивая, что факты не локализованы в мире, они – «о мире», З. Вендлер все же включает их, наряду с другими типами сущностей – предметами и событиями, в онтологию. Видя в фактах причины происходящего, то есть ставя факты в каузальные отношения к событиям и считая в то же время каузальные контексты прозрачными, З. Вендлер пришел к мысли о необходимости расширения онтологии за пределы пространственно-временной области и включения в нее «замершей области всего того, что есть» [1, с. 506]. Сравните, З. Вендлер: «Что же касается самих фактов, а также родственных им причин, результатов и т. п., то они, так сказать, сделаны совсем из другого материала. Во-первых, они не являются созданиями человека в том смысле, что они не относятся к результатам речевой или интеллектуальной деятельности. То, что некто сказал или подумал нечто, может быть фактом, но этот факт никоим образом не тождествен принятому мнению или сделанному утверждению ... то, что является объектом мнения или утверждения, не относится к фактам как таковым; в лучшем случае оно может соответствовать или удовлетворять фактам» [2, с. 304].

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, во многом смещение фактов и событий, отмеченное для теории познания и в еще большей степени характерное для обыденной речи, обусловлено смещением значения имени *факт* в сторону действительности: «Акцент на объективной стороне

факта побудил Рассела, как и ряд других исследователей, определить «факт» как «то, что делает наши утверждения истинными или ложными» [5, с. 177]. Согласно этой дефиниции, факты выступают в качестве первичных, заранее данных сущностей, а истинные суждения их констатирующие, – в качестве вторичных. Факты считаются независимыми от наших утверждений. Представление о том, что факты первичны, а суждения, о них сделанные, вторичны, ошибочно. Суждение структурирует действительность так, чтобы можно было установить, истинно оно или ложно. Это наглядно показывает концепция истинности А. Гарского, согласно которой суждение *Снег бел* истинно, если, и только если, снег бел» [1, с. 491].

Действительно, трагедия Эдипа заключается не в том факте, что он женат на Иокасте, и этот факт был достоянием его внутреннего мира и дискурса, а в другом факте, который стал его достоянием, вошел в мир его дискурса позже – факте, что он женат на своей матери. Эти факты не исключают друг друга, но, в отличие от З. Вендлера, дают основания считать, что два суждения соотносятся не с одним фактом, а с разными ситуациями одного *события*. «Отличаясь от других категорий событийного мира, концепт события соприкасается с рассмотренным выше концептом факта, хотя они и локализованы в принципиально разных пространствах. События наполняют собой действительность, волную ее «как море-окиян». Перед летописцем проносятся события, но, повествуя о них, он превращает их в сказания (т. е. факты). «Земли родной минувшая судьба» (события прошлого) в летописи распадается на факты, образующие «застывшую вечность» истории» [1, с. 508].

Общезвестно, что восприятие человеком действительности («внешнего мира») не сводится к простому, зеркальному отражению. Несомненно и то, что окружающий мир представляется человеку не в хаотическом континууме, а как последовательная смена своеобразных комплексов ситуаций. В связи с чем В. А. Звегинцев писал: «К ситуации следует отнести и все то, что вокруг человека, и все то, что находится в его сознании, «внутри» человека.... Таким образом ситуация – это все то, что человек и наблюдает, и воспринимает, и думает, и сочиняет, и предполагает. Короче говоря, ситуация – это все, что может быть содержанием коммуникативного процесса. Именно в этом смысле ситуация глобальна. Однако только в этом смысле. Но мир действительности – не ситуация. Это мир действительности, не прошедший через человеческое сознание. *Ситуация возможна только тогда, когда есть человек* (выделено мною – Г. М.). Попробуем убрать из мира действительности человека, и этот мир остается, а никаких ситуаций не будет» [3, с. 188]. Следовательно, в корреляции *факт – событие* появляется среднее звено – *ситуация*.

Совмещение вершин двух исследовательских триад профессора В. С. Юрченко, представленных в его «Очерке по философии грамматики», вне всяких сомнений, достаточно наглядно и непротиворечиво представ-

ляет заложенную в основе его научных изысканий диалектику соотношения языка и речи, языковой личности и языкового коллектива, знания как достояния индивидуума и достояния социума. При этом вершина «человек – предикация» иллюстрирует сущность и специфику познания мира индивидуумом, вершина «действительность – номинация» – освоения мира языковым коллективом, а вершина «реальное время – коммуникация» – процесса включения каждого индивидуума в социальное пространство языковой общности. Если говорить о суждении (предложении), то к вершине «действительность – номинация», безусловно, можно отнести *пропозицию* как семантическую сущность конвенционального характера, служащую названием ситуации.

Выделение внутреннего слова и перевод его в конвенциональный код соответствуют этапу дискретизации целостного фрагмента картины мира говорящего на отдельные пропозиции. И если «глубинный» предикат представляет выбор и нерасчлененное название говорящим ситуации, задающей и ее участников, то пропозиция – это номинация уже структурированного конкретного «положения дел», с заполненными местами участников. Справедливо утверждается, что мы видим мир в модальности субъекта, поэтому пропозиция – это отнюдь не «положение дел» в действительности, а «взгляд» говорящего на действительность, так как именно он создает ситуацию, выбирая глубинный предикат, именно он включает или исключает участников ситуации как predeterminedных свойствами предиката, его семантическими валентностями (актантов), так и не обусловленных ими (сирконстантов). Таким образом, пропозиция есть результат номинации и является семантической структурой, обозначающей ситуацию в представлении говорящего.

На основе всего вышеизложенного можно следующим образом определить понятие *пропозиции*: это семантическая структура, обозначающая ситуацию как взгляд говорящего на «фрагмент» действительности (а не просто пассивное отражение «фрагмента» внешнего мира; если это и «положение дел», то только с позиции говорящего, выделяющего в нем информативно ценную ситуацию). При этом а) одна и та же ситуация (предметные отношения) может быть описана разным способом; б) способ описания ситуации происходит путем выделения и наименования ее элементов в процессе формирования высказывания. Как подчеркивает К. А. Переверзев: «Онтологией языка является не то, что обретается «за окном», а то, что конструируется (концептуализируется) языком – а также, при участии языка, его носителями и нами, лингвистами, – в этом законном пространстве» [4, с. 26]. При таком подходе, т. е. когда онтологией языкового выражения выступает «картина мира», реального или воображаемого (в последнее время в этом значении используется термин «мир дискурса»), созданная говорящим и интерпретируемая слушающим,

снимается характерное для логической семантики отождествление значения языкового выражения с той внеязыковой сущностью, которую оно обозначает. Следовательно, корреляция *событие – ситуация – факт* неизбежно трансформируется в корреляцию *событие – ситуация – пропозиция – факт*.

Мир дискурса – это онтология языка и фактов, именно здесь и вычлениются «денотативные» («реальные») ситуации, соотносительные с языковыми высказываниями, и сущности связываются определенными отношениями лишь благодаря предметно-практическому опыту человека. Именно поэтому одной ситуации соответствует одна и та же пропозиция, а то соотносительное, что «обретается за окном», вне человека, действительно, представляет фрагмент континуума внешнего мира во всем многообразии объектов, их свойств и отношений между ними – то или иное событие.

Итак, в результате лингвистических изысканий была установлена отнесенность концепта *факт* не к положению дел или событий в мире, а к суждениям о действительности, реализованным на основе пропозиции как отображении ситуации, получившей истинностное значение. «Тезис о том, что факты вторичны по отношению к суждениям, имеет далеко идущие последствия. Семантика имени *факт* (концепт факта, «факт») в большой степени наследственна. Факт – наследник и представитель не любой пропозиции (семантического инварианта ситуации, которая соотнесена с реальным событием – М.Г.), а только верифицированной и получившей оценку «истинно». Из этого ограничения проистекают основные семантические различия между суждениями и фактами» [1, с. 494]. Таким образом, онтология события – действительность (внешний мир), онтология факта – истинные суждения о действительности (внутренний мир). Но не просто суждения, а суждения истинные для определенного национального лингвокультурного сообщества. Объективируются факты в различных типах дискурса, вследствие чего также можно утверждать, что онтология фактов – это мир дискурса.

Именно поэтому вполне возможны и частотны в массовой коммуникации «переименование» событий или замена одних фактов другими. Дискурсивная природа факта объясняет и феномен актуализации тех или иных фактов в информационном пространстве, а также либо соотносительность фактов с разными ситуациями (соответственно, при неразличении *ситуации и события* – разными «событиями»), либо вообще возможность исключения факта, а значит, и события из информационной картины. Из реального события «извлекаются» только такие факты, которые выгодны инициатору массовой коммуникации. Следовательно, можно утверждать о проблеме *выбора* факта и его закреплении в информационных потоках, что и придает факту характер предварительной *оценки*, обусловленной интенциями и социальными позициями «создателя» факта.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Вендлер З. Факты в языке // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987.
3. Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
4. Переверзев К. А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // Вопросы языкознания. – 1998. – № 5. – С. 24–52.
5. Рассел Б. Человеческое познание. – М., 1957.

АНАЛИЗ ТЕКСТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА СИМПЛЕКС-РЕШЕТЧАТОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Для экспериментального изучения свойств тройных систем широкое применение нашел метод симплекс-решетчатого планирования, получивший извест-

ность благодаря работам Г. Шеффе [1; 2], который ввел каноническую форму полинома степени n :

$$\hat{Y} = \sum_{1 \leq i \leq q} \beta_i X_i + \sum_{m=2}^n \left\{ \sum_{1 \leq i \leq j \leq q} \beta_{ij} X_i X_j (X_i - X_j)^{m-2} \right\} + \sum_{m=3}^n \left\{ \sum_{1 \leq i_1 < i_2 < \dots < i_m \leq q} \beta_S X_{i_1}^{S_1} X_{i_2}^{S_2} \dots X_{i_m}^{S_m} \right\},$$

где $S = i_1^{S_1} i_2^{S_2} \dots i_m^{S_m}$; $S_1 + S_2 + \dots + S_m = n$.

В соответствии с этим методом планирование эксперимента осуществляют на симплексе (треугольной диаграмме состояния) с использованием планов, обеспечивающих равномерный разброс по нему экспериментальных точек. Точками таких планов являются узлы симплексных решеток. В каждой точке плана реализуют по два параллельных эксперимента и вычисляют среднее значение исследуемого параметра $\hat{y}$.

Используя предложенную Шеффе математическую модель можно по результатам сравнительно небольшого количества экспериментов, реализованных для каждой точки плана, рассчитать значение исследуемого параметра для любого соотношения компонентов тройной системы. Полученные результаты обычно представляют в виде линий постоянного значения свойства (изолиний) на треугольной диаграмме.

Чаще всего эту методику используют в материаловедении и металлургии для анализа зависимости свойств многокомпонентных материалов от их состава [3]. Однако ее возможности значительно шире. Этот метод планирования можно использовать для анализа любой многокомпонентной системы, составные части которой можно объединить в три группы по тому или иному признаку. При этом упомянутые части должны обладать свойством аддитивности (то есть их сумма должна иметь определенный физический смысл) и относиться к одной и той же системе.

Такое планирование может быть реализовано не только в технических, но и в гуманитарных дисциплинах.

В культурологии, истории, литературоведении часто возникает необходимость определения авторства того или иного литературного произведения. В этих случаях нередко проводят анализ словарного и звукового состава произведения, учитывая, что для каждого автора характерно преимущественное использование определенных слов и выражений.

Нами исследована возможность использования для этих целей метода симплекс-решетчатого планирования. В экспериментах использовано естественное разделение звуков человеческой речи на три группы: гласные, звонкие согласные и глухие согласные. Рассматривали среднюю длину слов с определенным соотношением этих звуков и частоту повторения слов с заданным соотношением звуков.

Полученные данные свидетельствуют, что конкретный вид диаграммы определяется в первую очередь языком, на котором написано произведение, типом произведения. На рис.1 приведен общий вид диаграммы, показывающий зависимость средней длины слов, выраженной числом букв в слове («ъ» и «ь» – не учитываются), от соотношения в них звуков различных типов для русскоязычного текста.

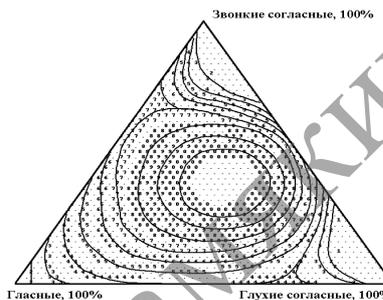

Рис. 1. Зависимость средней длины слов от соотношения звуков в них в рассказе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [4, 283-284]. Цифры на изолиниях приблизительно соответствуют числу букв в словах (0 – отвечает длине слова из 10 букв).

Анализ диаграммы свидетельствует, что максимальная длина характерна для слов с приблизительно одинаковым соотношением гласных, звонких и глухих согласных звуков. Аналогичный характер имеют диаграммы произведений написанных на белорусском и английском языках. Как ни странно, для произведений, написанных на польском языке, вид диаграммы существенно отличается.

Поскольку диаграмма носит расчетный характер, и данные, относящиеся к точкам промежуточным между опорными точками симплексной решетки, интерполируются используемым полиномом, то часть информации, относящаяся к изолиниям для длины слов менее 3 букв, является избыточной и не должна приниматься во внимание.

На рис. 2 приведен характерный вид диаграммы, показывающей частоту повторения слов с заданным соотношением звуков различного типа для русскоязычного текста. Анализ данной диаграммы и аналогичных диаграмм для произведений других авторов свидетельствует, что они носят более субъективный характер по сравнению с рассмотренными ранее. Вид диаграммы существенно изменяется при переходе от одного произведения к другому, от одного автора к другому.

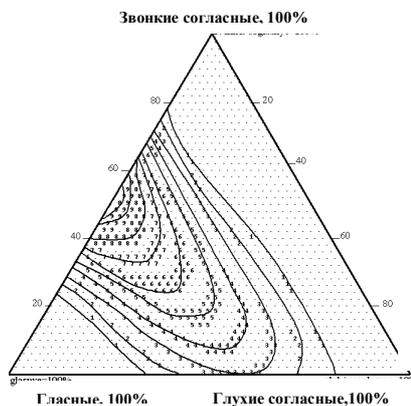

Рис. 2. Частота повторения слов с заданным соотношением звуков различного типа в «Сказании об убиении Бориса и Глеба» [5, 28-29]. Цифры на изолиниях приблизительно соответствуют числу слов, деленному на 7 (1-7, ... 9-63, 0-70).

При этом можно заметить определенную корреляцию вида диаграмм, относящихся к произведениям, написанным на родственных языках.

Так, для русского, белорусского и польского языков

максимум повторяемости слов соответствует приблизительно одинаковому соотношению в них количества гласных и звонких согласных звуков и минимальному глухих согласных (рис.3).

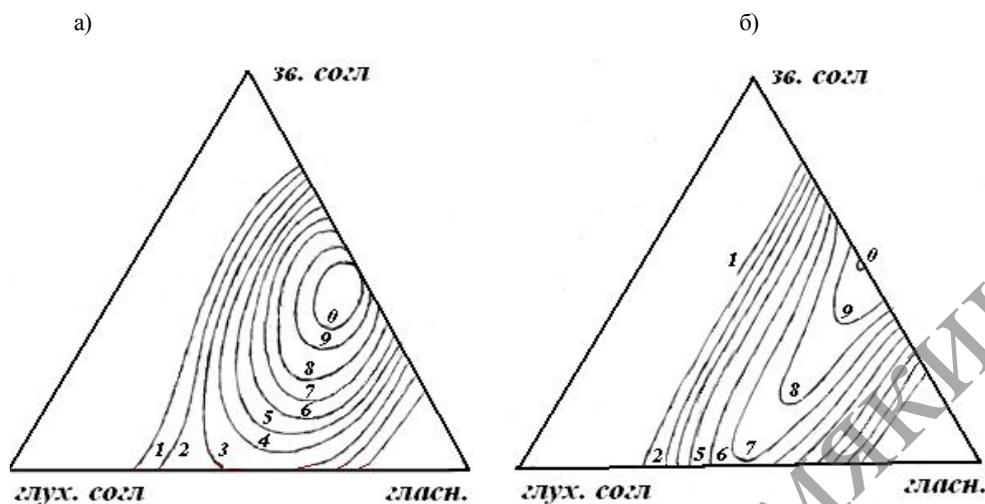

Рис. 3. Частота повторения слов с заданным соотношением звуков различного типа: б) – в текстах “Wizyta” и “Zblizaja wakacie” учебника польского языка [9, 17-21]; а) – в переводе их на русский язык. Обозначения изолиний те же, что на рис. 2

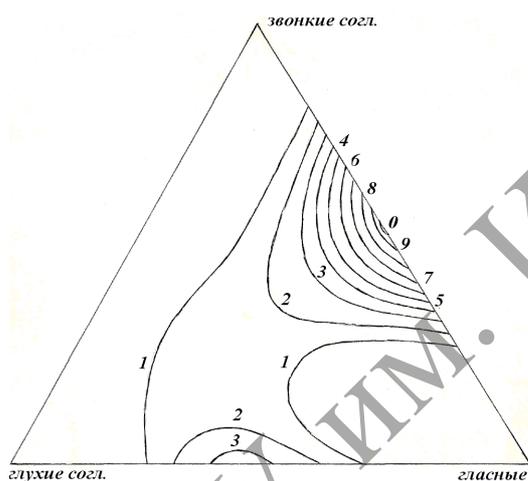

Рис. 4. Частота повторения слов с заданным соотношением звуков различного типа в романе Агаты Кристи «The body in the library» [10, 10-11]. Обозначения изолиний те же, что на рис. 2.

В англоязычных же текстах на диаграммах имеются два максимума, один такой же, а другой соответствует словам с приблизительно одинаковым соотношением гласных и глухих согласных звуков и минимальным количеством звонких согласных (рис. 4).

Для родственных языков сравнение этого вида диаграмм для текста и его перевода позволяет, по-видимому, оценить степень родства. Так для текста на белорусском языке и его перевода на русский язык диаграммы практически совпадают. Для текста же на польском языке и его перевода на русский язык диаграммы, как показывает рис. 3, коренным образом различаются.

Чтобы подтвердить возможность использования данного метода анализа для определения авторства текста были выполнены дополнительные исследования, в которых анализировались произведения двух авторов, резко отличающихся по манере письма – современного автора, работающего в жанре детектива – А.А Бушкова [6, 6-7; 7, 6-7] и одного из классиков русской литературы – А. П. Чехова [8, 5-19]. Установлено, что наиболее четко идентифицировать принадлежность текста тому или иному автору позволяет симплекс-решетчатый анализ текста, при котором в качестве анализируемой единицы выступает не слово, а предложение, слова в котором разделяются на три группы – группа существительных (сущ), включающая в себя собственно существительные и местоимения, группа глаголов (гл), включающая собственно глаголы и группа, состоящая из остальных частей предложения (пр). При этом в качестве фактора идентификации выступает среднее квадратичное отклонение числа слов в предложениях с заданным соотношением указанных групп от среднего значения (σ), отнесенное к величине этого среднего значения (относительное среднее квадратичное отклонение – $\Delta\sigma$). На треугольных диаграммах соответствующих зависимостей для произведений А. Бушкова имеют место два максимума с координатами 40% сущ, 0% гл, 60% пр и 0% сущ, 44% гл и 56% пр. Для произведений А.П. Чехова координаты первого максимума смещены и составляют 48-53% сущ, 0-10% гл и 37-47% пр, а второй максимум вообще не характерен (табл. 1). Отсутствие корреляции между авторством произведений и видом треугольных диаграмм для σ и наличие его для $\Delta\sigma$ можно объяснить тем, что среднее квадратичное отклонение числа слов в предложениях от среднего значения зависит от величины этого среднего значения.

Таблица 1. Словарный анализ

Автор и название произведения	n			l			σ			Δσ		
	сущ	гл	пр									
Бушков А. «Бешеная»	50	12	38	37	53	10	69	15	16	40	0	60
Бушков А. «Охота на пиранью»	49	5	46	32	0	68	16	0	84	0	44	56
Чехов А. «Житейская мелочь»	50	15	35	60	0	40	30	0	70	40	0	60
Чехов А. «Пустой случай»	51	33	16	80	20	0	55	0	45	0	43	57
Чехов А. «Пустой случай»	51	33	16	37	4	59	39	5	56	48	15	37
										0	13	87

В таблице приведены координаты максимумов (в %) на треугольных диаграммах зависимости числа предложений с данным соотношением частей речи (n), среднего числа слов в этих предложениях (l), среднеквадратичного отклонения от среднего числа слов в предложениях (σ) и относительного среднеквадратичного отклонения от среднего числа слов в предложениях (Δσ) от соотношения частей речи в предложении. Обозначения частей речи по тексту.

Чем оно выше, тем более вероятным является отклонение. Обусловленный этим обстоятельством статистический разброс данных маскирует сравнительно слабо выраженную склонность каждого из авторов использовать предложения с тем или иным словарным составом.

При использовании в качестве анализируемого фактора числа предложений с заданным соотношением его членов и среднего числа слов в предложениях, большее влияние на вид треугольных диаграмм оказывает, по-видимому, не авторство произведения, а его характер (повествовательный, диалог и т. д.), жанр и др. Поэтому каждому произведению при сходном общем виде диаграмм отвечают свои координаты максимумов и минимумов.

Таким образом, предложенная методика анализа художественных произведений может быть полезной филологам, культурологам и другим специалистам. Однако чтобы использовать ее для определения авторства, необходима серьезная доработка, с привлечением специалистов в области языкознания. Наибольшую проблему представляет правильное разделение на группы анализируемого массива слов и предложений.

Несомненно, эти выводы носят предварительный характер и для окончательных суждений необходимы более основательные исследования. Надеемся, что преподаватели и научные сотрудники, которых заинтересует предложенная методика, найдут ей и другие области применения.

Литература

1. Зедгенидзе, И. Г. Математическое планирование эксперимента для исследования и оптимизации свойств смесей / И. Г. Зедгенидзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1971. – 241 с.
2. Зедгенидзе, И. Г. Планирование эксперимента для исследования многокомпонентных систем / И. Г. Зедгенидзе. – М.: Наука, 1970. – 390 с.
3. Пинчук, Л. С. Полимерные пленки, содержащие ингибиторы коррозии / Л. С. Пинчук, А. С. Неверов. – М.: Химия, 1993. – 176 с.
4. Булгаков, М. Избранные произведения: в 2 т. / М. Булгаков. – Минск: Маст. літ., 1990. – Т. 1: Белая гвардия; Мастер и Маргарита: романы. – 656 с.
5. Практикум по культурологии. – СПб.: Лань, 2002. – 64 с.
6. Бушков, А. А. Охота на пиранью: роман / А. А. Бушков. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, СПб.: Издательский дом «Нева», 1998. – 592 с.
7. Бушков, А. А. Бешеная: роман / А. А. Бушков. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – 688 с.
8. Чехов, А. П. Собрание сочинений: в 8 т. / А. П. Чехов. – М.: Правда, 1970. – Т. 3. Рассказы 1886–1887. – 511 с.
9. Wasilewska, D. Учебник польского языка / D. Wasilewska, S. Karolak. – Warszawa: Wiedzapowszechna, 1962. – 568 с.
10. Christie, A. Home-Library: Puzzles / A. Christie. – М.: Высш. шк., 1983. – 168 с.

В. А. Салеев (Минск, Беларусь)

ЧЕЛОВЕК И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

Человек издревле сталкивается с миром художественного. Еще не осознав себя, человек закрепляет опыт своего небогатого, первоначально, бытийного существования, дополняя его фантазией и рвущейся изнутри духовной энергетикой. О чем и свидетельствуют изображения пещерной (наскальной) живописи, отделенные от нашего времени десятками тысяч лет.

С тех пор все составляющие триады: человек-искусство-мир художественного претерпели, в процессе эволюционного развития существенные метаморфозы и к концу первого десятилетия XXI века новой эры каждое из рассматриваемых основополагающих компонентов приобрело многозначность в понимании и интерпретации. К примеру, в интерпретации понятия человека в отечественной философской мысли только к началу третьего тысячелетия преодолевается с колоссальным трудом [1] представление о человеке как о био-социальном существе.

На наш взгляд, «пансоциальный» крен в толковании и понимании природы человека закономерно преобразует его в объект «внешней детерминации» (главным образом, общества), игнорирует его «самость», саморазвитие и самодетерминацию, его субъектность в индивидуальном самовыражении. Нам удалось, следуя взглядам М. Мамардашвили и Г. Батищева утвердить трехфазисную базовую структуру сущности человека. По нашему мнению, человек имеет три базовых основания: биологическое, социальное и духовное [2]. Духовное начало, на наш взгляд, является столь же неизменной частью человеческой природы, как и биологическое, и социальное. Более того (и это лежит в русле рассматриваемой нами темы), человек может быть субъектом художественного отношения только в том случае, если он обладает определенным потенциалом духовности (можно добавить – и «душевности»).

Эстетическое, как и художественное, воспринимается, сотворяется и оценивается (как в созерцательной плоскости, так и в деятельностном проявлении) только в сфере духовного (с сильным включением эмоциональной «составляющей» внутреннего мира индивидуума).

Человек в качестве эстетического (художественного) субъекта являет собой сложный синтез духа и чувств личности, целостный уникальный внутренний мир, духовно-душевный микрокосмос.

Субъект художественного отношения (в простом изложении – реципиент искусства) характеризуется не только эстетической развитостью (достаточно высоким уровнем развития эстетической потребности, эстетического чувства, эстетического вкуса), эстетической отзывчивостью и эстетической восприимчивостью, но и достаточным тезаурусом в понимании мира художественного, в знании основных закономерностей развития искусства, восприятия и оценки художественных ценностей.

Но мир художественного огромен, многолик и разнообразен. Он может быть сопоставим, как все человеческое бытие (бытие человечества) с макрокосмосом. И контакт-встреча человека с художественной сферой на высшем своем уровне может трактоваться как контакт микро- и макрокосмоса...

Но нынче, к началу XXI столетия этот контакт происходит при все более усложняющихся обстоятельствах. Все более усложненной представляется позиция человека, в котором пластами выявляется не только осознанное, чувственно-конкретное, и но и подсознательное и бессознательное.

Художественный мир сверхсложен и в силу того, что в нем с максимальной силой выражаются вероятностные возможности человека (в этом и заключается смысл различия между деятельностью ученого и поэта, который столь глубоко осмыслил Аристотель), но еще и оттого, что аксиосфера художественного и многослойна и специфична.

В неоаксиологическом ключе существенно важным оказывается доминантная направленность всей аксиологической структуры. В едином аксиологическом поле наличествуют как ценность, носителем которой выступает объект, оценка, вместе с субъектом, ее носителем, так и аксиологическое притяжение, которое возникает в процессе реализации ценностно-оценочных связей и выступающее в качестве основополагающего определителя доминирования одного из аксиологических начал – ценностного или оценочного.

Так, эстетическое отношение, взятое в структуре аксиологического поля, являет собой, с нашей точки зрения, конструкцию, по доминантной своей направленности ориентированную на построение ценностного отношения в типологически однозначном измерении, поскольку объектом отношения выступает сама ценность (в данном случае, эстетическая ценность, взятая в своем моноструктурном виде), а оценка в этом отношении строго детерминирована характером ценности. Несмотря на то, что художественное отношение типологически совместимо с эстетическим, оно несводимо к последнему. В силу, прежде всего, большей вариативности функциональной структуры художественного отношения. Кроме того, ценностные связи художественного отношения значительно многообразнее, по своему объему, так как охватывают одновременно целый круг различающихся по своей качественной основе отношений (кроме эстетического, содержательную основу художественной ценности наполняют социальное, нравственное, познавательное нача-

ла). Поэтому закономерно, что «в художественном в силу его субстанциональной природы, с большей силой проявляется оценочное отношение, поскольку доминирующий акцент в аксиологическом поле смещается за счет аксиологического «притяжения» в сторону оценки, и доминантную роль начинает играть (благодаря активной роли реципиента) субъектно-оценочное начало» [3, 208].

Но, отвлекаясь от проблем неоаксиологии, которая является, на наш взгляд, самым действенным методологическим инструментом в исследовании сложнейших проблем художественной культуры, вновь обратимся к реалиям бытования мира художественного и человека в нем и в связи с ним. Здесь, прежде всего (после краткого определения понимания сущности человека) следует привести и дефиницию художественного, вернее его основополагающего ядра – художественности.

«Художественность прежде всего зиждется на образности. Образность – это альфа и омега художественности, но уровень художественности зависит (и это особенно наглядно проявляется в искусстве, в частности, в отдельных взятых произведениях искусства) от духовной наполненности образа, от зависимости их духовно-социального содержания, органики их существования в данном произведении искусства, от качественного совершенства эстетической ценности, которая понижает образную структуру произведения и особенно проявляется в выразительности его формы» [4, 140].

Образность (как уже указывалось – сердцевина художественного) в академическом эстетическом изложении опирается на художественную условность, ассоциативность, метафоричность. Каждое из этих составляющих уводит в глубину постижения художественного, поскольку последнее в своем высшем выражении всегда выражается в искусстве (а в наивысшем выражении – в великом искусстве, художественные ценности которого воплощаются на общечеловеческом уровне). Так, Э. Кассирер, например, очень точно противопоставляет метафорическое (иначе говоря – мифопоэтическое мышление) и мышление научно-логическое. Метафорика (особенно если речь идет о литературе, словесном творчестве) порождается до-логическим мышлением, в генезисе своем опирается на миф. «Миф, язык и искусство восходят к конкретному нерасчлененному единству лишь постепенно распадающемуся на три самостоятельных вида духовного творчества. То же самое мифологическое одушевление и тот же мифологический гипостазис, которые испытывает слово, переживают так же образы и формы искусства... картина приобретает чисто изобразительную, эстетическую функцию, лишь прорывая магический, с точки зрения мифологического сознания, круг, в результате чего в ней вместо магико-мифологического образа узнают оригинальную форму художественного выражения» [5, 41].

Э. Кассирер точно угадывает в художественном образе ту полноту целостного сколка человеческого бытия, которое недоступно дискурсивному мышлению (и, обобщая шире – науке в целом). «Каждый мастерски выполненный художественный образ – подчеркивает современный исследователь, – представляет собой нечто гораздо большее, чем пределы его содержания просто эстетический феномен. В пределах его содержания человеческая мысль может двигаться бесконечно долго, как в неком лабиринте, открывая в его извилинах все новые метафизические смыслы. Так семантически неисчерпаемы образы Софокла, Данте, Шекспира, Достоевского, Кафки... Художественная метафизика способна погружаться в такие смысловые глубины человеческого бытия, куда позитивное научное познание проникнуть не в состоянии...» [6].

Однако следует заметить, что не только в плане миропостижения (мировоззрения) уникально художественное. Его эстетизированная форма (и здесь следует вспомнить концепцию «внутренней» и «внешней» формы, постулированную А. А. Потемной в XIX веке) содержит в себе столь много, что выступает в ряде случаев, смыслопорождающей структурой, воздействующей на чувственно-эмоциональный мир человека.

Поступательное развитие художественного, начиная с XVII в. (эпоха классицизма) и заканчивая первой половиной XX века, с наличием (при всей коррекции на зыбкую границу жанров и стилей в искусстве) достаточно четко выверенных критериев, обрывается с вторжением постмодернизма в заповедную сферу искусства. Одним из ключевых постулатов постмодернизма выступает понятие «текст», – термин «введенный Р. Бартом для обозначения особого предмета постструктуралистской транслингвистики, в основе которой лежит принцип деконструкции и децентрации, развитый Ж. Деррида и теория интертекстуальности Ю. Кристевой» [7, 188].

Показательно, что если в лингвистике под текстом понимается связанная, линейно упорядоченная последовательность знаков, обладающая семантическим единством и служащая материальным носителем словесного произведения, то «в постструктуралистской семиологии т – это неструктурированная гетерогенная и неиерархизированная семантическая среда, в которой отсутствует смысловой центр... это нетелеологическое, многомерное, поливалентное, нелинейное и незавершенное пространство» [7, 188]. Таким образом понимаемый текст, разумеется, может иметь толкования по самой широкой шкале. Так, автор «Словаря культуры XX века» (само издание трактуется как «уникальный словарь-гипертекст») разрабатывая концепцию текста, синтезирует, по его словам, ряд подходов научной и философской методологии XX века (семиотики, лингвистической и философской прагматики, логической семантики, теоретической поэтики, аналитической филологии, различных направлений психоанализа, исследований по мифологии и характерологии) [8, 335].

Разумеется, понятие «текст» многозначно; оно открывает пространство для реализации многих методологических подходов, по большей части противоречащих друг другу. Еще более сложным для современного анализа оказывается художественный текст, который не только передает информацию о человеческом бытии (не смешивать с обычным информационным сообщением!), но и строится по вероятностному принципу на силе человеческого воображения. И в современном художественном пространстве речь может идти не только о «беллетристике», которая, по соображениям В. Руднева «призвана развлекать» [8, 307], но и вообще о широком поле художественного, и в этом плане для эстетико-философского анализа понятие «текст» могут представлять и творения живописи, театра, кино. Впрочем, трактовать основополагающую функцию искусства как гедонистический феномен – значит и принижать и опрощать его. Впрочем, постмодернистская эстетика, претендующая с последней четверти XX века на доминирующее положение в мировом художественном процессе, и принципиально отвергающая как закономерности художественного творчества, так и систему эстетических понятий, складывающуюся столетиями, использует теорию деконструкции для разрушения смыслоязычных ценностей, наличествующих в подлинном художественном тексте, утверждает идею несамостоятельности текста. «Концепция нетождественности текста, предполагающая его деконструкцию и реконструкцию, разборку и сборку одновременно, намекает выход из лингвоцентризма в телесность, принимающую различные эстетические ракурсы – желания (Делез, Гаттари), либиозных пульсаций (Лакан, Лиотар), соблазна (Бодрийяр), отвращения (Кристева)» [9, 350]. В конечном итоге, самым важным являются не отрицание классических представлений об искусстве, не внедрение принципов мозаичности и игра со временем, но принципиальная ориентация постмодернизма на создание артефактов практически из ничего, методом аппликации, наличного представления любых предметов в качестве творений искусства, и стремление заставить возможно большее количество людей воспринимать их в этом качестве. Так, скажем Барбара Брайнтельфельнер, известный немецкий художник, как позиционирует ее постмодернистский журнал «Артпресс», представляет в качестве объектов искусства разнообразные артефакты (чучела птиц, картины, которые нельзя вставить в рамку, экзотические растения, посмертные маски, покрытые позолотой и т. д.) [10]. Но все эти предметы не несут в себе даже частицы эстетической ценности – как они могут оказаться в сфере художественного. И справедливо заключает известный российский эстетик В. Бычков: «Для меня пост-культура в ее артефактах – не нечто негативное, но совсем иное по сравнению с художественными феноменами культуры, требующее и иных подходов и критериев оценки. И главной характеристикой этой формы культурной реальности является низкий уровень художественности (эстетического качества) или ее полное отсутствие, что собственно, не отрицают и многие из создателей и апологетов этой реальности, и наличие чего-то, что никогда не входило в пространство искусства» [11, 35].

Зададимся вопросом – для чего создается художественный мир? При помощи дихотомии, предложенной Аристотелем, мы можем ответить на этот вопрос. Художественный мир представляет собой пространство, в котором максимально реализуются духовные потенции человека. И каждое конкретное произведение искусства, или иными словами – художественный текст, если он является таковым, должен прибавлять нечто для духовного (и прежде всего – эстетического) совершенствования человека.

Это должно осуществляться и на уровне созидания творения искусства (в качестве примеров можно привести переводы знаменитого шекспировского сонета №66 выдающимися российскими поэтами С. Маршаковым и Б. Пастернаком – разными путями достигающими соответствия великому оригиналу и, следовательно, высокого уровня художественности), на уровне его восприятия (у советского философа В. Асмуса есть пронзительные заметки о творческой роли читателя в качестве соавтора писателя; аналогичны высказывания К. С. Станиславского о зрителе, как соавторе спектакля). Наконец, произведение искусства часто нуждается (согласимся в этом с В. Рудневым) «в герменевтическом комментарии» и в адекватном оценивании.

И только когда в каждой из структур художественного мира – созидающей, воспринимающей и оценивающей мы встречаем людей с достаточно высоким тезаурусом, деятельность которых согласуется с законами художественного творчества и природой искусства, тогда и торжествует мир художественного, как вместительное глобальное пространство человеческого существования и человек чувствует органичную, неразрывную связь с этим миром.

1. См. статью П. С. Гуревича в философско-энциклопедическом словаре «Человек». – М., 2000. – С. 414-418
2. Салеев В. А. Этнопедагогіка і эстэтычнае развіццё асобы. – Минск, 1994. – С. 9-11.
3. Салеев В. А. Неоаксиология в диалоге культур // Философия как самопонимание культуры и посредник в диалоге культур. мат-лы Межднар. науч. Конференции. – Минск, 2006.
4. Салеев В. А. Сущность художественного / Сборник научных докладов III Овсянниковская междунар. эстетическая конференция «Методы, понятия и коммуникации в современном эстетическом дискурсе». – М.: МГУ, 2008.
5. Кассирер Э. Сила метафоры / Теория метафоры. – М., 1990.
6. Бачинин В. А. Художественная метафизика // Эстетика: энциклопедический словарь. – СПб., 2005. – С. 257.
7. Текст // Современная западная философия: энциклопедический словарь. – М., 2009.
8. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М., 1999.
9. Маньковская Н. Б. Постмодернизм «Культурология XX век»: словарь. – СПб, 1997.
10. Vermont C. Barbara Breitenfellner “Exposer des expositions” / Artpress, Paris. – 2006. – № 2.
11. Бычков В. В., Маньковская Н. Б., Иванов В. В. Триалог: Разговор Первый об эстетике, современном искусстве и кризисе культуры. – М., 2007.

А. В. Сасновская (Витебск, Беларусь)

ФУНКЦИИ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ И ПРАВИЛА ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ В УЧЕБНОМ И ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В роли ключевых слов выступают основные, стержневые слова и словосочетания, составляющие основу любой информации, научно-технического документа или художественного текста.

Исследователи разных типов лексических повторов неоднократно отмечали их экспрессивную функцию в художественном тексте. В этом случае ключевые слова могут быть намеренно выделены в тексте самим автором с помощью различных графических средств, например курсива или разрядки. В противоположность этому в учебном тексте ключевые слова редко выделяются самим автором.

Исходя из собственно лингвистического подхода, выделяют связующую, экспрессивную и указательную функции ключевых слов. Однако собственно лингвистический подход не учитывает таких важнейших свойств художественного текста, как целостность и завершенность на уровне смысла, а значит, и авторского замысла.

Подход к тексту как к речевой, коммуникативной единице (А. И. Новиков, Е. А. Реферовская, Н. С. Болотнова, В. В. Красных) или как к явлению эстетической речевой деятельности (А. А. Леонтьев, В. А. Пищальникова, Ю. А. Сорокин) является по сути психолингвистическим. По мнению сторонников психолингвистического подхода одним из главных свойств ключевых слов является их способность свертывать содержание целого текста в сознании реципиента. В процессе восприятия текст подвергается семантической компрессии. Смысловые вехи, как наиболее значимые для реципиента в смысловом отношении элементы текста, и являются по сути ключевыми словами.

В ассоциативном аспекте характеризует лексическую структуру художественного текста Н. С. Болотнова. При восприятии текста в сознании реципиента возникают так называемые ассоциаты (корреляты смысла), как реакции на слова-стимулы (элементы лексической структуры). При одновременной актуализации разных ассоциатов (взаимодействия нескольких ассоциаций) на одно и то же слово-стимул оно становится ключевым, эксплицирующим новый смысл.

Таким образом, понятие «ключевое слово» в рамках психолингвистического подхода определяется как экспликатор смысла в сознании реципиента в результате актуализации нескольких ассоциатов на одно и то же слово-стимул. Тогда термин «ключевые слова» можно определить как результат семантической компрессии текста в процессе его восприятия. Следовательно, можно выделить следующие функции ключевых слов: компрессив-

ную, порождающую и ассоциативно-смысловую эксплицирующую.

Поскольку при определении ключевых слов поэтического текста филолог-исследователь не может не учитывать особенностей его композиции и идейно-образной стороны, возникает необходимость определения понятия «ключевые слова» в рамках литературоведческого подхода.

В литературоведении ключевые или опорные слова текста часто называют также словами лейтмотивами. Ключевые слова в этом аспекте в основном рассматриваются как слова-символы в поэтическом творчестве того или иного автора (в контексте цикла стихотворений или целой книги стихов).

Из сказанного следует, что в литературоведческом аспекте ключевые слова художественного текста можно определить как семантико-смысловые доминанты авторского замысла, а их основные функции – манифестация лейтмотивов произведения.

С позиции семиотики рассматривает художественный текст В. А. Лукин. Ключевые слова в его структуре он называет ключевыми знаками. Являясь элементами семантического (нелинейного) пространства текста, ключевые знаки представлены формально единицами языка (чаще словами) в его визуальном (линейном) пространстве. Каждый ключевой знак уникален, «он не встречается нигде, кроме своего текста», он становится ключевым «не столько для углубления понимания текста, сколько для построения его интерпретации (объяснения и истолкования)» [1, 85].

Одним из важнейших показателей качества учебных текстов наряду с научностью, информативностью, доступностью и т. п. является скорость и степень понимаемости смысла, заложенного автором в содержание текста. Понимание представляет собой сложный процесс, связанный с переработкой текста. Согласно мнению А. И. Новикова, переработка включает в себя членение текста на смысловые отрезки, выделение различного рода «контекстных объединителей», таких как «смысловые вехи» [2, 120]. Таким образом, под ключевыми словами называют слова или словосочетания в тексте, наиболее значимые для понимания его смысла.

При выделении ключевых слов в учебном тексте следует руководствоваться некоторыми правилами. Во-первых, ключевые слова не связаны друг с другом. При выписывании не следует пытаться построить предложения. Это задача последующих этапов. Примерная запись ряда ключевых слов: *semi-conductors – heat – metals*. Не-

которые авторы считают возможным изложить основное содержание любого текста путем выделения, а затем стяжения ключевых предложений. Однако, как показывает опыт, подобное стяжение в большинстве случаев не приводит к связному тексту. На этом основании мы рекомендуем работать с ключевыми фрагментами (словосочетаниями, отдельными словами), а не с целыми предложениями. Рассмотрим пример поэтического текста К. Крапивы «Дед и баба» в переводе на английский язык:

Grandpa and Grandma
Grandpa to the market rode,
Grandma with him in the waggon,
Horse looks useless for the load
With but feeble effort dragging.

Two years and no more he's grown
So the neighbours all are saying,
Grandma all of nineteen stone
And no less than that is weighing.

In the mud or up the hill,
Horse with all its might is dragging,
Grandma's helping with a will,
Though still sitting in the waggon.

What's this, then, a two-year old!
And she starts her feet a-tapping,
On the footboard kicking bold,
Might and main she banging, rapping.

'Stop it, and come down, you fool!'
Grandpa says to Grandma, scoffing,
'You help the horse, but by that rule
Illnesses are helped by coughing!'

'Ah, you ancient dunderhead!'
Grandma says, at Grandpa scolding,
'Stop there till you burn,' she said,
'Little do I need!' she told him.

But at last she did alight,
By the roadside sat down squarely,
Like a field the horse took flight,
Just as fast as legs could bear him.

Often in some jobs you see
'Grandmas' like this if you seek them,
They work at something, certainly,
But the enterprise goes weakly.

And things will not move this way.
We must tell them, 'Work is flagging;
Would it not be lighter, say,
Without you? Come quit the waggon!'

Проанализировав данный текст, мы приходим к выводу о том, что ключевыми словами здесь являются следующие: Grandpa, Grandma, horse, weakly, job, quit. Также выделяем фразовое сочетание, которое переводчик практически дословно перевел с языка оригинала, тем самым сохранил национальный колорит и передал смысл стихотворения. Таким образом, составив цепочку ключевых слов Grandpa, Grandma, horse, weakly, illnesses are helped by coughing, job, quit, студенты могут составить предложения и передать краткое содержание стихотворения.

Во-вторых, форма, в которой фиксируется ключевое слово, может не совпадать с оригиналом. Например, оригинал: *the heat is conducted*; фиксация ключевого слова: *con-*

ductivity. Необходимо отметить, что это правило не будет относиться к поэтическим текстам, где изменение формы ключевого слова может привести к искажению смысла.

В-третьих, порядок следования ключевых слов в тексте произволен. В одном и том же абзаце можно выбрать несколько ключевых слов. В то же время, ряд абзцев могут не содержать ни одного. Собственно говоря, данное правило применимо и к поэтическому тексту.

В-четвертых, ключевые слова могут быть получены в результате перефразирования отрезков оригинала. В этой связи целесообразно учитывать синонимические выражения, рассредоточенные по тексту. При выборе ключевого синонима следует ориентироваться на степень его обобщенности и емкости выражаемого им смысла, равно как и на целесообразность предстоящего использования его в монологической или диалогической речи: *sputnik – man-made satellite – baby-moon – flying laboratory*. В ходе работы с переводом стихотворения М. И. Цветаевой «Писала я на аспидной доске...» на английский язык, мы выделяем ключевое слово *write*. Переводчик использует синонимичный вариант этого слова – *sign*, но так как слово *write* является более обобщенным и имеет несколько повторов в тексте, то именно его мы фиксируем в качестве ключевого.

*I wrote it on a blackboard,
On faded pages of old paper fans,
On window glasses I wrote it by my ring,
On sand shores of the sea I wrote,
On the ice of river I wrote wearing skates,
That you've been loved, loved, loved!
I've signed by rainbow in the sky.
How I wanted that one has flourished through centuries,
With me! You, who tear my heart!
Who wasn't sold! Inside the ring!
You'll survive on the wheels of history!*

В-пятых, ключевые слова могут явиться результатом извлечения имплицитного смысла соответствующих абзцев (например, часто имплицитность отрывка сводится к тому, что в тексте упомянут ряд факторов, которые ключевыми назвать нельзя. Каждый из них, характеризуя какую-то отдельную черту описываемого явления, имеет частный характер и не содержит достаточного обобщения. Читатель предстает перед необходимостью составить обобщающую формулировку. Так, в отрывке: *Our country ranks first in the world in the explored reserves of copper ores. It holds first place in the world in reserves of lead ores. We lead the world in the known reserves of manganese and tungsten. Our country is also among the world's leading suppliers of aluminium ores, bauxites and many other ores* каждое предложение имеет свое собственное содержание, отличное от содержания других. Но все предложения обнаруживают общность смысла, которая может быть зафиксирована в результате абстракции с помощью одного ключевого слова, а в анализируемом примере словосочетания *mineral-wealth*.

Итак, рассмотрев разные подходы к проблеме определения понятия «ключевые слова», необходимо отметить, что решение данной проблемы не может быть предпринято только в рамках какого-то одного подхода. Ключевые слова – это лексико-семантические элементы текста, неоднократно повторяющиеся в его пределах, обеспечивающие его семантическую связность и целостность, обладающие особой смысловой значимостью, являющиеся фиксаторами наиболее важной для реципиента информации, необходимой для построения им интерпретации смысла и адекватного понимания замысла. Ключевые слова в тексте могут быть рассмотрены с двух позиций: с

позиции автора и с позиции реципиента. В первом случае они могут быть намеренно выделены самим автором в тексте специальными графическими средствами. Во втором случае ключевые слова могут быть выявлены только после постановки соответствующей исследовательской задачи. Основными функциями ключевых слов являются следующие: связующая, экспрессивная, указательная, компрессивная, порождающая и ассоциативно-смысловая эксплицирующая.

Остается отметить, что не все правила выделения ключевых слов в учебном тексте применимы к поэтическому тексту. Даже если допустить, что целью выделения

ключевых слов в процессе преподавания иностранных языков является дальнейшая передача краткого содержания и смысла учебного текста или стихотворения с последующим высказыванием собственного мнения, правила выделения ключевых слов будут отличаться. Так, в ходе работы с учебным текстом допустимо фиксировать ключевое слово в видоизмененной форме, что неприменимо по отношению к поэтическому тексту. Ключевые слова также могут явиться результатом извлечения имплицитного смысла учебного текста, однако это не будет характерным для поэтического текста.

Литература

1. Лукин, В. А. Художественный текст: Основы лингвист. теории и элементы анализа: учебник / В. А. Лукин. – М.: Ось-99 – 189 с.
2. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – М.: Наука, 1983 – 215 с.

В. Н. Сергей (Мозырь, Беларусь)

КОММУНИКАТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА И СВЯЗНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Как единица коммуникации высказывание – многопланово: оно даёт информацию об объекте, который описывает адресант речи и одновременно выражает объективное или субъективное отношение автора к описываемым событиям. Особенно ярко коммуникативно-прагматическая направленность высказываний автора проявляется в поэтических текстах. Перспектива построения, целостность и связность поэтического текста выражается в коммуникативной преемственности между его связующими элементами, яркими представителями которых во французском языке являются детерминативы. Суть преемственности, целостности и связности текста заключается в том, что каждое последующее высказывание или строфа в стихотворении опираются в коммуникативном плане на предшествующие, продвигая высказывания от неизвестного к известному, а затем снова от «данного» к новому. Тем самым образуется коммуникативная цепочка, имеющая свои разграничительные маркеры, следуя которой продвигается информация. Структура коммуникативной цепочки, маркерами в которой являются детерминативы, поддается прогнозированию и может быть сведена к нескольким предполагаемым моделям. Рассмотрим отдельные модели на примере нескольких стихотворений из поэтического сборника Т. Готье «Эмали и камеи» в переводе Н. Гумилёва. Как известно Т. Готье был сторонником предметности (а французские артикли являются основными указателями на предметность), стабильности и эстетики в искусстве. В этом смысле предметность слова, его твердый материальный смысл, четкость и окрашенность роднит Готье и Гумилёва.

Наиболее распространенной коммуникативной моделью построения строф стихотворения Т. Готье является простая линейная цепочка «автор-наблюдатель» – «автор – участник событий» – «персонификация событий, преломление их через авторское «Я», заключающаяся в цепочном постепенном отождествлении автором описываемого явления с собой или со сторонним наблюдателем. Ср.:

Tout près du lac filtre une source, *Близ озера источник плещет,*
Entre deux pierres, dans un coin; *Меж двух камней ему легко;*
Allégrement L'eau prend sa course *Вода смеющаяся плещет,*

Comme pour s'en aller bien loin. *Как бы собравшись далеко.*
Elle murmure: Oh! quelle joie! *Она лепечет: Я довольна.*
Sous la terre il faisait si noir! *Так жутко было под землёй,*
Maintenant marive verdoie. *Теперь мой берег – луг при-
вольный,*
Le ciel se mire à mon miroir. *Играет солнце надо мной.*

[1. Lasource – Ключ (источник), 122-123].

Повествование начинается с введения в понятийный аппарат адресата речи какого-то источника (ключа) – *unesource*. Автор наблюдает за ним и вполне закономерно маркером неизвестности, введения объекта в понятийный аппарат адресата речи, служит неопределённый артикль. По мере подачи информации автор как бы сам погружается в описываемую ситуацию, становится её участником и передаёт сведения слушающему более полно, идентифицировав описываемый объект: *l'eau prend sa course* – букв. вода берёт своё направление, что обозначается в речи определённым артиклем. Признаком полной идентификации описываемого объекта является его персонификация по воле автора речи: *Maintenant marive verdoie* – Теперь мой берег зеленеет, *Leciel se mire à mon miroir* – Небо смотрится в моё зеркало. Маркером преломления описываемой ситуации через собственное «Я» автора служит использование в речи притяжательных местоимений *tu, ton* (во французском языке – притяжательных прилагательных). Данной коммуникативной моделью показывается перспектива построения поэтического текста. Автор демонстрирует его целостность и связность, подавая пошагово информацию от неизвестности до полной её идентификации для адресата речи, являясь то сторонним наблюдателем, то участником событий описываемой ситуации.

Другой коммуникативной моделью является цепочка со сквозным единым именованном описываемого объекта с разной степенью осведомленности о нем: от общего неопределённого именованного *unoiseau* – *какая-то птица* (естественно с неопределённым детерминативом) до полной идентификации *Il* – *она* через некоторую неуверенность *unmerle* (*может быть дрозд*). Ср.:
Unoiseau *siffle dans les branches* *В лесу свистит протяжно птица*
Et sautille gai, plein d'espoir, *И на обмерзлые кусты*
En bottes jaunes, en frac noir. *С надеждой светло садится.*
Фрак черен, сапоги желты.

C'est un merle, chanteur To дрозд, наивный по природе,
 crédule,
 Ignorant du calendrier, He знающий календаря,
 Qui rêve soleil, et module Что верит в солнце и выводит
 L'hymne d'avril en février. Апрельский гимн среди января.

Далее по тексту следуют строки:

L'oiseau persiste en sa chanson – (Птица) И так настойчиво поёт.
Il croit à la jeune saison – Всё верит, что тепло придёт.
Il gronde l'aube paresseuse – Смеётся над зарёй ленивой.
Il voit jour derrière l'ombre – И видит день, что скрыт тенями...
 A la nature il se confie – Она доверилась природе.

[1. Lemerle – Дрозд, 184-186]

Автор постепенно идентифицирует описываемый объект, находясь в позиции наблюдателя, затем участника ситуации и, наконец, опять наблюдателя за вполне определенным объектом (дроздом). Пошагово подаётся информация: *какая-то птица; черное оперение, желтые лапки; то дрозд; он (она – эта птица)*. Маркерами разной степени осведомленности и связующими элементами текста являются детерминативы: от неопределённого *un* через определённый *il*, до лично местоимения *il*.

Наконец, коммуникативная цепочка может быть образована, подобно первому типу, на базе последовательного именования (ключевыми именами существительными) описываемых объектов с разной степенью осведомленности о них.

A travers la folle risée Среди шума, криков, что упрямо
 Que Saint-Marc renvoie На Лидо площадь Марка шлёт,
 au Lido,

Une gamme monte en fusée, Одна взнеслась ракетой гамма,

Comme au clair de lune Как в лунном блеске водомёт...
un jet d'eau...

Un regret, ramier qu'on étouffe - Упрек. как голубистомлennyй.

Comme un rêve presque effacé... - Как сон забытый и негорячий...

Mon vieil amour de l'an passé - Той, что любил я год назад.

Mon âme en pleurs s'est souvenue Испомнила душа в печали

De l'avril, où, guettant Апрельцоу, где, ища
 au bois

La violette à sa venue, Фиалокранный, мысжимали
 Sous l'herbe nous Друг другу руку среди плюца
 mêlions nos doigts...

[1. Clair de lune sentimental – Сентиментальный светлуны, 54-56].

Различные объекты с разной степенью определенности в речи объединены общей темой любви: *Mon vieil amour. Mon âme – Моя прежняя любовь. Моя душа.* Притяжательные прилагательные *mon, toi* используемые автором, отождествляющим себя с главным действующим лицом, побуждают адресата речи искать обратную связь в тексте, а именно ключевые слова и выражения: *Un regret, un jet d'eau, un regret, un rêve presque effacé – гамма, словно водомет, упрек, почти забытый сон.*

Это те слова и сочетания, которыми автор постепенно вводил адресата в курс дел, заставлял его ассоциировать данные понятия с финальным:

Joviale mélancolique, Весёлый и меланхоличный,
Ah! vieux thème de carnaval, Сюжет старинный, где

Où l'erireaux larmes réplique,

Que ton charme m'a fait de mal!

слиты,

С одной слезою смех обычный,
 Как больно делаешь мне ты!

Фрагменты таких коммуникативных цепочек поэтического текста связаны между собой поступательной связью. Обобщающее понятие (общая тема) может быть названа и чаще всего называется в конце поэтического повествования.

Структурная целостность и связность поэтического текста обеспечивается единством или многообразием именованных описываемых объектов, входящие в состав строф стихотворений. Они связаны между собой не только единством тематики и отношением коммуникативного пошагового продвижения информации, осведомления адресата речи, но и разнообразными внешними сигналами, яркими представителями которых являются французские детерминативы.

Сигналами структурной связности поэтического текста служат выбор артикля и местоимения, употребление притяжательных прилагательных и, возможно, многие другие факторы, включающие структурно-семантические связи в тексте. Они активно участвуют в установлении поступательных связей между высказываниями, составляющими стихотворные строфы, выполняя, таким образом, текстообразующую функцию.

При рассмотрении любого отдельного высказывания стихотворного текста изолированные от контекста предложения не могут получить аргументированного объяснения выбора того или иного детерминатива. Любое предложение не может считаться завершённой единицей стихотворной структуры, т. к. содержит маркеры (детерминативы) как поступательной, так и обратной связи в тексте, которые обретают смысл лишь в составе стихотворных строф. Ср.:

C'est un merle, chanteur crédule,

To дрозд, наивный по природе,

Qui rêve soleil, et module

Что верит в солнце и выводит

L'hymne d'avril en février.

Апрельский гимн среди января.

L'oiseau persiste en sa chanson

– (Птица) И так настойчиво поёт.

Il croit à la jeune saison

– (Она) Всё верит, что тепло придёт.

Сигналами несамостоятельности предложений *C'est un merle, chanteur crédule* и *il croit à la jeune saison*, показателями связей в стихотворной строфе являются неопределённый артикль *un* и личное местоимение *il*. Первый маркер указывает на поступательность развития событий (от неизвестности к осведомленности), второй – на обратную связь в тексте (от известности к отдельным характеристикам: кто же такой *il – он?*). Тем самым употребление детерминативов и местоимений по воле автора речи устанавливает связи рассматриваемых предложений с другими предложениями, составляющими текстовое окружение.

Связь между всеми предыдущими и последующими предложениями осуществляется не одним каким-либо из описанных выше средств, а совокупностью средств (артиклями, местоимениями, разными видами лексических повторов, контекстуальными синонимами, единством временного плана и др.). Эти средства связи взаимонаправлены, идут не только по ходу развития текста, а одновременно сверху вниз и снизу вверх, переплетаются, взаимно дополняют друг друга и создают целостный, связный поэтический текст.

Таким образом, перспектива построения поэтического текста и его целостность проявляются одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной

связности, пограничными маркерами которой являются французские детерминативы.

Литература

1. Готьё Т. Эмали и камни / Т. Готьё // Сборник / сост. Г. К. Косиков. – М.: Радуга, 1989. – На фр. языке с параллельным русским текстом. – 368 с.

О. В. Сергушкова (Мозырь, Беларусь)

ТИПЫ, ЗНАЧЕНИЯ И РОЛЬ В ТЕКСТЕ СЕГМЕНТИРОВАННЫХ СИНТАКСЕМ КОСВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ

Целью нашей работы было определение структурных, семантических и коммуникативных признаков сегментированных конструкций (СК) с главными компонентами – синтаксемами косвенных падежей имени существительного, а также их роли в тексте. Исследование проводилось на материале газетных статей.

В результате анализа мы получили следующие результаты:

1. СК – это следствие сегментации, при которой канонические языковые единицы, уже сегментированные естественным образом в предложении, выносятся в позицию **суперсегментации** – за его пределы, становясь маркированными по признаку «вытесненности» из предложения в позицию самостоятельного высказывания. СК может быть назван любой отчленённый от базового предложения (БП) фрагмент, т. е. СК – это инвариантная коммуникативная единица текста, представляющая собой синтаксический отрезок, отделённый от БП знаком конца предложения, линейно занимающий по отношению к БП лево- или правостороннюю позицию, образующий вместе с БП сегментированный текст (СТ) и выполняющий коммуникативно значимую функцию в темо-рематическом членении высказывания. Н-р: *Отдохнуть надо. И вам, и ребёнку...* (СБ. – 2006. – 14 июня.)¹

¹Примечание – Обозначения и сокращения: I. Нежирный курсив – текст без СК; жирный курсив – СК; жирный курсив с подчёркиванием – сегментированная синтаксема. II. Газеты: ЛГ – «Литературная газета», СБ – «СБ – Беларусь сегодня».

2. Среди СК, занимающих правостороннюю позицию по отношению к БП (левосторонние СК не рассматриваются), в зависимости от коммуникативных функций, участия в выражении темы и ремы текста и его частей нами выделены парцелированные конструкции (ПК), конструкции собственно сегментированные (КСС) и присоединительные сегментированные конструкции (ПСК). В ПК структурируется P'_2 ; в КСС содержится P_1 , которая уточняет или поясняет рему БП; в ПСК реализуется типовая семантика присоединения, вследствие чего в них всегда **есть P_2 добав.**²

²Примечание – Обозначения: Т – тема, Р – рема, индекс при Т и Р – порядковый номер Т и Р в СТ; сокращённые слова при индексе – коммуникативные значения Р; P_1 – транспортированная из БП в СК часть P_1 ; P'_2 – транспортированная из БП в СК вторая рема СТ; P_2 добав. – транспортированная из БП в СК добавочная рема СТ.

3. Исследованию подвергались 2300 сегментированных синтаксем имени существительного. Именительный падеж (670 СК) описан в [2].

4. Сегментированные синтаксем родительного падежа представлены 400 примерами, составляющими 17% от всех сегментированных синтаксем имени суще-

ствительного. Из них 193 ПК, 136 КСС, 11 СПК, 60 синтаксем, включающих производные предлоги и относящихся к разным коммуникативным типам. В отчленённой части найдены словоформы более чем с 20 коммуникативными значениями. Чаще других сегментируются синтаксем: 1) без + Род. п. со значением **признака, отсутствия которого характеризует предмет** [1] (60), н-р в СТ с отчленением КСС, расширяющей и уточняющей P_1 : *даже утопическая фаза перестройки ... родилась из безответственности. Из психологии баловня, маменькина сынка...* (ЛГ. – 2001. – 4 – 10 апр.); 2) Род. п. без предл., из + Род. п., из-за + Род. п, от + Род. п. с **каузативным** значением, н-р: *Это невыносимо. Это то, от чего все войны у нас происходят. От злобы, от неустрашенности, от непонимания.* (ЛГ. – 2000. – 30 авг. – 5 сент.). Продуктивными коммуникативными моделями СТ с данной парцелированной синтаксемой являются:

$T_1 - P_1. P'_2$ (сущ. 2)_{кауз.}; $T_1 - P_1. P'_2$ (из + сущ. 2)_{кауз.};
 $T_1 - P_1. P_2$ (из-за + сущ. 2)_{кауз.}; $T_1 - P_1. P_2$ (от + сущ. 2)_{кауз.};
3) для + Род.пад., ради + Род.пад. с **дестинативным** значением, н-р: *И на десерт было шоу. Но только для взрослых.* (СБ. – 2005. – 10 июня. – С. 8.)

В публицистическом нарративе широко употребляются также сегментированные синтаксем со значениями **квалитатива** (36), **темпоратива** (28), **директива** (27) и др.

5. Сегментированные формы имени существительного в дательном падеже по сравнению с другими падежами оказались самыми малочисленными: всего найдено 190 СК (8, 3% от всех сегментированных синтаксем имени существительного). Среди них 104 ПК, 45 КСС, 32 СПК, а также 9 единичных СК разных коммуникативных типов. Чаще сегментируются синтаксем, являющиеся предцирующими компонентами со значением **адресата**: Дат. п. без предл.; к + Дат. п.; их в нашем материале 40: 22 ПК; 10 КСС; 8 СПК. Данные синтаксем структурируют следующие продуктивные коммуникативные модели СТ:

$T_1 - P_1. P'_2$ (сущ. 3)_{адрес.}; $T_1 - P_1. P'_2$ (к + сущ. 3)_{адрес.};
 $T_1 - P_1$ адрес. P_1 (сущ. 3)_{адрес.}; $T_1 - P_1$ адрес. P'_1 (к + сущ. 3)_{адрес.};
 $T_1 - P_1. P'_2$ (сущ. 3)_{адрес. добав.}; $T_1 - P_1. P'_2$ (к + сущ. 3)_{адрес. добав.}

Можно отметить также сегментированные синтаксем со значениями **каузатива** (30), **директива** (21), **объектного распространителя** (14) и др.

Свободный характер рассматриваемых сегментированных синтаксем подчеркнут сегментирующей позицией. Н-р: *Мирский замок – первый объект такого масштаба, реставрируемый в Беларуси... все, кто здесь работает, надеются, что за многолетние старания воздастся. И стране, и людям. И истории.* (СБ. – 2001.

– 3 февр.), где при сегментации акцентируются два предикативных компонента – первый предикат *воздастся* в последней предикативной части базовой структуры и второй предикат за пределами БП – в сегментах *И стране, и людям. И истории*. (Ср. с предложением без сегментации: *Мирский замок – первый объект такого масштаба, реставрируемый в Беларуси... все, кто здесь работает, надеются, что за многолетние старания воздастся и стране, и людям, и истории*, в котором в той же части высказывания реализуется только одна рема – выделенная). В базовой структуре семантика общей адресованности (адресованности вообще) исчерпана, её носителем выступает безличный глагол *воздастся*. Зависимый от него компонент оказывается семантически не обязательным, но коммуникативно востребованным, т. к. для автора важно не только конкретизировать, но и рубрикативировать адресаты, что отчётливо реализуется в СК, состоящей из форм дательного падежа, выступающих в иерархии рем на высоком уровне ключевых компонентов текста *страна, люди, история*.

6. Наиболее часто встречаются сегментированные синтаксемы винительного падежа. Проанализировано 420 единиц (18% от всех сегментированных синтаксем имени существительного), выявлено 25 коммуникативных ролей данных СК в тексте. Об активности структурируемых синтаксемами винительного падежа СК в темпоративной организации высказывания свидетельствует преобладание в их составе ПК, которые образуют массив из 238 единиц (56, 6% от всех сегментированных синтаксем данного падежа). КСС – 141, СПК – 25, единичных сегментированных синтаксем разных коммуникативных типов – 16. Чаще других отклоняется от БП связанная синтаксема Вин.п. без предл. со значением **объекта действия** (120 употреблений, т. е. 28, 6% от всех сегментированных синтаксем данного падежа). Она является главным компонентом моделей СТ: 1) $T_1 - P_1$ об. действ. P'_2 (сущ. 4) об. действ. Н-р: *В случае с «Жар – жаром» можно говорить об эпатаже, имея в виду ... избыток мастерства. / И голос Ивана Кирчука...* (СБ. – 2009. – 4 февр.); 2) $T_1 - P_1$ об. действ. P'_1 (сущ. 4) об. действ. Н-р: *... в советское время сюда (в Эрмитаж – О. Л.) передавали вещи из разных источников. Утварь дворянских усадеб..., национализированные коллекции... Иконфискат.* (СБ. – 2006. – 11 авг.); 3) $T_1 - P_1 P'_2$ (сущ. 4) об. действ. добав. Н-р: *Кто не рискует, тот не пьёт шампанское... Ивалидол.* (СБ. – 2007. – 7 дек.). К достаточно частотным СК данного типа следует отнести сегментированные синтаксемы со значениями **темпоратива** (60), **каузатива** (50), **директива** (38), **дименсива** (27), **делиберата** (22) и др.

Из многочисленности коммуникативных функций и значений сегментированного винительного падежа прослеживается его высокая информативность и широкая пространственность.

7. Сегментированные синтаксемы творительного падежатакже оказались достаточно встречаемыми в публицистическом нарративе: их количество составило 300 единиц (13% от всех сегментированных синтаксем имени существительного), из них 152 ПК, 110 ССК, 33 СПК, 5 единичных разных коммуникативных типов. Наиболее продуктивные модели структурированы свободной синтаксемой (со) + Твор. п. со значением **комитатива** (100 единиц, т. е. 33, 33% от всех сегментированных синтаксем творительного падежа), здесь преобладают ПК: 55 употреблений против 25 КСС и 20 СП; синтаксемой-предикативом Твор. п. без предл. (50) в

моделях $T_1 - P_1. P'_2$ (сущ. 1) предик. Н-р: *Сон может стать ... и психологом, и лекарем, и даже советчиком. Но, заметьте, не пророком!* (СБ. – 2006. – 29 июля.); $T_1 - P_1$ (сущ. 5) предик. P'_1 (сущ. 5) предик. Н-р: *На самом деле Исачёв был счастливым человеком. Не жертвой, а победителем.* (СБ. – 2005. – 12 янв.); синтаксемой с **квалитативным** значением (со) + Твор. п. (32). Достаточно часто сегментируются такжесинтаксемы со значениями **медиатива** (28), **локатива** (15), **субъекта-партнёра** (14) и др. Всего выявлено 19 значений СК.

8. Сегментированные синтаксемы предложного падежа представлены 320 единицами, из которых 148 ПК, 134 КСС, 51 КСС, 7 единичных СК разных типов. Количество коммуникативных ролей – 11. Особенно часто в структурировании СК принимают участие следующие синтаксемы предл. п.: 1) В + предл. п., На + предл. п. с **локативным** или **локативно-темпоральным** значениями (120 СК), н-р: *Настоящих миллионеров всё больше. В кино.* (СБ. – 2003. – 5 дек.). Одна из коммуникативных моделей СТ с предложным падежом локативного значения: $T_1 - P_1. P'_2$ (сущ. 6) локат.; 2) синтаксема-делибратив О (об) + предл. п. (90 СК), н-р: *... Но сейчас речь пойдёт не о несчастных рестораторах. А о советском деликатесе – чёрной икре* (СБ. – 2006. – 6 июня.). Достаточно часто обогащают текст дополнительные смысловыми оценками сегментированные синтаксемы со значениями **субъекта-носителя признака** (18), **темпоратива** (17), **лимитатива** (16) и др.

9. Наибольшими частотностью и разнообразием отличаются сегментированные синтаксемы – носители рематического содержания **причинно-следственного** характера. Сегментированные синтаксемы имен., дат., род., вин., твор. падежей структурируют несколько оппозитивных рядов, репрезентирующих категорию причинности, н-р при акцентировании внимания на второй реме, обозначающей воздействующий фактор – **каузатор**, **каузатор-делибратив**, **объект-каузатор**:

1) P_2 (сущ. 3) кауз-р, н-р: *...покоряясь внутреннему чутью. Его Величество Случай* (ЛГ. – 2000. – 20 – 26 дек.);

2) P'_2 (сущ. 1) об. -кауз-р, н-р: *... радуют простые вещи. Например, здоровье.* (СБ. – 2004. – 6 мая.);

3) P'_2 (на+сущ. 4) об. -кауз-р, н-р: *Жаловаться мы любим. Особенно наусталость.* (СБ. – 2006. – 17 февр.);

4) P'_2 (сущ. 5) об. -кауз-р, н-р: *... «счастье» возделано трудом своей души. Жизнью не во лжи.* (ЛГ. – 2003. – 24 – 30 дек.);

5) P_2 (за+сущ. 4) кауз-р-делиб., н-р: *... советская «фильма» нравится до сих пор. Наверное, за наивные поиски любви* (СБ. – 2007. – 27 апр.).

Оппозитивный ряд: P'_2 (сущ. 3) кауз-р – P'_2 (сущ. 1) об. -

кауз-р – P'_2 (на+сущ. 4) об. -кауз-р – P'_2 (сущ. 4) кауз-р-делиб. – P'_2 (сущ. 5) об. -кауз-р.

Несколько сегментированных падежных форм принимают участие в структурировании и других универсальных категорий языка: **темпоративные** меры выражаются сегментированными синтаксемами род., дат., вин. и предл.; **квалитативные** – им., род., твор.; **локативные** – род., твор., предл.; **финитивные** – род., вин., твор.; **делибративные** – им. и вин.; **директивные** – род. и дат.; **дименсивные** – род. и вин. падежей.

Выводы

1. Проведённое исследование показало, что СК, акцентируя рему высказывания, попадают в сильную позицию смыслового выражения. В них происходит более

отчётливая актуализация семантических компонентов составляющих лексем, чем при расположении в БП. Но и в БП, благодаря СК, темо-рематический материал часто подвергается перераспределению, а рематический компонент сильнее акцентуируется.

2. При сегментации свойственная синтаксемам семантика становится достоянием текста, т. е. он обогащается новыми смысловыми нюансами. Многие из которых характерны для отношений между предложениями-высказываниями в тексте. Но в СК эти смыслы более отчётливы.

3. Одинаковые коммуникативно-синтаксические роли у разных именных синтаксем подтверждают систем-

ность данного участка синтаксиса, структурированного не случайными, субъективно выделенными единицами, а парадигматически и синтагматически связанными СК.

4. Сегментированные синтаксемы косвенных падежей имени существительного принимают участие в моделировании многих универсальных языковых категорий, пополняя состав средств их выражения, дифференцируя семантику и коммуникативные варианты, а также в решении частных коммуникативных задач и обогащении темо-рематического смысла текста различными дополнительными оттенками.

Литература

1. Значения синтаксем извлечены из: Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – Изд. 2-е, испр. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 440 с.

2. Липская О. В. Коммуникативные функции сегментированных синтаксем именительного падежа (на материале газетных статей на русском и белорусском языках) / О. В. Липская / Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 20 – 21 марта 2008 г.: в 2 ч. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол. Т. В. Балуш (отв. ред.), В. Д. Старичёнок, И. П. Кудреватых. – Минск: БГПУ, 2008. – Ч 1. – С. 164 – 166.

С. А. Швачко (Сумы, Украина)

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ СЛОВ ЗАМЕЩЕНИЯ

В настоящее время едва ли найдутся желающие опаривать тезис о системности языка, его упорядоченной представленности. Система, организуя «материю языка», ставит перед учеными вопросы взаимодействия формы и содержания в самом широком смысле [2: с. 9].

Исследование языковой эмпирии на современном этапе не может осуществляться без надежности лингвистической таксономии, систематического сравнения (сопоставления) и описания языковых явлений. Предметом анализа в современной лингвистике выступают факты в реальном бытии – в статике и динамике, в настоящем и прошлом, во взаимодействии формальных и содержательных категорий, во всех аспектах социальной сущности. Лингвисты изучают системную представленность языковых явлений комплексно, раскрывают онтологию и гносеологию их причинно-следственных, последовательных, одновременных и коэзистенциальных связей, обращают особое внимание на природу языкового знака. При этом широко используются теоретические положения о знаке, согласно которым знак – это «нечто заменяющее для кого-либо что-либо по некоторому свойству или способности» [5: с. 123]. Знак условен по отношению к явлениям объективной действительности, которые (явления) имеют разные обозначения в разных языках, а не редко – в одном и том же языке. Означаемое – отображение действительности в нашем сознании, которое хотя и относительно, но отнюдь не условно, не произвольно.

Знаки естественного языка, утверждает В. И. Кодухов [4: с. 125], являются первичными. Наряду с ними существуют вторичные знаки – субституты. Ср. вспомогательные и искусственные языки. Буква является субститутом фонемы, замечает ученый, а формула – субститутом модели предложения. Знаки-субституты, возникнув на основе языковых знаков, образуют особые системы: международные языки типа эсперанто, научную символику как метаязык для записи математических, химических понятий, суждений и т. д. Вторичные знаки в метаязыке служат для передачи ограниченной информации, зачастую, ее перекодировки.

Языковые (первичные) знаки являются всеобъемлющими: передают, хранят информацию, оформляют мысли, обозначают эмоционально-психологические состояния субъектов, их волеизъявления; обладают значением, значимостью, поверхностной и глубинной структурой, семантической подвижностью, адаптивностью, принадлежностью к вербальной системе, коррелирующей с невербальными знаками. Социальность языка проявляется в его природе, он существует в обществе, является семиотической системой, единицы которой замещают предметы / понятия, обладают значениями, значимостью, социально и структурно мотивированы. Язык – общественный инструмент, признак человеческого общества [4: с. 132]. Семантика первичных слов отражает внеязыковой мир, направлена на него. Вторичные слова семантически коррелируют с первичными, отражающими результаты когнитивной деятельности человека. Вторичные слова – знаки (З_н) языковых знаков (З_{н1}) – соотнесены с феноменом избыточности, количественным и качественным развитием языковой системы. Прерогативой языка, его парадигматической представленности является системная организация его единиц и частей.

Первичные и вторичные знаки образуют специфические подсистемы. Каждый из этих знаков входит в систему как часть в целое, он связан с другими единицами и частями языковой структуры. Сложность языка очевидна не только в его строении, но и в функционировании. Языковая система, состоящая из первичных и вторичных знаков, – глобальна по значению, многоярусна по структуре, полифункциональна по целям [6: с. 109].

Словесные знаки (как первичные, так и вторичные) складываются из значимостей и значений, которыми они обладают. Неограниченные возможности варьирования знаков находят выход в полисемии, омонимии, синонимии и полилексии, в действительности принципа асимметричного дуализма [3: с. 30]. Специфическую связь факторов знак – предмет – понятие о предмете регистрируется в формуле: «слово выражает понятие о предмете, им обозначенным» [6: с. 125].

В научных исследованиях о словесном знаке ученые идентифицируют постоянные и предметные знаки, устанавливают сферу устойчивого и изменчивого, узуального иokkaзионального, прямого и переменного, ближнего и дальнего, распознают значения и употребления, первичные и вторичные семантические функции, знаки языка и знаки речи, адаптивные и случайные ценности знака, прямую и смещенную речь.

Особый интерес представляет изучение онтологических свойств вторичных знаков вербальной системы – единиц замещения. Актуальность исследования этих знаков обусловлена тенденцией современной лингвистики, а именно: комплексным анализом языковых и речевых единиц, их соотносительностью с парадигматической и синтагматической данностью, с семиотическими вербальными и невербальными системами, с лингво-социальными аспектами лексических пластов, а также малоизученностью сущности заместителей, их языкового статуса и функциональной нагрузки.

Замещение (субституция) как лингвистическое явление отличается универсальностью: Ср. англ. substitution, to substitute, нем. Substitution, фр. substitution, лат. substitutum < sub – "instead" + stature – "establish, to set up"... substitute – thing used instead of another; person taking the place of another; Margarine is a substitute for butter. A substitute taught us at school today. Substitution – the use of one thing for another; putting one person or thing in the place of another; taking the place of another.

В группе однокоренных слов обособляются substitute, substituting, substituted, substitution, substitutional, substitutive.

Ср. He is substitution for his brother; to substitute nylon for cotton.

Обращение к лексикографическим источникам позволяет распознать наличие лексико-семантического поля "замещение" как исторически сложившейся подсистемы английского языка. Языковое замещение реализуется на лексическом, синтаксическом и фразеологическом уровнях. На лексическом уровне обособляются местоимения (говорящий термин), а также pro-words типа do, did, shall, will.

На синтаксическом уровне валидными представляются грамматические синонимы типа to smoke :: to have a smoke; would dance :: used to dance; I saw him run :: I saw him running.

На фразеологическом уровне выделяются ряды взаимозаменяемых (в пределах действующих норм) не-предикативных и предикативных единиц.

О. С. Ахманова указывает на случаи замены грамматических форм в значениях, отличных от традиционных, основных. Например: Завтра я уезжаю; Из шатра... выходит Петр [1: с. 154]. О. С. Ахманова обращает внимание на лексическую замену (употребление другого слова вместо прежде употреблявшегося при совпадении их значений). Использование синонимов обуславливается, замечает О. С. Ахманова, желанием избежать неупотребительных форм.

Замещение (субституция), таким образом, предполагает замену одного элемента другим без изменения содержательного наполнения первого. Субституция как метод используется для определения тождества-различия языковых единиц с целью их интеграции и распознавания онтологических свойств и т. д. Замена и повтор базируются на исходном языковом материале. В отличие от повтора замена не предполагает тавтологии. И субституция, и повтор представляют явления вторичной номинации. Эти процессы обусловлены действитель-

ностью принципов динамизма и открытости языка как системы. В языке – целостной семиотической системе – вербальные знаки (как первичные, так и непервичные – вторичные) служат средством когнитивного процесса лингвокреативной деятельности человека. Свойством генерировать бесконечное число новых единиц и семантических значимостей обладают лексические знаки замещения и незамещения. Категория замещения – это гетерогенная система неоднородных, многоярусных элементов, образующих подсистему вторичных номинаций с общим семантическим компонентом "instead of", "taking place of".

Как виртуальные знаки единицы замещения (Z_2) характеризуются номинативной деятельностью, как актуальные – синтагматической. Различительным признаком Z_2 является общий семантический множитель "instead of", так называемая внутрисистемная значимость (valour) [6: с. 405]. В условиях синтагматики Z_2 отличаются специальным назначением или "семантическим приращением". Абсолютная и относительная величины Z_2 представляют собой своеобразную транспозицию системного значения на оси отбора и комбинирования. Z_2 находятся на пересечении (как и другие знаки естественного языка) основных координат парадигматики и синтагматики. В связи с тем, что Z_2 замещают Z_1 с номинативной функцией, Z_2 отмечены бифункциональностью.

Симультанное представление функции номинации (Nom) и замещения (Sub) можно представить в форме (Nom + Sub). Общим категориальным признаком Z_2 является наличие Sub, а сема Nom является нестабильной, переменчивой, что объективируется характером Z_1 . Семантическое тождество Z_2 объективируется характером Z_1 , свидетельствует о реальном модусе существования и функционирования этих единиц.

В зависимости от характера семантики (нарицательные и собственные имена, заменительные и служебные слова) языковые единицы выполняют различные функции. Факт взаимообусловленного сосуществования в словах-заместителях разных функций свидетельствует об онтологических свойствах Z_2 . Слова субституты выполняют функцию заменяемых единиц (Z_1), аргументируя их исходные функции специфическим назначением – замещением. Как и Z_1 , слова-заместители существуют в двух ипостасях. Это – виртуальные знаки в системе номинации (pro-noun, pro-verb, pro-adverb, pro-adjective) и актуальные знаки в речевом использовании.

Дифференциальные признаки Z_1 и Z_2 объективируют их системность, сопряженность и когнитивную значимость. Изучение слов-заместителей в русле экстраполяции на другие знаки семиотических систем имеет несомненное теоретическое и практическое значение. Анализ Z_2 помогает избежать "неупотребительные формы" (Ахманова О. С.), а также – случаи тавтологии; структурно оформить речевые отрезки; распознать объяснительную силу высказываний; идентифицировать корпус единиц субституции, их корреляцию с невербальными средствами коммуникации; исследовать на материале Z_2 синтаксическую вариативность; проанализировать феномен вторичной экспрессивно-эмоциональной номинации; раскрыть социолингвистическую природу Z_2 (на материале, например табу и эвфемизмов).

Онтологическая сущность слов замещения определяет методологию исследования Z_2 . Изучение последних в условиях парадигматики и синтагматики дает возможность идентифицировать формальную и смысловую

целостность этих единиц, их системную представленность. Специфическую интерпретацию получают заместители при функциональном их исследовании, "в системе средств выражения, служащей какой-то определенной цели" [3: с. 123]. Подобный подход объективирует результаты анализа единиц замещения не только по субстанции, в условиях парадигматики, но также и по характеру функции, "внутри структуры в целом, или в отдельной подсистеме" [6: с. 401], и тем самым дает возможность распознать главное противопоставление – значение и значимость слова как виртуального знака в системе языка, значение и смысл реализованного, актуального знака в синтагматическом ряду [6: с. 402].

Особый интерес в перспективе представляет исследование феномена замещения в условиях таких парадигматических групп как: языковое поле, тематические и синонимические ряды. Свободное варьирование (субституция) в синонимическом ряду в отличие от семантического поля является господствующим типом внутрисистемных отношений. Корреляция в языковом поле определяется наличием / отсутствием коммутации, со-

отнесенностью с содержательной единицей, семантическим множителем. В тематическом ряду отношения между его членами являются более разнотипными. В языковом поле соотносительность конститuentов базируется на коммутации и субституции. В синонимическом ряду лексической микросистеме присущ базовый признак субституции, остальные признаки – вторичны [7: с. 78]. Универсальными в процессе замещения выступают метафорические и метонимические связи, которые всегда вторичны, произвольны по отношению к исходным единицам.

В знаках замещения (Zn_2) объективируется и закрепляется определенный культурно-исторический, общечеловеческий опыт. Социокомпоненты манифестируются Zn_1 и Zn_2 , а также невербальными средствами коммуникации конкретного этноса. Это представляет весьма актуальным для дальнейшего исследования. Универсальный характер действительности замещения свидетельствует о том, что языку как совершенному процессу когнитивной деятельности присущи адаптивность, динамизм и открытость.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова – М.: «Советская Энциклопедия», 1966. – С. 120-154.
2. Будагов Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов – М.: Изд-во МГУ, 1974. – С. 9-12.
3. Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. – ч. II – М.: Наука, 1965. – С. 29-32.
4. Кодухов В. И. Общее языкознание / В. И. Кодухов. – М.: Высшая школа, 1974. – 213 с.
5. Лекомцев Ю. К. О семантическом аспекте изобразительного искусства / Ю. К. Лекомцев / Труды по знаковым системам, т. III – Тарту, 1967. – С. 115-123.
6. Уфимцева А. А. Структурная организация лексики и ее единиц / А. А. Уфимцева / Общее языкознание. Внутренняя структура языка, 1972 – М.: Наука. – 410 с.
7. Швачко С. О. Квантитативні одиниці англійської мови: Перекладацькі аспекти / Швачко С. О. / Посібник. – Вінниця: Изд-во Нова книга, 2008. – 128 с.

ТЕКСТ И МИР: ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ – ДИАЛОГ КУЛЬТУР

А. Байрамова (Баку, Азербайджан)

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале японского языка)

Последние десятилетия в мире с всё возрастающей отчетливостью намечаются тенденции к интеграции, сближению, сотрудничеству между разными странами, народами. Иными словами, происходит диалог культур, вызванный желанием решить ставшие перед человечеством социальные, политические, экономические проблемы. Представители сильно отличающихся друг от друга народов вынуждены включаться в межкультурный диалог с целью реализации своих частных интересов и интересов нации. Характерными в этом плане являются русско-японские отношения на современном этапе и реализация межкультурной коммуникации между представителями этих стран. В условиях неразрешённых проблем, с одной стороны, и необходимости общения в силу близкого соседства и общих интересов, с другой стороны, межкультурные контакты и взаимодействие выходят на новый уровень, что в свою очередь заставляет по-новому взглянуть и на процесс языковых контактов. Знание структуры языка и определённого запаса слов не даёт гарантии успешного, результативного общения, особенно, когда речь идёт о межкультурной коммуникации. Залогом продуктивного взаимодействия является уважительное отношение и внимание к собеседнику, т. е. речь идёт о проявлении вежливости, поэтому выражение вежливости в разных языках на протяжении уже нескольких десятилетий является объектом исследования учёных-лингвистов разных стран мира.

В разных культурах и языках существуют свои механизмы оформления вежливости. Н. И. Формановская в своей работе «Речевой этикет и культура речи» отмечает: «Вежливо и этикетно общаются в самых разных странах, и разные языки мира, соответственно отражают эти явления. Говоря научно, категория вежливости – это функционально-семантическая универсалия. Но, конечно, каждый из национальных языков проявляет свою специфику» [3, с. 105].

Говоря об отражении вежливости в языке и речи, нельзя не остановиться подробнее на японском языке, поскольку трудно найти язык, где влияние этой категории было бы более всесторонним. Речевое поведение японцев всецело подчинено задаче оказания максимального внимания собеседнику, проявления учтивости к нему, создания у него хорошего расположения духа. Конечно же, всё это не могло не найти выражения в языке и речи японцев, чья система этикетных форм отличается особой сложностью и отражает социальную структуру общества Японии. Ситуация усугубляется ещё и тем, что социальные отношения между членами общества передаются не только лексическими средствами, но и грамматически. Более того, это находит отражение и в структуре конструируемого предложения.

Как уже говорилось, каждый язык тесно связан с культурой. Одной из наиболее заметных особенностей культуры японцев является склонность не договаривать, использовать полунамёки, искать смысл за пре-

делами слова. Такая особенность нашла своё выражение в языке и это необходимо учитывать. Быть уклончивым в японском языке означает быть вежливым. В качестве простейшего примера можно привести способ выражения приглашения или побуждения к какому-либо действию с использованием отрицательной формы глагола. Подобные выражения встречаются и в русском, и в английском языках, например: «Не придёте ли?», «Won't you come?»; или ещё более вежливо «Не хотели бы Вы прийти?», «Wouldn't you like to come?». В русском и английском языках подобные обращения возможны только в адрес мало знакомых людей, старших, людей занимающих более высокое социальное положение, если обратиться таким образом к близкому человеку, то, изначально вежливое, это обращение приобретает иронический характер. В то время как на японском языке *Kimasenka?*, означает «Не придёте ли?», и используется повсеместно, даже в кругу близких людей.

Японцы избегают категоричности в речи, и поэтому часто используют слова и выражения, которые привносят в их речь оттенки обтекаемости, неточности и т. д., например: *sonouchi* «как-нибудь», *tasho* «скольконнибудь», *chotto* «чуть-чуть», «не то, чтобы очень».

Использование некатегоричных форм высказывания диктуется, также, стремлением ни в коем случае не навязать своего мнения собеседнику, дав ему почувствовать подтекст высказывания и сделать свои выводы. Для снятия категоричности используются обороты типа: *...de wa nai deshoka* «не будет ли это так, что...», *...de wa nai ka to otoimaskedo* «думаю не обстоит ли дело так, что...», *...to ienaku mo nai no de wa naika to otoiimas ga* «представляется, что нет ли такого положения, когда можно сказать, что...» [2, с. 97].

Некоторая обтекаемость смысла, стремление избежать категоричности может присутствовать и в русских, и в английских выражениях и оборотах, например: «Я бы выразил общее мнение...», «I'd express everybody's opinion...»; «Не могло ли статься, что...», «Could happen that...». Тем не менее, в Западной культуре, особенно современной, с её неумолимым ритмом жизни, приветствуется большая открытость и ясность в выражении мысли. Эта тенденция находит отражение и в речи. Где чаще употребляются обороты типа «На мой взгляд...», «Выражаю уверенность в том, что...» и т. п., нежели замысловатые обороты типа «По всей видимости, стоило бы отметить, что...». Для японского же языка, в т. ч. современного, не характерны прямые выражения и обороты.

Другим интересным отражением вежливости в языке и речи японцев является частое проявление своего согласия и одобрения при разговоре. Рассказ или высказывание собеседника уместно сопровождать оценочными высказываниями типа *hai* «да», *so deska* «так ли», *yoku wakarimas* «хорошо Вас понимаю» и т. п.

Все указанные особенности проявления вежливости в речевых оборотах и высказываниях свойственны не только японскому языку, но и русскому, и английскому, хотя последним в меньшей степени. Однако влияние вежливости на японский язык и речь глубже и отражается в свойственных непосредственно этому языку особенностях. Одной из них является, например, направленность действия. Это явление особенно важно в разговорной речи и является одним из способов выражения лично-вежливых отношений. Оно заключается в использовании вспомогательных глаголов, которые называют, в чьи интересах совершается действие. Причём, для выражения одной и той же направленности действия используются, в зависимости от ситуации, стилистически нейтральный или маркированный глагол, т. е. выражающий вежливость. Например: «Понял, т. к. преподаватель на прошлой неделе объяснил». С точки зрения грамматики, это предложение совершенно правильно. Однако так говорить нельзя, ввиду того, что здесь проявляется неуважение к учителю. Правильно будет *Senshu sensei-ga oshiete-itadakimashita kara waka-*

rimashita. Речь идёт о необходимости использования глагола *itadaku*. Так как в японской традиции учитель всегда будет выше, даже, если с тех пор как покинули школу, вы стали занимать более высокое социальное положение.

Фактом, свидетельствующим о том как вежливость может отразиться в языке и речи, является то, что в японском языке насчитывается «50 форм обращений, 40 форм выражения благодарности, свыше 20 форм извинений, пол века назад в японском языке употреблялось 16 слов для *Вы* и *ты*» [1, с. 256].

Итак, выбор тех, или иных форм вежливости задаёт тон общению, в значительной степени определяя его результат. Особенности национального характера находят отражение в прагматике речевых высказываний, в сформировавшихся прагматических клише, которые также являются важным фактором в межнациональных отношениях. От них в немалой степени зависит атмосфера, в которой развиваются контакты между представителями разных национальностей.

Литература

1. Кизэда, М. Грамматика японского языка, Ч. I. / М. Кизэда. – М.: Издательство учебной и научной литературы УРСС, 2004 – 670 с.
2. Неверов, С. В. Русско-японский разговорник / С. В. Неверов. – М.: Живой язык, 1998. – 319 с.
3. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – М.: Высшая школа, 1989. – 160 с.

А. С. Белая (Нежин, Украина)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (СОЦИАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ТЕКСТЕ)

Языковая коммуникация в современном социуме предполагает особенности общения в разных сферах деятельности человека.

Необходимым условием для правильного и компетентного ведения коммуникативного процесса является знание необходимых языковых средств, уместных, убедительных и доступных участникам разных типов коммуникации.

Компетентность носителей языка в сфере социальной коммуникации требует знания законов формирования и функционирования разнообразной и богатой современной терминологии. В современных СМИ состав социальной терминологии тематически разнообразен настолько, что подчас трудно сориентироваться в её составе и функциях. Эти группы постоянно пополняются новыми единицами, требующими семантического толкования, перевода и верного употребления в определённом контексте.

Тематические группы социальной терминологии (названия партий, фракций; разных политических объединений; названия органов власти, должностных лиц; названия социально-экономических процессов и т. д.) пополняются и обновляются путём семантической дифференциации, путём заимствования из других языков, создания описательных терминологических сочетаний («теневой» бизнес, малый бизнес, «красный пояс» региона, «теневые деньги», экономическая интеграция, форум национального спасения...).

Как и во всей лексике, в современной терминологии происходят разные семантические процессы: ранее активные слова уходят в разряд архаизмов и историзмов, другие теряют прежнюю историческую значимость, заимствованные слова активно вступают в словообразовательный процесс, подчиняясь законам русского языка, создаются новые терминологические словосочетания.

На современном этапе особенно активизировался процесс пополнения социальной терминологии новыми словосочетаниями, которые создаются по образцам свободных словосочетаний и представляют собой единое лексико-семантическое целое. В таких терминах каждый компонент обладает определённым содержанием, что позволяет свободную замену одних компонентов другими (подходный налог – налог со стоимости – грабительский налог...). В семантике слов-терминов и терминов-словосочетаний репрезентуются нами знания о действительности. Изучая иерархические структурные связи в системе социальной терминологии, можно установить коннотативные связи не только внутри данной группы языковых единиц, но и на уровне лексической системы в целом. Термины – словосочетания отражают наши познания действительности детально, дифференцировано и, следовательно, допускают момент оценочности. Однако оценочная коннотация в термине, как и в любом слове, вне его системы может изменяться. Специфическая социальная оценочность терминов может формироваться на определённых этапах жизни общества или в определённых контекстах и нейтрализоваться в других условиях. Так, термины – перестройка, приватизация, «теневой» бизнес, «теневая бухгалтерия, «прожиточный минимум», «рыночная экономика» и другие – являются номинантами событий и вех в жизни современного общества. Их оценочность обусловлена социальными отношениями в обществе, идеологическими установками и т. д. Некоторые из них по-разному осмысливаются отдельными социальными группами людей или индивидами, в результате чего возможна метафоризация в системе социальной терминологии и появление синонимичных разговорно-просторечных вариантов (приватизация-прихватизация,

перестройка-перекройка, член партии “Яблоко” – яблочник...).

Приведённые примеры свидетельствуют о раскрепощённости языка в данный период. Однако этот процесс нельзя считать положительным в том смысле, что большинство из этих слов являются стилистически сниженными и не способствуют формированию коммуникативной компетенции носителей языка. Кроме того, следует отметить процесс регенерации (или ресемантизации) устаревших слов (*дума, губернатор, достоинство, благотворительность...*), снятие отрицательной оценки у отдельных слов (*конкуренция, рынок, дисидент...*).

Все процессы, происходящие в одном языке, находят специфическое отражение в другом. Так, рассказывая о жизни народов России или Украины необходимо использовать те термины, которые называют реалии двух стран – Дума, департамент, губернатор, Совет федерации; Верховная Рада, Рух, голова Ради и другие.

Новая социальная терминология составляет значительную часть словаря современного человека. Для коммуникативной компетентности носителей языка большое значение имеет её всестороннее изучение. В связи с этим перед исследователями стоит ряд задач: изучить терминологию в количественном и качественном отношении, рассмотреть системные связи в разных терминологиях, выделить лексико-семантические группы и описать их с точки зрения семантических процессов (синонимия, омонимия, антонимия), описать роль заимствованных терминов и другие вопросы. Коммуникативный процесс в нашем социуме всё больше усложняется. Социальные термины информируют о событиях в мире, передают объективный и субъективный взгляд на происходящее в жизни социума. На вербально-семантическом уровне термины называют концепты, смысл которых может быть доступен коммуникантам, имеющим в своём лексиконе такие термины. Употребление их в речи отражает степень овладения терминологическими средствами данной личностью.

Литература

1. Даниленко В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. – М.: Наука, 1974.
2. Воротников Ю. А. И ещё раз о власти предрержащих // Русская речь. – 2002, № 4.

С. Гафарова (Баку, Азербайджан)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ДИАЛОГ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР

Художественный перевод – это одна из форм межкультурной эстетической коммуникации. В диалог вступают две языковые картины мира и две художественные модели мира, создаваемые автором оригинального произведения и переводчиками, воссоздавшими эти произведения на родном языке в соответствии с их представлениями о мире и человеке. В результате этого диалога происходит диалектическое взаимодействие между литературами, между текстами произведений оригинала и перевода, а также между автором и адресатом, продолжающееся порой длительное время и на каждом новом этапе обогащающееся новыми смыслами. Исследование этого процесса на материале русской и азербайджанской литератур XIX века позволяет выявить множество интересных фактов взаимовлияния литератур друг на друга и диалога между ними.

Для более полного восприятия текстов средств массовой информации от коммуникантов требуется знание не только терминов, но и понимание особенностей их функционирования в определённых текстах. Термины, утверждают многие исследователи, это точное и конкретное понятие. И в то же время исследователи говорят о проявлении в системе терминологии лексико-семантических процессов, характерных для всей лексики, “но со своими специфическими чертами реализации этих процессов.” [1, 13]

Социальная терминология ориентирует коммуникантов на всестороннее восприятие реальных событий в жизни общества. Чтобы верно воспринимать и понимать реальность наших дней, необходимо обладать определённой компетентностью в выборе и употреблении социальных терминов. Незнание семантики терминов часто становится причиной неверного их употребления. Так, нельзя сказать *привнести стабилизацию, организовать стабилизацию*, а верным будет употребление – *добиться стабилизации* в экономике, политике; неграмотным будет употребление словосочетания *наложить мораторий, ввести вето*, надо сказать *ввести мораторий, наложить вето*.

Часто употребляемое в текстах словосочетание *власть предрержащая* (власти предрержащие) иногда интерпретируется совершенно произвольно как *предрержащие власть*. Это происходит от незнания того, что устарелое слово *предрержащий* бывает только в устойчивых фразеологизированных сочетаниях как атрибутивный компонент, т. е. *власть (власти), предрержащая (предрержащие)*. [2, 37].

Поскольку социальная терминология выполняет информационную и регулирующую функцию (т. е. функцию воздействия), то знание и понимание норм её образования и функционирования являются важными проблемами, требующими постоянного внимания лингвистов, так как из этих элементов складывается языковая компетентность личности.

с азербайджанской литературой. Ознакомление одной литературы с достижениями другой всегда сопровождается освоением традиций. Это подчёркивали и сами писатели. Например, в 1833 году состоялась поездка в Россию А. Бакиханова, азербайджанского писателя, учёного, знающего несколько языков, в том числе и русский. Здесь он знакомится с А. С. Грибоедовым, А. А. Бестужевым, В. К. Кюхельбекером, а позднее и с А. С. Пушкиным. В своём произведении, говоря о своей поездке, он отмечал: «Я видел много вещей, любопытных для сердца и ума, и старался извлечь из них пользу» [1, с. 176].

Интерес к русской литературе выразился и в обращении А. Бакиханова к переводам из русской литературы. По сути, его перевод на азербайджанский язык басни Н. А. Крылова «Осёл и соловей» положил начало переводной работе в Азербайджане. Трудно переоценить этот факт для развития литературных взаимосвязей Азербайджана и России. С одной стороны, азербайджанский читатель, расширял свои познания в области других литератур, с другой, русская литература становилась достоянием других литератур. Кроме того, этот перевод стимулировал и развитие теории перевода, выдвинув на передний план проблему исследования произведений переводной литературы. В связи с последующими переводами русской литературы азербайджанскими переводчиками, их обращением нередко к одним и тем же произведениям приобретает особенное значение и проблема множественности интерпретаций в результате перевода одного и того же произведения в разное время, разными переводчиками.

В то же самое время русские писатели, начиная примерно с этого времени, стали проявлять интерес к Азербайджану. Например, в пушкинском творческом наследии особое место занимают стихи, посвященные его азербайджанским друзьям. Но самое главное, в поэзию русского поэта вошли, наряду со многими темами, мотивами, образами восточной, в том числе азербайджанской поэзии, и некоторые средства её поэтической выразительности (сравнения, размер и форма стиха, напевность и т. п.). Кавказская тематика подпитывала не только творчество Пушкина, но и Лермонтова («Ашик-Кериб»), Бестужева («Молла Нур»), Л. Толстого («кавказские повести»). Безусловно, инонациональные сюжеты в произведениях русских писателей соотносились, как правило, с русской действительностью.

В свою очередь, в азербайджанскую литературу, имеющую свои богатейшие традиции, стали через русскую литературу привноситься новые темы, идеи, жанровые формы, которые приобщали азербайджанскую литературу к достижениям не только русской, но и мировой литературы. Так, взаимодействие русской и азербайджанской литератур во многом определило пути реалистического направления в Азербайджане. Наиболее яркое воплощение это получило в творчестве М. Ф. Ахундова, писателя, драматурга, философа, просветителя, чья деятельность целиком и полностью была

посвящена укреплению русско-азербайджанских связей. О том, что М. Ф. Ахундов и действительно опирался на традиции русского реализма, указывает Ф. Кочарлинский, который отмечает, что он «особенно почитал Пушкина, Гоголя и Грибоедова» [2, с. 32].

Кроме того, на формирование взглядов М. Ф. Ахундова оказала большое воздействие и теория В. Г. Белинского. Сам писатель, вслед за Н. Г. Чернышевским, называя новое направление в азербайджанской литературе, и в частности в своём творчестве, «натуральным», как и все реалисты, утверждал, что в основу искусства должна быть положена реальная действительность, и ратовал за единство содержания и формы [3, с. 244]. Русская критика сразу же отметила вступление азербайджанской литературы на путь реализма. Уже в середине XIX века начинают появляться статьи об азербайджанской литературе и азербайджанских писателях. В 1851 году в «Библиотеке для чтения» появился отзыв на пьесу М. Ф. Ахундова «Ботаник мусье Жордан и дервиш Масталишах, знаменитый колдун», где автор даёт высокую оценку пьесе азербайджанского драматурга, говоря о том, что «пьеса была признана бесподобной» [4, с. 196]. Но при этом нужно подчеркнуть, что реализм М. Ф. Ахундова был не копией русского реализма, а его азербайджанским вариантом.

Большое значение в плане воздействия русской литературы на азербайджанскую имела и Некрасовская школа поэтов. Эта проблема обстоятельно освещается в монографии Н. Мамедхановой, в которой анализируются переводы поэтов некрасовской школы на азербайджанский язык, в особенности переводы Аббаса Сиххата, роль которого в процессе русско-азербайджанских переводов не оценима. Характеризуя свою переводческую деятельность, А. Сиххат утверждал, что «он переводит произведения русских поэтов для того, чтобы при помощи этих переводов, не владеющие русским языком, учились у них и оттачивались от их опыта, развивали родную литературу» [5, с. 5]. Но, несомненно, этот процесс носил двусторонний характер, так как и поэты-некрасовцы обращались к азербайджанской литературе. Так, например, к переводу стихов М. Ш. Вазеха обращались С. Я. Надсон, М. Л. Михайлов, Г. Ф. Якубович и др.

Итак, проделанный краткий анализ русской и азербайджанской литератур XIX века приводит к выводу, что художественный перевод вводит произведение той или иной национальной литературы в иное культурное измерение, в новую систему координат, в которой это произведение начинает жить уже «другой жизнью», иногда весьма существенно отличающейся от прежней. Возникающий при этом творческий диалог литератур способствует тому, что, наряду с освоением традиций своей литературы предшествующих периодов, осваиваются и традиции другой литературы, происходит своеобразный обмен, обогащающий обе литературы, участвующие в этом процессе.

Литература

1. Бакиханов, А. Гюлистан-Ирам [Текст] / А. Бакиханов. – Баку: Азернешр, 1964.
2. Кочарлинский, Ф. Литература азербайджанских татар [Текст] / Ф. Кочарлинский. – Тифлис, 1903.
3. Ахундов, М. Ф. Избранное [Текст] / М. Ф. Ахундов. – Москва, 1956.
4. Курбанов, Ш. Этапы развития азербайджанско-русских литературных связей в XIX веке [Текст] / Ш. Курбанов. – Москва: Главная редакция восточной литературы, 1976.
5. Мамедханова, Н. Восприятие искусства и искусство восприятия [Текст] / Н. Мамедханова. – Баку: Элм, 2002.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ И АЛЛЮЗИИ В АВТОРСКИХ ПЕСНЯХ В. ВЫСОЦКОГО

Владимира Высоцкого нет, но с нами его песни, роли в театре и кино, поэт по-прежнему присутствует в нашей духовной жизни. Он мог бы жить и писать, петь и играть еще и сейчас, ведь только семьдесят лет прошло со дня рождения поэта. Время приблизило наследие Высоцкого, сделало близким и дорогим. Он сыграл более 60 ролей на сцене, в кинокартинах, телефильмах и радиоспектаклях, написал более тысячи стихотворных и несколько прозаических текстов.

В творчестве В. Высоцкого широко представлены фольклорные, сказочные сюжеты, часто переосмысленные в ироническом ключе. Знакомые с детства сюжеты получают в его песнях новую жизнь. Поэтому Б. А. Макарова даже предлагает назвать их «антисказками» [1, с. 59].

Песня «Про дикого вепря» была написана в 1966 г. Многие в ней противоречат сказочной традиции: королевский стрелок у Высоцкого ленив, он не хочет жениться на принцессе, просит в качестве награды «портвейна бадью» и в конце концов убегает. Комический диалог стрелка и короля свидетельствует о независимости первого, стрелок нарочито осовременен, лексика его вульгаризирована, а последняя комическая строфа отсылает читателя к реалии 60-х гг. – популярному кинофильму «Фантомас»:

Но конец у этой сказки остался,
И его, друзья, не скрою от вас:
Под обликом стрелка там скрывался
Всем известный негодяй Фантомас [1, с. 59].

Песня «Лукоморья больше нет...» имеет в основе своей литературный источник – пушкинский пролог к «Руслану и Людмиле», хорошо известный каждому читателю с детства. Однако В. Высоцкий придает этой теме неожиданный ракурс: он пишет о разрушении древнего сказочного Лукоморья под натиском безжалостного и прагматичного прогресса:

Лукоморья больше нет,
От дубов протыл и след,
Дуб годиться на паркет,
Так ведь нет:
Выходили из избы
Здоровенные жлобы,
Порубили все дубы
На гробы [1, с. 53].

Судьба каждого сказочного, романтического персонажа подана подчеркнуто реально, в духе примитивного быта советской эпохи.

Как-то леший недопил,
Лешачиху свою бил,
Лешачиху свою бил
И вопил:
Дай рубля, прибью, а то
Я добытчик али кто,
Дай рубля, а то пропью
Долото [1, с. 54].

Поэт противопоставил романтическую сказку и свою современность, и авторская оценка последней подчеркнута отрицательна. Высоцкий не пародирует Пушкина, пародийно выглядит сама действительность 60-х гг.

В 70-е гг. В. Высоцкий окончательно избавляется от иллюзий на реформирование брежневского режима. В его песнях нарастает чувство трагизма, ощущение бесперспективности избранного страной исторического пути. Одной из ведущих становится тема насилия в тоталитарном обществе.

В его песнях и стихах активно используются античные, фольклорные, литературные образы. Поэт реализует в своем творчестве различные лексические пласты: от воровского жаргона, уличного сленга и бытового просторечия до изысканного литературного языка.

Обычно в русской классической традиции посещение Музы поэты описывали как акт творческого озарения, как нечто необычное и возвышенное. Единственное исключение составил Н. А. Некрасов, уподобивший свою Музу иссеченной кнутом крестьянке.

У В. Высоцкого его Муза обретает черты современной женщины:

Меня сегодня Муза посетила,
Немного посидела и ушла [1, с. 124].

Поэт сосредоточивает внимание на будничных, бытовых деталях: что скажут соседи, если узнают, что она была ночью у мужчины, после ее ухода поэт недосчитался трех рублей, он досадует на ее ранний уход, а сам визит покровительницы творчества обретает явное сходство с неудавшимся любовным свиданием:

Огромный торт, утыканный свечами,
Засох от горя, да и я иссяк
С соседями я допил, сволочами,
Для Музы предназначенный коньяк [1, с. 124].

Две заключительных строчки стихотворения почти дословно повторяют известное выражение Пушкина; оно иронично подано Высоцким как свидетельство посещения спутницы Аполлона, как своего рода визитная карточка, свидетельствующая о мастерстве:

Вот две строки, – я гений, прочь сомненья!
Дашь восторги, лавры и цветы:
«Я помню это чудное мгновенье,
Когда передо мной явилась ты» [1, с. 124].

Одним из самых значительных стихотворений В. Высоцкого о назначении поэта стало «О фатальных датах и цифрах». Высокий уровень драматизма задан уже первой строчкой: «Кто кончил жизнь трагически – тот истинный поэт». Далее называются имена Пушкина и Маяковского, Байрона и Рембо, легко узнаваемы из описаний Лермонтов и Есенин, названо даже имя Иисуса Христа как духовного отца всех поэтов.

Высоцкий говорит о трагизме судьбы всякого поэта в этом мире, возможно, предвидя тем самым и собственную раннюю смерть. Возникает очень яркий метафорический образ тонко чувствующей души художника:

Поэты ходят пятками по лезвию ножа
И режут в кровь свои босые души [1, с. 160].

Очень значительным творческим достижением является стихотворение «Мой Гамлет», ведь В. Высоцкий создал на сцене свой особый, неповторимый образ, постарался приблизить шекспировского героя к современности и в то же время подчеркнуть общечеловеческое в нем.

Стихотворение начинается повествованием о годах детства и юности Гамлета, поэт воссоздает то, о чем умолчал Шекспир. На взгляд Высоцкого, детство Принца Датского прошло как детство всех наследников престола в уверенности, что трон ждет его:

Я знал – все будет так, как я хочу.
Я не бывал внакладе и в уроне.
Мои друзья по школе и мечу
Служили мне, как их отцы – короне [1, с. 299].

Но беззаботная жизнь, полная развлечений, не могла удовлетворить Гамлета, ведь он – олицетворение сомнений человеческого разума:

Я видел – наши игры с каждым днем
Все больше походили на бесчинства.

В проточных водах, по ночам, тайком
Я отмывался от дневного свинства [1, с. 300].
И герой Высоцкого начинает искать свой собственный путь, в этом он становится похожим на других молодых людей, сыновей прошлых эпох – Чайльд-Гарольда и Евгения Онегина.

Примерно с середины стихотворения поэт начинает вводить шекспировские реминисценции и мотивы, некоторые известные строки монологов Гамлета искусно вплетены В. Высоцким в стихотворную ткань:

Я бился над словами «быть, не быть»,
Как над неразрешимой дилеммой.

Но вечно, вечно плещет море бед.
В него мы стрелы мечем... [1, с. 300].

Высоцкому драматизм положения Гамлета видится в том, что герой не свободен от законов и духа времени, ведь действовать он может только в пределах своей эпохи, что делает героя похожим на остальных людей:

В непрочный сплав меня спаяли дни –
Едва застыв, он начал расползаться.
Я пролил кровь, как все, и, как они,
Я не сумел от мести отказаться. <...>

Я Гамлет, я насилье презирал,
Я наплевал на Датскую корону,
Но в их глазах – за трон я глотку рвал
И убивал соперника по трону [1, с. 300–301].

Гамлет способен действовать расчетливо, вероломно и жестоко, чувствовать азарт борьбы. Но он медлил со своей мстью Клавдию, поскольку его воля ограничена собственными размышлениями и сомнениями, герой не выполнил задуманного плана отмщения. И в этом таится глубокий смысл: общественная атмосфера кризиса Ренессанса была настолько подлой, что человек, который начинал действовать и стремился к успеху, должен был уживаться с этой подлостью, учитывать ее и использовать в своих интересах. Борьба Гамлета против Клавдия могла быть только соперничеством за личную власть. И чтобы победить в этой борьбе, нужно было пользоваться дурными методами, принятыми в политике, жить в этой грязи, в которой живут Клавдий, Полоний, Гертруда, Розенкранц и Гильденстерн.

Следовательно, Гамлет видится поэту жертвой своего времени, поскольку шекспировский герой сохраняет верность идеалам эпохи Возрождения, тогда как на дворе уже совсем иное время.

В. Высоцкий вступает в своеобразную творческую переключку с великим русским поэтом XX века – Борисом Пастернаком, тоже создавшим стихотворение «Гамлет». Пастернаковское стихотворение написано также от первого лица, однако его лирический герой с самого начала ощущает себя актером, призванным сыграть предназначенную ему эпохой роль.

У Пастернака также присутствует реминисценция из трагедий Шекспира, выражение «прислоняясь к дверному

косяку» переключается со знаменитой фразой «дверь времени выскочила из своих петель». Но если у В. Высоцкого герой мыслит себя только в реальном мире, то герой Пастернака существует и как параллель Иисусу Христу.

Б. Пастернак подчеркивает драматичность своего Гамлета, он существует прежде всего как тип сценический, который в ходе развития лирического сюжета постепенно сближается с образом автора. Объединяет обоих героев – Б. Пастернака и В. Высоцкого – то, что они не сумели сыграть свою роль так, как они того хотели.

Последняя строфа стихотворения В. Высоцкого построена на сплошных парадоксах, но содержит в себе и очень глубокую мысль о том, что правильный вопрос содержит в себе зерно ответа:

Но гениальный всплеск похож на бред,
В рожденьи смерть проглядывает косо.
А мы все ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса [1, с. 301].

Стало уже обычаем для русской литературы, что каждый большой поэт, повторяя традицию Пушкина, пишет стихотворение «Памятник». Имеется такая песня и у В. Высоцкого. Поэт очень опасался посмертной академизации своего творчества:

Я хвалился косою саженью:
Нате, смерьте!
Я не знал, что подвергнусь суженью
После смерти.
Но в привычные рамки я всажен, –
На спор вбили,
А косою неровную сажень
Распрямили [1, с. 284].

Большая часть «Памятника» повествует о том, как творчество барда искажали, как «отчаяньем сорванный голос» превращали «в приятный фальцет». Однако дух поэта сопротивляется насилию над ним, его «неправильное» человеческое естество возмутилось, и памятник взбунтовался, камни осыпались с него, и поэт увидел себя живым:

Из разодранных рупоров все же
Прохрипел я: «Похоже – живой!» [1, с. 285].

В. Высоцкий говорит о том, что его творчество близко народу именно потому, что оно далеко от власти предрержащих, что оно не укладывается ни в какие рамки, что оно живое:

И паденье меня и согнуло,
И сломало,
Но торчат мои острые скулы
Из металла!
Не сумел я, как было угодно –
Шито-крыто.
Я, напротив, ушел всенародно
Из гранита [1, с. 286].

Подробнее о трактовке стихотворения «Памятник» можно узнать из статьи Е. Сафоновой [2, с. 25–26].

Литература

1. Высоцкий, В. С. Избранное / В. С. Высоцкий. – М.: Советский писатель, 1988. – 512 с.
2. Макарова, Б. А. Фольклорные мотивы в лирике В. Высоцкого (из опыта преподавания литературы в 5 классе) / Б. А. Макарова // Русская словесность. – 2000. – № 2. – С. 59–63.
3. Сафонова, Е. «Памятник»: традиции и новаторство / Е. Сафонова // Литература: Прил. к газ. «Первое сентября». – 2007. – №22. – С. 25–26.
4. Сычев, Б. П. Сыновья уходят в бой: Авторская песня. Тема войны в творчестве В. Высоцкого / Б. П. Сычев // Литература в школе. – 2005. – № 7. – С. 41–44.

И. А. Григорик (Витебск, Беларусь)

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВ «СЛЕЗА – СЛЕЗЫ» И КЛАССИФИКАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Категоризация понятий тесно связана с концептуализацией образов и является основанием для когнитивной классификации существительных по классам. Следует отметить, что жесткой границы между классами не существует, так как одно и то же понятие в зависимости от профилирования (выделения) наиболее важных когнитивных признаков может иметь несколько когнитивных категоризаций.

Изучаемая нами категория собирательности охватывает огромный пласт лексики, который может выражаться как морфологическими, так и лексико-семантическими средствами языка.

Онтологическое изучение категории собирательности показывает, что однозначного ответа по отнесению вещественных существительных во множественном числе к вещественным или собирательным существительным нет. Более того, лексико-семантическая собирательность не укладывается в рамки традиционного определения, данного толковым словарем С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой – «это существительные, обозначающие совокупность однородных предметов и передающих это значение с помощью специальных суффиксов» [2, 732]. Мы рассматриваем лексико-семантическую собирательность с точки зрения когнитивной лингвистики, которая максимально точно объясняет не только данную категорию, но и существование пересечения классов.

Концепт собирательности существует в ментальном мире не в виде четких понятий, а в виде представлений, знаний, ассоциаций, переживаний и опыта человека о совокупности объектов, отраженных в человеческой психике. Он дает нам представление о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления, объединяя множество объектов в целое в виде неких «квантов» знания о совокупности – когнитивных образов, которые фиксируются с помощью осуществления когнитивных действий восприятия и могут портретироваться ментальной схемой. Некоторые образы будут максимально точно отражать концепт собирательности, а некоторые – иметь незначительные отклонения.

В семах лексической собирательности отражается когнитивный образ концепта, который репрезентирует наличие совокупности множества гомогенных или гетерогенных единиц, которые мыслятся как единое целое в предикации на основании общего признака, который нейтрализует гетерогенность элементов. Предикация – это актуализация сообщаемого, установление ее связи с действительностью и ее интерпретация [1, 61].

Мы рассмотрим когнитивную категоризацию образа на примере лексемы «слеза – слезы», которая имеет следующее определение в толковом словаре: 1. Слезы – (мн) прозрачная солоноватая жидкость, выделяемая слезными железами; 2. Одна капля этой жидкости; 3. (мн) то же, что и плач. Основываясь на дефинициях, можно сказать, что первое и третье объяснения фиксируют вещественное существительное, второе – исчисляемое существительное. С когнитивной точки зрения, исчисляемое существительное – сущность, обладающая внутренними границами, вещественное – однородная сущность, не обладающая внутренними границами, собирательное – сущность, состоящая из множества гомогенных или нейтрализованных на основании общего признака гетерогенных единиц, которые существуют как ограниченная область. Что же представляет собой «слеза – слезы» с когнитивной точки зрения? Слеза – ограниченная субстанция маленького размера, слезы –

неограниченная гомогенная субстанция, характеризующаяся бесконечным процессом, а, соответственно, без границ.

Из художественной литературы [3] мы выписали несколько высказываний с лексемой «слезы – слеза», которые хотим проанализировать:

1. *Пока рыбак спит, из уголка его глаза вытекает слеза. Когда в общении с природой Жизни – Смерти – Жизни человек доходит до этой черты, слеза, которую он роняет, это слеза, в которой смешались страсть и сострадание – к себе и другому. Слеза сострадания падает как отклик на созерцание зловонной раны.* – Данные высказывания относятся к первой категоризации и представляют ограниченную маленькую субстанцию, а соответственно, исчисляемое существительное.

2. *Слезы обладают творческой силой. Слезы делают его творцом. И что-то юноша сам не понял, что именно, – тронуло его до слез. Слезы не только выражают чувство, но еще и являются линзами, благодаря которым мы обретаем новое видение, новую точку зрения.* – В высказываниях подчеркивается вторая категоризация, свидетельствующая о бесконечном процессе, вещественные существительные.

3. *В фольклоре знахарей слезы служат связью, которая скрепляет порядок элементов, объединение помыслов, союз души.* – Данный пример не относится ни к первой, ни ко второй категоризации. Мы можем трактовать это как слезы одного знахаря, еще одного знахаря и т.д. Наличие нескольких действующих лиц свидетельствует о наличии нескольких неограниченных субстанций, которые принадлежат нескольким лицам, которые выполняют одно действие – плачут. Это общее действие является общим признаком и позволяет выделить множество гомогенных субстанций, которые не имеют границ. Но в данном случае ограниченность происходит благодаря наличию нескольких лиц, и мы определяем их дискретный характер, принимая во внимание множество знахарей, и проводим абстрактную границу совокупности лиц на основании общего действия участников. Таким образом, мы имеем еще одну категоризацию – дискретную совокупность.

4. Следующее предложение: *Такую слезу выплакать труднее всего, особенно для мужчин и тех женщин, которых называют железными.* – Этот пример также отражает дискретную собирательность – множество железных мужчин и множество железных женщин + одна слеза у каждого по отдельности = совокупность слез. Но элементы множества совокупности в высказывании 3 и 4 отличаются. В высказывании 3 множество концептуализируется на уровне бесконечного множества (слезы), а в высказывании 4 – на уровне одного объекта (слеза), поэтому совокупный образ высказываний 3 и 4 различаются.

5. Интересным является следующий пример: *В сказках слезы разбрасывают, чтобы отпугнуть разбойников или вызвать разливы рек, разбрызгивают, желая вызвать духов, поливают ими тело, чтобы исцелить раны и вернуть зрение, прикасаются к ним, чтобы зачать.* Сказка 1 – слезы 1 + сказка 2 + слезы 2 ..., т. е. в каждой отдельной сказке по «слезам». Сказка является ограничением и границей бесконечной субстанции «слезы». Как и в примере 3 можно зафиксировать собирательность, но наличие глагола «разбрасывать» свидетельствует о дискретности совокупности.

6. *Весна приходит ливнем слез.* Предложение является синекдохой. Если представить каждое отдельное понятие «ливень» и «слезы», то возникают определенные образы, которые через ассоциативную связь между количественным существительным в метафорическом значении и его актуализатором представляют неточное количество. Картина, однако, очень сложная для концептуализации. Ливень – это интенсивный выброс осадков в ограниченный отрезок времени. Если акцентировать внимание на интенсивности дождя, то «сильный дождь» можно воспринимать как исчисляемое существительное, если выделять «процесс дождя» – вещественное существительное, «ливень слез» как ограниченную во времени совокупность слез. Интенсивность, отражаемая «ливнем» влияет на недискретность элементов множества.

7. *Колдун выплакивает столько слез, что они образуют водопад. Путь в загробный мир приходит через водопад слез.* Эти высказывания похожи на предыдущее, однако «водопад» не имеет ни начала, ни конца, что добавляет концептуализации безграничность и, таким образом, мы видим вещественный характер сущности.

8. *Когда он видит ее, слезы приходят сами.* Первая часть высказывания – «когда он видит ее» сообщает о повторяемости ситуации в отрезок времени, а соответственно о возможности рассматривать «слезы» как совокупность слез по каждому «ее приходу» (многоактное действие).

9. *В слезах есть притягательная сила, а в каждой слезинке – яркие образы, которые указывают нам путь.* – Выражение «в слезах» – безграничная субстанция, вербализуемая в речи вещественным существительным, «в каждой слезинке» – ограниченная субстанция, исчисляемое существительное.

Концептуальный фактор, различающий вещественное существительное от исчисляемого, – отсутствие внутренней границы их составляющих элементов. Наличие границы представляет исчисляемое существительное: *пляж, луг, стадо*. Есть граница – *луг*, нет – *трава*. Рассмотрим пример, *коровы на лугу*, так как *луг* ограничен мы имеем собирательное существительное – *стадо*, подходим ближе – мы теряем границу *луга* и имеем *коровы*. Еще ближе – *корова*. Еще ближе – безграничную массу коровы – бесконечная субстанция; *стадо* [собирательное] > *коровы* [множественное] > *корова* [исчисляемое] > *масса коровы* [вещественное]. Дистанция, предел (граница) и разложение составляющих элементов являются определяющими моментами исчисляемого, вещественно-

го и собирательного дискретного и недискретного существительных. Больше дистанция – больше поле зрения и меньше разложения сущности на составляющие элементы. Чем больше расстояние, тем меньше дискретности, чем меньше расстояние – тем больше.

Существительные с множественной категоризацией представляют разный уровень концептуальной организации сущности.

Именно благодаря наличию разной концептуальной организации, исчисляемое существительное может предстать как исчисляемое, неисчисляемое вещественное или собирательное. Например, рассмотрим ситуацию: в результате наезда машины на kota *Кот размазан по дороге*, здесь произошла потеря гетерогенности – кот превратился в гомогенную субстанцию без внутренней структуры. *Я выпью пива. Пиво* – неисчисляемое существительное переходит в исчисляемое – *бокал пива. Вино* – вещественное существительное – большая неограниченная субстанция. Но, если мы будем иметь в виду сорта вин, то мгновенная предикация пространства получает сдвиг в качественное пространство – *вина* (разный цвет, запах, содержание спирта). В этом случае сущность определяется двумя пространствами: физическим и качественным. Возможное изменение предикации свидетельствует о диффузности концептуализации и, выделение более важного профиля определяет категорию сущности, которая зависит либо от точки зрения говорящего, либо от конкретной лингвистической ситуации.

Таким образом, мы видим, что категоризация тесно связана с концептуализацией образа. Следует отметить, что концептуализация образа не является концептуализацией значения. Мы говорим о ментальных концептах и языковых средствах их выражения. Концептуализации образов – это комплексные дискретные единицы сознания, при помощи которых осуществляется процесс человеческого мышления. Языковая объективация концептов – выраженность концептов языковыми средствами того или иного языка. Данное видение человеком одного и того же объекта в разных ипостасях объясняет пересечение классов, которое происходит благодаря тому, что одну и ту же ситуацию можно рассматривать с разных точек зрения, выделяя одни признаки и затушевывая другие или на разных уровнях концептуализации.

Литература

1. Langacker, R. W. *Fundamentals of Linguistic Analysis* / R. W. Langacker – Harcourt Brace Jovanovich, Inc. New York, 1972. – 372 p.
2. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов., Н. Ю. Шведова. – М.: 2002. – 939 с.
3. Эстэс, К. П. / Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях / К. П. Эстэс – М.: ООО Изд-во «София», 2010. – 496 с.

И. Н. Гуцко, О. А. Миронычева (Мозырь, Беларусь)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ, СТРУКТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ БРИТАНСКИХ ГАЗЕТ

Ономастическое пространство как совокупность Заголовков является первым знаком всякого словесного произведения. Заголовки материалов в периодике – один из важнейших её элементов, от характера и оформления которых во многом зависит «лицо» журнала. Заголовки помогают читателю ознакомиться с номером, быстро получить представление о содержании его материалов. «Заглавию должно до известной степени предупредить о содержании», – писал известный русский писатель и публицист В. Г. Короленко [1, 196–197].

Эффективность газетного текста во многом определяется его заглавием, ибо известно, что с помощью умело составленного заголовка часто легче убедить читателя, чем с помощью резкого памфлета. Кроме того, «исследования психологов показывают, что около восьмидесяти процентов читателей уделяют внимание только заголовкам» [2, 3]. Хотя заглавия уже давно находятся в поле зрения ученых, однако до сих пор в их изучении существуют «белые пятна». В частности, в научной литературе отсутствуют работы, в которых бы

заголовок рассматривался как полноправный структурный элемент текста.

Газетные заглавия выполняют на полосе несколько функций.

1. Во-первых, *номинативно-информативную* функцию, функцию сообщения о факте.

China Blames Diplomat for Embassy Rows. [«The Times»]
Floods Hit Scotland. [«The Daily Mail»]

2. Во-вторых, можно говорить о *рекламно-экспрессивной* функции заголовка, тесно связанной с функцией номинативно-информативной. Основное назначение этой функции – заинтересовать читателя, заставить его прочесть материал.

Is the weak euro making Germany complacent? [«The Daily Mail»]

I'm not betraying United, says Edwards. [«The Daily Telegraph»]

3. В-третьих, всем газетным заголовкам присуща *графически-выделительная функция*, позволяющая отделить один текст от другого, отделить текст от окружающего контекста и в то же время “связать” всю полосу в единое целое. [3, 44]

3-POWER TALKS WILL BE FRANK

HARD AND PROTRACTED BARGAINING LIKE “GARDS FACE UP”

Foreign ministers attempt to break deadlock

Особенности развития прессы в Англии наложили яркий стилистический отпечаток на заголовки газетных статей, перевод которых, в силу их специфики, представляет известные трудности. Для заголовков английских газет характерно частое использование небольшого числа специальных слов, составляющих своего рода «заголовочный жаргон»: *ban, bid, claim, crack, crash, cut, dash, hit, move, pact, plea, probe, quit, quiz, rap, rush, slash* и др. Отличительной особенностью такой «заголовочной лексики» является не только частота её употребления, но и универсальный характер семантики. Слово *pact* в заголовке может означать не только пакт, но и договор, соглашение, сделку и т. п. Глагол *hit* может быть употреблен в связи с любым критическим выступлением.

Вместе с тем, с целью обеспечения максимальной доходчивости, заголовки строятся на базе общеупотребительной лексики и простейших грамматических средств [4, 60].

Рассмотрим более подробно лексико-грамматические особенности заголовков и способы их перевода.

1. Для привлечения внимания читателя в заголовках, наряду с артиклиями, притяжательными местоимениями и другими служебными словами, часто опускаются формы глагола **to be**:

Italy's bank governor paints black picture. Exports to Russia Rising. [«The Daily Mail»]

2. Существенные отличия от других функциональных стилей современного английского языка отмечаются в характере использования в заголовках глагольных временных форм. Английские газеты используют в заголовках неперфектные формы глагола. Когда речь идет о событиях, происшедших в недавнем прошлом, обычно используется настоящее время Present Indefinite: *Russia Condemns West Provocation, Richard Aldington Dies 70, Concorde Lands at Heathrow*. Употребление настоящего исторического времени придает им живость, приближает события к читателю, делает его как бы участником этих событий и тем самым усиливает его интерес к публикуемому материалу.

China Blames Diplomat for Embassy Rows. [«The Times»]

The Past Indefinite Tense употребляется в заголовках, относящихся к прошлым событиям, в тех случаях, когда в заголовке есть обстоятельство времени либо читателю известно, что описываемое событие произошло в определенный момент в прошлом: *Husband Disappeared Two Years Ago, Why Rockefeller Couldn't Buy a Landslide Victory?, Wave of Peace Action Swept the Nation*, etc.

3. Будущее действие часто передается с помощью инфинитива:

Sara Lee to refocus activities. [«The Times»]

4. Нередко в заголовке опускается сказуемое, играющее в предложении второстепенную роль:

No Timber for Sale. Hurricane in California. [«The Times»]

5. С целью обратить особое внимание на сказуемое и вместе с тем заинтересовать читателя, опускается подлежащее, если оно уступает по значению сказуемому:

(They) Expect New Economic Depression. [«The Times»]

6. Употребляются популярные прозвища и сокращенные имена вместо фамилий некоторых политических деятелей, артистов, спортсменов и др., например:

Winnie= Winston Churchill, Rocky=Rockefeller

7. Притяжательный падеж, вследствие своей структурной компактности, употребляется с неодушевленными существительными и вытесняет предложный оборот с of:

Price Control's Effect Discussed. [«The Daily Mail»]

8. Широко употребляются сокращения:

N. G. O. A. Rejects Strike Clause. [«The Times»]

Данное сокращение N. G. O. A. не является общеупотребительным и поэтому не приводится словарем. Значение его – *National Government Officers' Association* – можно установить только из текста следующей под заголовком заметки.

9. Отмечается присутствие элементов образности, например:

Italian President Under Fire.

10. В английских газетах преобладают глагольные заголовки типа: *Floods Hit Scotland, William Faulkner Is Dead, Exports to Russia Are Rising*. Глагольность обычно сохраняется также в заголовках, являющихся вопросительными предложениями: *Will There Be Another Major Slump Next Year?*

Как видим, заголовки английских газет обнаруживают целый ряд особенностей, требующих специального подхода при их переводе [4, 67].

Заголовки статей в англоязычной прессе структурно могут представлять собой отдельно взятое слово, словосочетание или предложение. Причем, в силу того, что основная их функция – привлечь внимание читателя, стоит остановиться на особенностях синтаксической структуры заглавий – предложений для правильного понимания и адекватного перевода [5, 85].

1. Довольно редко в качестве заголовков встречаются полные предложения, причем все слова могут быть написаны с прописной буквы:

Small Investments That Make a Big Difference – Небольшие инвестиции, играющие большую роль.

Czechs pay a heavy price for bank sell-offs – Чехи платят дорогую цену за продажу банков.

2. Даже если заголовок представляет собой полное по структуре предложение, для его перевода и анализа необходимо иногда прочитать статью или первый абзац, чтобы понять смысл:

Euro rises on talk of ECB intervention – Евро растет благодаря интервенциям ЕЦБ (Европейского Центрального Банка)

3. Заголовки по своей структуре часто представляют собой эллипсис, то есть предложение, в котором с це-

любопытства привлекаются те или иные слова [5, 87]:

Sara Lee to refocus activities – Компания «Сара Ли» собирается сделать новый акцент в своей деятельности.

4. Распространенной формой английского заголовка является номинативное предложение (включающих одно, два или несколько подлежащих – существительных, типа N+N):

A Brave New Economy for Singapore – Смелая новая экономика для Сингапура.

5. Для привлечения внимания в заголовках используются двоеточие и вопросительные знаки:

Laptops: Do we need that speed? – Портативный компьютер: Есть ли необходимость в такой скорости?

6. Вопрос в заголовке может быть косвенным:

Why big Tobacco Can't Be Killed – Почему нельзя ликвидировать табачную промышленность.

What's wrong with paying off the national debt – В чем заключаются проблемы с выплатой государственного долга [5, 89].

Отличаются и стилистические особенности газетного заголовка:

1. Употребление в заголовках разговорных форм и сленга как средства привлечения внимания читателя:

Web Lotto: It ain't pretty – Тотализатор в интернете: не больно он хорош.

Hey, wanna buy some used mortgages? – Не хотите ли приобрести поддержанную ипотеку? (Речь идет о том, что китайские банки для получения наличности перепродают внутренние кредиты) [5, 90].

2. Наибольшую сложность для понимания и анализа представляет использование в заголовках фразеологизмов, каламбуров и умышленно измененных устойчивых выражений, смысл которых является понятным лишь для тех, кто хорошо знает культуру англоязычных стран:

To save or not to save? (перифраз из Шекспира «To be or not to be?» – «Быть или не быть?»)

Much ado about lending (перифраз из Шекспира «Much ado about nothing» – «Много шума из ничего»)

Пониманию таких заголовков способствует контекст. Обратим внимание на следующие примеры, в которых используются известные устойчивые выражения, контекстом для понимания смысла которых служат предложения-аннотации, помещенные сразу под заголовками:

Rich man, poor man – Богач, бедняк (название известного романа Ирвина Стоуна). Предложение – аннотация: *The gap between high earners and the lowest paid has widened.*

Keep the hive humming – Пусть улей жужжит. Предложение – аннотация: *Immigrants may prevent the economy from overheating.*

Отметим и некоторые графические особенности газетных заголовков:

1. Заголовки в английской газете представляют собой многоступенчатое изложение основных положений газетной статьи или газетного сообщения. Например, в заголовке

**3-POWER TALKS WILL BE FRANK
HARD AND PROTRACTED BARGAINING LIKE
"GARDS FACE UP"**

Foreign ministers attempt to break deadlock

Первая строка напечатана самым крупным жирным шрифтом, последующие – менее крупными шрифтами

разных типов. Все вместе дает довольно полное представление о содержании самого сообщения. [6, 62]

Специфическое графическое оформление заставит читателя заинтересоваться заметкой и обеспечит компрессию информации.

2. Для заголовка характерна концентрическая подача информации, облегчающая читателю возможность выбрать в газете то, что его интересует. Заголовок дает самую общую ориентацию. По некоторым подсчетам, заголовок в *Daily Worker* состоял в среднем из 5 слов и нередко на первом месте содержал слово, которое сообщало, о чем идет речь. Это слово дается совершенно самостоятельно. Например, *Dockers: Union Move*. Подзаголовок, если он есть, расширяет информацию, графически отображается менее крупным шрифтом, но все же полиграфически всегда выделен: *28 days strike notice now given*. Первые несколько строк самого текста (иногда набранные жирным шрифтом) содержат изложение сути сообщения. Дальше следуют подробности, которые частично набираются петитом.

Таким образом, читатель может получить самое общее представление о главных событиях дня по заголовкам и подзаголовкам и прочесть полностью только то, что его особо интересует [7, 147].

3. Заголовки газеты должны привлечь наибольшее количество читателей, поэтому, прежде всего, выделяются своей внешней стороной – они печатаются иногда столь крупным шрифтом, что занимают значительную часть полосы.

**DRAMATIC START TO NEW SESSION
PRIME MINISTER ON LIMITING THE CONFLICT
STAGE CAN NOW BE SET FOR REAL
SETTLEMENT IN MIDDLE EAST**

4. Заглавия могут иметь многоступенчатый характер графического отображения. Так, нижеследующий трехступенчатый заголовок почти полностью передает содержание сообщения:

**OPERATIONS IN CYPRUS
TWO VILLAGES SEARCHED
NN WHIPPINGS ORDERED**

5. Бывают однако случаи, когда двухступенчатые и даже трехступенчатые заголовки все же не раскрывают достаточно полно содержания сообщения. Так, например, сообщение «Дейли Уоркер» о дальнейшем усилении интенсификации труда обслуживающего персонала Букингемского дворца озаглавлено следующим образом:

**PUTTING PEP INTO THE PALACE
ROYAL SPEED-UP IS SPEEDED**

Подобный заголовок может создать у неопытного читателя превратное представление, если он начнет перевод, не ознакомившись с содержанием заметки. Слово *pep* в Англо-русском словаре проф. В. К. Мюллера объясняется следующим образом: бодрость духа, энергия, сила, сочетание *Royal speed-up* может быть понято как интенсификация деятельности членов царствующего дома. Таким образом, может сложиться впечатление, что в сообщении речь идет либо об усилении вмешательства со стороны королевы и ее окружения в жизнь страны или же об активизации самой придворной жизни [7, 217].

Как видим, заголовки английских газет обнаруживают целый ряд особенностей, требующих специального подхода при их переводе [4, 67].

Литература

1. Короленко, В. Г. Письмо М. И. Сосновскому. 13 октября 1896 г. – М., 1974. – № 6. – С. 196–197.
2. Лазарева, Э. А. Заголовок в газете. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 96 с.
3. Наер, В. Л. О соотношении традиционного и оригинального в языке английской газеты / В. Л. Наер. – М., 1967.
4. Разинкина, Н. М. Функциональная стилистика английского языка / Н. М. Разинкина. – М.: Высшая школа, 1989. – 182 с.

5. Слепович, В. С. Курс перевода: учеб пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования по специальности «Мировая экономика и международные экономические отношения» / В. С. Слепович. – 6-е изд. – Минск: Тетра-Системс, 2006. – 320 с.

6. Комисаров, В. Н., Рецкер Я. И., Тархов В. И. Пособие по переводу с английского языка на русский / В. Н. Комисаров, Я. И. Рецкер, И. В. Тархов. – М.: Высшая школа, 1965. – 268 с.

7. Суворов, С. П. Особенности стиля английских газетных заголовков (по материалам «Daily Worker») / С. П. Суворов // Язык и стиль. – М., 1965. – 193 с.

МГТУ им. И.П.Шамякина

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ И ПЕРЕВОД

Феномен лакунарности разных типов, межъязыковых лакун как расхождений, несовпадений, несоответствий при сопоставлении языковых категорий локальных культур, как отсутствие аналогов, является одним из основных проблем в переводческой практике и межкультурной коммуникации. Среди них напрашиваются расхождения в репертуаре и содержании национально-специфических грамматических категорий, пустые незаполненные места в морфологических системах, вербальные безэквиваленты, требующие соответствующей интерпретации и способов компенсации недостающих средств в переводном языке и речи.

Одной из незаполненных ниш в морфологическом ярусе русского языка по сравнению с болгарским являются будущие времена сложной ориентации – будущее предварительное, будущее предварительное в прошедшем, будущее время в прошедшем [1, 120–121]. Современный болгарский язык располагает самой развитой системой глагольных времен по сравнению с остальными славянскими языками. В болгарской темпоральной системе разграничиваются времена простой и сложной ориентации по значению, акционные и результативные времена, простые и сложные по форме. Будущее время в прошедшем – время сложной двойной ориентации, которое образуется с помощью вспомогательного глагола *ща* в прошедшем времени несов. в., настоящего времени спрягаемого глагола и подчинительного союза *да/ щях да кажа*, отрицат. форма *нямаше да кажа*. Такое время полностью отсутствует в футуральной системе русского языка. Его можно передать при участии широкого контекста, внеязыковой ситуации, образных, ситуативных связей, причинно-следственных отношений, контекстуальных аналогов.

Будущее в прошедшем имеет два ориентационных момента и две ориентации. Это акционное время, означающее само действие в его отношении к соответствующему ориентационному моменту. Направляет внимание читателя к действиям, которые наступят позже. Действие этого времени предстоящее, но относительно прошедшего момента, в чем состоит и его ирреальность [2, 334]. В грамматической литературе отмечается его темпоральное и модальное употребление. В русском языке одно будущее простой ориентации – действие ориентировано к одному моменту речи. Обнаруживается частичное совпадение в семантике двух футурных времен в обоих языках – отношение следования между глагольным действием и ориентационным моментом.

Характерные переводные русские соответствия этого времени являются примером возможных лексических, грамматических, лексико-грамматических, комплексных трансформаций при передаче грамматических лакун, их возможных объективно-модальных и субъективно-модальных интерпретаций.

Модальные лексические соответствия вызваны самой модальной семантикой вспомогательного глагола *ща* со значением “хотеть” в древнеболгарском языке, предполагающего предстоящность, намечание, желательность действия. Буд. время в прошедшем – модальная категория, связанная с выражением потенциальности – возможности, необходимости, ирреальности, гипотетичности, достоверности, оценки, предположения, категоричности.

Возможными переводными соответствиями этой категории являются контекстуально обусловленные средства лексической модальности, модальные инфинитивные

сочетания с глаголами *хотеть, собираться, надеяться, рассчитывать, суметь, рисковать* и др. [3], с модальными модификаторами *мочь, смочь*, модальными предикативами *можно, надо, не/ суждено*, лексемами *должен, вынужден* со значением вынужденной необходимости, безличными формами глаголов *предстоять, удалться* и др. Вариабельные лексические средства модальной маркированности при отсутствии доминанта-эквивалента выявляют вероятность, условность или реальное осуществление, неотменность действия. Перевод требует раскрытия имплицативных смыслов данной ситуации, смысловых сдвигов, актуализации прошедшего ориентационного момента в семантике болгарского времени, ср.:

Още няколко крачки му оставаха до зелената кукурузена нива, в която щеше да се скрие (ЕС1) – До зеленой кукурузной нивы, в которой надеялся укрыться, оставалось еще несколько часов, ср. он мог/ может/ сможет укрыться; *Щеше да направи малък кръг и да се върне към планината, където бяха отишли стражарите* (ЕС2) – Он решил сделать небольшой крюк и вернуться к горам, куда удалились полицейские; *Обзе го слабо вълнение, едва забележимо може би, но той щеше да го запомни* (ПВ1) – Волнение охватило Несси, слабое, едва заметное волнение, которое ему суждено было – он этого знал – запомнить надолго;.. *като че това същество, което щеше да умре, не беше самият той* (ЕС1) –... как будто это существо, которому предстояло умереть, был не он; *Колко щяха да вземат за операцията* (ПВ2) – Сколько они хотели взять с тебя за операцию;... и си представяше това, което щеше да се случи утре (ЕС1)... и представлял себе, как все должно произойти завтра...; *И колко жестоко и тъпо щеше да бъде, ако Ирина беше отказала да и помогне* (ДД) – Какой надо быть жестокой и ограниченной до тупости, чтобы отказать ей в помощи.

В случае актуализации одного из возможных темпоральных значений болгарского времени – начала действия в цепи последовательных действий – возможна передача его будущего ориентационного момента в ПЯ лексемами *быть, стать, начать* в буд. вр.

Време беше, след половин-един час небето на изток щеше да изbledнее (ПВ3) – Да и пора было – еще полчаса – час и небо на востоке начнет светлеть; *След като разкриха бягството, нашите преследвачи щяха да ни търсят по най-близкия път към планината.* (ПВ2) – Обнаружив наше бегство, преследователи станут искать нас на ближайших дорогах в горы.

Отсутствие в языке перевода аналогичной грамматической формы компенсируется введением лексических единиц в микротексте сочетания при сохранении информационного, предметно-логического, функционально-ситуативного содержания, фактической общности оригинала, функциональных доминант [4, 51].

Лексико-грамматические трансформации включают формы сослагательного наклонения, будущего времени при экспликации вероятности, гипотетичности действия модальными частицами и сочетаниями, вводными словами, условно-следственной организацией предложения:

И може би щеше да намери начин да го направи поне още веднъж (ПВ3) – И наверно, даже сумел бы устроить так, чтобы, повторит это еще раз; *Иначе, както нямаше звънец, кой знае как щеше да го събуди* (ПВ3) – Звонка на даче не было, и бог весть удалось ли

бы ему разбудить племянника; Ако беше започнал с това – щеше да се спаси от целия разлит (ПВЗ) – Начни он с этого, можно было бы избежать допроса; Ако беше тук Костов, щеше да почне веднага с раздаване на пари (ДД) – Бъдъ с нами Костов, он бы начал раздавать деньги; Нима щеше да има смелост пак да я посети? (ЕС2) – Неужели у него хватит смелости снова прийти?; Той пресметна, че след четвърт час английските самолети щяха да бъдат над града (ДД) Он знал, что не пройдет и четверти часа, как английские самолеты появятся над городом.

Характерна смена модальности – субъективной на обективную, выраженную формами настоящего, прошедшего, будущего времени при передаче действий, которые объективно должны реализоваться в определенный момент прошедшего. Обективная модальность связывается с представлением действия как фактического, реального, обязательно выполнимого. Общим в грамматических трансформациях является прошедший или будущий момент ориентации болгарского времени. Переводные грамматические формы являются временами простой ориентации. Настоящее время неактуальное может употребляться вместо прошедшего и будущего.

Грамматические замены как способ перевода, при котором меняется грамматическая форма слова в конечном тексте, но сохраняется смысловое соответствие, сочетаются с грамматической компенсацией, передачей грамматической категории средствами ПЯ, заменой морфологической формы другой. Модификации осуществляются на уровне ситуации, ситуативного контекста при воспроизведении коммуникативного эффекта первичной коммуникативной ситуации, напр.:

Така и трябваше да бъде, щом на съдебната сцена щеше да се появи ново светило (ПВ2) – Так и должно быть, когда на сцене появляется новая звезда; И на нито едно от тия мирни нищожества не дойде на ум, че зрелището беше предвестник на бурни времена, които щяха да развалят първо тяхното спокойствие (ДД). – И ни одному из этих мирных ничтожеств не пришла в голову мысль, что подобное зрелище – предвестник бурных времен, а эти времена прежде всего нарушают их покой; Още утре той щеше да почне нов живот (ДД) – С завтрашнего дня для него начнется новая жизнь; Той щеше да остане безучастен свидетел на неговия край, ако не му се удаеше да избяга (ЕС1) – Он останется безучастным свидетелем его кончины, если ему не удастся убежать; Секретарят на господин генералния директор на “Никотиана” чакеше със свято сърце звънеца, който щеше да го извика на доклад (ДД) – Секретарь господина генерального директора “Никотианы” со стесненным сердцем ждал звонка, которым его обычно вызывали для доклада; Къде щеше да го поведе – у дома му (ПВЗ) – Куда он его повез – домой?

Обективно-модальными переводными соответствиями являются обстоятельственные конструкции следствия, отглагольные номинализации:

Ако ги вдигне от котлона, щяха да останат малко сурови (ПВЗ) – Снимать их с плитки было рано – сырые...; Не и се искаше да облече японското кимоно, щеше да и бъде студено (ПВЗ) – Японское кимоно надевать не хотелось – холодно; Костов си наля чаши

вино, проклинайки пристъпа на гръдната жаба, с който щеше да изкупи удоволствието от него (ДД) – Костов налил себе стакан вина, проклиная угрожающий ему приступ грудной жабы – расплату за удовольствие.

Возможные способы перевода – парафразы, придумывание эквивалентов на ходу, добавления, поясняющий интерпретирующий перевод: Не искаше да гледа мрачната стая с ниския таван, да чува пухтенето на мъжа си, безнадеждния и молец стон на шурците, като че вечно щеше да живее така, между тия каменни стени сред пустош и самота (ЕС2) – Не хотелось видеть мрачную комнату с узким потолком, слышать тяжелое дыхание мужа и стон сверчков, такой безнадежно-тоскливый, что ей казалось, будто она обречена навечно оставаться в этих камерных стенах; Секретарят го гледаше плахо с бележник и молив в ръка, измъчван от мисълта дали щеше да стенографира правилно всичките му нареждания (ДД) – Секретарь с блокнотом и карандашом в руке испуганно смотрел на него, опасаясь, как бы не перепутать что-нибудь, стенографируя распоряжения шефа.

Наблюдения над русским переводом болгарского будущего в прошедшем показывает, что эту лакуну можно отнести к частичным и компенсированным: количество сем фрагмента оригинала превышает количество сем, входящих в его перевод, перевод части сем оригинала сопровождается появлением некоторых новых сем, не содержащихся в исходном тексте [6, 34]

Переводческие трансформации и приемы, приближенный перевод – использование в переводе грамматической единицы ПЯ в данном контексте, частично соответствующей безэквивалентной грамматической единице, трансформационный перевод с помощью лексико-грамматических трансформаций являются единственными средством при отсутствии возможного языкового параллелизма достижения коммуникативно-функциональной эквивалентности, выбора оптимального варианта перевода.

Формальные расхождения между текстами ПЯ и ИЯ, различия грамматических систем, исключающие равенство коммуникативных эффектов у носителей ИЯ и ПЯ, связываются с моментами пониженной переводимости [5, 43]. Зоны неполной переводимости – грамматические расхождения в структуре языка, концептуально-лингвистический барьер, невозможность точного перевода, несоответствия при сопоставлении языковых понятийных категорий двух локальных культур, потеря национально-специфического своеобразия, неполная эквивалентность не создают барьера для коммуникации. Общность логического содержания мысли, семантическая универсалия – основа принципиальной возможности переводимости. Как отмечает Комиссаров [4, 160], у безэквивалентной единицы нет готовых соответствий, любой способ создания окказиональных аналогов связан с обращением к ситуации, с ситуативной эквивалентностью. Выбор разнотипных соответствий безэквивалентных лакунарных грамматических единиц подсказывается лингвистическим и ситуативным контекстом, который имплицитно близжайшую по значению единицу перевода [4, 139–146]. Система возможных переводческих решений оказывается открытой и неограниченной.

Литература

1. Пашов, П. Практическа българска граматика / П. Пашов. – С, “Народна просвета”, 1989. – 373 с.
2. Георгиев, С. Морфология на българския книжовен език / С. Георгиев. В. Търново, “Абагар”, 1996. – 395 с.
3. Китина, А. За модального значение “предположителност” на формите на бъдеще в миналото и неговите съответствия в руския език / А. Китина. – БЕ, 1987, № 6.

4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: “Высшая школа”, 1980. – 203 с.
 5. Латышев, Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания / Л. К. Латышев. – М.: “Просвещение”, 1988 – 160 с.
 6. Попова, З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка. Воронеж / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Изд. Воронежского ун-та, 1984. – 148 с.

ДД Д. Димов. Тютюн, 1981. – Д. Димов. Табак. София пресс, 1979. перев. Д. Горбов и др.

ЕС1 Е. Станев. Избрани повести и разкази. С, 1976. – Эм. Станев. Тихим вечером. С, 1958. перев. Сидер Флорин.

ЕС2 Е. Станев. Избрани повести и разкази. С, 1976. – И. Станев. Похититель персиков. София пресс, 1976. перев. М. Михелевич.

КК К. Калчев. Избрани произведения. т. 3, С, 1984. – К. Калчев. В апреле. София пресс. 1968, перев. Т. Карпова и др.

ПВ1 П. Вежинов. Избрани произведения. Повести. 2т. С, 1984. – П. Вежинов. Барьер. София пресс, 1984. перев. М. Тарасова и др.

ПВ2 П. Вежинов. Избрани произведения. т. 3, С, 1984. – П. Вежинов. Звезды над нами. София пресс, 1968. перев. Н. Попов.

ПВ3 П. Вежинов. Избрани произведения. Романи. т. 4, С, 1984. – П. Вежинов. Ночью на белых конях. София пресс, 1984. перев. Л. Лихачева.

Е. Е. Долбик (Минск, Беларусь)

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ПОЭЗИИ В. А. КАРПОВА

Доктор филологических наук, профессор, автор глубоких работ по общей теории систем, философии языка, исследователь болгарского языка, Владимир Александрович Карпов (1940–2006) является и одним из самых интересных, на наш взгляд, представителей русскоязычной поэзии Беларуси, автором двух сборников стихотворений – «Амальгама» (2000) [1] и «Дао» (2008).

Обилие «филологических» метафор, сближение слов на основе паронимической аттракции, превращение паронимов и синонимов в контекстуальные антонимы, создание авторских окказионализмов, использование нескольких рядов слов с противоположным значением для создания контраста, экспрессивное обыгрывание омонимов, актуализация в одном предложении разных значений одной лексемы, использование оксюморонных сочетаний, употребление в рамках узкого контекста синонимов, различающихся происхождением и стилистической окраской, – вот далеко не полный перечень приемов, реализующих экспрессивный потенциал русского языка в поэзии В. А. Карпова.

Еще одной отличительной особенностью творчества Владимира Александровича является активное обращение к прецедентным текстам, раскрывающее личностную культуру автора и обеспечивающее приращение смысла его произведений на основе интертекстуальных связей. Интертекстуальность мы понимаем в узком смысле, как «диалогические отношения, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам. При этом автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты иных текстов, но и адресат верно определяет авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности» [2, 105]. Связь текста с другими текстами осуществляется за счет использования цитат, аллюзий, реминисценций.

Нами проанализированы отсылки к прецедентным феноменам в поэтическом сборнике «Амальгама». В результате анализа произведена классификация денотатов аллюзий. В качестве прецедентных феноменов в поэзии В. А. Карпова чаще всего выступают:

1) **названия произведений русской и зарубежной литературы:**

Дом у самой дороги [1, 67] – название поэмы А. Т. Твардовского «Дом у дороги»; *Так тянет зазеркалье / далекое и близкое* [1, 78] – название сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье»; *От «Мертвых душ» и «Горя от ума» / через «Войну и мир» – к борьбе за душу!* – вот краткий стиль *российского письма* [1, 107] (творения классиков русской литературы Н. В. Гоголя,

А. С. Грибоедова, Л. Н. Толстого для Карпова – основа формирования духовности и нравственности);

2) **цитаты из художественных произведений:**

Где-то волшебный ключик / к двери волшебной есть [1, 15] – сказка «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А. Н. Толстого; *Где-то парус твой белеет, / споря с волнами и с ветром* [1, 18] – строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Парус» «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом»; *Как вам хотелось быть повесами, / глаголом сечь, глаголом жечь* [1, 19] – аллюзия к пушкинскому «Пророку»: «Глаголом жги сердца людей»; *Дом. Отечества дым* [1, 20] – афоризм из комедии А. С. Грибоедова «И дым отечества нам сладок и приятен»; *Мороз. И люди на ветру / поют, как пушкинская муза, / из глубины сибирских руд* [1, 29] – строки из стихотворения «Во глубине сибирских руд» А. С. Пушкина; *Пусть скифы мы, пусть азиаты мы... / Но против черной плесени фашизма – / да будет свет!* – *вставали тьмы и тьмы* [1, 107], *И иногда поет о счастье / России варварская лира* [1, 168] – аллюзия к строчкам из стихотворения А. Блока «Скифы»: «Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сравнитесь с нами! Да, Скифы – мы! Да, азиаты – мы, – с раскосыми и жадными очами... В последний раз – на светлый братский пир сзывает варварская лира!»;

3) **имена персонажей художественных произведений:**

Слово детства – Рикки-Тикки-Тави... [1, 11] – персонаж одноименной сказки Р. Киплинга о мангусте; *Но в проносе россиян слышался Гаврош* [1, 12] – герой романа В. Гюго «Отверженные»; *все ищешь дивный клад, / потерянный Алисой* [1, 78] – героиня сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес»; *Золушке в саже / видится бал* [1, 117] – героиня одноименной сказки Шарля Перро; *Что там выплещет вилами / очи вперивший Вий?* [1, 127] – персонаж одноименной повести Н. В. Гоголя; *Любая встречная – Олеся* [1, 152] – героиня одноименной повести А. И. Куприна; *Я был Гарпагон* [1, 159] – герой «маленькой трагедии» А. С. Пушкина «Скупой рыцарь»;

4) **имена деятелей культуры, науки, исторических деятелей** (причем в количественном отношении преобладают русские писатели, композиторы, актеры, ученые):

Транзистор давится Стравинским [1, 8] (Игорь Стравинский – композитор-новатор и дирижер, автор опер «Жар-птица», «Петрушка», «Весна священная» и др.); *В каждом жил неокрепший Пестель* [1, 13] (Павел Иванович Пестель – участник Отечественной войны 1812 г., один из казненных декабристов); *Ах, Скрабин...* *Ах, Ахматова...* [1, 100] (Александр Николаевич Скря-

бин – композитор и пианист, развивавший идею светомызыки; великая русская поэтесса Анна Андреевна Ахматова); *Раз! – и рухнул постулат / этих скучных параллельных... Раз! – и все пересеклось, / Как не снилось и Эвклиду* [1, 136] (Эвклид – древнегреческий математик, система аксиом которого стала основой Эвклидовой геометрии); *И забытые стихи / где-то что-то там дожали – / и, пожалуйста – Державин / оказался не глухим* [1, 186] (Гаврила Романович Державин, русский поэт, представитель классицизма, присутствуя на экзамене в Царскомельском лицее, отметил юного Пушкина, о чем позднее сам поэт писал: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил»);

5) **топонимы** (чаще всего – наименования мест, связанных с культурной жизнью или историческими событиями):

Мой март, Монмартр, / живу в твоих мансардах [1, 8] (эстетический эффект усиливается за счет использования паронимической аттракции); *Из Парижа возвратились к площади Сенатской* [1, 13]; *В России есть заветные места – / Михайловское, Клин, Симбирск и Киев, / и вся Сибирь с Москвой... / Здесь не в гостях / и городки, и города такие, / как Вологда или Волоколамск, / Смоленск и Тула, или Псков с Рязанью...* [1, 14]; *...чтоб не забыли / о всех грядущих Хиросимах* [1, 182] (название города используется в обобщенном, метафорическом значении, причем в данном случае символизация названия подчеркивается не свойственной именам собственным формой множественного числа); *Черны и речка Черная, и выстрел* [1, 183]; *Кровь, однако же, горит... / Ей еще не так гореть / на снегу нелепой речки...* [1, 186] (Черная речка в Санкт-Петербурге – место дуэли и гибели А. С. Пушкина);

6) **артефакты, связанные с русской и античной культурой:**

Здесь люди с васильковыми глазами / то пушки льют – то Царь-колокола [1, 14]; *лишить обеих рук любовь, Венеру* [1, 128] (знаменитая статуя Венеры Милосской с несохранившимися руками);

7) **фразеологизмы:**

7.1. В исходном виде:

...молил ребенок и старик / все об одном – о божьей искре... [1, 10]; *И без живой воды / подымались убитые тут же* [1, 24]; *От нас до каменной культуры – / всего китайская стена* [1, 28]; *И война / с ее осьмушкой пайковой / из нашей дали не видна, коль меч в орало перекован* [1, 31]; *Черновики истории – задворки... / вот их читать от корки и до корки / чертвее нет* [1, 42]; *Да с миру по нитке – / дли-и-нны-е долги...* [1, 51]; *Сейчас бы годы ранние... / В стогу найти иголочку* [1, 54]; *Нас не сыщешь! / Как две иголки в сене...* [1, 89]; *В д-ревнях и по столицам, / по медвежьим по углам* [1, 58]; *Поверит на слово, / вернется на круги своя* [1, 84]; *К тебе, за тридцать земель, / письмо, журавлик запоздалый, / летит* [1, 85]; *А остальное – до предела схоже / с любым! – от головы до самых пят* [1, 104]; *Нет смысла приберечь / на черный день* [1, 121]; *Без паспорта, без подорожной, / все на своих да на двоих / брожу* [1, 147];

7.2. В трансформированном виде:

7.2.1. Усечение: *Янусом был твой мим* [1, 21] – двуликий Янус; *На веселье – нет веселья, / и с огнем не сыщешь* [1, 174] – днем с огнем не сыщешь;

7.2.2. Расширение: *... порох разбивших страстью / в самый яростный пух и прах* [1, 22] – разбить в пух и прах; *Мы ее то родиною кличем, / то, забыв в веках ее*

величье, / уж не первый – комом – лепим блин [1, 184] – первый блин комом;

7.2.3. Замена компонента (компонентов): *Молодо и зелено, / гори-гори веселей, / трава моя, зелье... Молодо – узко, / ширь – не по силам* [1, 38]; *Не подмок ли порох? [1, 52] – держать порох сухим; Вернуть бы годы прежние – / да ложка все не к ужину* [1, 54] – дорога ложка к обеду; *При равновесии бросала / фунт лиха, / чтобы вверх взлетал* [1, 64] – хлебнуть лиха; *Нынче праздник зовется судным* [1, 93] – судный день;

7.2.4. Включение в градационный ряд (фразеологизм выступает основой приема амплификации):

... спеша не уступить мирской сестре / в грехе ни на минуту, ни на йоту, / ни на объятье, ни на поцелуй [1, 9]; *Но строят тюрьмы, значит, стоит / и на розгах, и на роза / лезть, рваться, наткаться грудью / не слыть предезостным, но быть!* [1, 28]; *Час пробил, и карты биты, / все не к месту, не с руки* [1, 52];

7.2.5. Помещение в необычный контекст:

На четыре стороны / твоя судьба пошла шагать! [1, 19]; *И если есть седьмое небо, / то есть земли седьмое дно...* [1, 48]; *Жизнь летит на всех парах* [1, 49];

7.2.6. Контаминация фразеологизмов: *... забыть, что где-то есть попятный / ход, что выводит в терема [1, 28] – контаминация устойчивых выражений идти на попятную и потайной ход;*

8) **пословицы** (в подавляющем большинстве случаев подвергаются автором структурной и смысловой трансформации):

Человека растут ноги / кормят истины простые [1, 17] (Волка ноги кормят); *Правда Кривду одолеет* [1, 17]; *Зорким будь и соколиху / не ищи среди синичек* [1, 17] (Лучше синица в руках, чем журавль в небе); *Не ищи полегче броду* [1, 18] (Не зная броду, не суйся в воду); *В музеях цепи. Стихла цепь. / И стелют утонченной, мягче* [1, 26], *Дом, / где коврик так жестко постлан, чтобы мягче спалось* [1, 71] (Мягко стелет, да жестко спать); *... Двадцать лет скривит за печью / мышь, надутая горой* [1, 49] (Гора родила мышь); *Дом, знакомый с котомкой, и с сумой, и с тюрьмой* [1, 70] (От сумы да тюрьмы не зарекайся); *Семь бед. Ответ. Все нипочем* [1, 81] (Семь бед – один ответ); *В здоровом теле – царствует бездушие?* [1, 104] (В здоровом теле здоровый дух); *Я сам себя ковал, я прочно скован* [1, 107] (Каждый человек – кузнец своего счастья); *Встречают, точно, по одежке, / и провожают по уму* [1, 147]; *Или клин... да тем же клином?! [1, 136] (Клин клином вышибают); И клин везде – куда ни кинь [1, 62]; Поэзия – тот клин, что, где ни кинь – / явь жизни серой обнажает чудо* [1, 183] (Куда ни кинь, всюду клин);

9) **сказки:**

Вдруг дорога раздвоилась / к разным царствам-государствам... / Дальше – больше: расстроилась... / Там – коня... А там – страшнее... За девицей ли – Жарптицей, / за живою ли водою / с чудом-юдом смертно биться – / все под силу молодому [1, 16]; *Колобок – прообраз мира* [1, 17]; *Сказка – ложь, но только добрым / в ней урок* [1, 18]; *Пусть случайная стрела – / что ей наше право-лево! ... Шел царевич за стрелой ... До чего же там тепло от лягушечьей от ласки* [1, 136];

10) **мифы:**

Воздух – место для крылатых! Был Икар. Свалился в воду; Юность спорила с Дедалом [1, 18]; *И как страшный меч дамоклов – / первые слова* [1, 37]; *... блуждаю в мифах, / где прахом без следа пошли / труды Сизифа* [1, 65]; *Победа Пирра – есть победа!* / Исто-

рия, ты неправа [1, 21]; Жизнь – что бочка данаид, / как ни полнишь – все пустая... [1, 186];

11) библейские тексты:

...знал верблюда в ушко иголки / за сученой ниткой беды [1, 21] (парфразировано библейское выражение «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное»); ... настало время выбирать [1, 52] (Экклезиаст: время разбрасывать камни, время собирать камни); В заботах о насущном хлебе / для голодающей души / себе и мелочи не требуй [1, 60] (начало молитвы из Евангелия «Отче наш... Хлеб наш насущный даждь нам днесь»); по легенде – я блудный сын [1, 66]; Дом, уступивший Содому с Гоморрой [1, 65]; страшный суд вершит немота [1, 93]; ... и знаю, чем земле своей служу, / поскольку дело было раньше слова [1, 107]; Врут попы. Сначала было Дело! [1, 184] (поэт спорит с библейским выражением В начале было Слово); Бессильны все цуды [1, 183] (форма множественного числа имени собственного Иуда и написание со строчной буквы свидетельствуют о его употреблении в значении нарицательного «предатели»);

12) исторические события:

Дым гражданской... [1, 21]; Дым размаха. Дым пятачков [1, 23]; Дым Отечественной. Ты горе, / весь – невысказанный упрек [1, 24];

13) названия кинофильмов:

«Зеркало» – название цикла из сборника «Амальгама» (с посвящением актрисе Маргарите Тереховой, сыгравшей главную роль в фильме Андрея Тарковского «Зеркало»);

14) названия музыкальных произведений:

... и за окном, и над столом / бушует не гроза – полет валькирий! [1, 142] (опера немецкого композитора Рихарда Вагнера «Полет Валькирий»); «Сотворение мира» (название цикла из сборника «Амальгама») – балет Андрея Петрова; фантазия – всего «Полет шмеля» [1, 179] (название музыкальной пьесы Сергея Прокофьева).

Маркеры интертекстуальности могут актуализироваться особой позицией в тексте:

в качестве заголовка (название стихотворений или целого цикла):

Не хлебом единым [1, 26] (усечение библейского выражения Не хлебом единым жив человек); «Вот и лето

прошло...» (название цикла в сборнике «Амальгама» – аллюзия на стихотворение Арсения Тарковского); «У озера» [1, 146] (аллюзия на кинофильм С. Герасимова «У озера»); «Юный Пушкин» [1, 186]; «Гамлет» [1, 189]; в роли эпиграфа:

Давай ронять слова, / Как сад – янтарь и цедру, / Рассеянно и цедру, / Едва, едва, едва (строчки Б. Л. Пастернака в качестве эпиграфа к сборнику «Амальгама»); Вся-то я Вселенную объехал, / Нигде милой не нашел [1, 14] (строки из русской народной песни как эпиграф к стихотворению «В России есть заветные места»);

как посвящение:

М. Тереховой – к стихотворению «Смотрится – каждый» [1, 117]; Ю. М. Лотману – к стихотворению «Далекий юг и дальний север» [1, 187].

Карповские тексты не просто «разгерметизированы», открыты для предшествующих текстов, но и организуют ассоциативную переключку текстов (сравните: «Где твой Фауст, Маргарита? / Маргарита, где твой Мастер?» [1, 119] – переключка персонажей романов Гете «Фауст» и М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», вызванная посвящением цикла стихотворений актрисе Маргарите Тереховой) или переключку героев, когда упоминание одного имени тянет за собой другое (Богово – богу, / Дафнису – Хлоя. / Нарциссу – слепок / с его же лба [1, 117]; Ах, какие соперники! / Ревность, ссоры с интригами... / Спит Ромео над книгою; Живу все тем июлем я, / не надыхнусь тем лепетом, / моя Джульетта, Джулия [1, 137]; Юный Пушкин ... голосок его Натальи [1, 186]).

Таким образом, поэзия В. А. Карпова ярко иллюстрирует одну из важнейших категориальных характеристик современного художественного текста – интертекстуальность, диалогическое взаимодействие разных текстов и частей одного текста в процессе их функционирования, отличается смысловой полифоничностью, которая создается имплицитными и эксплицитными средствами. Авторскую манеру отличает широкое использование аллюзий, реминисцентных отсылок к произведениям русской и мировой литературы, языковая игра, структурная и смысловая трансформация фразеологизмов и пословиц.

Литература

1. Карпов, В. А. Амальгама: стихотворения / В. А. Карпов. – Минск: РИП «Петит», 2000. – 192 с.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

Т. В. Иваницкая (Гомель, Беларусь)

ТИПЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. С. ВЫСОЦКОГО (АЛЛЮЗИИ НА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ С. А. ЕСЕНИНА)

Целью данной статьи является характеристика диалога текстов С. А. Есенина и В. С. Высоцкого. Сделана попытка описать типы интертекстуальных отношений, возникающих в результате диалогического взаимодействия.

Данная работа является продолжением традиций исследования диалога Высоцкого и Есенина. Н. Крымова, И. Захариева, С. Вдовин начали первыми разрабатывать данную проблему. Так, Н. Крымова ещё в 1981 г. замечает: «С Есениным у него (Высоцкого – прим. Т. И.) вообще своя родственность. Её нетрудно заметить самым поверхностным взглядом – немногие поэты имеют судьбу, так легко становящуюся легендой. Они эту легенду как бы и сами творят – ещё при жизни. Другая родственность глубже и ещё заслуживает изучения. В ней и «кабацкие мотивы», и та любовь-тоска по роди-

не, которая не покидает нигде, ни за рубежом, ни на родине. У каждого свой «чёрный человек» и своя «Русь уходящая», и нежность к слову, и надрыв, и внутренняя песенность стиха, и – временами – неизлечимая, ничем не заливаемая тоска» [1, 107]. На общеизвестных аллюзиях на творчество С. А. Есенина автор останавливаться не намерен. Имеются в виду стихотворения «Красное, зелёное» В. Высоцкого и «Не жалею, не зову, не плачу...» С. Есенина, «О фатальных датах и цифрах» В. С. Высоцкого и «Быть поэтом – это значит то же...» С. А. Есенина, а также «Всему на свете выходят сроки...» Высоцкого и «Письмо к женщине» Есенина.

По классификации межтекстовых взаимодействий Жерара Женетта выделяются 5 типов взаимодействия текстов: 1) совместное существование в одном тексте

двух или более текстов – цитата, аллюзия, реминисценция; 2) взаимоотношения текста и его заглавия, послесловия, эпиграфа и т. д. – паратекстуальность; 3) ссылка текста на свой предтекст, часто критического или комментирующего характера – метатекстуальность; 4) ссылка текста на предтекст с целью его осмеяния и пародирования – гипертекстуальность; 5) жанровая связь текстов – архитектстуальность [2].

Итак, к паратекстуальности можно отнести такие параллели между тестами С. Есенина и В. Высоцкого: 1) поэма С. Есенина «Чёрный человек» и стихотворение В. Высоцкого «Мой чёрный человек в костюме сером...»; 2) стихотворение С. А. Есенина «Волчья гибель» (первоначальное название стихотворения «Мир таинственный, мир мой древний...») и диалог В. С. Высоцкого «Охота на волков»; 3) цикл Есенина «Москва кабацкая» и условный цикл раннего творчества Высоцкого «Я был душой дурного общества». Есенинский образ танцующего пьяного клёна («Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый! / Где-то на поляне клён танцует пьяный» [7, 105]) и у Владимира Высоцкого трансформируется: «Где-то кони пляшут в такт, / Нехотя и плавно. / Вдоль дороги всё не так, / А в конце – подавно» [6, 205]. А строки В. Высоцкого из того же стихотворения «Моя цыганская» вполне применимы и к характеристике мировоззрения С. Есенина последних лет: «И ни церковь, ни кабак – / Ничего не свято!» [6, 205].

Архитекстуальной можно назвать связь, возникающую между разными по тональности стихотворениями «Хороша была Танюша...» Есенина и «Правда, ведь обидно...» Высоцкого. Предлагается рассматривать эти стихотворения как баллады, можно проследить трансформацию жанра у В. С. Высоцкого (народная и городская баллада).

Гипертекстуальность является одной из интереснейших тенденций диалога Высоцкого с Есениным. Исследователи реминисценций в творчестве В. С. Высоцкого совсем не уделяют внимания изучению его прозы, в которой, на наш взгляд, можно найти уникальные примеры переосмысления есенинских текстов. Обратимся к произведению В. С. Высоцкого «Жизнь без сна», в основе которого лежит изображение абсурдного бунта дельфинов против человека и одновременно описание жизни в психиатрической больнице. Так, известные есенинские строки из «Письма к женщине» («Вы говорили... / Что вам пора за дело приниматься, / А мой удел – / Катиться дальше, вниз» [3, 203]) благодаря каламбуру приобретают совсем другое звучание: «Вы, мол, идёте вверх по лестнице – к выздоровлению то есть. А наш удел – катиться дальше вниз? Шли вам! Внизу первое отделение, а там буйные, нам туда – не надо. Но нам и наверх не надо – там пятое отделение, женское, тоже буйное. Хотите вверх? Пожалуйста!» [4, 363]. Замена переносного значения прямым, смена главных лиц (бывшие возлюбленные превратились в двух пациентов) и ситуации действия (любовное объяснение и крикливое выяснение отношений) помогает Высоцкому построить свой не менее оригинальный текст. Кроме того в приведённом отрывке наблюдается и самоцитация («нам туда не надо... Но нам и наверх не надо»), сравните со стихотворением «Москва-Одесса», которое было написано в том же 1968 г.

Аналогичная ситуация реминисценции на Есенина дана в размышлении пациента: «Это просто так. Я вообще не поэт, я... Кто я? Что я? Зачем я? Жизнь, какая же ты всё-таки сволочь» [4, 365]. Размышления есенинского лирического «Я» и психически больного

человека поставлены Высоцким в один ряд. Цитата из есенинского текста («Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...») появляется будто бы случайно и совсем естественно, но она настолько очевидна, что данный пример можно отнести к метатекстуальности.

В. С. Высоцкий в произведении «Жизнь без сна» пройдёт танком и по есенинской драматической поэме «Пугачёв». Обращение Пугачёва к предавшим его повстанцам адресуется Высоцким дельфинам и китам. У Есенина: «Дорогие мои... Хор-рошии...» [5, 195], а у Высоцкого: «Дорогие мои дельфины, / Дорогие мои киты» [4, 375].

Небесный барабанщик из есенинского одноимённого стихотворения, который был неким символом революционного движения («Верьте, победа за нами!» [3, 73]), превращается у Высоцкого в «стукача». Аллюзия довольно прозрачная, учитывая советскую историю. И если у С. Есенина «наш небесный барабанщик лутит в солнце-барабан» [3, 74], то у старого барабанщика «новый барабанщик» (который кстати на него «настучал», пока тот спал – прим. Т. И.) / барабан его забрал» [4, 364].

Скрытые цитаты разбросаны В. Высоцким по всему тексту оригинального произведения, которое в черновиках носило название «Дельфины и психи». Есть в нём и обыгрывание гоголевской цитаты о мчащейся Руси («Русь! Куда же прёт-то! Дай ответ. Неважно, говорит, авось вынесет, и вынесло и пронесло, и несёт до сих пор, и неизвестно, сколько ещё нести будет» [4, 369]), и пародия на посмертные записки (отсылки к образам многих самоубийц, в первую очередь к Маяковскому), и совпадения с фразами ранних писем С. А. Есенина.

Ещё одним примером гипертекстуальности можно считать стихотворение В. С. Высоцкого «Мажорный светофор, трёхцветье, трио...», в котором поэт вступает заочно в подтексте в спор с Есениным о том, как надо использовать цвет в творчестве. Высоцкий отдаёт предпочтение трём цветам светофора, аргументируя свой выбор тем, что «всё в трёх цветах нашло отображение, / Лишь изредка меняется порядок» [4, 146]. Для Есенина, несмотря на то, что у него были излюбленные краски, очевидна тенденция к смешиванию оттенков, нюансировке окрасок (не просто красный, а алый, пурпурный, багровый и т. п.). Высоцкий, иронизируя по поводу выбора Есениным цвета, спрашивает: «Но где же он, мой «голубой период»? / Мой «голубой период» не придёт!» [4, 146]. У С. А. Есенина можно встретить голубую Русь, голубой покой, голубой шелест сирени и др. Владимир Высоцкий будто завидует безоблачной поэзии Есенина, хотя прекрасно понимает, что не такая уж она и светлая. Стихотворение Высоцкого – небольшая творческая дискуссия о мастерстве поэтов, об использовании красок в лирике. Но вкусы и цветовые предпочтения у С. Есенина и В. Высоцкого разные. Сравните на уровне заглавий: «Несказанное, синее, нежное...» С. А. Есенина и «Красное, зелёное» В. С. Высоцкого.

В стихотворении Высоцкого «Не заманишь меня на эстрадный концерт...» появляется фраза «не будите меня поутру – / Не проснусь по гудку и сирене» [6, 376], которая отсылает к есенинскому «Письму к матери». Но у Высоцкого действие переносится из родного дома на стадион, и если лирический герой Есенина в одном из похожих по тональности стихотворений, просит о том, чтобы его похоронили под иконами («Чтоб за все за грехи мои тяжкие... / Положили меня в русской рубашке / Под иконами умирать» [3, 132]), то герой Высоцкого наставляет друзей: «Закопайте меня вы в центральном кругу, / Или нет – во вратарской площадке!» [6, 376].

Менее пародийно выглядит ситуация из стихотворения «Я не пил, не воровал...», что позволяет говорить о метатекстуальности, так как ссылка на предтекст ещё более ощутима, она скорее комментирующего характера, а не пародийного:

*Я забыл про отчий дом,
И про нежность к маме,
И мой срок, как снежный ком,
Обрастал годами [4, 14].*

Активизируется в цитируемой строфе ещё один есенинский текст: «Да! Теперь решено. Без возврата/ Я покинул родные поля» [3, 121]. Правда, причина ухода из дома у лирических героев разная: разочарование (у С. Есенина) и пребывание в тюрьме (у В. Высоцкого).

Тема скитальчества и прощания с родным домом является и в стихотворении В. С. Высоцкого «Нет меня – я покинул Расею...». Грамматическая форма «Расея» возвращает нас к есенинскому восклицанию: «Ты, **Расея** моя... Рас...сея... Азиатская сторона!» [2, 124]. Тональность стихотворений Высоцкого не столь лиричная в сравнении с Есениным (например, в другом стихотворении Есенина на ту же тему: «Я покинул родимый дом, / Голубую оставил Русь» [3, 75]). У В. Высоцкого читаем:

*Нет меня – я покинул Расею, –
Мои девочки ходят в соплях!
Я теперь свои семечки сею
На чужих Елисейских полях [4, 291].*

Сопоставление творческих систем В. С. Высоцкого и С. А. Есенина делает наглядным сходства и в то же время различия авторской индивидуальности.

Размышления о поэтическом призвании и совпадении при этом в образах наталкивает на мысль о метатекстуальном взаимодействии. В стихотворении Владимира Высоцкого «Поздно говорить и смешно...» появляется образ огня как миссии настоящего человека и поэта:

*И пой до зари,
И цветы – когда от сердца – бери.
Если хочешь подарить – подари,
Подожгут – гори! [6, 347].*

У Сергея Есенина образ огня приобретает функцию символа, если учитывать частоту его появления в текстах: «Коль гореть, так уж **гореть сгорая**» [7, 75], «**Гори, звезда моя, не падай**» [7, 85], «**И мне – чем сгнить на ветках – / Уж лучше гореть на ветру**» [7, 65], «**Кто любил, уж тот любить не может, / Кто сгорел, того не подожжешь**» [7, 133].

Дальнейший анализ представляется нам не как рассмотрение интертекстуальности, а учёт менее очевид-

ных параллели, возможно возникающих по бессознательному порыву. Так, указание на тематические объекты совпадает у раннего Высоцкого с есенинскими адресатами. Из стихотворения Высоцкого конца 1950–60 гг.: «Я пишу обо всём: о животных, предметах, / И о людях хотел, втайне женщин любя» [4, 9]. Похожие строки встречаем в стихотворении С. Есенина 1924 г.:

*Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверьё, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове [3, 158].*

Мотив опьянения, «отравы» сближает творчество В. С. Высоцкого и С. А. Есенина: «Я очнулся от белой-пребелой горячки – / В ожидании следующей снова пишу!» [4, 9] и «Пускай бываю иногда я пьяным, / Зато в глазах моих / Прозрений дивный свет» [3, 192].

Сближает Высоцкого и Есенина манера стихотворений, авторы намеренно создают простые на первый взгляд тексты. Высоцкий будто подхватил есенинский призыв: «**Стихи! стихи! Не очень ладте! / Простей! Простей!**» [7, 60].

Итак, мы говорили о типах интертекстуальности в творчестве В. С. Высоцкого, рассматривались аллюзии на тексты С. А. Есенина. Все типы интертекстуальных отношений встречаются в художественной системе В. Высоцкого: 1) интертекстуальность как соприсутствие в одном тексте двух или более текстов (стихотворения «Моя цыганская», «О фатальных датах»); 2) паратекстуальность как соотношение текстов по заглавию (стихотворения «Мой чёрный человек в костюме сером...», «Охота на волков», «Моя цыганская»); 3) метатекстуальность как комментирование текста-предшественника (стихотворения «Нет меня – я покинул Расею...», «Я не пил, не воровал...» и др.); 4) гипертекстуальность как пародирование чужого текста («Жизнь без сна», стихотворение «Мажорный светофор, трёхцветье, трио...»); 5) архитектурность как связь жанров (стихотворение «Правда, ведь обидно...»). Кроме того наблюдается развитие сходных тем, образов у Высоцкого и Есенина («Поздно говорить и смешно...», «Про меня говорят: он, конечно, гений...»).

Наметим линии дальнейших исследований взаимодействий текстов В. С. Высоцкого и С. А. Есенина: 1) изучение сходных символов и тем (понимание души, раздвоенность и сосуществование бинарности человека, символика звезды, огня и др.); 2) поиск дополнительного иллюстративного материала для типов интертекстуальных отношений.

Литература

1. Крымова, Н. О Высоцком [Текст] / Н. Крымова // Аврора. – 1981. – № 8. – С. 98–115.
2. Сулова, Н. В. Новейший литературоведческий словарь-справочник для ученика и учителя / Н. В. Сулова, Т. Н. Усольцева. – Мозырь: ООО ИД «Белый ветер», 2003. – 152 с.
3. Есенин, С. А. Собрание сочинений: в 5 т. [Текст] / С. А. Есенин. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961–1962. – Т. 2: Стихотворения (октябрь 1917–1924). – 1961. – 314 с.
4. Высоцкий, В. С. Сочинения: в 2 т. [Текст] / В. С. Высоцкий. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 2. – 1991. – 544 с.
5. Есенин, С. А. Собрание сочинений: в 5 т. [Текст] / С. А. Есенин. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961–1962. – Т. 4: Проза и драматургия. – 1962. – 339 с.
6. Высоцкий, В. С. Сочинения: в 2 т. [Текст] / В. С. Высоцкий. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 1. – 1991. – 564 с.
7. Есенин, С. А. Собрание сочинений: в 5 т. [Текст] / С. А. Есенин. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961–1962. – Т. 3: Стихотворения и поэмы (1924–1925). – 1962. – 279 с.

КРЫЛАТЫЯ ВЫРАЗЫ З РУСКАМОЎНЫХ ЛІТАРАТУРНЫХ І ФАЛЬКЛОРНЫХ КРЫНІЦ XII–XX СТ. У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ

Крылатыя словы, якія ўжываюцца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове, толькі адносна нядаўна сталі аб'ектам шырокага тэарэтычнага і практычнага апісання ў беларускай філалогіі [1; 2], таму адной з яе актуальных задач з'яўляецца вызначэнне моўных і тэкставых крыніц, шляхоў паходжання крылатых слоў.

Паводле паходжання крылатыя словы, якія ўжываюцца ў беларускай мове, размяжоўваюцца на уласна беларускія [3; 4], запазычаныя з рускай мовы [5], інтэрнацыянальныя і запазычаныя з іншых моў (акрамя рускай) [6–12].

У сучаснай беларускай літаратурнай мове актыўна ўжываецца больш за 300 крылатых выразаў з рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX ст. [13]. Гэтыя крыніцы могуць быць наступныя.

1. Літаратурна-мастацкія і драматургічныя творы, параўн.: *А Васька слухае ды есць* (< руск. *А Васька слушает да ест*) – выслоўе з байкі “Кот і повар” (1813) І. А. Крылова (1769–1844); *Ёсць яшчэ порах у парашайніцах* (< руск. *Есть еще порох в пороховницах*) – выслоўе з апавесці “Тарас Бульба” (1842) М. В. Гоголя (1809–1852); *Народжаны поўзаць лятаць не можна* (< руск. *Рождённый ползать летать не может!*) – афарызм з верша ў прозе “Песня о соколе” (1895) М. Горькага (А. М. Пешкава, 1868–1936); *Рукапісы не гаряць* (< руск. *Рукописи не горят*) – афарызм з рамана “Мастер и Маргарита” (1929–1940) М. А. Булгакава (1891–1940); *У чалавеку ўсё павінна быць прыгожым* (< руск. *В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли*) – афарызм з п'есы “Дядя Ваня” (1897) А. П. Чэхава (1860–1904); *<Ох, > цяжка ты, шатка Мономаха!* (< руск. *Ох, тяжела ты, шатка Мономаха!*) – выслоўе з драмы “Борис Годунов” (1825) А. С. Пушкіна (1799–1837).

2. Публіцыстычныя і юрыдычныя тэксты, параўн.: *Даснаць і перагнаць* (< руск. *догнать и перегнать*) – выраз з брашуры “Грозная катастрофа и как с ней бороться” (1917) У. І. Леніна (Ульянава, 1870–1924); *Скінуць з карабля сучаснасці* (< руск. *бросить с Парохода Современности*) – выраз з маніфеста рускіх футурыстаў “Пошчэчина обществу вкусу. В защиту свободного искусства” (1912), аўтарам якога быў Д. Д. Бурлюк (1882–1967), і які таксама падпісалі А. Е. Кручоныч (1886–1968), У. У. Маякоўскі (1893–1930) і Велімір (В. У.) Хлебнікаў (1885–1922); *Чалавек чалавеку друг, таварыш, брат* (< руск. *Человек человеку – друг, товарищ и брат*) – выслоўе з Праграмы Камуністычнай партыі Савецкага Саюза (КПСС), прынятай на XXII з'ездзе КПСС у 1961 г.

3. Вусныя выказванні знакамітых гістарычных асоб (дзяржаўных, палітычных ці грамадскіх дзеячаў), філосафаў, вучоных, пісьменнікаў, параўн.: *Іду на вы!* (< руск. *Иду на вы!*) – выслоўе Вялікага князя Кіеўскага Святаслава I (?–972), які, паводле Лаўрэнцьеўскага летапісу (1377), меў звычку, пачынаючы вайну, пасылаць да ворага ганцоў з такім папярэджаннем; *Працэс пайшоў* (< руск. *Процесс пошёл*) – выслоўе савецкага дзяржаўнага і палітычнага дзеяча, Генеральнага сакратара ЦК Камуністычнай партыі Савецкага Саюза (1985–1991) і Прэзідэнта СССР (1990–1991) М. С. Гарбачова (нар. 1931) з прамоў на сустрэчах з народам у 1986 г., у якіх ён распавядаў пра ход “перабудовы” савецкага грамадства (1986–1991 гг.); *Сталынінскі галыштук* (< руск. *Столы-*

пинский галстук) – выраз расійскага палітычнага і дзяржаўнага дзеяча Ф. І. Родзічава (1853–1932) з прамовы на пасяджэнні Дзяржаўнай думы Расіі 17 лістапада 1907 г., які такім чынам даў ацэнку дзейнасці прэм'ер-міністра Расіі (1906–1911) П. А. Сталыпіна (1862–1911) у змаганні з рэвалюцыйным рухам у Расіі пасля Першай рускай рэвалюцыі 1905–1907 гг.; *Усур'ёз і надоўга* (< руск. *всерьёз и надолго*) – выраз савецкага дзяржаўнага і палітычнага дзеяча В. В. Асінскага (Абаленскага, 1887–1938) з прамовы на X канферэнцыі Расійскай камуністычнай партыі (большавікоў) 26 мая 1921 г., які паўтарыў расійскі і савецкі дзяржаўны і палітычны дзеяч У. І. Ленін (Ульянаў, 1870–1924) у прамове на IX Усерасійскім з'ездзе Саветаў народных дэпутатаў 23 снежня 1921 г.; *Хацелі як лепш, а атрымалася як заўсёды* (< руск. *Мы хотели как лучше, а вышло как всегда*) – выслоўе прэм'ер-міністра Расіі (1992–1998) В. С. Чарнамырдзіна (нар. 1938) з тэлевізійнага інтэрв'ю, прысвечанага абмену грашовых купюр у жніўні 1993 г., прыпісваецца польскаму дзяржаўнаму і палітычнаму дзеячу, кіраўніку Польскай аб'яднанай рабочай партыі (1970–1980) Э. Герэку (1912–2001); *Эканоміка павінна быць эканомнай* (< руск. *Экономика должна быть экономной*) – афарызм савецкага дзяржаўнага і палітычнага дзеяча, Генеральнага сакратара ЦК КПСС (1966–1982) Л. І. Брэжнева (1906–1982) з прамовы на XXVI з'ездзе КПСС 23 лютага 1981 г.

4. Ананімныя літаратурныя (мастацкія, публіцыстычныя, навуковыя і інш.) тэксты, параўн.: *Аб бедным гусары закінце вы слова* (< руск. *О бедном гусаре замолвите слово*) – назва і першы радок папулярнага ў Расіі XIX ст. рамана (невядомага кампазітара на словы невядомага аўтара), які прагучаў у аднайменным тэлефільме (1980) рэжысёра Э. А. Разанава (нар. 1927); *Блуканне па пакутах* (< руск. *хождение по мукам*) – частка назвы ст.-руск. апавесці “Хождение богородицы по мукам” (XII ст.) невядомага аўтара, у якой распавядаецца пра наведванне Багародзіцай разам з Архангелам Міхаілам пекла, дзе пакутуюць грэшнікі; *Болдзінская восень* (< руск. *болдинская осень*) – шырока распаўсюджаная ў літаратуразнаўчых працах назва плённага перыяду ў творчасці А. С. Пушкіна (1799–1837), які ён правёў у вёсцы Болдзіна (пад Ніжнім Ноўгарадам) увосень 1830 г.; *Гары, мая зорка* (< руск. *Гори, гори, моя звезда!*) – назва і зачын рамана, музыка якога прыпісваецца кампазітару П. П. Булахава (1822–1885), на словы невядомага аўтара; *Кракадзілавы слёзы* (< руск. *крокодиловы слёзы*) – выраз з ананімнага ст.-руск. рукапіснага твора “Азбуковник” (XVII ст.).

5. Мова неведомых асоб, выразы (ці выслоўі) якіх асацыятыўна звязаны з тымі ці іншымі літаратурнымі творамі, абагульняюць іх змест і г. д., параўн.: *Мядзведжая паслуга* (< руск. *медвежья услуга*) – выраз склаўся на аснове абагульнення зместу байкі “Пустытник и медведь” (1808) І. А. Крылова (1769–1844); *Тургенеўская паненка* (< руск. *тургеневская барышня*) – выраз склаўся як агульнае абазначэнне шматлікіх вобразаў жанчын з уласцівымі ўсім ім якасцямі высокай духоўнасці, вытанчанасці, гатоўнасці да самаахвяравання, здольнасці самааддана кахаць з раманаў “Рудін” (1856), “Дворянское гнездо” (1859), “Накануне” (1860), “Новь” (1877) і інш. І. С. Тургенева (1818–1883).

6. Фальклорныя творы (казкі, легенды і паданні, песні, павер'і, гістарычныя анекдоты і інш.), параўн.: **Аты-баты, ішлі салдаты** (< руск. *Аты-баты, ишли солдаты*) – выраз з рускай народнай лічылькі; **За трыдзець зямель <у трыдзецім царстве, трыдесятом государстве>** (< руск. *за тридцать земель в тридцатом царстве, тридесятом государстве*) – выраз з рускіх народных казак, які абазначае вельмі вялікую адлегласць; **Нашага палку прыбыло (прыбывае)** (< руск. *Нашего полку прибыло*) – выслоўе з рускай народнай гульнівай песні “А мы просо сеяли...”; **Пацёмкінская вёска** (< руск. *потёмкинские деревни*) – выраз з гістарычнага анекдота пра князя Р. А. Пацёмкіна Таўрычаскага (1739–1791), генерал-фельдмаршала (1784) і фаварыта расійскай імператрыцы Кацярыны II (1729–1796), у якім распавядаецца, што пасля далучэння (па ініцыятыве князя) да Расійскай імперыі Крыма ў 1783 г. і іншых зямель Паўночнага Прычарнамор'я Кацярына II нечакана вырашыла асабіста пазнаёміцца з Наваросіяй, куды выехала разам з Р. А. Пацёмкіным у 1787 г., таму князь, каб паказаць ёй, як квітнеюць новыя землі, пабудаваў на шляху імператрыцы дэкаратыўныя паселішчы; **Хатка на курных ножках** (< руск. *избушка на курьих ножках*) – выраз з рускіх народных казак пра Бабу-Ягу, якая нібыта жыве ў хаце, што стаіць на курных нагах і можа сама паварочвацца “к лесу задом ко мне передом”.

7. Тэксты эстрадных і аўтарскіх песень, лібрэта опер і аперэт і інш., параўн.: **За таго хлопца** (< руск. *за того парня*) – выраз з песні “За того парня” (1972) кампазітара М. Р. Фрадкіна (1914–1990) на словы Р. І. Раждзественскага (1932–1994); **Маладым у нас дарога ўсюды, < а старым павага ўсюды ў нас!>** (< руск. *Молодым везде у нас дорога, Старикам везде у нас почет*) – выслоўе з песні “Песня о Родине” (1936) кампазітара І. В. Дунаеўскага (1900–1955) на словы В. І. Лебедзева-Кумача (1898–1949); **Надзеі маленькі аркестрык** (< руск. *надежды маленький оркестрик*) – выраз-рэфрэн з аўтарскай песні “Песенка о ночной Москве” (1965) на музыку і словы Б. Ш. Акуджавы (1924–1997); **Што наша жыццё? – Гульня** (< руск. *Что наша жизнь? – Игра*) – выслоўе з оперы “Пиковая дама” (1890) кампазітара П. І. Чайкоўскага (1840–1893), лібрэта да якой напісаў М. І. Чайкоўскі (1850–1916), паводле аднайменнай аповесці (1833) А. С. Пушкіна (1799–1837).

8. Мова мастацкіх і дакументальных кінафільмаў і тэлефільмаў, мультыплікацыйных фільмаў, параўн.: **Лоўкасіў рук <і ніякаго моцества>** (< руск. *ловкость рук и никакого мошенства*) – выраз з кінафільма “Путёвка в жизнь” (1931) рэжысёра М. У. Эка (Івакіна, 1902–1976) па сцэнарыю А. Б. Столпера (1907–1979) і М. У. Эка; **Ну, заяц, пачакай!** (< руск. *Ну, заяц, погоди!*) – выраз з шматсерыйнага мультфільма “Ну, погоди!” (1969–1992) рэжысёра В. М. Кацёначкіна (1927–2000) па сцэнарыю Ф. Камава (нар. 1932) і інш.; **Пад каўпаком <у Мюллера>** (< руск. *под колпаком у Мюллера*) – выраз з шматсерыйнага тэлефільма “Семнадцать мгновений весны” (1973) рэжысёра Т. М. Ліознавай (нар. 1924) па сцэнарыю Ю. С. Сямёнава (1931–1993) паводле яго аднайменнай аповесці (1969); **<Хлопцы, > давайце жыць дружна** (< руск. *Ребята, давайте жить дружно!*) – выслоўе з шматсерыйнага мультфільма “Приключения кота Леопольда” (1975) рэжысёра А. Рэзнікава па сцэнарыю А. І. Хайта (нар. 1938).

9. Тэксты масавай камунікацыі (дэвізы, заклікі і лозунгі, эпіграфіка, мова рэкламы і інш.), параўн.: **Будзь гатовы(-оў)! Заўжды (заўсёды) гатовы(-оў)!** (< руск. *Будь готов! Всегда готов!*) – дэвіз Усесаюзнай

піянерскай арганізацыі імя У. І. Леніна (заснаванай у 1922 г.) у СССР (1922–1991), першапачаткова паходзіць з дэвіза (і адказу на яго) расійскіх скаўтаў (англ. *scout* ‘разведчык’); **Ніхто не забыты <і> нішто не забыта** (< руск. *Никто не забыт и ничто не забыто*) – выслоўе з верша ў прозе (1960) В. Ф. Бергольц (1910–1975), які высечаны на цэнтральным помніку Піскароўскіх мемарыяльных могілак у Санкт-Пецярбургу, месцы масавых пахаванняў каля 470,0 тысяч яго жыхароў і воінаў Ленінградскага фронту, што загінулі ў час 900-дзённай блакады горада (1941–1943) у перыяд Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945); **Салодкая парочка** (< руск. *сладкая парочка*) – выраз з рэкламы шакаладных батончыкаў “Twix” (1993) у Расіі, адзін пачак якіх утрымлівае два аднолькавыя батончыкі.

10. Назвы літаратурных і фальклорных тэкстаў, твораў выяўленчага і музычнага мастацтва, кінафільмаў і г. д., параўн.: **Бацькі і дзеці** (< руск. *Отцы и дети*) – назва рамана (1862) І. С. Тургенева (1818–1883); **Відавочнае-невергоднае** (< руск. *Очевидное – невероятное*) – назва папулярнай у Расіі і былым СССР (1922–1991) тэлевізійнай перадачы (першы выпуск 24 лютага 1973 г.), прысвечанай актуальным праблемам сучаснай навукі і тэхнікі; **Герой нашага часу** (< руск. *Герой нашего времени*) – назва рамана (1840) М. Ю. Лермантава (1814–1841); **Гора ад розуму** (< руск. *Горе от ума*) – назва камедыі (1822–1824) А. С. Грыбаедава (1795–1829); **Дзевяты вал** (< руск. *Девятый вал*) – назва карціны (1850) мастака-марыніста І. К. Айвазоўскага (1817–1900); **Казка пра белага бычка** (< руск. *Сказка про белого бычка*) – назва рускай народнай казкі з ліку т. зв. “дакучлівых” казак, у якіх усё паўтараецца зноў і зноў; **Месца сустрэчы змяніць (перамяніць) нельга** (< руск. *Место встречи изменить нельзя*) – назва шматсерыйнага тэлефільма (1979) рэжысёра С. С. Гаварухіна (нар. 1936); **Пырскі шампанскага** (< руск. *Брызги шампанского*) – назва папулярнага ў 1930-я і 1940-я гг. танга на музыку невядомага кампазітара; **Тэатр аднаго акцёра** (< руск. *Театр одного актёра*) – неафіцыйная назва заснаванага ў 1927 г. тэатра “Современник”, адзіным акцёрам якога быў У. М. Яхантаў (1899–1945).

11. Мяншкі вядомых асоб і літаратурных герояў, параўн.: **Вялікі камбінатар** (< руск. *великий комбинатор*) – выраз з раманаў “Двенадцать стульев” (1928) і “Золотой телёнок” (1931) І. Ільфа (І. А. Файнзільберга, 1897–1937) і Я. Пятрова (Я. П. Катаева, 1902–1942), у якіх аўтары так называюць свайго галоўнага героя, спрытнага прайдзісвіта і прадпрымальнага махляра; **Дваццаць два няшчасці** (< руск. *двадцать два несчастья*) – выраз з п’есы “Вишнёвый сад” (1904) А. П. Чэхава (1860–1904), жартаўлівая мянушка аднаго з яе герояў – канторшчыка Епіходава, з якім увесь час здаралася нешта непрыемнае; **Сонца рускай паэзіі** (< руск. *солнце русской поэзии*) – выраз з артыкула У. Ф. Адоеўскага (1803 або 1804–1869) у дадатку “Литературные прибавления” (№ 5) да газеты “Русский инвалид” ад 30 студзеня 1837 г., у якім паведамлялася пра смерць названага так А. С. Пушкіна (1799–1837).

Такім чынам, з вялікай колькасці літаратурных і фальклорных крыніц на рускай мове (мастацкіх і драматургічных твораў, публіцыстычных і юрыдычных тэкстаў, вусных выказванняў знакамітых асоб, ананімных літаратурных тэкстаў, фальклорных твораў, тэкстаў песень, лібрэта опер і аперэт, мовы кіна-, тэле і мультыплікацыйных фільмаў, тэкстаў масавай камунікацыі і інш.) у беларускую мову ўвайшлі тыя выразы, якія ў найбольшай ступені адпавядаюць светапогляду, этычным і эстэтычным уяўленням беларусаў.

Літаратура

1. Лепешаў, І. Я. Крылатыя словы і фразеалагізмы / І. Я. Лепешаў // Роднае слова. – 1992. – № 9. – С. 38–41.
2. Іванова, С. Ф. Крылатыя словы і праблема іх вывучэння ў беларускай мове / С. Ф. Іванова // Веснік Беларускага дзярж. ун-та. Сер. 4. – 2008. – № 2. – С. 18–21.
3. Янкоўскі, Ф. Крылатыя словы і афарызмы (з беларускіх літаратурных крыніц) / Ф. Янкоўскі. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1960. – 135 с.
4. Іванова, С. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакраіназнаўчы дапам. / С. Іванова, Я. Іваноў. – Мінск: БФС, 1997. – 262 с.
5. Iwanou, J. Рускамоўныя запазычаныя крылатых слоў у сучаснай беларускай мове / J. Iwanou, S. Wienidziktau // Dziejstwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-balto-wschodniosłowiańskich. – Białystok, 2002. – Т. VIII. – S. 210–217.
6. Венідзіктаў, С. Іншамоўныя крылатыя выразы ў сучаснай беларускай мове / С. Венідзіктаў // Studia slawistyczne. – 2003. – Т. 4. – S. 121–130.
7. Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік: [у 2 ч.]. – Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – Ч. 1: 3 іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. / аўт.-склад.: С. В. Венідзіктаў, С. Ф. Іванова, Я. Я. Іваноў і інш.; пад рэд. Я. Я. Іванова. – 136 с.
8. Цеплякова, А. Дз. Нямецкамоўныя запазычаныя крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад і крыніцы паходжання) / А. Дз. Цеплякова // Веснік Магілёўскага дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. – 2009. – № 1 (32). – С. 137–143.
9. Цеплякова, А. Дз. Англамоўныя запазычаныя крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад і крыніцы паходжання) / А. Дз. Цеплякова // Веснік Мазырскага дзярж. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2009. – № 2 (23). – С. 162–166.
10. Цеплякова, А. Дз. Франкамоўныя запазычаныя крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад і крыніцы паходжання) / А. Дз. Цеплякова // Веснік Брэстскага дзярж. ун-та імя А. С. Пушкіна. Сер. філал. навук. – 2009. – № 2 (12). – С. 109–116.
11. Іванова, С. Ф. Лацінскія запазычаныя крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад, формы ўжывання і крыніцы паходжання) / А. Дз. Цеплякова, С. Ф. Іванова // Веснік Мазырскага дзярж. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2010. – № 1 (26). – С. 88–93.
12. Іванова, С. Ф. Старажытнагрэчаскія запазычаныя крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад, формы ўжывання і крыніцы паходжання) / А. Дз. Цеплякова, С. Ф. Іванова // Веснік Полацкага дзярж. ун-та. Сер. А. Гуманітарныя навукі. – 2010. – № 7. – С. 176–179.
13. Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік: [у 2 ч.]. – Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. – Ч. 2: 3 рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. / аўт.-склад. С. В. Венідзіктаў, І. Л. Даніленка, С. Ф. Іванова і інш.; пад рэд. С. Ф. Івановай. – 208 с.

І. В. Каленік (Мазырь, Беларусь)

СЕМАНТЫЧНАЯ СТРУКТУРА ОНІМАЎ-АЛЮЗІЙ (на прыкладзе міфонімаў)

На працягу сваёй гісторыі чалавецтва рэгулярна звярталася да міфалагічнай спадчыны, намагаючыся ў глыбінях міфалагічнага светаўспрыняцця знайсці вечныя сэнсы. У сусветнай літаратуры ўвесь час узнікаюць алюзіі на антычныя міфалагічныя вобразы. Міфапаэтонім – семантычна складаны знак, што адначасова належыць і зноў створанаму, і старажытнаму тэксту. Вобразы антычных міфаў сталі ў пэўным сэнсе схемамі, што лёгка паддаюцца абагульненню, здольныя рэпрэзентаваць самую разнастайную інфармацыю: лёсы, характары, мадэлі грамадскіх адносін – таму актыўна выкарыстоўваюцца ў паэзіі новага часу. У мастацкім кантэксце сучаснага аўтара алюзіянае міфалагічнае імя адсылае чытача да вядомага антычнага сюжэта або ўвасабляе сукупнасць пэўных якасцей чалавека ці з’явы.

Алюзія (лат. *allusion* ‘намёк, жарт’) – стылістычны прыём выражэння падтэксту, што заключаецца ва ўскосным суадносінах прадмета маўлення з агульнавядомым гістарычным, міфалагічным, літаратурным або іншым фактам, падзеяй [4, 37]. **Онiм-алюзія** – гэта выкарыстанне ўласнага імені ў якасці вобразнай спасылкі-намёку на папярэдні тэкст з мэтай выяўлення асацыятыўнай сувязі двух кантэкстаў, для якога характэрна стылістычнае ўзбагачэнне кантэкста-рэцыпіента і мадыфікацыя зместу самога онiма пад уплывам новага кантэксту [1], [2], [3].

Уласныя іменныя міфічных персанажаў, прадметаў, геаграфічных аб’ектаў, што сталі агульнавядомымі, могуць набываць новую канатэму, але захоўваюць сваё першааснае значэнне, сувязь з міфам. Гэты факт улiчваюцца аўтарамі сучасных паэтычных твораў: у структуры верша міфонiм актуалiзуе шэраг асацыяцый з вядомым антычным сюжэтам і адначасова ўвасабляе тэма ці іншыя

якасці чалавека або з’явы, што найбольш ярка выявіліся ў дадзеным міфе. На наш погляд, варыянты парадигмы алюзіянага працэсу у выніку спасылкі на старажытны сюжэт могуць уключаць наступныя элементы (варыянты 1–3 вылучаюцца ў залежнасці ад мастацкіх мэт аўтара):

1. Імя → фабула міфа → якасці чалавека (*Пенелопы, Афродыты*),

2. Імя → фабула міфа → грамадскія адносіны (*Зейс, Алімп, Парнас*),

3. Імя → фабула міфа → параўнанне з’яў (*Мідас, Сізіф*).

Першае звязно – гэта ўласнае імя міфічнага аб’екта, якое функцыянуе як алюзіянае лексэма ў структуры сучаснага тэксту. Другое звязно азначае ідэнтыфікацыю імені з пэўным міфалагічным тэкстам, “прыпамінанне” рэцыпіентам фабулы міфа. Трэцяе звязно – гэта назва семантычнага поля, якое фарміруецца пад уплывам асацыяцый з міфам.

Пакажам на канкрэтных прыкладах механізм разгортвання (эксплікацыі) культурнай інфармацыі міфонiма.

Алюзія на вобраз *Афродыты*, багiні кахання і хараства, можа быць выкарыстана для таго, каб перадаць захапленне прыгажосцю рэальнага чалавека. Так, у вершы М. Танка “Сонца расплавіла пясок пляжа...” іменем *Афродыты* названа дзяўчына. Азначэнне *якая толькі што выплыла з хваль* не толькі адлюстроўвае рэаліі (эпізод на акіянскім узбярэжжы), але з’яўляецца намёкам на той факт, што, паводле некаторых міфаў, *Афродыта-Венера* ўзнікла з марскай пены (прыгадаем хача б вядомую карціну Баціцелі “Нараджэнне Венеры”). Тым самым рэальнае дзеянне – выхад з вады пасля купання – набывае ў вачах лірычнага героя экспрэсію захаплення таінствам з’яўлення хараства. Параўнанне

адбылося на аснове такіх прыкмет: абедзве – багіня і дзяўчына – роўныя прыгажосцю, абедзве выйшлі з вады: *А прыйшла Афрадыта, якая толькі што / Выплыла з хваль... Асацыяцыі з антычнай эстэтычнай прасторай паглыбляюцца праз онім Акіян – водная прастора персаніфікуецца, названая па імені старажытнагрэчаскага бажаства: ...наклікаў яе Акіян – / Раззлаваны, зайздросны. Аўтарскія характарыстычныя азначэнні да оніма Акіян дадаюць экспрэсіўны штрых ў агульную карціну, выяўляючы ступень характава сучаснай Афродыты: нават міралюбівае бажаство злуецца і зайздросіць, калі яна пакідае яго воды на кароткі час.*

Імя **Пенелопы** асацыіруецца з міфам пра вандруўніцтва цара вострава Ітакі Адысея. Як вядома, **Пенелопы** верна чакала свайго мужа дваццаць гадоў. У кантэксце вершаў М. Танка “З амфары гэтай даўно...”, “Як рэстаўратар...”, “Прасвет” дадзенае імя ўвасабляе такую чалавечую якасць, як вернасць. Так, **Пенелопы** уяўляецца паэту каханая, якая “*днём вязала сваю пражу, а ўначы – распускала, верачы ў вяртанне свайго Адысея*”. Удакладняючы статус імені ў кантэксце онім *Адысей* і лексема *пража* як намінацыя міфічнага прадметнага атрыбута вобраза Пенелопы.

Міфічны цар **Мідас** вызначаўся незвычайнай сквапнасцю. Дыяніс надзяліў яго дарам адным дотыкам рукі ператвараць усё ў золата. Жыццё Мідаса робіцца пакутай, бо нават элементарнае пачуццё голаду ён ужо не можа задаволіць. У вершы М. Танка “Вы думаеце, гэта – шчасце...” шляхам адзінкавага выкарыстання оніма **Мідас** і лексем-рэпрэзэнтантаў *дотык*, *ператвараецца* ствараецца алюзія на згаданы сюжэт. Параўнанне сітуацыі старажытнагрэчаскага міфа і псіхалогіі творчасці адбываецца на аснове таго, што паэт таксама становіцца ахвярай сваёй прагі да паззіі і надзелены такім жа горкім “шчасцем”, што і **Мідас**, бо нават звычайнае судакрананне са светам прыроды і рэчаў нараджае паэтычны радкі: *Вы думаеце, гэта – шчасце, / Калі ад дотыку твайго / Ператвараецца ўсё ў песню: / Зямля, трава, вада, агонь, / І хлеб, і соль, і боль, і радасць, / І кожны міг, і кожны час... / Як позна зразумеў, дзівак я, / Тваю трагедыю, Мідас!*

Разгорнутая метафара пабудавана шляхам далучэння да алюзіійных лексем, што ўказваюць на вядомую сітуацыю, найменняў новых аб’ектаў, актуальных у новым мастацкім кантэксце: *ад дотыку твайго* (В) *ператвараецца ўсё* (В) *ў песню* (Н), дзе В – вядомае, Н – новае. Н у дадзеным выпадку – трансфармант алюзіі.

Алімп – месца, дзе жывуць багі; сімвал вярхоўнай улады. У паэтычным дыскурсе М. Танка і У. Караткевіча фарміруецца думка, што любыя стасункі з Алімпам скажаюць сутнасць паэтычнай творчасці. Так, паводле У. Караткевіча, на Алімпе “*з вольных ваўкоў робяць дачных псоў вяртавых*” (“Надзея лістападу”). Онім і прыём антытэзы, заснаваны на апазіцыі *вольныя ваўкі – вяртавыя псы* ствараюць экспрэсіўны вобраз. Выснова: літаратурнае чалядніцтва – ганебная для мастака з’ява.

У рэальнасці М. Танку даводзілася мець самыя непасрэдня стасункі з Алімпам – сумяшчаць творчую і грамадскую дзейнасць. Паэт карыстаўся ўсімі прывілеямі прадстаўнікоў улады, аднак за гэта даводзілася быць дэлегатам бясконцых з’ездаў, што не ішло на карысць непасрэднай і любімай справе – паэтычнай творчасці. Таму ўсе выгоды жыцця (у гэтым верша ланцужок лексем з прадметным значэннем сімвалізуе мару мешчаніна, яго жыццёвы максімум: *кватэра, ванна, санвузел, ліфт*) лірычны герой М. Танка згодны абмяняць на свабоду: *Учора, правёўшы 597-е пасяджэнне,*

/ Абвяшчэнне я напісаў: / «Мяню сваю кватэру на Алімпе – / З ваннай, санвузлом і ліфтам – / На будан у лесе ці зямлянку...».

Галоўнае бажаство грэчаскага пантэону – **Зеўс**, уладар багоў і людзей і ўсялякіх атмасферных з’яў, М. Танк у вершы “Оду Зеўсу аднойчы я склаў...” выкарыстоўвае адпаведную канатэму імені – ‘вярхоўная ўлада’: “*Оду Зеўсу аднойчы я склаў. / Той, расшчодрыўшыся, загадаў / Лаўрэатам мяне абвясціць. / Ды ўзмаліўся я, каб пры жыцці / Мне апошніх сяброў не злучыць / І пазней мець святы супакой, / Не караць мяне ласкай такой*”.

М. Танк абыгрывае семантыку слова *лаўр* і сучаснага *лаўрэата*. *Лаўр* – вечназялёнае дрэва Апалона, вянком з якога з часоў антычнасці ўзнагароджвалі пераможцаў паэтычных і музычных спаборніцтваў. *Лаўрэат* – асоба, адзначаная ганаровым званнем за заслугі ў галіне мастацтва, навукі і інш. Адсюль асацыяцыі са старажытным міфам. Беларускі паэт свядома пераўтварае міфалагічны сюжэт, паводле якога лаўровы вянок на галаву паэта-абранніка ўскладаў Апалон, бог музыкі і паззіі. У танкаўскім мастацкім кантэксце менавіта **Зеўс** (улада), уявіўшы сябе кампетэнтным і ў галіне паззіі, адабраў у Апалона яго святы абавязак. Аднак патэнцыяльны лаўрэат не схачеў узнагароды (аб чым сведчыць аксюмарон *караць ласкай*), бо яна ператвараецца ў сваю процілегласць – кару, калі не з тых рук атрымана і за сумнеўныя поспехі – служэнне афіцыйнай уладзе.

Аналіз моўнага матэрыялу паказвае, што кампанентамі семантычнай структуры міфапаэтонама з’яўляюцца: 1) дэнататыўнае (прамое) значэнне; 2) пераноснае значэнне – найчасцей стылістычна маркіраванае (*кніжн., іран.*) або фразеалагічна звязанае. Гэта значэнне, набытае канкрэтным уласным іменем у працэсе развіцця мовы і замацаванае ў свядомасці носьбітаў гэтай мовы. Абодва значэнні з’яўляюцца узуальнымі (агульнамоўнымі) і зафіксаваны ў тлумачальных слоўніках. 3) аказіянальнае, або індывідуальна-аўтарскае, значэнне. Напрыклад, *Сізіф* – 1) персанаж антычнага міфа, які быў пакараны багамі за тое, што імкнуўся хітрасцю пазбегнуць смерці: ён павінен быў вечна каціць на высокую гару велізарны валун, што на вяршыні раптоўна зрываўся ўніз; 2) той, каму наканавана рабіць бясконцую няўдзячную працу, адсюль і фразеалагізм *сізіфава праца* (*кніжн.*) – цяжкая, марная работа; 3) аказіянальнае значэнне ў кантэкście верша Р. Барадуліна “*Валун Караткевіча*” – падзвіжнік, усё жыццё якога прысвечана ўпартай высакароднай працы – у выпадку з У. Караткевічам, адраджэнню беларушчыны. Іншыя канатацыі надае міфонуіму *Сізіф* кантэкст аднайменнага верша М. Танка: *Сізіф быў пакараны, але пакараны вечнай працай*, дзякуючы якой і перажыў саміх багоў, што даўно адышлі ў нябыт.

Кантэкстуальнымі моўнымі сродкамі актуалізацыі канатацый люзіійных міфонуімаў выступаюць трансфарманты – “характарызуючыя азначэнні”: *Сцікс маўклівы* (М. Танк), *чорныя, дужыя рукі* Атласа (М. Танк. Гібралтар), *Муза – сварлівая, непаслухмяная* (М. Танк. Калі б я верыў ідалам...), *Цэрбер – няўмольны, як камень, лютасці сын* (У. Караткевіч. Балада пра сыноў Пітакоса), *Харон-перавозчык, валацуга-Адысей* (М. Танк. Вяртанне), *Акіян – раззлаваны, зайздросны* (М. Танк. Сонца расплывіла пясок пляжа...), *спрацаваны мужыцкі Пегас* (М. Танк. Калісьці на ядлаўцовым кійку-скакуне...).

Сродкамі стварэння канатацыйных значэнняў онімаў-алюзій з’яўляюцца таксама алюзійныя лексемы-рэпрэзэнтанты – атрыбуты міфа: **Праметэй** – *звон кайданаў*

(М. Танк. Яны), *ланцугі, агонь* (М. Танк. Эстафета агню), *Арфей – ліра* (У. Караткевіч. Балада пра сыноў Пітакоса), *Арыядна – ніць, клубок, лабірынт* (М. Танк), *Сізіф – валун* (Р. Барадулін. Валун Караткевіча), *лодка Харона* (М. Танк. Як жа сталася гэтак...).

Аўтарскія філасофскія інтэнцыі выяўляюцца праз адмысловую трансфармацыю традыцыйнай міфалагічнай сімволікі. Так, *Арыядна*, паводле старажытнагрэчаскага міфа, дапамагла афінскаму герою Тэсею, які забіў пачвару Мінатаўра, выбрацца з лабірынта пры дапамозе клубка нітак. Семантыка алюзійных намінацый, звязаных з онімам, удакладняецца ў мастацкай прасторы М. Танка наступным чынам (вядомае (В) – новае (Н): лірычны герой *згубіў* (Н) *клубок Арыядны* (В), таму не можа выбрацца з *лабірынта* (В) *дзён* (Н) і не можа *вярнуцца ў сваё юнацтва* (Н) (верш “Недзе закінуўшы...”). Матэрыял вяртання да самога сябе і да сваіх вытокаў гучыць і ў вершы “Строфы”: лірычны герой, блукаючы ў *лабірынце* (В) *памяці* (Н), *без* (Н) *пуцяводнай ніткі Арыядны* (В) імкнецца *вярнуцца* (В) *па скарб* (Н), знойдзены на радзіме, якім з’яўляюцца “сама-родкі фарбаў, ззянняў, слоў”.

Міфалагічны анамастыкон можна ўмоўна размеркаваць па наступных функцыянальных групах паводле агульнай канатацыйнай характарыстыкі:

1) Тэма ўзаемадачынненняў творцы і ўлады. *Зеўс* – вярхоўнае бажства ў антычнай міфалогіі; увасабленне самаўпэўненай улады, якая імкнецца “прыручыць” паэта (М. Танк. Оду Зеўсу аднойчы я склаў...). *Алімп* – месца, дзе жывуць багі; сімвал вярхоўнай улады; антыномія вобразу *Парнаса* – гары мастацтваў. У паэтычным дыскурсе М. Танка і У. Караткевіча фарміруецца думка, што любыя стасункі з Алімпам скажаюць сутнасць паэтычнай творчасці. Так, усе выгоды жыцця (*кватэра на Алімпе*) паэт згодны абмяняць на свабоду (М. Танк. Учора, правёўшы 597-е пасяджэнне...). Паводле У. Караткевіча, на Алімпе “з вольных ваўкоў робяць дачных псоў *вартавых*” (“Надзея лістападу”). *Пантэон* –

антычны храм усіх багоў, мець месца ў Пантэоне значыць для паэта прызнанне пры жыцці, матэрыяльны дабрабыт і духоўную смерць, бо за гэта трэба “*падвы-ваць ва ўнісон*”, у той час як задача мастака – стварыць адметную творчую манеру (М. Танк. Парады).

2) Творчасць, свет паэзіі, мастацтва традыцыйна сімвалізуюць імёны *Апалон, Арфей, Муза, Пегас, Парнас*. У беларускім паэтычным дыскурсе ім надаюцца адметныя аказіянальныя канатацыі. Так, *Муза* М. Танка паўстае то свавольніцай, то няшчаснай сучаснай жанчынай, то дысідэнткай і выгнанніцай (“Калі б я верыў ідалам...”, “Яна з усімі знаёмілася...”, “Муза”). Паводле Р. Барадуліна, У. Караткевіч меў трывалы творчы саюз з Музай, аб чым сведчыць наяўнасць у яго запіснай кніжцы *нумара тэлефона Музы і адраса ўнізе* (“Партрэт Уладзіміра Караткевіча...”). *Пегас*, чароўны крылаты конь, у паэтычным кантэксце М. Танка і Р. Барадуліна паказаны як спрацаваны сялянскі (калгасны) конік, што павінна сведчыць пра блізкасць крыніц паэтычнага натхнення да народнай глебы (М. Танк – “Вясновая ода”, Р. Барадулін – “Беларушчына”).

3) Моўныя сродкі, што фарміруюць паэтыку онімаў *Сіцікс, Харон, Хронас* дазваляюць перадаць аўтарскую мадальнасць у асэнсаванні праблемы Часовага і Вечнага, Жыцця і Смерці, чалавечай волі і наканавання (М. Танк – “Як жа сталася гэтак...”, “Сіцікс”, “Калі ў Харонавай бюракратычнай установе”, Р. Барадулін – “Час папрасіў” і інш.)

Такім чынам, уводзячы ў свой тэкст алюзійнае ўласнае імя са сферай-крыніцай “антычная міфалогія”, паэт карыстаецца прыёмам алюзіі, узаўяўляючы ў свядомасці чытача асацыяцыі з пэўным міфам, тым самым скіроўваючы чытацкую думку ў пэўным напрамку: услед за аўтарам чытач параўноўвае мадэлі грамадскіх з’яў або чалавечых характараў, што прапаноўвае міф, з тымі, што хваляюць аўтара. Семантыка міфоніма-алюзіі мае трохкампанентную структуру, што ўключае дэнататывнае, мегафарычнае і аказіянальнае значэнні.

Літаратура

1. Дронова, Е. М. Стилистический прием аллюзии в свете теории интертекстуальности: на материале языка англо-ирландской драмы первой половины XX века: дис... канд. филол. наук: 10. 02. 04. – Воронеж, 2006. – 182 л.
2. Камовникова, Н. Е. Антропонимы как интертекстуальные аллюзии в поэтическом тексте: дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. Е. Камовникова. – СПб., 2000. – 200 с.
3. Потылицина, И. Г. Дискурсивный аспект аллюзивной интертекстуальности английского эссе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02. 04 / И. Г. Потылицина. – М., 2005. – 213 с.
4. Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 811 с.

М. С. Качур (Мозырь, Беларусь)

ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ

Фреймовый подход к осмыслению фразеологической семантики является перспективным направлением когнитивной лингвистики, он открывает новые способы в приращении знаний о фразеологической номинации и в решении других проблемных вопросов современной теоретической фразеологии.

Целью данной работы является изучение особенностей применения фреймового подхода к процессам фразеологизации. Под фразеологизацией понимается образование фразеологического значения.

Когнитивная парадигма открывает обширные возможности для объяснения проблем фразеологической номинации. В её рамках ставятся вопросы, связанные с получением, кодировкой, хранением и передачей информации фразеологическими средствами языка.

Когнитивный принцип при изучении процессов фразеологизации состоит в соотношении структуры значения фразеологической единицы (ФЕ) с механизмами интеллектуальной деятельности человека и со структурированными элементами его языкового сознания [1, 139].

Методологической основой когнитивного подхода к единицам фразеологической номинации могут служить работы Дж. Лакоффа и М. Джонса, Р. Лангакера, Ч. Филлмора, Е. С. Кубряковой, Р. М. Фрумкиной и др. [2–7]. При этом их работы, направленные на исследование лексико-семантической подсистемы языка, не учитывают специфики фразеологических образований. Применение когнитивного подхода к фразеологическому фонду было предпринято В. Н. Телия [8], Н. Ф. Алейриченко [1], В. А. Масловой [9], А. Н. Барановым и

Д. О. Добровольским [10 и др.]. «Первый опыт осмысления когнитивных механизмов фразеологического образования, – отмечает Н. Ф. Алефиренко, – связан с попытками установить взаимосвязь между фразеологическим образованием и концептом как основной оперативной единицей когнитивной семантики» [11, 21]. Когнитивное осмысление закономерностей формирования фразеологического значения связано с моделированием этих процессов, лежащих в основе структурирования знаний и основывается на знаниях о прототипной ситуации фразеологической единицы [1].

Под прототипной ситуацией фразеологической единицы понимается информация, соответствующая номинальному (буквальному) значению фразеологизма на поверхностном уровне, и фактическая информация глубинного уровня [12]. За информацией поверхностного уровня, например, следующих ФЕ: англ. *every bean has its black*; нем. *was hilft's, daß der Rabe badet; er bleibt doch schwarz*; рус. *черного кобеля не вымоешь добела*; бел. *чорнага сакала не адмыеш дабяла* закрепляется содержание «на каждом бобе есть черное пятно»; «какой толк от того, что ворон купается, все равно останется черным»; «черную окраску шерсти / оперения не отмыть» английской, немецкой, русской и белорусской ФЕ соответственно, которое в результате переосмысления даёт новое представление предмета фразеологической номинации «нет людей без недостатков» и «недостатки характера не изменить». Фразеологическое значение основывается на образных представлениях «бобов», «ворона», «кобеля» и «сокола» и информации глубинного уровня о характерной окраске данных объектов действительности и предметно-практической сфере их применения.

Образное воплощение значения предметов и понятий материального и духовного мира представляет собой интерпретацию одних сущностей в терминах других, не тождественных обозначаемому, на основе их реального или мнимого сходства посредством внутренней формы языковой единицы. Внутренняя форма – это признак, положенный в основу номинации, он устанавливается при наложении номинального значения на переосмысленное и становится видно, какие участки их структур и каким способом совместились между собой. Например, внутренней формой цветоименования «чёрный» в структуре фразеологического значения рассмотренных нами выше примеров выступает признак «отрицательный».

Признак, оказавшийся приоритетным в акте номинации, представляет собой типизированное представление об объекте номинации [1; 8], сложившееся в результате взаимодействия языкового коллектива с окружающей действительностью. Он выступает вектором направленных ассоциаций [13, 243–250], что даёт основание интерпретировать факторы, предопределившие процесс вторичной номинации в результате интерпретации прототипной ситуации фразеологической единицы [1].

Таким образом, внутренняя форма выступает опосредствующим звеном между значением фразеологической единицы и обозначаемой предметной ситуацией, и, соответственно, структурирующим компонентом способа познания, определяющим его специфику. Именно внутренняя форма несет в себе знание о типовых свойствах денотата, квантах опыта [14] как оперативных единицах мышления.

Вся совокупность знаний о прототипной ситуации ФЕ, её когнитивные поверхностный и глубинный уровни значения и внутренняя форма ФЕ, представляют собой фрейм разноуровневого содержания [1; 8; 11], развора-

чиваемый во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов.

Теория фреймов была предложена американским ученым в области искусственного интеллекта М. Минским [15]. Для представления лингвистической информации, в частности, семантической структуры предложения, понятие фрейма было использовано Ч. Филлмором [3]. В таком понимании фрейм предстает как схема включения определенных аргументов при реализации глагола в высказывании. Семантика предложения в этой концепции основана на ролях, исполняемых референтами имен в прототипической ситуации. Такой лингвистический фрейм можно интерпретировать и как структуру сознания, отражающую языковое знание говорящего.

Фрейм («фрейм-структура» в терминологии В. В. Красных) состоит из разноуровневых узлов (или слотов), представляющих собой «предсказуемые валентные связи, векторы направленных ассоциаций, стереотипы сознания» [13, 243–250] (теорию фреймовой организации знаний см. [8; 10; 16 и др.]). Содержание каждого слота отражает стереотипные знания об определенной сущности в мире. Здесь содержится информация различной степени сложности: от простого признака до специальных фоновых знаний или энциклопедических данных. Отношения концептуальных связей между слотами осуществляются по когнитивным моделям [6; 7; 17], обеспечивающим свойство понятий переходить друг в друга, формироваться на основе прежде познанного и отображать многочисленные категориальные признаки осваиваемой человеком действительности, использовать человеческий опыт, особенности восприятия и воображения. Основой концептуальных отношений служит ассоциативно-образная связь свойств и признаков познаваемых предметов. В результате чего между слотами образуются устойчивые иерархические отношения.

Например, фрейм рассматриваемой нами ФЕ английского языка *every bean has its black* – ‘нет людей без недостатков’ состоит из следующих эпизодов:

боб с чёрным пятном → реальный объект действительности
 ↓
 боб чисто белого цвета → несуществующий в действительности объект
 ↓↑
 человек без недостатков → несуществующий в действительности субъект
 ↓
 человек с недостатками = боб с чёрным пятном
 ↓
 чёрное пятно → недостаток человека
 ↓↑
 чёрный → плохой, отрицательный.

Прототипной ситуацией данной ФЕ является образное представление «несуществующего в действительности боба без чёрного пятна». За этим представлением в результате переосмысления закрепляется содержание «на каждом бобе есть чёрное пятно». Такое содержание представляет собой информацию поверхностного уровня, а «люди с недостатками» – фактическая информация глубинного уровня. Признак цветоименования чёрный «отрицательный (недостаток)» явился внутренней формой данной фразеологической номинации.

Фрейм ФЕ нем. *was hilft's, daß der Rabe badet; er bleibt doch schwarz*; рус. *черного кобеля не вымоешь добела*; бел. *чорнага сакала не адмыеш дабяла* может быть представлен следующим образом:

окраска объекта действительности (чёрный)
 ↓
 попытка изменить существующее положение дел
 → отрицательный результат → речемыслительные операции о нецелесообразности данного действия
 ↓
 чёрный → отрицательный → напрасно пытаться это изменить
 ↓↑
 чёрный → недостаток (черта характера человека)
 → нельзя изменить

Иерархическая организация фрейма способствует формированию фразеологической единицы как раздельнооформленного семиотического образования [1]. Семиотическое содержание состоит в том, что каждый слот имеет двойную референцию. Во-первых, он является репрезентатором определенной информации о том или ином фрагменте известной для данной этнокультуры денотативной ситуации. Причем содержание информации, связанной с той или иной фразеологической ситуацией, может быть значительно шире, чем сама эта ситуация, «так как может включать в себя несколько более простых фрейм-структур, каждая из которых стоит за отдельным конкретным эпизодом ситуации» [13, 243–250].

Во-вторых, в процессе ассоциативного мышления концептуальные связи между слотами фрейма определяют выбор компонентного состава ФЕ. Смысловое содержание компонентного состава ФЕ определяет сферу действительности, элементы которой в свою очередь влияют на переосмысление значений слов в структуре фразеологического значения [18, 147; 19, 80]. При этом происходит взаимодействие именованного и формирования семантической структуры ФЕ. Так, например, смысловое

содержание компонентного состава выше рассмотренных ФЕ «черную окраску шерсти / оперения не отмыть» определяет нереальность выполнения данного действия, в результате чего ФЕ имеют переосмысленное значение «недостатки характера не изменить».

Таким образом, процесс фразеологической номинации обуславливает и выбор, и комбинацию слов, через посредство которых вторичное значение соотносится с номинируемым объектом. Их денотацией определяется та сфера действительного, к элементам которой прилагаются переосмысляемые значения слов. В таком случае компонентный состав ФЕ выступает в роли репрезентативной метки, знака, указывающего на обозначаемое данной меткой содержания.

Многокомпонентное структурирование прототипной ситуации ФЕ, интерпретация признака, положенного в основу вторичной номинации, соотнесение его с лежащей в его основе структурой знания, выявление принципов отражения человеческого опыта в значениях ФЕ представляет собой когнитивно-интерпретированное моделирование процессов номинации в процессах фразеологизации.

Следовательно, фреймовый подход применительно к фразеологии – это метод исследования взаимодействия фразеологической семантики и структур знания, того лингвокогнитивного пространства, в котором рождается и функционирует фразеологическая единица. Он позволяет интерпретировать факторы, лежащие в основе вторичной номинации фразеологических единиц, выявлять структуры знания, организующие сознание, изучать их роль в процессах вторичной номинации и моделировать когнитивные процессы интеллектуальной деятельности человека в ходе организации ФЕ.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ООО Изд-во «Эллис», 2008. – 271 с.
2. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
3. Филлмор, Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания / Ч. Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 52–92.
4. Фрумкина, Р. М. О методе изучения семантики цветообозначения / Р. М. Фрумкина // Сб. науч. тр. / Всесоюзный ин-т науки и технической информации. – М., 1978. – Вып. 10: Семиотика и информатика. – С. 142–162.
5. Langacker, R. Foundations of Cognitive Grammar / R. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – Vol. 1. – 573 p.
6. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. – Chicago: University of Chicago Press. – 1987. – 614 p.
7. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press. – 1980. – 242 p.
8. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 287 с.
9. Маслова, В. А. Лингвокультурный анализ восточнославянской фразеологии / В. А. Маслова // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: материалы Междунар. науч. конф., Гомель, 23–24 ноября 2001 г. / ГГУ им. Ф. Скорины; редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель, 2001. – С. 136–139.
10. Баранов, А. Н. Идиоматичность и идиомы / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 5. – С. 51–63.
11. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура / Н. Ф. Алефиренко // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокшенина; редкол.: М. Алексеенко (отв. ред.) [и др.]. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2005. – С. 21–27.
12. Качур, М. С. К вопросу о прототипной ситуации фразеологических единиц с компонентом цвета / М. С. Качур // Слово в коммуникативном аспекте: материалы круглого стола, посв. 60-летию образования МГЛУ, Минск, 17 ноября 2008 г. / Минск. гос. лингв. ун-т; редкол.: А. П. Клименко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2009. – С. 31–34.
13. Красных, В. В. Анализ дискурса в свете концепции фрейм-структур сознания / В. В. Красных // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред.: В. Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 243–250.
14. Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ) / Е. С. Кубрякова [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Издательство МГУ, 1996. – 245 с.
15. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
16. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. – 104 с.
17. Fauconnier, G. Mental spaces: Aspects of Meaning Constructions in Natural Language / G. Fauconnier. – Cambridge (Mass); London: The MIT Press, 1994. – 185 p.
18. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация (виды наименований) / А. А. Уфимцева [и др.]; отв. ред. Б. А. Серебrenников, А. А. Уфимцева. – М., 1977. – Гл. III. – С. 129–221.
19. Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов / В. П. Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ БЕЛОРУСОВ

Язык представляет собой систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Вслед за Ф. де Соссюром, выдвинувшим гипотезу, что язык – это системное образование, лингвисты стали искать подтверждение этого предположения в разных языковых сферах, в том числе и в лексико-семантической. В ходе многочисленных исследований лингвисты пришли к тому, что одним из важнейших проявлений системности лексики является объединение слов в определенные группы, названные впоследствии семантическими полями. Основой лексико-семантического поля (ЛСП) является некий стимул, объединяющий вокруг себя разнородные языковые единицы (слова, словосочетания, предложения), связанные общим семантическим компонентом. Разновидностью лексико-семантического поля является ассоциативное поле, получаемое в результате ассоциативного эксперимента.

Изучение ассоциативных полей позволяет не только рассмотреть традиционные в рамках лингвистики проблемы, но и изучить специфику национального характера, объяснить функционирование той или иной лексической единицы в речи, проследить возможности стратегии понимания слова в речи, развитие значения, динамику семантической структуры и т. д. Изучение реакций, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, также позволяет вплотную подойти к изучению такого понятия как «языковое сознание». Е. Ф. Тарасов определяет «языковое сознание» как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [1, 124].

Ставя цель определить, что же понимают современные белорусы под понятием «моральные ценности», нами был проведен цепочечный ассоциативный эксперимент, в котором приняло участие 83 человека (носители белорусского языка) в возрасте от 22 до 80 лет. В ходе эксперимента было получено 447 реакций. Испытуемым было предложено заполнить анкету, в которой им следовало назвать максимально возможное количество слов, ассоциирующихся у них с понятием «моральные каштоўнасці». Время проведения эксперимента не ограничивалось, хотя в среднем анкеты заполнялись не более 3 минут. По материалам эксперимента было построено ассоциативное поле «МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ», состоящее из ядра ближней, дальней и крайней периферий.

Целью нашего анализа было выявить лексико-тематический состав полученного поля и его структуру. Путем компонентного анализа на основе словарных дефиниций [2], [3], [4], [5] в семантической структуре слов / ассоциаций ассоциативного поля были выделены **семантические признаки (компоненты)**, представленные в семантике ассоциатов как эксплицитно, так и имплицитно. Выделение признаков вообще тесно связано с проблемой категоризации, поскольку позволяет без излишнего субъективизма отнести предмет к тому или иному классу. В результате, полученные в ходе эксперимента реакции были разбиты на 7 основных групп:

«свобода и ответственность» (совпадение по эксплицитной семе *выбор без принуждения*): *выбар* 2; *самастойнасць мыслення і раізнняў*; *незалежнасць*; *свабода* 7; *свабоднае волявызначэнне*; *сталасць думкі*;

(совпадение по эксплицитной семе *понятие о должном, обязанность отвечать за свои поступки и действия*): *адказнасць* 8; *высокая адказнасць*; *справядлівасць* 3;

«добро и зло» (совпадение по эксплицитной семе *оценка*): *дабро* 3 (группа **«добро и зло»** могла бы содержать гораздо больше слов, если бы анализ базировался на эксплицитных семах *хорошо* и *плохо*);

«долг и совесть» (совпадение по эксплицитной семе *регулятив*): *абавязак* 2; *абавязак – трымаць слова, нават калі асабіста нявыгадна*; *доўг*; *самаахвяраванне*; *свядомасць*; *сумленнасць* 8; *сумленне* 7;

«честь и достоинство» (совпадение по имплицитной семе *самоуважение*): *годнасць* 4; *годнасць і гонар у адносінах да сябе*; *гонар* 6; *пачуццё уласнай годнасці*; *чэсць*;

«смысл жизни и счастье» (совпадение по имплицитной семе *жизнь как целостный процесс*): *жыццё*; *мірнае жыццё* 2; *асэнсаванасць учынкаў*; *чалавечае жыццё*; (совпадение по эксплицитной семе *радостное состояние*): *вера ў будучыню*; *жыццярэаднасць*; *надзея*; *радасць*; *усмешка*; *маральнае задавальненне*;

«любовь»:

а) (совпадение по эксплицитной семе *привязанность*): *Айчына*; *каханне* 7; *каханне да дзетак і жонкі*; *ласка*; *любоў* 4; *любоў да Радзімы* 3; *любоў да блізкіх, да сябе, да Айчыны*; *любоў да людзей (гуманізм)*; *любоў да маці*; *любоў да Радзімы і ўсяго беларускага*; *любоў да сям'і*; *малая Радзіма*; *патрыятызм* 5; *Радзіма*;

б) (совпадение по имплицитной семе *отношения*): *адносіны*; *адносіны паміж людзьмі*; *бліжні*; *выхаванне дзяцей* 2; *дзці*; *дзіця*; *маці* 2; *мая вялікая сям'я*; *прырыштэт сям'і і ўсяго, што сям'і і дома датычыцца*; *сяброўства* 3; *сям'я* 7; *шлюб без зменаў*;

«добродетель и порок» (совпадение по эксплицитной семе *моральное качество (свойство) личности*, по имплицитной семе *черта характера*): *адданасць ідэялам* 2; *адданасць сваёй працы*; *адкрытасць* 3; *адсутнасць зайздрасці*; *аптымізм*; *ахайнасць*; *бескарнасць*; *вернасць* 5; *ветлівасць* 4; *воля*; *выкананне абяцанняў*; *высакароднасць у імкненнях* 2; *гасціннасць* 2; *дабрачыннасць*; *дабрыня – добрая мысля прыходзіць апасля*; *дабрыня (вера сабе і вера ў іншага)*; *дабрыня* 14; *далікатнасць*; *добразычлівасць* 9; *добрасумленнасць*; *духоўнасць* 6; *духоўнасць і іншая нецэнзурычына*; *духоўна ішчырасць*; *душэўнасць*; *камунікбельнасць*; *крывадушнасць*; *лагоднасць*; *маральная чысціня* 2; *міласэрнасць* 5; *моц (духа)*; *мужнасць* 6; *надзейнасць*; *падзяка*; *праўдзівасць* 6; *працавітасць*; *прынцыповасць*; *прыстойнасць* 5; *пунктуальнасць*; *разважлівасць*; *рашчучасць*; *самакрытычнасць*; *сардэчнасць* 3; *смеласць*; *спагада* 3; *спагадлівасць*; *стараннасць у працы* 2; *стойкасць*; *строгасць*; *сціпласць* 6; *тактычнасць*; *талерантнасць* 4; *трываласць* 2; *уважлівасць*; *удзячнасць* 2; *уласціваць*; *хціваць*; *цвёрдасць (характара)*; *цярпімасць (талерантнасць)*; *цярпімасць*; *цярплівасць* 2; *чалавечнасць* 2; *чуласць* 3; *чулівасць* 2; *чэснасць* 5; *чысціня*; *шчырасць* 7; *якасць*.

Как мы и предположили, более 69% (313) проанализированных нами реакций вполне укладываются в традиционные этические категории. Анализируя материалы эксперимента, мы включали каждое слово только в одну группу, поскольку цепочечный ассоциативный эксперимент практически исключает возможность поли-

семии. Однако тематика ассоциативного поля «МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ» все же несколько шире, чем общепризнанные этические категории. Это объясняется тем, что, в современных социогуманитарных дисциплинах «моральные ценности» рассматриваются как динамическое понятие. И хотя моральное сознание является наиболее консервативным из всех видов сознания, все же и оно подвержено изменениям. Кроме того, процессу ассоциирования было подвергнуто не отдельное слово, а словосочетание, что несколько усложнило задачу испытуемым. По этой причине часть полученных слов явилась не столько реакцией на устойчивое выражение «МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ», сколько отдельными реакциями она стимулы «МОРАЛЬ» и «ЦЕННОСТИ». Как следствие этого, в нашей классификации появились новые группы, уже ставшие для испытуемых реальностью и неотъемлемой частью их языкового сознания.

Выделение блока «Религия» мы связываем с усилением позиций церкви в современном обществе, переосмыслением жизненных принципов и ростом религиозного сознания. И, хотя данная группа ассоциатов не является чрезвычайно многочисленной, нельзя не отметить, что религия всегда была тесно связана с вопросом о смысле жизни. Так что косвенно данная группа может быть включена в этическую категорию «смысл жизни и счастье». Эти слова объединены эксплицитной семой *вера* и имплицитной семой *связь с чем-то высшим*. В неё вошли следующие слова: *Біблія 2; Бог 2; Вера ў Госпада Бога; дух; касцёл; мітрапаліт Філарэт; навучанне; саборнасць; хрысціянства 4; царква*.

Активная общественная позиция современного человека обусловила появление группы «**Общество и личность**» (эксплицитная сема *сообщество людей*): *грамадства; грамадзянкасць; грамадскія каштоўнасці; соцыум*; (эксплицитная сема *субъект общества людей*) *магчымасць асабістага развіцця; творчасць; чалавек 2; Я і яны*.

Поскольку частью наших респондентов были школьные учителя и университетские преподаватели, появление блока «**Образование и формирование личности**» (эксплицитная сема *воздействие*) также стало абсолютно естественным: *асабовы прыклад 2; веды; верасень 5; выхаванне 2; выхаванасць; добрае выхаванне; добрыя, карысныя веды; кампетэнтнасць; навучанне; настаўнік і вучань; натацыя; пазнавальнасць; школа*. Эта группа очень близко пересекается с группой «**Общество и личность**», поскольку как воспитание, так и обучение являются процессами, направленными на подготовку личности к жизни в обществе.

Следует отметить, что все анализируемые группы не имеют четко очерченных границ, их края размыты, и они как бы наслаиваются друг на друга. Так, например, блок «**Мировоззрение**» (эксплицитная сема *система взглядов*) при определенной обобщенности также мог бы быть включен в одну из вышеперечисленных групп. Однако мы выделили его в отдельный блок из-за его высокой степени абстрактности. Данная группа включает слова *светауспрыманне; гуманізм 2; альтруізм; эгаізм*.

Также в отдельную группу мы выделили и блок «**Мораль**», поскольку слова, которые мы в нее включили, являются даже более широкими по содержанию, чем вызвавший их стимул: *мараль 3; маральнасць 3; этыка 2; эстэтыка; унутраны свет; святло; усё тое, што робіць жывёлу чалавекам; наводзіны*. Мы не выделяли в этой группе какую-либо интегративную сему, поскольку

считаем, что данный блок может включить в себя всю лексику, полученную в ходе эксперимента.

Поскольку мораль и ее нормы направлены на регулирование жизни в обществе, в реальности она не существует сама по себе. Она пронизывает все без исключения сферы деятельности человека. Она обуславливается культурной традицией и в свою очередь влияет на судьбу культуры в целом. Именно по этой причине, на наш взгляд, выделилась такая группа как «**Культура**» (эксплицитная сема *совокупность материальных и духовных ценностей*), в которую вошли слова: *авалоданне дасягненнямі сусветнай культуры; агульная культура чалавека; вопыт; здабыткі цывілізацыі; культура 3; культура краіны; Ранэ Генон; сэксуальная культура; тое, што кожны мае сваё і тое, што існуе ў краіне; эўразійства*.

Кроме этого, по нашему мнению, необходимо выделить тесно связанную с предыдущей, однако имеющую свою специфику, группу «**История**» по эксплицитной семой *связь с предками: вахта; памяці – Плошча Перамогі; гераічнае мінулае 3; гістарычная памяць; дзедзюскае; памяць аб мінулым краіны; род; традыцыі 2*.

Следующей группой стал блок «**Чувства**». Мы включили в него лишь те слова, которые объединены имплицитно присутствующей семой *неравнодушие отношение к людям: давер; духоўныя перажыванні; маральныя каштоўнасць для мяне – павага да традыцыяў; неаб'якавасць; павага (да бацькоў; старэйшых і г. д.); павага 5; павага да дарослых; павага да ініцага; павага да іных; павага да людзей 2; павага да сабе; павага да сваіх бацькоў; павага да старэйшых 2; павага да ўсіх людзей; павага да хатніх жывёлін; спачуванне; спачуванне да слабых і бездапаможных; турботнасць; узаемапавага*.

С блоком «**Чувства**» перекрещивается группа «**Действия**», но она содержит лишь те слова, которые объединены семами *содействие, поддержка: дапамога 2; жаданне ўсім дапамагчы; падтрымка 2; супрацоўніцтва; узаемадапамога 6; узаемападтрымка* и семой *побуждение к действию: унутраная матывацыя; мэтанакіраванасць*

Поскольку «моральные ценности» являются своего рода регулятивом поведения в обществе, одной из самых обширных стала группа «**Правила и нормы**» с эксплицитной интегральной семой *регулирующее предписание*, включившая в себя следующие реакции: *адзінства; агульначалавечыя правілы наводзінаў у прыродзе і паміж сабой; братэрства; важнае; важнасць; вялікая цана; жыць без хлусні; значнасць чаго-небудзь; іерархія; немагчымасць здрады; немагчымасць падману людзей; непрыняцце гвалту; не рабіць злага; не рабіць нікому таго, чаго не пажадаеш сабе; норма; норма жыцця; нормы; нормы наводзін 4; паразуменне і гнуткасць; планка; права; правілы 2; прыныцыпы 2; прыныцыпы, якімі асобны чалавек, сацыяльная група, або грамадства павінны кіравацца пры прыняцці рашэнняў і ўчынках каб адпавядаць патрабаванням грамадства, якія не акрэслены ў заканадаўчых актах і вынікаюць з культурнага, цывілізацыйнага, гістарычнага вопыту грамадства; роўнасць; сістэма каштоўнасцей; сукупнасць усяго, што чалавек лічыць для сябе істотным, дарагім; уменне саступіць іншаму*.

Также нам показалось логичным объединить слова *інтэлект; разуменне (самаразуменне); развіццё; упэўненасць* в блок «**Психика**» с эксплицитной семой *психическое состояние, процес*.

В последнюю группу «Негатив» мы включили реакции, отражающие отрицательное отношение к самому стимулу: *асацыяцый выключна нецэнзурныя; духоўнасць і іншая нецэнзурчына; зусім нічога не ўзнікае, хочацца перакласці словы на расейскую; зажым.*

Проблема классификации реакций ассоциативного эксперимента и сегодня является одной из самых сложных и трудноразрешимых для исследователя. Мы предположили и в результате анализа материалов эксперимента доказали, что основную часть реакций (319 из 447) можно разбить на 7 основных групп, соответствующих этическим категориям, выработанным этикой

и получившим название «высшие моральные ценности». Всего же в процессе категоризации было выделено 19 тематических групп.

Выделенные тематические блоки не являются обособленными. Они перекрещиваются, плавно перетекают друг в друга, их границы размыты. Одна и та же реакция в зависимости от основания, выбранного для категоризации, может быть отнесена к разным группам. Выявленные в ходе эксперимента реакции наглядно демонстрируют, какие именно этические понятия являются для белорусов наиболее значимыми, а возможность их категоризации подтверждает гипотезу, что языковой лексикон человека имеет четкую структуру.

Литература

1. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание и его познавательный статус / Е. Ф. Тарасов // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2001. – С. 301–310.
2. Дубянецкі, Э. Культуралогія: Энцыклапедычны даведнік / Э. Дубянецкі. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя [Электронны ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://slounik.org/154230.html>. – Дата доступа: 28. 01. 2011.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 707. [2] с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа; пад агульнай рэдакцыяй К. К. Атраховіча (К. Крапівы): у 5 т. – Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 19771 – 984.
5. Чалавек і грамадства: Энцыклапедычны даведнік. Менск: Беларуская Энцыклапедыя [Электронны ресурс]. – 1998. – Режим доступа: <http://slounik.org/hramadstva>. – Дата доступа: 28. 01. 2011.

В. И. Коваль (Гомель, Беларусь)

КАША ИЗ ТОПОРА: ТЕКСТ – ФРАЗЕОЛОГИЗМ – СЛОВО

Текст русской народной сказки «Каша из топора» представляется не только забавным, но и вполне понятным, «прозрачным»: в ней, с одной стороны, высмеивается жадная и глупая старуха, а с другой – прославляется находчивость и смекалка хитреца-солдата, приготовившего кашу из такого несъедобного ингредиента, как топор. В действительности же в этой сказке (как и во многих других сказочных сюжетах) имеются «скрытые смыслы», позволяющие увидеть в ней мифологический подтекст.

Во-первых, главный персонаж сказки – солдат – во все не так прост, как может показаться вначале. Дело в том, что в ряде вариантов этой сказки речь идет о старом солдате (*Старый солдат шёл на побывку. Притомился в пути, есть хочется...*), чем подчеркивается его искушенность, опытность. Однако и без определения *старый* есть все основания считать, что солдат дореволюционной русской армии находился на службе довольно долго – до 25 лет, а значит, бывая в различных сложных ситуациях и в разных местах, он мог приобрести не только большой жизненный опыт, но и стать «ведундом», носителем сакральных знаний. Известно, что во многих сказках («Солдатская загадка», «Солдат и Смерть», «Солдат и Черт», «Сказка про глупого змея и умного солдата», «Солдат и сало», «Студенты и хитрый солдат», «Солдат, колдун и сапоги» и др.) солдат изображается умным, изобретательным, инициативным, способным найти выход из, казалось бы, совершенно безвыходного положения. В русских народных пословицах солдат также наделяется находчивостью (*У солдата на все ответ есть*), способностью противостоять смерти и нечистой силе (*Смерть русскому солдату – свой брат; Солдат и черта ученьем замучил*). Склонность солдата к воровству в пословицах не только не осуждается, но и оправдывается: *Солдату не грех поживиться; Солдату не украсть, так негде взять; Солдат не украл, а просто взял*. Солдат легко преодолевает различные преграды (*Где щель, там солдат пролезет; Пьяный солдат перейдет по льду, а собака провалится*),

он неприхотлив (*Нешто солдату и без шубы деется: идет да греется*) и непритязателен в быту (*Солдаты шилом бреются, солдаты вымом греются*). В современном стихотворном тексте «Каша из топора» солдат, отвечая на реплику удивленной старухи (*Прожила я много лет, / Видела еды немало, / Но ни разу не слышала / До сегодняшней поры, / Чтоб варили топоры*), приводит свои аргументы, среди которых – «солдатский» способ приготовления щей: *Помнится, во время оно / Гнали мы Наполеона, / Дык в двенадцатом году / Ели всякую еду. / Воины – народ бывалый: / Изловчились на привалах / Аж в пригоршине щи варить... [1]*. Созданный А. Т. Твардовским образ солдата Василия Теркина (*Теркин ← тертый “бывалый, опытный, много видевший и испытывавший человек”*) также опирается на названные архаичные представления о солдате. Именно поэтому жадная старуха соглашается на странное предложение солдата не только из-за женского любопытства (*«Что за диво! – думает баба. – Дай посмотрю, как из топора солдат кашичку сварит!»*): в ее сознании солдат устойчиво отождествляется с человеком, который наделен неординарными, необычными способностями и к тому же – знаниями, недоступными «простым смертным».

Во-вторых, важным сакрализованным «персонажем» сказки «Каша из топора» является «ингредиент» солдатской каши – обычный топор, который, будучи рассмотренным сквозь призму народной духовной культуры, обнаруживает устойчивую апторопейную символику. Учеными установлено, что в этнокультурной сфере топор, как и другие острые железные предметы, осмыслялся как «оберег и отгонное средство против нечистой силы и болезней»: восточные славяне клали топор под ноги скотине при первом выгоне на пастбище, чтобы уберечь ее от порчи и хищников; украинцы и западные славяне клали топор под постель роженице и под колыбель новорожденному, чтобы оградить их от порчи и злых *духов*; чтобы оградить живых от влияния смерти, топор клали под лавку, где лежал *покойник*, или на лавку после выноса тела; западные украинцы, ложась спать

на Новый год, около постели клали топор, а утром вставали на него, чтобы ноги были здоровыми и крепкими. Известно использование топора как магического средства в специфически женской сфере: «чтобы легче родить, сербские женщины пили воду, в которой был вымыт острый топор» [2].

Следует обратить внимание на то, что в рассматриваемом сказочном тексте солдат замечает топор, лежащий под лавкой: *«Ну, нет так нет, – говорит солдат. Тут он приметил под лавкой топор. – Коли нет ничего иного, можно сварить кашу и из топора»*. Очевидно, что лежащий в избе старухи топор (чаще всего – старый, вышедший из употребления, без топорика) является не банальным плотницким инструментом, а предметом-оберегом, который защищает хозяйку от различных негативных воздействий. Место нахождения топора – у самого порога, под лавкой, на которую сажались вошедшие, – было, как можно предположить, не только обычным, но и обязательным. Не случайно поэтому фразеологизм *найти топор под лавкой* употребляется в значении ‘обнаружить очевидный факт, сделать «открытие», которое всем давно известно’. Сравн.: «И когда соотечественники мои, особенно из молодых, прозреют и догадаются, наконец, что спасение России вовсе не в торгашестве и ростовщичестве, а в строительстве и созидании, я воскликну с удовлетворением: «Нашли топор под лавкой!» [3].

Приведенный материал со всей очевидностью иллюстрирует высокий этнокультурный статус топора как апотропея – предмета, наделяемого в сознании людей необычными, почти волшебными свойствами. Таким образом, неожиданное предложение солдата сварить кашу из топора выглядит в восприятии деревенской женщины не таким уж невероятным. Ход ее рассуждений при этом мог выглядеть следующим образом: вполне возможно, что солдат, являющийся докой, знатоком жизни и – в определенной степени – знахарем, способен совершить весьма невероятный поступок, поскольку для приготовления банального кушанья – каши – он использует предмет, сакральные свойства которого хорошо известны. Алогичные с точки зрения здравого смысла, но естественные в сфере народной духовной культуры действия солдата – помещение топора в горшок (котел), наполнение его водой и варка каши из топора на огне – нисколько не шокируют старуху; напротив, они захватывают ее – соучастницу волшебства – в такой степени, что использованию солдатом обычных в таком случае ингредиентов – крупы, соли и масла – она не придает никакого значения. Таким образом, топор, обладающий богатой этнокультурной символикой, используемый к тому же солдатом «не по прямому назначению», оказывается в данной ситуации настолько значимым, что «заслоняет» собой привычную, обыденную картину мира.

Запрос «каша из топора», помещаемый в различных поисковых компьютерных системах, позволяет получить прежде всего сведения о вариантах соответствующей сказки – от «классического» хорошо знакомого нам с детства текста до современных (обычно – стихотворных) обработок данного сюжета. Кроме того, как свидетельствуют обнаруженные в сети Интернет материалы, название сказки и сам сюжет становятся «производящей базой» самостоятельного словосочетания *каша из топора*, употребляющегося в переносном значении и становящегося таким образом фразеологизмом.

Прежде всего, обращают на себя внимание интернет-материалы из серии «Кулинарные рецепты», в которых представлено буквальное понимание словосочета-

ние *каша из топора*: топор в таком случае «на полном серьезе» называется в ряду обычных ингредиентов, используемых при приготовлении каши. При этом (явно не без иронии) приводятся характеристики «потребительских свойств» топорика и самого топора как ингредиентов «топоровой» каши: «Ни в коем случае не варите топор, рукоятка которого покрыта лаком или краской. Если в воду опустите очищенную деревянную рукоять, получите ясеневый или березовый отвар (в зависимости от материала ручки) и некоторое количество углеводов: в них превратится растительная клетчатка, содержащаяся в дереве. Это не вредно для организма, хотя вареный ясень вряд ли понравится на вкус. Если во время варки каши в кастрюлю поместить лезвие топора (не покрытое тефлоном), то вода приобретет неприятный металлический привкус, что, впрочем, тоже не принесет вреда организму, ведь некоторым больным специально назначают железосодержащие препараты» [4]. С точки зрения практической медицины, богатые железом продукты (говяжья печень, язык, рыба, гречневая крупа, бобовые, чернослив, абрикосы, гранаты и др.) действительно являются очень полезными, т. к. они способствуют повышению гемоглобина в крови [5]. Во «всемирной паутине» приводятся также «научные» рассуждения о «пищевых свойствах» разных видов топоров: «Некоторые не вполне сознательные кулинары полагают, что для более наваристого бульона лучше подходят топоры с деревянными ручками. Это ошибочное мнение. В дереве легко размножаются разные бактерии и насекомые, что сильно ухудшает его пищевые качества, а также грозит едокам отравлением. Лучшим топором для приготовления каши на данный момент является полностью металлический топор. Да, он требует немного более долгой термообработки, чем топор деревянный, но в итоге мы получим неповторимый по вкусу бульон, из которого с лёгкостью изготовим ту самую легендарную замечательную кашу» [6].

Содержание «прикольных» интернет-рецептов на тему «каша из топора» непременно включает словосочетания, формально соотносящиеся с конструкциями, типичными для кулинарных рецептов *сварить топор, варить топор, ставить топор в кастрюлю, топор предварительно помыть, погрузить топор в кипящую воду* и т. п. Сравн.: «Топор выварить в квасе, собрать утреннюю росу и вылить в небольшой горшочек. Довести до кипения, подсолить свежесжатой слезой и засыпать геркулес... » [7]; «Сначала долго варить топор, потом добавить много мяса, начать любую крупу. В конце – масло, жир, приправы, корочка все, что есть дома» [8]; «Набираем в кастрюлю воды и ставим на плиту. Как только вода закипит, ставим в кастрюлю топор (рукоятку), выжидаем две минуты и засыпаем крупу (для топора лучше гречка или перловка), солим, и варим ну минут 10–15 (надо дать топору развариться)» [9]; «Топор предварительно помыть и удалить ручку, варить 15–20 минут как обычную гречневую кашу. Подавать к столу с жареной курицей к пиву и глинтвейну» [10]; «Для приготовления наваристой каши из топора нам потребуются следующие ингредиенты: топор, вода, гречка, соль. В кастрюлю наливаем воду и доводим до кипения. Деревянным концом погружаем топор в кипящую воду и варим его пять минут. Подсаливаем по вкусу. Топор не вынимаем. Теперь добавляем гречку и варим её до готовности. Каша из топора готова. Помните: чем качественнее дерево, из которого сделана рукоятка топора, тем наваристее получится каша. Не разрешайте варить кашу из топора детям, чтобы они не поранились» [11].

В современном русском языке, отразившем разнообразные изменения, происшедшие в нем на рубеже веков, фиксируется новый фразеологизм – *суп (каша) из топора* ‘о том, что приготовлено из случайно нашедшихся продуктов’ [12, с. 1332]. Использование этого фразеологизма может быть проиллюстрировано многочисленными интернет-материалами, содержащими информацию не только о собственно каше как кушанье из сваренной крупы, но и о любом блюде, ингредиентами которого являются доступные, «подручные» продукты. Так, автор материала ««Каша из топора», или когда в холодильнике пусто» (<http://www.chevy-niva.ru/viewtopic.php>) предлагает «поделиться «бюджетными» рецептами из минимального набора продуктов, которые обычно есть под рукой»; в материале «Рецепт для настоящих мужчин: армейская «каша из топора» в полевых условиях» (<http://timer.od.ua/?p=7134>) предлагается «из нескольких картофелин, банок тушенки и каши приготовить нечто, чем можно накормить целую ораву голодных ртов»; посетительница одного из форумов (<http://vkusnee.net/old/f/index.php>) рассказывает, что свой ужин назвала «каша из топора», потому что она его «слепила из того, что было»: мясо, картофельное пюре, лук, помидоры, сметана. Понятию «каша из топора» вполне соответствуют национальные блюда других стран. Так, испанское национальное блюдо *оля подрига* готовится из продуктов, «наскребенных по сусекам»: рыбы, морепродуктов, говяжьих котлет и колбасок; по своей сути пицца, рецептов которой существует огромное множество, – тоже «блюдо из топора», поскольку «изначально как тесто для пиццы, так и начинка делались из того, что итальянской домохозяйке удалось наскрести по сусекам» [13].

Кроме значения – ‘о том, что приготовлено из случайно нашедшихся продуктов’, – фразеологизм *каша из топора*, встречающийся в интернет-материалах, реализует и некоторые другие оттенки «кулинарной» семантики:

– ‘блюда быстрого приготовления’: «Это блюдо (вермишелевая каша) частенько выручает по вечерам, когда надо быстро приготовить ужин» (<http://www.edimsovkusom.com/index>); «Окрошка готовится быстро, продукты просто не успеют испортиться в самую жаркую погоду; это своего рода суп-салат, в который вы можете добавлять всё, что вашей душе угодно» [14]; «Ветчина с сырным соусом с картофелем: блюдо быстро готовится и получается нежное на вкус» [15];

– ‘блюда для неопытных кулинаров: молодых домохозяек, студентов, холостяков’; сравн. названия материалов: «В помощь начинающим хозяйкам. Каша из топора» (рецепты приготовления «каши-рассыпухи» и «каши-размазни») (http://vkusno.ucoz.lv/blog/kasha_iz_topora/2010-06-29); «Каша из топора, или кулинарные рецепты для студентов» (рецепты приготовления салатов, яичницы, макарон по-флотски) (<http://www.univer.by/kasha-iz-topora>);

«Каша из топора в помощь холостяку» (рецепт приготовления супа) (<http://www.disput.az/index.php>);

– ‘блюда, приготовленные в ситуации финансового кризиса’: «Финансовый кризис: варим кашу из топора» (<http://www.wmj.ru/eda/vkusnye-stati>); «Как экономить в кризис? Каша из топора» (<http://shkolazhizni.ru/archive>);

– ‘здоровая, полезная пища’: «Каша является полезным продуктом для поддержания здоровья, а также оказываются полезным помощником при попытках похудения» [16]; форум для женщин «Каша из топора, или самая полезная пища» (<http://woman.obovsem.com/index.php>);

– ‘экзотические блюда других народов’: «Каша из топора по-немецки» (телятина, запеченная в ароматном

сене и политая соусом из альпийских цветов; к блюду предлагается водка из сена) (<http://www.dw-world.de/dw/article>); «Шведская каша из топора» (поджаренный хлеб с мелконарезанным сыром бычьим сердцем, приправленным костным мозгом из распиленной кости и местными травами) (<http://yandex.by/yandsearch?text>); «Хо-го, или каша из топора по-китайски» (тонко нарезанные овощи, мясо, грибы, морепродукты, которые опускаются в кипящий бульон палочками и сразу съедаются) (<http://www.myjulia.ru/article>).

Словосочетание *каша из топора* известно также как название конкурсов кулинарных рецептов, проводящихся по особым правилам. Например, в одном из интернет-материалов рассказывается, каким образом из продуктов, приобретенных на 500 российских рублей, можно приготовить суп с галушками, плов, салат и пончики (<http://dom.ya1.ru/index>); условием другого конкурса «Каша из топора» является приготовление различных блюд из разнообразных ингредиентов, но с обязательным использованием картошки, лука и водки (<http://www.gastronom.ru/challenge>).

Кроме того, устойчивое словосочетание *каша из топора* встречается и вне кулинарной тематики: такое название имеют интернет-материалы, в которых рассказывается об изготовлении различных полезных вещей из бросовых материалов и отходов производства. Очевидно, что в таком случае степень фразеологической слитности фразеологизма *каша из топора* значительно возрастает: «Каша из топора» (изготовление колец и перстней из утилизированных проводов) (http://www.lookatme.ru/flows/pantene_naturen); «Каша из топора, или обыкновенное чудо» (изготовление оригинальных мини-открыток из обрезков цветной бумаги, остатков ткани, ленточек и др.) (http://www.vsehobby.ru/mini_otkrytki_iz_ostatkov.html).

Наконец, рассматриваемое словосочетание может реализовать отвлеченное – как позитивное, так и негативное – значение. Так, автор материала о фильме К. Смита «Треугольник» характеризует его как «каша из топора», имея в виду хороший конечный результат при достаточно скромном бюджете фильма (<http://www.kinopoisk.ru/level/1/film>). С другой стороны, «супом из топора» называют ловкий обман доверчивых людей, встречающийся в рекламах быстрого овладения иностранными языками, быстрого похудения и полного излечения от различных недугов (http://www.langust.ru/soup_axe).

Слово *топор* как смыслообразующий компонент устойчивого словосочетания *каша из топора*, может становиться самостоятельным «осколком» интернет-материалов, созданных на основе классического сказочного сюжета. В таком случае это слово реализует переносные значения, содержащие имплицитную сему собирательности и соотносящиеся с основным мотивом – ‘совокупность недорогих, доступных по ценам продуктов, имеющих длительный срок хранения’; ‘продукты, всегда имеющиеся в распоряжении хозяев’. Сравн.: «Я вот что подумала: надо, наверное, определиться со списком продуктов, которые относятся к «топору». Это, наверное, что-то «долгоиграющее», что хранится практически у всех: крупы, сахар, соль, специи, это недорогие простые продукты, доступные в любом магазине» [17].

Приведенный материал свидетельствует не только о сохранении в сознании современников традиционного сказочного сюжета, но и о наполнении его новыми оттенками смысла, выражающими важные черты национального сознания: находчивость, предприимчивость, смекалку и – одновременно – доверчивость, наивную веру в чудеса.

Литература

1. Каша из топора. Русская народная сказка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://narod.yandex.ru/com_forum/message.xhtml?com
2. Левкиевская, Е. Е. Топор / Е. Е. Левкиевская // Словарь Дом Сварога. Славянская и русская языческая мифология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pagan.ru/slowar/t/topor8.php>
3. Щербаков, А. Топор под лавкой / А. Щербаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrono.info/text/2010/sher0110.php>
4. Варить топор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://domhoz.narod.ru/things/topor.htm>
5. Как повысить гемоглобин народными средствами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn-80accea1tekbqkrefch2bu1pya.xn-p1ai/tag>
6. Каша из топора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://community.livejournal.com/easycooks/1370640.html>
7. Абрамова, Е. Каша из топора бывает не только в сказке / Е. Абрамова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sevkray.ru/news/3/45006/>
8. Как варить кашу из топора? Дайте рецепт! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://otvet.mail.ru/question/34419434/>
9. Как сварить кашу из топора? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://akak.ru/recipes/7977-kak-svarit-kashu-iz-topora>
10. Сварить кашу из топора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://knp-klub.narod.ru/kacha_iz_topora.htm
11. Каша из топора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://receptovnet.ru/index.php?option=com>
12. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
13. Блюда «из топора» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://netnotes.narod.ru/cooking/t2.html>
14. Летнее удовольствие – блюдо из топора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.home-recept.ru/st_vserecepty.php
15. Блюдо из серии «Каша из топора» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.food-blogs.net/shuma-food/2009/06/blog-post_24.html
16. Каша из топора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fitfit.ru>
17. Каша из топора, творога и гречки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tallenka.livejournal.com/1412.html>

И. А. Королева (Россия, Смоленск)

РОЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СМОЛЕНСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и БРФФИ, проект № 10-04-00591а/Б2

В современном языкознании и литературоведении активно используется термин **интертекстуальность**; с его помощью обычно обозначают общую совокупность межтекстовых связей, в состав которых входит и «цитация» чужого, и отсылки к каким-либо другим текстам. Литературные аллюзии, как правило, сопряжены с творческой мыслью автора, отражают работу его «лаборатории». Несомненно, интертекстуальность в широком смысле (ибо термин не приобрел пока еще единого и точного толкования) можно рассмотреть как одно из средств, обобщающих художественно-речевой арсенал писателя [9, 294–295].

Ряд исследователей используют наряду с термином **интертекстуальность** термин **межтекстовые связи** [3]. Весьма значимы в реализации таких связей имена собственные, причем всех ономастических разрядов (чаще всего – антропонимы, имена персонажей, и топонимы, названия мест, которые помогают структурировать хронотоп произведения).

На примере анализа имен собственных представителей Смоленской поэтической школы мы делаем попытку еще шире представить явление интертекстуальности, обосновав его как важнейшее средство выделения особых литературных объединений, содружества мастеров слова, имеющих общие черты в идиостиле.

В 1960 году появился очерк известного литературного критика А. В. Македонова «О «смоленской» поэтической школе, о ее месте в развитии советской поэзии и о трех юбилеях». Выделено особое литературное объединение, приведена убедительная мотивация этого выделения и указаны три юбиляра (они же основоположники школы): А. Т. Твардовский (родился в 1910 году), М. В. Исаковский (родился в 1900 году) и Н. И. Рыленков (родился в 1909 году).

Как пишет Македонов, «есть в этих поэтах, несомненно, нечто общее, нечто объединяющее их в пределах того еще более общего, что объединяет всю нашу

советскую поэзию. ...с конца тридцатых годов Исаковский, и особенно Твардовский, оказали такое большое влияние на все развитие советской поэзии, что литературные искания и позиции «смоленской школы» стали по существу общими исканиями и позициями целого этапа и стороны развития нашей поэзии» [5, 3–4].

А. В. Македонов высказался весьма осторожно по вопросу о выделении особой, именно смоленской, поэтической школы (СПШ), но тем не менее привел убедительные доказательства ее существования. Он проанализировал то общее, что объединяет представителей школы, и то новое, что было привнесено в советскую поэзию «смолянами».

Несомненно, имена Твардовского, Исаковского, Рыленкова – масштабные индивидуальности, однако термин «школа», как никакой другой, передает суть их общности в поэзии, обусловленной объективной реальностью и тем, что они – уроженцы Смоленского края, земли, со сложными историческими судьбами, что, несомненно, наложило отпечаток на все их творчество.

Школа не существует только в рамках поэзии ее основателей. А. В. Македонов, помимо трех «наиболее поэтических фигур литературной Смоленщины», назвал еще нескольких поэтов, среди которых отметил имена «несомненно даровитые»: С. Фиксин, И. Василевский, Д. Осин, Д. Дворецкий, И. Рыжиков. Это сподвижники и соратники Твардовского, Исаковского, Рыленкова, но творчество которых не так широко известно читателям. Эти же имена относят к представителям школы известный смоленский литературовед В. С. Баевский [1].

Обратимся к основным характеристикам творчества поэтов Смоленской поэтической школы.

Как естественную и одну из главных тенденций Смоленской поэтической школы (сегодня принято писать название с большой буквы и без кавычек) следует признать тенденцию глубокой народности произведений ее представителей. Вершиной этой народности является,

безусловно, «Василий Теркин». Образ главного героя стал прецедентным, отмечен в Словаре коннотативных собственных имен Е. Отина [6].

Однако народность самым тесным образом «сливается» с выражением глубокой любви к Малой родине, родным смоленским местам, что делает эту народность конкретной, зримой и образной.

Вот что писал А. Т. Твардовский: «Для всякого художника, писателя наличие малой родины имеет огромное значение. Есть писатели, читая которых не удается почувствовать, распознать, откуда они родом – с юга или севера, из города или деревни, есть ли у них своя река или речка».

Но в творениях подлинных художников – и самых больших, и более скромных по своему значению – мы безошибочно распознаем приметы их малой родины. Они принесли с собой в литературу свои донские, орловско-курские, тульские, волжские, уральские и сибирские родные места. Они утвердили в нашем представлении особый облик этих мест: цвета и запахи их лесов и полей, их весны и зимы, отзвуки их песен, своеобразную прелесть местного словечка, звучащего отнюдь не в разладе с законами единого великого языка» [7, 14].

Тема Малой родины у всех поэтов Смоленской поэтической школы – ведущая. Родные места: Загорье, Починок, Смоленск, Красное, Ломня и др., родная Смоленщина в целом – вот конкретные адреса, по которым «живут» лирические герои смолян:

*И еще доволен я, –
Пусть смешна причина, –
Что на свете есть моя*

Станция Починок (Твардовский, «Станция Починок», 1936).

*На хуторе Загорье
В былые времена*

Леса, поля и взгорья

Имели имена... (Твардовский, «На хуторе Загорье», 1939).

*Люблю я людей, что спокойно и веско
Живут, уважая терпенье и труд,*

И гордую славу родного Смоленска,

Как душу, как совесть свою берегут (Рыжиков, «С Покровской горы», 1963).

А за нашей деревней Ломней

Вековые леса гудели (Рыленков, «Бабка», 1956).

Как давно все это было!

Только сердце не забыло...

Лето, год 32,

И Смоленск, залитый солнцем,

Где жасмин во всем цвету... (Дворецкий, «Встреча», 1938).

Под старость особенно резко

Приходят на память они,

Бессонные ночи Смоленска,

Июня 20-е дни (Фиксин, «Июнь сорок первого», 1979).

Описание Смоленска у И. Василевского отличается детализированностью. Так, он очень подробно описывает смоленские улицы, районы, пригороды.

Поэт упоминает центральный *Лопатинский сад* (парк), старинный парк в центре города – *Блонье*, районы города – *Поповку*, *Кловку*, улицы – *Дзержинку* (улица имени Ф. Дзержинского), пригороды – *Красный бор*:

Летят снежинки с высоты,

Зима роняет им на Блонье

С ветвей пушистые цветы («С утра свирепствовала вьюга», 1956).

Вчера в нашем Красном бору

Плескались над арками флаги («Ребята покинули лагерь», 1961).

Для поэтов СПШ общим названием является *Смоленщина*. Это название используется всеми поэтами с особой лиричностью: эпитеты – родная, моя, любимая, незабываемая, гордый край, земля, политая кровью. Так как существительные с суффиксом – ЩИН(а) являются обиходными, разговорными, неофициальными названиями областей и территорий России, но очень распространенными, в частности, в публицистической и художественной речи, то в текстах смолян – представителей СПШ – семантическое наполнение расширяется: это название и родной стороны, и родной страны. Понятие Малая родина как бы сливается с понятием Большая родина:

Нас зовут голубые просторы,

Клены стройными ветками машут.

Ждут нас реки, поля и озера,

Дорогая Смоленщина наша! (Василевский, «Моя Смоленщина», 1961).

Топонимы, называющие Малую родину, несут исключительно регионально-историческую информацию, важны опосредованной связью с другими регионами (ср. Смоленщина – Псковщина, Брянщина). В них зафиксировано отношение поэтов к родному краю.

Поэтам Смоленской поэтической школы свойственен особый пафос нового – пафос всеобщего и ясного движения, дороги, открытой дороги, «доброе пути».

Именно дорожная новь, светлый путь – особенность поэтов-смолян. И на этом пути обязательно новые люди, люди новых идеалов и одновременно люди-труженики, работники.

Смоленские поэты очень конкретно и зримо описывают этих новых людей-тружеников, начиная с элементарных данных – профессии, возраста, места жительства, имени:

Наш Кузьма неприметный,

Тот, что из году в год,

Хлебороб многодетный

Здесь на месте живет (Твардовский, «Поездка в Загорье», 1939).

Весьма интересно, что Кузьма – реальная фигура. По воспоминаниям брата поэта, И. Т. Твардовского, в Загорье рядом жили братья Ивановы – Кузьма, Алексей и Семен. Жили они небогато. Зимой чаще у Кузьмы Ивановича Иванова собиралась молодежь, так как у него было своих много детей [8, 21–22].

Поэты СПШ прославляли разные профессии: скотница, доярка, телятница, пастух, садовод, пчеловод (у Н. Рыленкова); плотник (начиная с любимого героя деда Данилы), кузнец (профессия, уважаемая с детства), печник, шофер, тракторист (у А. Твардовского); сторож, хлебороб (у М. Исаковского) и др. К середине 30-х гг. появляются новые «профессиональные» герои: летчики, артисты, ученые, председатели колхозов... Вчерашняя колхозная девочка стала певицей, а подружка юности слушает ее по радио («Когда в Москве, в концертном зале», 1951, Рыленков). Это типичный сюжет представителей Смоленской поэтической школы. В стихотворении «Мать героя» А. Твардовского (1940) мать имеет конкретное обозначение – Лаптева Олена. И читателю не важно, есть ли реально эта женщина: именно конкретика убеждает, что она действительно существует.

Народность творчества поэтов СПШ проявляется также и в реализации фольклорных мотивов, в использовании фольклорных образов:

Пусть березкой притворилась Лада,

Вот встряхнемся – и начнется сказка (Рыленков, «Ивовая дудочка подпaska», 1927).

Снегурочкой с околицы села
Ты в Новый год ко мне пришла
В наряде голубом, что Дед Мороз
Из сундуков зимы тебе принес (Рыленков, «Снегурочкой с околицы села», 1956).

Мы за тобою шли и пели,
Вершили дерзкие дела,
Чтоб золотая «Песня Леля»
Под солнцем Родины жила (Дворецкий, «Флейтист», 1957).

Образ нового человека у поэтов Смоленской поэтической школы, таким образом, детализирован и конкретизирован максимально, и одновременно этот образ диалектичен, в нем проявляются самые разные душевные грани человеческой личности. Для того, чтобы это передать «музыкой стиха», появляется «новый синтетизм художественного метода, новый тип стихотворения... Синтез «общественно-исторического» и частного», объективного и субъективного, идеального и реального. Новый тип и лирического и эпического начал в поэзии и их взаимоотношения. Происходит расширение человеческой и поэтической личности, отражающее расширение поэзии самой действительности» [5, 27].

Обратим внимание на временные рамки действия Смоленской поэтической школы.

Македонов считает, что новизна этой школы особенно резко ощущалась в конце 20–30-х гг. XX в., затем целый ряд новинок этой школы стал достоянием всей советской поэзии, ее специфика, естественно, уменьшилась. В пределах школы отчетливо видны особенности,

индивидуализирующие творчество А. Т. Твардовского, М. В. Исаковского, Н. И. Рыленкова [5, 31–32].

Однако сегодня некоторые литературоведы считают, что Смоленская поэтическая школа не утратила свои особенности и продолжает свое существование [1; 2].

Как видим, гипотеза А. В. Македонова уже стала теоретическим положением. Статистические исследования профессора В. С. Баевского и его учеников, полученные с помощью метода корреляционного анализа, подтвердили близость количественных характеристик индексов текстов Твардовского, Исаковского, Рыленкова, и их последователей [1, 60].

Таким образом, и мы в настоящем исследовании попытались показать, что имена собственные, участвуя в организации межтекстовых связей поэтов Смоленской поэтической школы, поддерживают гипотезу о ее выделении в общем контексте русской поэзии. Структурно организуя межтекстовые связи, ИС выполняют самые различные функции, главные из которых следующие: характеристическая, оценочная, сопоставительная, поясняющая, типизирующая [4]. В перспективе желательно рассмотрение функционирования ИС в текстах современных смоленских поэтов, которых можно причислить к Смоленской поэтической школе: В. Смирнова, А. Мишина, Ю. Пашкова и некоторых других. Как пишет В. В. Ильин, «в наше время заметно возрастает интерес к проблемам художественного восприятия литературы. В связи с этим перед исследователями встает проблема историко-функционального изучения произведения “смоленской” поэтической школы» [2, 16].

Литература

1. Баевский В. С. Смоленская поэтическая школа в портретах. Смоленск: СмолГУ, 2006. 87 с.
2. Ильин В. В. Смоленская поэтическая школа в действии. Кануны. Свершения. Перспективы // Творчество М. В. Исаковского, А. Т. Твардовского, Н. И. Рыленкова в контексте русской и мировой культуры. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 3–16
3. Кожин А. А. Художественный потенциал имени собственного в русской прозе второй половины XIX века: Автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 2005. 38 с.
4. Кожин А. А. Экспрессивный потенциал имени в текстах художественной прозы второй половины XIX века. Монография. М.: РУДН, 2003. 355 с.
5. Македонов А. В. Очерки советской поэзии. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1960. 244 с.
6. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. М.: ООО «А Темп», 2006. 440 с.
7. Твардовский А. Т. О родине большой и малой // Жизнь и творчество И. С. Соколова-Микитова / Сост. К. А. Жехова, А. С. Соколов. М.: Детская литература, 1984. С. 14–17.
8. Твардовский И. Т. Родина и чужбина. Смоленск: Посох, 1996. 352 с.
9. Хализев В. Е. Теория литературы. Учебник. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.

Источники

1. Василевский И. И. С чем сердце крепко связано. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1961. 207 с.
2. Дворецкий Д. П. В гостях у добра: стихи разных лет (1941–1991). Смоленск: Смядынь, 1997. 126 с.
3. Исаковский М. В. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1–2. М.: Художественная литература, 1981.
4. Осин Д. Солнце над Днепром. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1951. 70 с.
5. Рыжиков И. В. Тепло твоей руки. М.: Советская Россия, 1965. 87 с.
6. Рыленков Н. И. Избранные произведения. В 2 т. М.: Художественная литература, 1974.
7. Твардовский А. Т. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1981. 671 с.
8. Фиксин С. В добрый час. М.: Советский писатель, 1979. 215 с.

В. В. Кузьмич, М. А. Карлова (Мозырь, Беларусь)

ВЫСОЦКИЙ КАК ПАРОДИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Впервые понятие «пародической личности» ввел А. Н. Тынников. Пародическая личность – это своеобразный «двойник» пародируемого автора, «при этом живая личность литератора, живой литератор либо деформируется слегка, либо искажается до полного несходства» [1, 302]. Тексты пародий (и не только пародий, но и эпиграмм, писем и т. д.) циклизуются

вокруг пародической личности, и только пародийный цикл (необязательно большой) демонстрирует различные ее грани. [1, 303]. Высоцкий, безусловно, относится к пародическим языковым личностям. Мы рассматриваем 3 способа репрезентации пародической личности Высоцкого: Высоцкий – производитель пародии;

Высоцкий – объект пародирования;

Высоцкий – источник прецедентных текстов.

Многие поэты известны и как авторы пародий и даже пародийных циклов. Это одна из граней языковой личности автора. В качестве примера могут служить пародии Ю. Левитанского «Вышел зайчик погулять», Л. Филатова «Таганка-75» и др.

1. Высоцкий как продуцент травестированных текстов достаточно широко известен. Более того, первое стихотворение Высоцкого, датированное 1960 г., также является пародией. Это травестийный текст, повествующий о советских солдатах, которые почти два месяца скитались в открытом море.

*Волна на волну находила,
И вал за валом набегал.
Зиганшин стоял у кормила
И глаз ни на миг не смыкал.*

*Стихия реветь продолжала
И Тихий шумел океан.
Асхана сменил у штурвала
Спокойный Федотов Иван...*

В конце Высоцкий дает некоторые пародийные советы авторам подобных произведений:

Все отступления в прозе можно рифмовать по принципам: океан – Асхан – Иван; картошку – гармошку – крошку – ножку; чаще употреблять фамилии героев; герои должны петь и помнить о доме; Зиганшин – старший, – его употреблять чаще. Таким же образом могут быть написаны поэмы покорителях Арктики, об экспедиции в Антарктиде, о жилищном строительстве и о борьбе против колониализма. Надо только знать фамилии и иногда читать газеты.

В этих «советах» можно увидеть аллюзию на «Горжественный комплект, незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей», принадлежащий Остапу Бендеру, герою «Золотого теленка».

Некоторые из текстов Высоцкого имеют прямые отсылки к травестированию не только отдельных текстов, но и целых текстовых жанров. Так, в «Пародии на плохой детектив» автор собрал все языковые штампы «шпионского» детектива. При травестировании (снижении) образов автор последовательно заменяет реалии с положительными коннотациями пейоративными: *Клуб на улице Нагорной / стал общественной уборной / Наш родной центральный рынок стал похож на грязный склад / искаженный микроленкой Гум стал маленькой избенкой / и уж вспомнить неприлично, чем предстал театр «МХАТ».*

Песня «Лукоморья больше нет...» с подзаголовком «Анти-сказка» Высоцкий использует представляет собой классический пример травестии, что предполагает последовательную замену высокого стиля низким. Это не попытка выявить языковой портрет Пушкина, как в литературной пародии, и не высмеивание негативных черт в творчестве автора. Это именно травестия по типу «Энеиды наыворот» или «Тараса на Парнасе»: *А русалка (ну, дела) честь недолго берегла / и однажды как смогла родила. Тридцать три-то мужика не желают знать сынка / Пусть считается пока – сын полка.*

Высоцкий использует образную систему стихотворения Пушкина, но меняет ритмику и метрику, то есть не стремится к имитации стиховой манеры автора. Основная мысль текста пародии Высоцкого – сказка в советской стране не существует: *Ты уймись, уймись, тоска у меня в груди, это только приказка/сказка впереди.*

С помощью травестирования Высоцкий реализует сюжеты и мифологические («Песня о вешей Кассандре»), и исторические («Песнь о вешем Олеге»), и сказочные. Часто Высоцкий пользуется языковой игрой на разных языковых уровнях. Например, Соловей-разбойник поет: *Выходи, я тебе посвящу серенаду, кто ж тебе серенаду еще посвистит.* (Целям языковой игры служат омофоны *посвящу – посвистит*).

2. Одним из способов характеристики языковой личности, выявления ее дескрипторов может стать пародирование стилиевой манеры для характеристики идиостиля автора.

Высоцкий как объект пародирования многократно подвергался такому языковому портретированию. Пародируются только те авторы, которые отличаются «пица необщим выражением». В этом смысле Высоцкий в полной мере отвечает этому критерию.

Цикл «Курица или яйцо»

Феликс Ефимов
Песня о третьем
(Владимир Высоцкий)

*Ровно в одиннадцать возле Таганки
взяли пузырь, а не серебрецо,
и под расчет продавщица – поганка! –
грубо, с издевкой всучила яйцо.
Вы, разберитесь, – глумилась зануда, –
что было прежде, в начале начал.
Ей возражи – век не примет посуду.
Леха на что заводной, а смолчал.
Ладно, слиняли. И в вятном подезде –
самый приличный подъезд на квартал –
употребили... И все б честь по чести,
только который в яйце не алкал.
Не просыхая, заботясь о мире
с третьим – петух он там иль крокодил,
сбежав... строили мы раза четыре,
только который в яйце не трюил.*

*Что он не пьет?.. Он больной или гордый?
Эй, в скорлупе! Отхлебни-ка, алкаш!
Будь человеком, куриная морда!
Брезгуешь, контра? Он, Леха, не наш!
Это ж махровый агент Ватикана.
В нем электроники – два полмешка.
Ах, ты, глаз выбитый Моше Даяна,
здесь не сработает под петушка!
Я размахнулся и... хрясь о ступени.
Был бы петух, да вот нет ничего...
Все-таки жаль. – Петушиное пенье
в пору бесптичьа – начало всего.*

Качественная литературная пародия требует максимального совпадения хотя бы некоторых стилиобразующих черт в оригинальном тексте (текстах) и тексте травестийном. В противном случае, смысл пародии будет неузнанным. Необходима совместная работа автора пародии и его реципиента. Пародироваться должен весь дискурс данного автора, а не одно стихотворение. Каркасом пародии служит песня Высоцкого «Веселая покойническая». Автор пародии Ф. Ефимов использует языковые особенности Высоцкого. Так, поскольку Высоцкий свои тексты исполнял, озвучивал, то пародист попытался передать даже фонетические черты речи его лирического героя. Как известно, в ранних песнях Высоцкий носил речевую маску просторечия: сперва, сурьезно, душа горить и т. д.

Лексика в пародии сниженная, часто просторечная: пузырь (бутылка), алкаш, хрясь, слиняли. Особенностью

стиля Высоцкого часто является смешение в одном тексте элементов просторечия и элементов книжных, что и передает пародист: *Махровый агент Ватикана, пора бесптичьа, алкать (жаждать)*.

Как и любая литературная пародия этот текст пронизан интертекстуальностью, различными прецедентными феноменами и аллюзиями. Так, автор пародии отсылает читателя к театру на Таганке, где много лет работал Высоцкий. Оним «Моше Даян» – аллюзия на песню «Мишка Шифман», Топоним «Ватикан» еще один намек на песню «Лекция о международном положении».

Таким образом, можно сказать, что автор пародии достаточно успешно справился с трудной задачей характеристики идиостиля Высоцкого.

3. Огромная популярность Высоцкого способствовала тому, что на его тексты делались (и делаются) перепевы и переделки. В рамках данной статьи нас интересуют те травестийные тексты, основой которых послужили известные тексты Высоцкого. Некоторые из них не имеют установки на комизм: это именно подражание, чаще очень неумелое.

Я не люблю, когда плюют мне в душу, Не зная её светлой стороны, Я бью в ответ и никогда не трушу, И если прав – не чувствую вины.

В этих случаях используют тексты Высоцкого, чтобы выразить **свое** содержание. По классификации В. И. Новикова [2], это так называемый перепев.

*Почему всё не так? Вроде всё как всегда.
Те же кнопки, время и дата.*

*Та же мышь, та же клавиша и та же Винда,
Только он не вернулся из чата.*

*Он ругался, как чмо! И не в такт отвечал,
Он залезил в чужие приватки!
Он мне жить не давал, он ваш сервер сломал,
А вчера не вернулся из чата.*

*Нынче вырвалось вдруг, как модем из Сети,
По ошибке ругнулся я матом –
Друг, иди-ка ты на. А в ответ – тишина..
Он вчера не вернулся из чата.*

*Нам и места на главной хватало вполне,
Нам и весело было когда-то.
Всё теперь одному. Только кажется мне,
Будто я не вернулся из чата.*

*И давно уж, наверно, свихнулся совсем,
Тот, кто видел здесь нашего брата.
Для меня будто гиря легла на модем,
Когда он не вернулся из чата.*

В качестве прецедентных текстов используются наиболее известные песни Высоцкого: «Если друг оказался вдруг», «Он не вернулся из боя» и т. д.

Характерно, что авторы подобных текстов чаще всего анонимны.

Таким образом, можно утверждать, что В. С. Высоцкий может в полной мере считаться не только сильной языковой личностью (СЯЛ), но и личностью пародической.

Литература

1. Тынянов, Ю. Н. Ода как ораторский жанр. О пародии / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М., 1977.
2. Новиков, В. И. Книга о пародии / В. И. Новиков. – М.: Советский писатель, 1989. – С. 647.

Л. Ф. Крупа (Мозырь, Беларусь)

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ ТЕЛЕФОНИИ

В основу метафоризации положена совокупность интегральных семантических множителей, на базе которых происходит выявление наиболее значимых признаков и проведение ассоциативной параллели между двумя номинативными единицами.

Наша задача – выявить метафорические номинации, возникшие для обозначения аппаратных средств мобильной телефонии (сотовых телефонов, их составных элементов и аксессуаров).

Абсолютное большинство зафиксированных номинаций принадлежат сфере новейшей русской жаргонной лексики.

В качестве таких интегральных семантических характеристик, служащих в качестве основания для метафорообразования, в жаргонной лексике мобильной телефонии выступают:

✓ **функция:** *шкурка* ‘сменный корпус телефона’ < *шкурка* ‘снятая с убитого животного кожа вместе с наружным покровом; оболочка’; *презер* ‘защитный чехол, который натягивается на телефон’ < *презерватив* ‘средство для механической защиты’; *одежка* ‘сменная панель телефона’ < *одежка* ‘совокупность предметов, которыми покрывают тело или которое надевают на него’; *светофор* ‘прозрачная антенна для телефона со встроенными светодиодами’ < *светофор* ‘световое сиг-

нальное устройство для регулирования движения на улицах, дорогах’;

✓ **качественные характеристики:** *ветеран* ‘старый телефон’ < *ветеран* ‘старый, заслуженный работник’; *орехокол* ‘большой старый телефон’ < *орехокол* ‘приспособление для раскалывания орехов’; *дрова, дровишка* ‘очень старый телефон’ < *дрова* ‘то, что непригодно для использования’; *полено* ‘телефон со слабыми возможностями’ < *полено* ‘отпиленная или отпиленная и расколота часть бревна для топки’; *труп* ‘неработающий телефон’ < *труп* ‘мертвое тело человека или животного’; *убитый* ‘неработающий телефон’ < *убитый* ‘тот, кто лишен жизни’; *утопленник* ‘телефон, который перестал работать после того, как его уронили в воду’ < *утопленник* ‘утонувший человек’; *мертвяк* ‘неработающий человек’ < *мертвяк* ‘умерший человек, покойник’; *мокруха* ‘неработающий телефон’ < *мокруха* ‘(угол.) убийство, как правило с пролитием крови’;

✓ **месторасположение:** *стакан* ‘настольное зарядное устройство для телефона’ < *стакан* ‘столовая посуда’; *кобура* ‘чехол с креплением на ремне’ < *кобура* ‘футляр для пистолета, обычно кожаный, прикрепляемый к ремню или седлу’; *мордашка, морда* ‘экран телефона’ < *морда* ‘передняя часть головы животного; лицо человека’;

✓ **форма: линейная:** *шнурок* 'зарядное устройство' < *шнурок* 'тонкий шнур (тонкая крученая веревка из мягкой пряжи)'; *палки* 'деления индикатора, соответствующие качеству приема сети телефоном' < *палки* 'отделенная от дерева и очищенная от побегов часть тонкого ствола или толстой ветки'; *столбы* 'деления индикатора, соответствующие качеству приема сети телефоном' < *столбы* 'бревно или брус, установленные вертикально'; **округлая:** *кубышки* 'деления индикатора, соответствующие качеству приема сети телефоном' < *кубышки* 'глиняный или деревянный сосуд в виде бочонка с крышечкой'; *банан* 'телефон Nokia 8110' < *банан* 'плод, имеющий продолговатую, слегка округлую форму'; *обмылок* 'телефон, похожий на Nokia 3310/3330' < *обмылок* 'остаток от употреблявшегося куска мыла, тонкий, слегка закруглен'; *мыльница* 'телефон, похожий на Siemens m35/s35' < *мыльница* 'футляр для мыла, округлой формы';

✓ **принцип действия:** *ракушка* 'телефон с раскладным корпусом' < *ракушка* 'разновидность наружного скелета многих беспозвоночных животных в виде витой, овальной или створчатой коробки'; *книжка* 'телефон с раскладным корпусом' < *книжка* 'сшитые в один переплет листы бумаги для каких-либо записей или с какими-либо записями'; *обои* 'картинка-заставка на экране телефона' < *обои* 'материал в виде широких полос – узорчатой бумаги, ткани и т. п. – для оклейки и обивки стен в помещениях (фикс.)'; *дятел* 'абонент, нарезающий длинный разговор бесплатными кусками по 5 секунд' < *дятел* 'лесная птица с длинным сильным клювом, позволяющим ей долбить кору и древесину и добывать пищу из выдолбленных щелей, трещин'; *раскладушка* 'телефон с раскладным корпусом' < *раскладушка* 'легкая раскладывающаяся кровать'; *раскрывашка* 'телефон с раскладным корпусом' < 'от глагола *раскрывать*';

✓ **характер движения:** *летчик* 'телефон, переставший работать после падения с высоты на жесткую поверхность' < *летчик* 'специалист, управляющий летательным аппаратом'; *парашютист* 'телефон, переставший работать после падения с высоты на жесткую поверхность' < *парашютист* 'тот, кто пользуется парашютом'; *космонавт* 'телефон, переставший работать после падения с высоты на жесткую поверхность' < *космонавт* 'человек, совершающий полет в космос с целью испытания космической техники и ведения научных наблюдений'; *водолаз* 'телефон, который перестал работать после того, как его уронили в воду' < *водолаз* 'тот, кто погружается под воду для производства каких-либо работ'; *ныряльщик* 'телефон, который перестал работать после того, как его уронили в воду' < *ныряльщик* 'тот, кто хорошо ныряет, занимается нырянием';

✓ **внешние признаки:** *мальчик* 'телефон с внешней антенной' < *мальчик* 'ребенок или подросток мужского пола'; *девочка* 'телефон со встроенной антенной' < *девочка* 'ребенок или подросток женского пола'.

В некоторых случаях используется не одна, а несколько характеристик:

✓ **форма и функция:** *шланг* 'дата-кабель для соединения мобильного телефона и компьютера' < *шланг* 'гибкая труба или гибкий рукав из водонепроницаемой ткани или резины для подводки жидкостей, газов, сыпучих тел'; *ручка* 'стилус' < *ручка* 'предмет письменной принадлежности в виде палочки, в которую вставляется перо или стержень'; *карандаш* 'стилус' < *карандаш* 'тонкая палочка графита, сухой краски и т. п., обычно вделанная в деревянную оправу и употребляемая для письма, черчения и рисования';

✓ **форма и качество:** *кирпич* 'телефон, имеющий большую массу и, как правило, линейные размеры' < *кирпич* 'прямоугольный брусок из обожженной глины, употребляемый в качестве строительного материала';

✓ **цвет и функция:** *матрас* 'режим подключения телефона к компьютеру, при котором в него загружается прошивка. (На экране в это время отображаются разноцветные полосы.)' < *матрас* 'съёмная часть кровати или дивана с пружинным каркасом в деревянной раме и мягкими подкладками'.

В процессе метафоризации используется лексика из разных семантических сфер:

- 1) физиология человека (*девочка, мальчик, морда, мордашка, уши* (наушники, гарнитура мобильного телефона))
- 2) человек как социальное существо (*летчик, космонавт, парашютист, водолаз, ныряльщик, ветеран*)
- 3) предметы быта (*мыльница, обои, стакан, матрас, мыльница, обмылок, книжка, орехокол, дрова, дровишки, ручка, карандаш*)
- 4) животный мир (*дятел, жабка, лягушка*)
- 5) военная терминология (*кобура*)
- 6) продукты питания (*банан, бананы* (наушники, гарнитура мобильного телефона))

Метафоризация применяется главным образом в случае номинации телефона (20 единиц), технических устройств и приспособлений (15 единиц) и одна единица в отношении человека (абонента).

Стилистически окрашенная лексика представлена 5 единицами: *мертвяк* (разг.-сниж.), *мордашка* (разг.), *кубышки* (разг.), *раскрывашка* (разг.), *презер* (разг.-сниж.). Основная масса лексем характеризуется нейтральной стилистической окраской и относится к общепотребительной лексике.

Также зафиксирован единичный случай омонимии: *банан* (Nokia 8110), *бананы* (наушники, гарнитура мобильного телефона).

Таким образом, в результате проведенного анализа определено, что в процессе метафоризации в области мобильной телефонии за основу берутся главным образом такие характеристики, как качество, форма, принцип действия, характер движения. Месторасположение, функция, внешние признаки имеют более ограниченное употребление. Также выявлено, что чаще всего употребляются лексические единицы, используемые при обозначении предметов из повседневной жизни. В то время как лексика из семантических сфер *продукты питания* и *военная терминология* зафиксирована лишь в единичных случаях.

Ф. Кязимова (Баку, Азербайджан)

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГЛАСНЫХ В РУССКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Синтагматические отношения гласных отражаются в сочетаемости гласных с окружающими их элементами – гласными и согласными.

Известно, что гласные по-разному проявляют свои сочетаемостные способности с окружающим элементом –

гласными и согласными, что объясняется различным характером воздействия на гласные предшествующих и последующих согласных. Именно в слого проявляется сильная спаянность между гласными и согласными. Это наблюдается не только в русском, но и в азербайджан-

ском языке. И характерно то, что в обоих языках более тесная связь наблюдается с согласным, стоящим перед гласными, и менее тесная связь осуществляется с последующим согласным. А. М. Кузнецова (1, 77), исследовавшая изменения гласных под воздействием соседних мягких согласных, пишет, что в русском языке структура слога, который (в позиции t'at и t'at') характеризуется значительным падением интенсивности к концу гласного, длительность конечного переходного элемента довольно незначительна, а интенсивность настолько мала, что нередко тембральное качество конечной фазы гласного воспринимается на слух с большим трудом.

Однако в этих языках гласные и согласные по-разному проявляют себя в слоге: если в русском языке качество гласных зависит от окружающих согласных, то в азербайджанском языке наоборот, сам гласный воздействует на предшествующий согласный.

Что же касается сочетаемости гласных друг с другом, то и в русском, так же как и в азербайджанском языке, гласный, сочетаясь, с одной стороны с гласным, с другой стороны обязательно примыкает к согласному. Это можно объяснить тем, что как в русском, так и в азербайджанском языках вокалические сочетания, состоящие из трех и более гласных, практически не встречаются.

Гласные русского и азербайджанского языков могут находиться в различных позициях: рядом с согласными – это прежде всего, и рядом с гласными. Позиции гласных, которые сочетаются с другими гласными, в русском и азербайджанском языках теоретически могут быть такими:

а) сГГС; б) сГГС; в) ГГс; г) ГГС; д) сГГ; е) сГГ.

Эти позиции, в которых представлены гласные, находящиеся в синтагматических отношениях с другим гласным, показывают: 1) анализируемый гласный может находиться перед гласным в двух случаях: он должен находиться после согласного и в абсолютном начале слова (сГГс и ГГс); 2) анализируемый гласный может находиться после гласных также в двух случаях, которые представляют собой зеркальное отражение нахождения анализируемого гласного перед гласным: перед согласным и в абсолютном конце слова (сГГС и сГГ).

В русском языке только две позиции отражают реальные сочетаемостные возможности гласных, которые сочетаются друг с другом. Эти позиции следующие: (сГГс и сГГс). Объяснение этого факта связано с морфемным построением слова: в одной морфеме сочетаемость гласных не встречается. В русском языке, например, сочетания из 2-х гласных встречаются только на стыке морфем: чаще на стыке приставки и корня.

Однако все вышеуказанное можно отнести только к словам исконно русского происхождения. В словах иноязычного происхождения, которые, кстати, заимствованы и азербайджанским языком, реализуются и остальные четыре позиции: (ГГс, ГГС, сГГ, сГГ) – *аудитория, радио, какао*.

Как было сказано выше, подсистема гласных и подсистема согласных по-разному распределены в звуковых системах русского и азербайджанского языков: в русской звуковой системе доминирующей является подсистема согласных, а в азербайджанской – подсистема гласных. Этот факт, несомненно, связан с перераспределением дифференциального признака твердости / мягкости у согласных русского языка на гласные азербайджанского языка, различающиеся по ряду.

Дифференциальный признак твердости-мягкости в консонантизме русского языка обеспечивает ведущую

роль согласных в русской звуковой системе. Признак ряда гласных, который является фонематическим признаком в вокализме азербайджанского языка, в противоположность русской звуковой системе, где этот признак является зависимым, в азербайджанском же языке обеспечивает статус ведущей подсистемы для гласных. Таким образом, звуковые системы двух рассматриваемых языков, русского и азербайджанского, по-разному распределяют функциональную значимость своих подсистем, вокализма и консонантизма. Отсюда, если в азербайджанском языке реализацию гласных фонем в синтагматической последовательности можно рассматривать вне зависимости от связи с окружающими их согласными, то в русском языке реализацию гласных фонем просто невозможно рассматривать, не учитывая связь их с согласными, находящимися с этими гласными в синтагматических отношениях.

Как известно, существует мнение, основанное на экспериментальных данных, о различном характере воздействия на гласные предшествующих и последующих согласных: предшествующие согласные характеризуются сильным примыканием к гласному, чего нельзя сказать о последующем согласном. Это явление вполне объяснимо. Как показывают экспериментальные данные, неконечные слоги в русском языке тяготеют к открытости. Отсюда, согласный, следующий за гласным, вступает в более тесный контакт с гласным, находящимся после этого согласного, чем с гласным, находящимся перед этим согласным. Хотя нельзя забывать, что на восприятие гласного несомненно влияет и последующий согласный. Особенно сильное влияние на восприятие гласных оказывают, как известно, мягкие согласные, вступающие в синтагматическую связь с гласным. Гласный, находящийся рядом с мягким согласным, приобретает и-образный элемент, который и характеризует специфику переходных фаз гласных. Причем, переходные фазы гласных дают информацию о соседних согласных, прежде всего. Однако, только этой информацией значение переходных фаз гласных, конечно, не исчерпывается (1, 77). Различны влияния твердых и мягких согласных на гласный в его произношении. Например, после мягкого согласного перед твердым (позиция t'at) гласные [а, о, у] произносятся как звуки, которые на протяжении всей своей длительности не сохраняют свою однородность. Находясь после мягких согласных, эти гласные приобретают [и]-образный приступ, а оканчиваются они как нормальные гласные [а], [о], [у], то есть эти гласные произносятся следующим образом: [а], [о], [у]. Находясь же с двух сторон между мягкими согласными, гласные [а], [о], [у] приобретают не только [и]-образный приступ (экскурсию), но также [и]-образное окончание (рекурсию). В данном случае неоднородность гласных в разных фазах, их длительность несколько меньшая. Это объясняется тем, что между [и]-образной экскурсией и окончанием в средней фазе своей длительности эти гласные не успевают до «нормальных» гласных [а], [о], [у] переднего ряда. В данном случае: [a], [o], [y]. Эти звуки близки к произношению [ə], [ö], [ü] азербайджанского языка. Например: в русском языке *няня* [n'a'n'ə], *нэс* [n'os], *утюг* [y't'yuk]; в азербайджанском языке *nənə* (*бабушка*), *növbə* (*смена*), *ütü* (*утюг*).

Как уже отмечалось выше, предшествующий мягкий согласный на гласный влияет сильнее, чем влияет на него последующий мягкий согласный. При влиянии же на гласные мягких согласных, стоящих по обе стороны, гласный изменяет свое качество в наибольшей степени.

В синтагматических отношениях между гласными и согласными наблюдается не только вышеописанная аккомодация гласных (уподобление гласных рядом стоящим согласным в произносительном плане), но и гласные, в свою очередь, оказывают влияние на рядом стоящие согласные, причем на предшествующий согласный в большей степени. На это указывает следующий факт: все согласные перед лабиальными гласными приобретают признак лабиальности. Способность носителей русского языка различать разные [a] в различных позициях [tat], [tat'], [t'at], [t'at'] прежде всего определяется особенностями фонологической системы русского языка, в которой имеется противопоставление твердых и мягких согласных. Различение [a] в различных позициях можно объяснить и фонетическими свойствами системы русского языка, которые соответствуют тому, что наиболее надежным признаком, различающим твердые и мягкие согласные, является качество рядом стоящего гласного (2, 47).

Однако, с соседним согласным гласный, будучи необходимым условием реализации признаков согласного, особенно резонансных, сам не остается совершенно пассивным по отношению к рядом стоящему согласному и в свою очередь, может прямо или косвенно повлиять на характеристики согласного по тому или иному признаку. Между качеством согласного и качеством гласного, которые находятся в синтагматических отношениях в составе слога, существует сложная зависимость (3, 76).

Литература

1. Кузнецова А. М. Изменение гласных под влиянием соседних мягких согласных. М., 1965, с. 77.
2. Бондарко Л. В. О фонетическом сходстве – Теория языка. – Методы его исследования и преподавания. Л., 1981, с. 47.
3. Зубкова Л. Г. Фонетическая реализация консонантных противоположений в русском языке. М., 1974, с. 76.
4. Потапова Р. К. Произносительная вариативность немецкой речи // Вопросы языкознания, 2002, № 6, с. 82–98.

О. А. Лавшук, Е. И. Сердюкова (Могилев, Беларусь)

ОДИССЕЕВСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ПОЭЗИИ К. МИХЕЕВА

Мотивы и образы античной мифологии пронизывают поэзию Константина Михеева, каждое стихотворение которого насыщено культурными реалиями и метафорами. Сквозь призму античности К. Михеев воспринимает современность, поэтому столь важную роль играет у него мифопоэтика, сращивающая настоящее и прошлое, служащая для воплощения универсальных понятий.

Следует отметить в стихах К. Михеева многочисленные обращения к образу Одиссея/Улисса, который привлекал разных писателей своей емкостью, позволяющей видеть в нем как универсальное проявление человеческой судьбы, так и нечто сугубо личное. Несмотря на то, что каждый автор акцентирует внимание на отдельных компонентах античного образа, всегда сохраняется его узнаваемая основа – странничество и мысль о возвращении домой. Эти идеи гомеровского эпоса развернуты в русской литературной традиции до метафоры жизни как удивительного и трудного странствия, до метафоры возвращения домой как обретения своего истинного «я» (см., например, стихотворения «Судьба Одиссея» (1795), «Воспоминания» (1815) К. Н. Батюшкова, «Одиссей у Калипсо» (1920), «Я», «Одиссей у берега феаков» (1921) В. Я. Брюсова, «Одиссей Телемаку» (1972), «Итака» (1993), И. А. Бродского и др.).

Трансформируясь и постепенно приобретая новое смысловое наполнение, образ Одиссея/Улисса возникает на протяжении всего творчества К. Михеева. Этот образ может быть периферийным в тексте (как, напри-

И, конечно, при постановке русского произношения нерусским, в данном случае азербайджанским студентам, это нельзя не учитывать. Способность различать [a] в различных позициях – после твердого, после мягкого, между мягкими согласными – сближает носителей тех языков, которые имеют фонематическое противопоставление гласных по ряду [u] – [ü], [o] – [ö], [a] – [ə], [i] – [i]. В нашем случае азербайджанский язык, вступающий в контакт с русским, обладает таким противопоставлением. Звуковая система азербайджанского языка, не имея признака «твердость – мягкость» в качестве фонематического для согласных, обладает гласными, для которых данный признак является фонематическим свойством. В азербайджанском языке признак «твердость – мягкость» обычно не выявляется в самом согласном, а реализуется на уровне целого слога, благодаря поддержке со стороны гласного. Наблюдения показывают, что при усвоении признака «твердость – мягкость» согласных русского языка азербайджанцами, родной язык которых не обладает таким противопоставлением в качестве фонематического, первоначально различия между твердыми и мягкими согласными ими воспринимаются в основном через тембральные характеристики гласных (3, 79). Это подтверждается тем фактом, что дифтонгоидные гласные воспринимаются азербайджанцами в большинстве случаев как гласные переднего ряда, существующие в родном языке: [ʰa] – [ə], [ʰo] – [ö], [ʰy] – [ü].

мер, в стихотворении «Телемаку – с любовью и сожалением») или становится центральным (как в стихотворении «Продолжение «Одиссеи»).

Первое упоминание античного героя и связанных с ним сюжетов встречается в стихотворении современного русскоязычного поэта «Продолжение «Одиссеи». Это произведение можно интерпретировать как своеобразную подготовку к размышлениям о значимости фигуры Одиссея, а главное об универсальности своего героя. Одиссей у К. Михеева – это портрет «героя нашего времени», портрет человека переходной эпохи (в данном контексте – рубежа XX–XXI вв.). Поэт стремится раскрыть не только внутренние качества современного ему Одиссея, но и показать его особую роль и предназначение в мировой истории и литературной традиции:

*Иногда понимаешь, что остров, к которому плыл ты
девять лет, девятнадцать, а может быть, все де-
вяносто, –*

*это вымысел, блеф, а реальность – бетонные
плиты...*

<...>

*Полно верить в судьбу и гоняться за горькою славой
по задворкам вселенной, ведь ты же уже не младенец.*

*Смрад свободы вдыхает без радости грудью кост-
лявой*

*многобожец – воитель и, стыдно сказать, много-
женец [1, 55].*

Но доминирующим этот образ становится в цикле «Троика», который начинается стихотворением «Елена, царица печальная», задающим эмоциональный тон всему циклу, и заканчивается триптихом «Улисс», отсылающим читателю еще и к роману Д. Джойса.

Исследование стихотворного цикла «Троика» Константина Михеева, повествование в котором ведется от первого лица (форма рассказа от первого лица используется и Гомером для рассказа о странствиях Одиссея), с позиций его структуры приводит к мысли о том, что стихотворения, которые современный автор выстраивает по собственной схеме, создают новую «Одиссею». Читая произведения поэта, будто бы следуешь по стопам Одиссея, оказываешься в центре событий, происходивших с героем. Так, каждое стихотворение Михеева имеет название, отсылающее читателя к определенным эпизодам из гомеровской «Одиссеи»: «Телемаху – с любовью и сожалением», «Калипсо – в знак скорби и памяти», «Лестригоны», «Навсикая», «Стансы к Цирцею», «Пенелопа», «Сирены», «Итака», «Улисс».

Связь лирического героя стихотворений К. Михеева с образом героя античной мифологии является опосредованной. Если он и отождествляет себя с Одиссеем, то это уже не совсем гомеровский Одиссей. В стихотворении «Калипсо – в знак скорби и памяти» есть детали, привязывающие его к сюжету мифа, и в тоже время мы видим современного нам Одиссея:

*Семь лет я верил в лик твой златогубый.
Я мог бы обождать до девяти,
как некогда, но знояных бризов трубы
пропели мне, что должен я уйти [1, 139].*

Тема Одиссея заявлена впрямую и в стихотворении «Пенелопа» – «неутешность и верность» Пенелопы, «шрам на ноге», «парус» и «ладья»:

*Поденички-года идут уныло.
Ты саван ткешь, не покладая рук,
<...>*

*и трется нить с удвоенною силой
о средоточье всех земных разлук [1, 145–146].*

И здесь же она сталкивается с темой одиночества человека в мире, будь то далекая античность или XX век, поскольку «мир слеп и слаб. Неодолимо время. / Как люди, одиноки острова» [1, 146]:

*Но пурпур век бессонных, словно полог,
откинув, в сотый раз глаза твои
взирают в мир, где в даях гулких, голых,
в забвеньи, в запустеньи, в забытыи
мерцает парус брошенной ладьи,
как сердца одинокого осколок [1, 146]*

С образом Одиссея связан мотив Судьбы, характерный в целом для всего творчества К. Михеева. Мотив судьбы, рока встречается во многих стихотворениях цикла «Троика»: «Лестригоны», «Пенелопа», «Дорифоры». С одной стороны, лирической герой верит в судьбу и готов исполнять веления рока:

*Все равны перед роком, но все же
как от крови отмыть оком,
как избавить мне руки от дрожи,
все плотнее сплетаясь с копьём? [1, 133]*

*Коль отдан ты Танату, не перечь:
иной под небесами нету доли.*

*Пускай твоя ладонь сожмет до боли
не ножницы Судьбы, а ратный меч [1, 136].*

С другой стороны, если у героя есть «парус холщовый», то автор советует ему выстроить «корабль для себя» и отправиться «по свету скитаться»:

*Перехитрить свой рок, пуститься в путь бы,
бессильным мановением руки
седеющие волосы взметнуть бы
себе, богам и ветру вопреки,
перешагнуть года, связуя судьбы,
соединяя вновь материки [1, 146].*

Но героя, воспротивившегося судьбе, ожидает смерть, потому что боги жестоки и кровожадны: «Небожители режутся рядом, /на подмогу потомкам придя» [1, 133]. На основной мифологический сюжет в стихотворении «Лестригоны» Михеев накладывает современную ему действительность и приходит к печальному выводу:

*Этот мир был зачат и взлеял бедой
в ключьях туч над эгейскою гладью понурой,
где навстречу судьбе под угасшей звездой
на погибель ведут корабли Диоскуры [1, 141].*

У Михеева обнаруживается не просто интерпретация древнейших сюжетов, а использование их в сложных диалогических целях, когда античный персонаж выражает разные комплексы чувств и мыслей нашего современника. Культурный знак не иллюстрируется, а становится компонентом противоречивого многослойного образа-переживания. Показательно в этом отношении стихотворение «Телемаху – с любовью и сожалением». В нем нет стилизации под античность, хотя герой стихотворения становится субъектом текста – послания Одиссея сыну на пути к дому. Есть также немногочисленные детали, привязывающие это стихотворение к сюжету мифа: «спалили город», «вырезали пленных», «ветренная Елена», «деревянные лошади». Но Михеев развенчивает миф, «где каждый камень вымыслом пропах, о доблести, о славе, о позоре»:

*Герой Греции! Прекрасен был ваш пыл,
но слишком чист для эпоса. Когда бы
и ты вот так сражался и любил,
мой Телемах... Героев погубил
не Посейдон, а лошади да бабы [1, 138].*

В стихотворении «Улисс» присутствует еще один интереснейший комплекс мотивов, существенно обогащающий представления о теме Одиссея в поэтике Михеева. Если основная черта гомеровского Одиссея – непреодолимое желание вернуться домой, к семье, то Михеев вопрошает своего героя: «О родине ль мечтаешь ты, Улисс?»

*И песнь неумолимо и весомо
объемлет мир наивный и немой,
где человек несется прочь от дома,
чтобы потом влачиться вновь домой [1, 152].*

Лирические стихотворения К. Михеева, сюжетно связанные со странствиями Одиссея, отсылают читателя не только к поэмам Гомера, но и к роману Д. Джойса «Улисс», и к поэзии И. Бродского.

Отметим тот факт, что стихотворение К. Михеева «Улисс» представляет собой триптих, соотносимый с трехчастной структурой одноименного романа Д. Джойса. В своём гигантском романе, действие которого укладывается в один день, писатель воспроизводит на свой манер и в сугубо современных реалиях практически все приключения античного героя. Джойсовские герои навеяны не только гомеровским эпосом, они имеют прототипов в реальности, и они – герои своего времени. Д. Джойс говорил: «Единственная книга из мне известных, которая похожа на мою, – это «Герой нашего времени». <...> Эта книга сильно подействовала на меня» [2]. Ирландский писатель в своем «Улиссе» показал современного ему героя, а Михеев в своем «Улиссе» – модель человека вообще:

*Как боги – люди. Меч из ножен вынут
и жребий бросят наугад во мглу,
сжимая зубы, спорят, любят, гибнут
и лишь самим себе поют хвалу [1, 152].*

Вторая часть триптиха Константина Михеева написана в форме монолога, поэт использует прием «потока сознания», который, как известно, превалирует в романе Д. Джойса. Улисс рассуждает о своей прошлой жизни и о предназначении в настоящем:

*Не в силах вспомнить и простить никто нас,
лишь сами мы. Но нам кричат: "Пора!"*

*И вот, как парус, раздувает Хронос
уголья погребального костра.*

При жизни и оплачьте, и осмейте... " [1, 153].

Категории «время» и «пространство» обретают универсальный характер. Стихотворение Михеева превращается в повествование о связи времен в истории человечества:

*То, что не в силах выразить мы сами,
спустя столетья прозвучит нам вслед,
когда вслепую – зрячими сердцами –
нас вспоминают прорицатель и поэт [1, 153].*

Мифу об Одиссее придается исключительное значение на протяжении веков видимо потому, что Одиссей для многих – первообраз не только человека современной эпохи, но и человека грядущего. Он – странник, скиталец. Его скитания – это путь на Итаку,

то в тоже время это и путь к себе. «Миф об Одиссее, я думаю, – говорит румынский писатель и исследователь мифологии Мирча Элиаде, – для нас очень важен. В каждом из нас есть что-то от Одиссея, когда мы ищем самих себя, надеемся дойти до цели и тогда уже точно вновь обрести родину, свой очаг, снова найти себя. Но, как в лабиринте, в каждых скитаниях существует риск заблудиться. Если же тебе удастся выйти из лабиринта, добраться до своего очага, тогда ты становишься другим» [3].

Вариации К. Михеева на тему странствий Одиссея – способ прочесть классику и расширить ее смысл через современное мироощущение. Всё героическое обесценено и исключено из восприятия К. Михеевым античного персонажа, его имя – лишь знак принадлежности к культуре. Личный аспект состоит, видимо, в том, что поэт ищет спасения от внутреннего разрушения, когда во внешнем мире рушится всё.

Стихотворения цикла «Троика» не содержат деклараций по поводу культуры, но, тем не менее, эта линия прослеживается и оказывается очень важной. В поисках спасения от разрушения К. Михеев обращается к мифу. Миф – точка опоры, способ противостоять разорванной, фрагментарной современности. Миф как вместилище универсальных свойств человеческой природы придает целостность стихотворениям Михеева, которые наполнены античными аллюзиями.

Литература

1. Михеев, К. Н. Стихи Мнемозине: Избранные стихотворения / К. Н. Михеев. – М.: Нов. знание, 2002. – 261 с.
2. Киреев, Р. Джойс. Герои и прототипы [Электронный ресурс] – <http://lit.1september.ru/2001/25/1.html>. – Дата доступа: 13. 04. 2011.
3. Мирча Элиаде. Испытание лабиринтом. Беседы с Клодом-Анри Роке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/4/labir.html>. – Дата доступа: 13. 04. 2011.

А. Я. Леванюк (Брэст, Беларусь)

“КЕЛІХ, ШТО ЛЕДЗЬ ПРЫГУБЛІ...” (да пытання анталогіі беларускага афарызма)

Вядома, не знойдзеца такога чалавека, які быў бы абывякавы да трапнага слова. І канешне ж цяжка ўявіць чытача, які не любіў бы афарызмы – гэтыя дзіўныя па сваёй лаканічнасці выслоўі, якія дораць нам мудрасць, новы погляд на жыццё.

Афарызм (з грэч.) – выяўленая ў кароткім, трапным выслоўі значная і арыгінальная думка ў навукова-публіцыстычнай, філасофскай, мастацкай літаратуры, а таксама і ў вуснай форме: “Не шукай ты шчасця, долі на чужым, далёкім полі” (Я. Купала), “Слоў не крышыць ні век, ні тапор” (Я. Колас). Афарызмамі з’яўляюцца шматлікія народныя прыказкі (“Чым за морам віно піць, лепш з Нёмана вадзіцу”, “Труган гругану вока не выдзяўбе”). Афарызмы з’яўляюцца самастойнымі мініяцюрнымі творами, калі не ўключаны ў аўтарскі кантэкст – у сказ, напрыклад: “Шчасця большага няма ў зярняці, як на ніве роднай прарастаці” (В. Таўлай). Калі афарызмы ўключаны ў аўтарскі кантэкст, то ён становіцца афарыстычным, напрыклад: “Хоць, праўда, хлеб ядуць і з вуды, але не ўсе і не заўсюды” (Я. Колас – афарызм); “А што “жывуць на свеце людзі з вуды, але не ўсе і не заўсюды” нічога, браце пісьменнік, не зробіш... бываюць творчыя няўдачы” (Я. Брыль – кантэкст не афарыстычны). Літаратурная мова ўзбагачаецца не толькі самабытнымі афарызмамі, а і запазычанымі з іншых моў (выслоўі, крылатыя словы).

Афарыстычнае выслоўе мае свае адметныя рысы ў структуры (гэта тычыцца разнастайных спосабаў і сродкаў пабудовы) і стылістычных функцыях і разам з іншымі фігурамі і тропамі шырока выкарыстоўваецца ў мове мастацкіх твораў для стварэння гумару, сатыры, іроніі, а таксама маўленчай характарыстыкі персанажаў.

У сучаснай беларускай афарыстыцы пакуль што значацца 4 зборнікі афарызмаў: Ф. М. Янкоўскага “Крылатыя словы і афарызмы” (Мінск, 1960), А. Я. Леванюк “Час, жыццё, людзі... Беларускі літаратурны афарызм” (Брэст, 2001), А. Я. Міхневіча “Якуб Колас разважае, радзіць, смяецца... Выбраныя выслоўі народнага песняра” (Мінск, 2002), А. Я. Леванюк “Майстры кажуць...” (Брэст, 2010). Сярод беларускіх аўтараў, што працуюць зараз у жанры афарызма, вядомыя М. Коўзкі, Я. Рагін, М. Мірановіч, Ул. Дуктаў, А. Цыркуноў, Б. Беляжэнка, Н. Сандамірскі, А. Аблажэй і інш. У друку сустракаюцца цэлыя раздзелы афарызмаў гэтых аўтараў, якія носяць разнастайныя назвы: “Абыпраштоскі” (Я. Рагін), “Доля праўды” (М. Коўзкі), “Фрашкі” (М. Мірановіч), “Мімаходзь” (Ул. Дуктаў), “Вясёлыя дробязі” (Н. Сандамірскі), “Аптыпесімізм” (А. Аблажэй) і проста “Афарызмы” (Б. Беляжэнка). Тэматыка сучасных афарызмаў самая разнастайная: *Нябожчыка не любіў, а пайшоў на набажэнства – усё ж “мерапрыемства”;* *Пустое месца заўважаюць тады, калі яно знікае* (М. Коўзкі); *Мае талент ставіць людзей у залежнасць ад сябе;*

Лети за напісанае захоўваецца толькі надрукаванае (Ул. Дуктаў); *Мне не вельмі спакойна ў краіне, дзе шмат пузатых міліцыянтаў і вайскоўцаў* (Я. Рагін); *Сам недарэчы на ўласнай печы; Не ўсякі кашаль ад прастуды; Не бездарожжа зло, а безалоўе* (Б. Беляжэнка); *Сярод здабыткаў рознай масці Так мала поўных, больш пустых, Бо ўсе жадаюць толькі шчасця, А дзе яго ўзяць на ўсіх?* (Н. Сандамірскі) і інш.

Для беларускай афарыстыкі прыспела неабходнасць збірання і даследавання афарызмаў беларускіх паэтаў і пісьменнікаў. Ужо вядзецца даследаванне выслоўяў з твораў Я. Коласа. Як зазначае А. Я. Міхневіч, толькі ў першых чатырох тамах (з чатырнаццаці) збору твораў Я. Коласа налічваецца не менш за 500 выслоўяў, якія можна аднесці да афарызмаў, напрыклад: *Што напішу, – такі пісака, – Не расчытае і сабака; Бо што жанкі? Раз што панята, Ноль – слова нашага ім брата; Мой родны кут, як ты мне мілы!* і інш.

Не патрабуе доказу тое, што беларуская культура вартая таго, каб калекцыянераў беларускіх афарызмаў былі не адзінкі, а сотні. У кожнай нашай кнігарні павінны прадавацца не толькі зборы замежных афарызмаў, але, найперш, беларускіх.

Нягледзячы на свой узрост, афарызмы ўсё-такі нядаўна сталі прадметам вывучэння асобнай навуковай дысцыпліны – афарыстыкі.

Афарыстычныя выслоўі былі вядомыя яшчэ ў Егіпце (пачатак 3 ст. да н. э.). Старажытнаіндыйскі помнік рэлігіі і літаратуры Веды (XII–VII ст. да н. э.) змяшчае прыклады дасканалых па форме і глыбокіх па змесце афарызмаў. У афарыстычнай форме выказваў свае думкі і кітайскі філосаф Канфуцый (каля 551–479 гг. да н. э.), чый філасофскі спадчынай будзе карыстацца яшчэ не адно пакаленне людзей. Захапляе важкасць яго выслоўяў. Так, Канфуцый лічыў: ”Перад чалавекам да розуму тры шляхі: шлях роздуму – гэта самы высакародны, шлях пераймання – гэта самы лёгкі; шлях асабістага вопыту – самы цяжкі”.

Для еўрапейскай афарыстычнай традыцыі прыкладам, безумоўна, з’яўляюцца выслоўі вядомых людзей Старажытнай Грэцыі і Старажытнага Рыма. Антычныя афарызмы аказалі вялікі ўплыў на развіццё афарыстыкі і, больш таго, сталі ўзорамі. Напрыклад, Сенека пісаў: ”Жыццё, як п’еса ў тэатры: важна не тое, колькі яна доўжыцца, а наколькі добра сыграна”.

Найбольшае развіццё замежная афарыстыка набывае ў XVII ст. Тут трэба адзначыць творчасць французскіх маралістаў – Паскаля, Ларошфуко, Лабруйера. У 1647 годзе з’явілася кніга Бальтасара Грасіана “Кішэнны аракул”, дзе афарызмамі былі названыя правілы жыццёвай мудрасці. Вось некаторыя з іх: “У дваццаць гадоў пануе пачуццё, у трыццаць – талент, у сорак – розум”; “Усе дурні ўпартыя, а ўсе упартыя – дурні”; “Маўчанне – алтар асіярожнасці” і інш.

Адлік гісторыі рускай афарыстыкі можна пачаць з узнікнення пісьменнасці. Знойдзена нямала аўтараў, для якіх афарызм з’яўляўся адным з асноўных ці любімых жанраў.

У XI ст. пісец Іаан склаў першы старажытнарускі зборнік выслоўяў “Ізборнік 1076”. Афарыстычны стыль можна адзначыць і ў вядомых літаратурных творах “Павучанні Уладзіміра Манамаха” (XII ст.) і “Слова Данііла Заточніка” (XII–XIII стст.). У гэты ж час з’яўляюцца такія зборнікі выслоўяў, як “Пчала” (XII–XIII стст.), “Ізагард”, “Залаты ланцуг” (XIV ст.), “Пасланне і пакаранне ад бацькі да сына Сільвестра” (у “Дамастроі”, XVI ст.) і інш.

Да XVIII ст. слова “афарызм” не ўжывалася. У першым выданні “Слоўніка Акадэміі Расійскай” (1789) афарызм (“афорисм”) вызначаецца як правіла, якое “ў кароткіх словах змяшчае шмат сэнсу і адносіцца як да іпакратавых, так і павучальных афарісмаў”. Якраз у гэты перыяд адбываецца пераход выслоўяў у афарызмы, які быў выкліканы пашырэннем тэматыкі.

Перш за ўсё ў гэты час трэба адзначыць творчасць А. П. Сумарокава. Шмат афарызмаў змяшчаюць яго сатырычныя творы, афарызмамі напісаны “Некаторыя артыкулы пра дабрачыннасць”. У яго працы “Ліст пра дасціпнае слова” зроблена спроба тэарэтычнага асэнсавання афарыстычнага стылю. Уклад Сумарокава ў афарыстыку дае права лічыць яго першым значным рускім пісьменнікам-афарыстам. Можна прывесці такое яго выслоўе: ”Успрыняць чужых слоў, а асабліва без патрэбы, ёсць узбагачэнне, але і псаванне мовы”.

У XIX ст. афарыстыка ў Расіі набывае далейшае развіццё. З’яўляюцца наступныя кнігі афарызмаў: “Думкі, характары і партрэты” П. І. Шалікава (1815), “Гістарычныя афарызмы” М. П. Пагодзіна, “Гістарычныя, філасофскія і літаратурныя афарызмы” А. П. Пратапопава (1839). У сярэдзіне XIX ст. выйшла некалькі кніг парадыйных афарызмаў, сярод якіх асабліва месца займае праца “Думкі і афарызмы” Казымы Пругкова.

Сярод рускіх афарыстаў XIX–XX стст. можна назваць такіх, як В. І. Федаровіч, Д. Х. Тутаеў, М. В. Безабрава, А. Г. Рубінштэйн, В. Н. Крачкоўскі і інш. Шмат афарызмаў мы можам знайсці ў творах А. С. Пушкіна, Ф. М. Дастаеўскага, М. Я. Салтыкова-Шчадрына, А. П. Чэхава, Л. М. Талстога, В. Р. Бялінскага і інш.

У Расіі таксама, як і ў Еўропе, з канца XIX ст. сталі з’яўляцца кнігі-даследаванні, у якіх аналізавалася афарыстыка як спецыфічная галіна літаратуры.

На Беларусі можна вызначыць адзінага стваральніка выслоўяў Яна Ліцынія Намыслоўскага, які ў 1585 г. прадаваў выкладчыкам школы ў Еўі. Ён аўтар адзінага ў сваім родзе зборніка маралістычных выказванняў-сентэнцый “Павучанні для ўсеагульнага карыстання ў жыцці” (1589). Частка выказванняў сабраная самім аўтарам, а частка сабраная з іншых літаратурных крыніц. Гэты зборнік змяшчае 225 выказванняў, напрыклад: *51 Язык. Раніць Бязлітасны меч цела жывое не гэтак, як непаўнага – ядам смяртэльным злчынны язык. 55. Час. Каб выпадковым не стаў той час, калі справу пачнеш ты, Ведай: для кожнай са спраў тэрмін дакладны, свой ёсць.* Даследчыкі лічаць, што гэты зборнік быў першым беларускім падручнікам жывых замежных моў, таму што ў ім чаргаваліся аналагічныя па змесце выказванні на лацінскай, польскай і нямецкай мовах.

Сярод зборнікаў выслоўяў можна назваць яшчэ фальклорны зборнік “Выслоўі” (1979) з акадэмічнай серыі “Беларуская народная творчасць”. Склаў яго вядомы беларускі фалькларыст і этнограф М. Я. Грынблат. Адзначыўшы, што выслоўі складаюць асобны велізарны пласт народнай словатворчай культуры, М. Я. Грынблат слухна заўважае, што, на жаль, гэты пласт яшчэ слаба ўзараны збіральнікамі і даследчыкамі беларускай вуснапаэтычнай творчасці.

Афарызмы заўсёды ахоплівалі практычна ўсе бакі жыцця чалавека. Аднак тэматыка выслоўяў з часам мянялася. Напрыклад, для антычнасці быў характэрны шырокі дыяпазон тэм: ад паводзін у паўсядзённым жыцці да філасофіі і палітыкі. Сярэднявечча пастуліравала рэлігійнае пазнанне свету, а французскія маралісты аддавалі перавагу маральнасці чалавека.

Стылістыка афарызмаў таксама мянялася. Сярод найбольш ужывальных стылістычных фігур афарыстыкі можна назваць паралелізм, антытэзу, хіязм, анафару, рытарычнае пытанне, градацыю і інш., напрыклад: *Кандыдат ён можа быць, Працаўнік ці будзе?* (М. Лужанін) – рытарычнае пытанне; *Калі няма таго света, Чаму не вяртаюцца тыя, Што туды пайшлі?* (М. Танк) – рытарычнае пытанне; *Саперніцтва з прыродай – непазбежнасць, Як непазбежнасць – розум у прыродзе* (В. Зуёнак) – паралелізм; *У кожнага – свой век* (М. Танк) – эліпіс; *Радзіма будзе жыць без мяне, Мяне без Радзімы не будзе!* (Р. Барадулін) – хіязм; *Толькі шчырасці нам часам не ханае, Не ханае часам дабраты* (П. Панчанка) – анадыплогіс; *Жыццё – парыў адвечнае красы* (П. Трус) – азначэнне; *Душа паэта – плач і смех!* (П. Трус) – азначэнне і г. д.

Тэарэтычнае даследаванне афарызмаў працягваецца, з’яўляюцца новыя канцэпцыі, ідэі, фарміруюцца сістэмныя погляды на праблему афарызма.

Выслоўе – малая форма слоўнай творчасці. Таму яна існуе не толькі самастойна, але ў складзе іншых, буйных твораў. Якраз апошні спосаб абнародавання выслоўяў рознага тыпу і ўласцівы творчаму почырку пісьменніка. Майстры слова добра ўсведамляюць мастацкую вартасць, філасофскія гарызонты гэтага жанру, і таму вельмі ахвотна ўводзяць іх у тканку сваіх твораў, надаючы афарыстычнасць і сваёй, аўтарскай, мове і мове сваіх герояў.

Як зазначае Я. Іваноў, збіранне, вывучэнне і выданне літаратурнай афарыстыкі на славянскіх мовах яшчэ не набыло сістэматычнага характару, што тлумачыцца як даволі невялікім узроўнем тэарэтычнай і практычнай распрацаванасці вывучэння афарызма ў межах літаратурнага афарызма, так і канцэптуальнай і метадалагічнай неакрэсленасцю афарыстыкі як асобнай навуковай дысцыпліны. Трэба заўважыць, аднак, што гэта ніяк не

паўплывала на саму колькасць кампіляцый афарызмаў, што даволі часта з’яўляюцца на многіх славянскіх мовах, дзякуючы надзвычайнаму росту ў другой палове XX стагоддзя папулярнасці афарыстыкі як “гатовай”, “упарадкаванай” і “сістэматызаванай” мудрасці, змест якой нібыта даступны кожнаму і дазваляе хутка ўсвядоміць заканамернасці быцця чалавека і прыроды, стаць “разумнейшым”. Менавіта таму пераважная частка афарыстычных кампіляцый мае залішне папулярызаваны характар, які настолькі адбіваецца на якасці іх зместу і пабудовы, што неаднаразова выклікала сумненні ў мэтагоднасці выданняў такога кшталту ўвогуле. Тым не менш, нават з улікам апошняга на славянскіх мовах афарыстычных даведнікаў створана значна менш, чым на германскіх і раманскіх мовах.

Толькі ў апошнія гады пачалі выдавацца грунтоўныя зборнікі і энцыклапедыі афарызмаў рускіх пісьменнікаў, хаця сама праблема выдання рускай літаратурнай афарыстыкі ўжо даўно перастала быць прыналежнасцю толькі сферы кнігавядання і асобных аматараў збіраць афарызмы вядомых асоб і распрацоўваецца як актуальнае навуковае пытанне. Стварэнне анталогіі беларускага літаратурнага афарызма з’яўляецца вельмі актуальным не толькі для беларускай філалогіі, але і для славістыкі ўвогуле. Укладанне анталогіі беларускага літаратурнага афарызма патрабуе вырашэння такіх пытанняў, як, найперш, вызначэнне яе аб’ёму і крыніц, распрацоўка прынцыпаў яе пабудовы і інш. З улікам таго, што гэтая задача ставіцца ў беларускай філалогіі ўпершыню, іх рашэнне мае не толькі практычнае, але і тэарэтычнае значэнне.

“Якое багацце мудрасці і дабрны пранізлівай расыпана па кнігах усіх народаў і часоў і забыта, ігнаруецца нам!”, – зазначаў некалі Леў Талстой. І гэта, несумненна, сказана і пра нас...

Літаратура

1. Гоголь, Н. В. Невский проспект / Н. В. Гоголь // Собр. соч. в 7-и т. – М., 1966. – Т. 3.
2. Фицджеральд, Ф. С. Великий Гэтсби / Ф. С. Фицджеральд // Собр. соч. в 3-х т. – М., 1984. – Т. 2.

П. Р. Ламака (Мінск, Беларусь)

ПАНЯЦЦЕ БЕЗЭКВІВАЛЕНТНАЙ ЛЕКСІКІ Ў ТЭОРЫІ ПЕРАКЛАДУ І Ў СУПАСТАЎЛЯЛЬНЫМ МОВАЗНАЎСТВЕ

У апошні час усё большую цікавасць даследчыкаў прыцягвае феномен лексічнай безэквівалентнасці як адно з найбольш яркавых адлюстраванняў нацыянальнай спецыфікі лексічных сістэм. Розныя аспекты дэзэнай з’явы атрымалі шырокае асвятленне ў тэорыі перакладу і ў супастаўляльным мовазнаўстве (кантрастыўнай лінгвістыцы). Тым не менш на сённяшні дзень застаецца дыскусійнай праблема азначэння паняцця безэквівалентнай лексікі (далей – БЭЛ), прапануюцца розныя крытэрыі вылучэння безэквівалентных лексічных адзінак, у выніку чаго аб’ём паняцця «БЭЛ» вельмі істотна вар’іруецца ў залежнасці ад даследчыцкага падыходу. У гэтай сувязі ўяўляецца актуальным разгледзець агульнае і спецыфічнае ў асэнсаванні лексічнай безэквівалентнасці названымі навуковымі дысцыплінамі.

І ў тэорыі перакладу, і ў кантрастыўнай лінгвістыцы атрымала прызнанне палажэнне, што безэквівалентнасць лексічнай адзінкі выяўляецца толькі ў рамках міжмоўнага бінарнага супастаўлення (зыходнай мовы і мовы перакладу ў перакладазнаўстве, зыходнай мовы і мовы-люстра (мовы супастаўлення) ў кантрастыўнай лінгвістыцы). Адзінка, безэквівалентная ў дачыненні да

пэўнай мовы, можа мець адпаведнік на фоне іншай. Так, напрыклад, безэквівалентныя адносна беларускай мовы абазначэнні французскіх кулінарных рэалій *couscous (m)*, *camembert (m)*, *brie (m)* у выніку больш інтэнсіўных культурных сувязяў паміж Вялікабрытаніяй і Францыяй маюць у англійскай эквіваленты – *couscous*, *Camembert*, *Brie*.

Нельга тым не менш адмаўляць магчымасць наяўнасці ў пэўнай мове слоў, якія б былі безэквівалентныя ў дачыненні да ўсіх астатніх моў свету (абсалютных безэквівалентаў, у тэрміналогіі Л. К. Латышава [1, с. 70]). Аднак больш-менш упэўнена такія выпадкі безэквівалентнасці можна выявіць на аснове спалучэння этнаграфічных і лінгвістычных крытэрыяў толькі сярод найменш нацыянальна-ўнікальных рэалій, гэта значыць у складзе дэнататыўна-безэквівалентнай лексікі. Абсалютна безэквівалентнай з’яўляецца, напрыклад, назва рэгіянальнай французскай стравы *mouclade (f; ‘moules de bouchot servies avec une sauce à la crème, au beurre et au curry (plat charentais)’* [2, p. 1680]). Абсалютная безэквівалентнасць уласціва, відаць, і для наступных французскіх слоў (хаця тут трэба было б яшчэ правесці супастаўленне з аксітанскай мовай, якая мае з фран-

цускай найбольш песня кантакты): *polytechnicien* (*m*; 'élève ou ancien élève de l'École polytechnique'), *normalien* (*m*; 'élève ou ancien élève de l'École normale supérieure'), *agrégation* (*f*; 'admission sur concours au titre d'agrégé; ce concours, ce titre lui-même' [2, p. 51]), *pervenche* (*f*; *fam.*; 'contractuelle de la police parisienne' [2, p. 1915]), *croque-monsieur* (*m*; 'sandwich chaud fait de pain de mie grillé, avec du jambon et du fromage' [2, p. 600]), *croque-madame* (*m*; 'croque-monsieur surmonté d'un œuf sur le plat' [2, p. 600]). Тэарэтычна можна дапусціць і існаванне слоў, абсалютная безэквівалентнасць якіх абумоўлена ўласна лінгвістычнымі прычынамі, але выявіць такую лексіку на дадзеным сінхронным зрэзе і даказаць яе абсалютную безэквівалентнасць не ўяўляецца магчымым (ва ўсякім разе, на сучасным этапе развіцця мовазнаўчай навукі), бо для гэтага неабходна было б правесці супастаўленне з усімі жывымі мовамі, колькасць якіх дакладна не ўстаноўлена і многія з якіх да гэтага часу не апісаныя нават у найменшай ступені.

Агульным для тэорыі перакладу і супастаўляльнага мовазнаўства з'яўляецца таксама прызнанне рэлятыва-нага характару лексічнай безэквівалентнасці ў дыя-храніі. Прыкладзём у якасці прыкладу фразу з навелы «Кар'ера» А. Маруа: «*Elle sonna, fit apporter de l'orangeade, des petits fours*» [3, p. 54]. У пачатку 70-ых гадоў мінулага стагоддзя слова *orangeade* (*f*; 'boisson rafraîchissante au sirop d'orange' [2, p. 1792]), бясспрэчна, было безэквівалентным адносна беларускай мовы, што і паўплывала на выбар Ю. Гаўруком перакладчыцкага рашэння (прыпадабняльны пераклад – замена французскай рэаліі *orangeade* на звыклую для беларускага чытача (*ліманад*)): «*Яна пазваніла, загадала падаць ліманад і пячэнне*» [4, с. 251]. У апошні час у выніку пашырэння міжнародных кантактаў, у тым ліку ў кулінарнай сферы, можна назіраць працэс страты словам *orangeade* статусу безэквівалента: назоўнік *аранжад* ужо фіксуецца ў «Слоўніку іншамовных слоў» А. М. Булькі [5, т. 1, с. 127].

Апошнія даследаванні фундаментальнай катэгорыі міжмоўнай семантычнай эквівалентнасці з усёй відавочнасцю паказваюць, што гэта паняцце мае неаднолькавы сэнс у тэорыі перакладу і ў супастаўляльным мовазнаўстве. Л. Г. Каторова адзначае: «Прынцыповым і асноўным адрозненнем у падыходах кантрастыўнай лінгвістыкі і тэорыі перакладу да праблемы міжмоўнай эквівалентнасці з'яўляецца тое, што першая рашае гэтую праблему на ўзроўні моўнай сістэмы, а другая – на ўзроўні моўных рэалізацый, што абазначаецца як супрацьпастаўленне сістэмнай і камунікатыўна-сітуацыйнай, моўнай і тэкставай эквівалентнасці або ж як эквівалентнасць у сферы мовы (*langue*) і маўлення (*parole*)» [6, л. 67]. З карэнных разыходжанняў у пунктах гледжання на базавае паняцце міжмоўнай лексічнай эквівалентнасці лагічна вынікае і розная трактоўка катэгорыі лексічнай безэквівалентнасці ў тэорыі перакладу і ў супастаўляльным мовазнаўстве.

У супастаўляльна-лінгвістычных даследаваннях пад БЭЛ звычайна разумеюць або словы / лексіка-семантычныя варыянты пэўнай мовы, якім няма аднаслоўнага эквіваленту ў іншай (І. Чарвенкава, А. А. Гіруцкі, І. Р. Шкраба, Л. І. Машуроўская, І. М. Лапіцкая, Б. А. Плотнікаў і іншыя), або словы / ЛСВ зыходнай мовы, якія не маюць семантычна адэкватнага адпаведніка ў форме слова або ўстойлівага словазлучэння ў мове супастаўлення (многія прадстаўнікі навуковай тэарэтыка-лінгвістычнай школы Варонежскага ўніверсітэта на чале з І. А. Сцерніным і З. Д. Паповай). Першы падыход

характэрны ў асноўным для мовазнаўцаў, якія даследуюць лексіку блізкароднасных моў, у той час як другі – для лінгвістаў, што працуюць з матэрыялам неблізкароднасных моў, дзе несупадзенні па структуры наймення сустракаюцца нашмат часцей.

Для тэорыі перакладу крытэрыі аднаслоўнасці / неаднаслоўнасці адпаведніка не іграе такой істотнай ролі. Перакладчыцкая практыка сведчыць, што слова зыходнай мовы можа адэкватна перадавацца ў мове перакладу не толькі асобным словам, але і спалучэннем слоў (у тым ліку свабодным). Напрыклад: *bâcher* – *накрываць брызентам*, *bagasse* (*f*) – *жамерыны цукровага трыснягу*, *baigneau* (*m*) – *дзіцяня кіта*. Для перакладазнаўства нашмат большае значэнне мае рэгулярнасць адпаведніка і паўната перадачы інфармацыі. Так, французскія словы *pantouflage* (*m*), *épaque* (*m*) з'яўляюцца безэквівалентнымі адносна беларускай мовы не таму, што перакладаюцца неаднаслоўнымі выразамі, а таму, што гэтыя выразы (*пераход дзяржаўнага службоўца на працу ў прыватны сектар і студэнт або выпускнік Нацыянальнай школы кіравання адпаведна*) не маюць рэгулярнага характару і не ў поўнай меры перадаюць значэнне французскіх слоў.

Іншай адметнасцю перакладазнаўчага падыходу да лексічнай безэквівалентнасці з'яўляецца абавязковы ўлік кантэкстуальнага фактару. Перакладчык мае справу не з сістэмным значэннем слова, якое разглядаецца ў плане міжмоўнай адпаведнасці кантрастыўнай лінгвістыкай, а з яго актуальным сэнсам у канкрэтнай сітуацыі (адрэзку тэксту). У маўленчым акце назіраецца семнае вар'іраванне значэння (актуалізацыя адных сем пры ігнараванні іншых (камунікатыўна нерэлевантных), умацненне і аслабленне сем, расшчапленне сем, мадыфікацыя сем, канкрэтызацыя сем і іншыя семантычныя працэсы [7, с. 106–121]), што істотна ўплывае на выбар перакладных адпаведнікаў. Акрамя таго, кампенсаторныя магчымасці кантэксту дазваляюць выкарыстанне ў перакладзе адпаведнікаў, якія не з'яўляюцца сістэмнымі эквівалентамі слоў зыходнай мовы. Возьмем, напрыклад, урывак з навелы «Матэа Фальконэ» П. Мерыэ: «*[...] Les racines qui sont restées en terre sans se consumer poussent au printemps suivant des cépées très épaisses qui, en peu d'années, parviennent à une hauteur de sept ou huit pieds*» [8, p. 41]. Безэквівалентнае з пункту погляду супастаўляльнай лексікалогіі французскай і беларускай моў слова *cépée* (*f*) 'touffe de jeunes tiges de bois, de rejets sortant d'une même souche' [2, p. 382] цалкам адэкватна перадаецца ў перакладзе Н. Мацяш з дапамогай гіпероніма *парасткі*, бо дыферэнцыяльныя семы лёгка выводзяцца з кантэксту: «*[...] А з прыходам вясны не зарэлья ў зямлі карані пускаюць гусценныя парасткі, якія праз некалькі гадоў дасягаюць вышыні сямі-васьмі футаў*» [9, с. 201]. З іншага боку, асаблівасці кантэксту могуць абумовіць тэкставую безэквівалентнасць слоў, якія ў плане сістэмы маюць у іншай мове эквіваленты. Прыкладзём у якасці прыкладу фрагмент дыялогу камісара Мэгрэ і Джэфа Шрамэка (Клоуна Фрэда) з аповесці «Чалавек на лаўцы» Ж. Сіменона:

« – *Peu importe. Ce n'est pas récent. Cela remonte à environ deux ans et demi. A cette époque-là, M. Louis était sans place et tirait le diable par la queue.*

– *Je sais ce que c'est ! soupira Jef. Et il a la queue longue, longue, ce diable-là !*» [10, p. 398].

Абыгрыванне ў рэпліцы Джэфа ўнутранай формы ўжытага камісарам Мэгрэ фразеалагізма *tirer le diable par la queue* прымусіла А. Асташонка адмовіцца ад

ужывання ў перакладзе сістэмных адпаведнікаў *queie (f) – хвост, long – доўгі, diable (m) – д’ябал*:

« – *Можна быць. Але яшчэ два з паловаю гады назад, два з паловаю, Джэф, ён не меў працы і клаў зубы на паліцу.*

– *Ведаю я гэтую паліцу! – уздыхнуў Джэф. – Сам на яе зубы клаў – не раз*» [11, с. 238–239].

З’яўляючыся дысцыплінай, арыентаванай на сістэму мовы, супастаўляльнае мовазнаўства выяўляе безэквівалентныя адзінкі толькі сярод узуальнай лексікі, у той час як тэорыю перакладу ў такой самай ступені цікавяць і аказіянальныя безэквіваленты, пераклад якіх, як правіла, выклікае не меншы цяжкасці, чым пераклад узуальных безэквівалентных адзінак. Разгледзім, напрыклад, урывак з навелы «Добры вечар, дарагая» А. Маруа: « – *Ah ! non, chérie ! dit Sabine, tu ne vas pas « ministrer » mon mari... Tu m’appelles Sabine; appelle-le Alfred...* » [3, р. 84]. Індывідуальна-аўтарскі дзеяслоў *ministrer*, ужыты з гэтай маўленчай характарыстыкі персанажа, ужо ў сілу

сваёй аказіянальнай прыроды з’яўляецца безэквівалентным і стварае пэўныя цяжкасці для адэкватнай перадачы сказа на беларускую мову. У беларускім перакладзе Ю. Гаўрука захоўваецца рэфэрэнцыйнае значэнне французскага безэквівалента, але страчваецца ўласцівая яму экспрэсія: « – *Ах, не, дарагая! – адазваляся Сабіна, – ты не называй майго мужа «міністрам», называй яго проста – Альфрэд, а мяне – Сабіна*» [4, с. 190].

Такім чынам, агульным для перакладазнаўства і кантрастыўнай лінгвістыкі з’яўляецца ўлік залежнасці складу і характарыстык БЭЛ ад вектара міжмоўнага супастаўлення і ад часавага фактару. Але калі ў супастаўляльным мовазнаўстве для вызначэння эквівалентнасці / безэквівалентнасці слоў ці ЛСВ розных моў важныя дакладнасць перадачы сістэмнага значэння і аднаслоўнасць або неаднаслоўнасць адпаведніка, то тэорыя перакладу аперыруе крытэрыямі рэгулярнасці / нерэгулярнасці і семантыка-стылістычнай адэкватнасці адпаведніка ў канкрэтным кантэксце.

Літаратура

1. Латышев, Л. К. Безэквивалентная лексика как понятие и явление / Л. К. Латышев // Вестн. Моск. пед. ун-та. Сер. Лингвистика. – 1998. – № 2. – С. 67–71.
2. Le Nouveau Petit Robert: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Nouv. éd. du Petit Robert de Paul Robert / texte remanié et ampl. sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. – Paris: Dictionnaires le Robert, [2003]. – XXXVIII, 2952 p.
3. Maurois, A. Une carrière et autres nouvelles / André Maurois. – [2e éd., revue]. – Moscou: Éd. du Progrès, 1975. – 272 p.
4. Маруа, А. Падарожжа ў нябыт і яшчэ 24 навелы / Андрэ Маруа; уклад. і пер. з француз. мовы Юркі Гаўрука. – Мінск: Маст. літ., 1974. – 256 с.
5. Булыка, А. М. Слоўнік іншамоўных слоў: [у 2 т.] / А. М. Булыка. – Мінск: Беларус. энцыкл., 1999. – 2 т.
6. Которова, Е. Г. Проблема межъязыковой эквивалентности в лексической семантике (на основе анализа русского и немецкого языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 19 / Е. Г. Которова. – М., 1997. – 343 л.
7. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин; [науч. ред. З. Д. Попова]. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 172 с.
8. Mérimée, P. Tamango; Mateo Falcone et autres nouvelles / Prosper Mérimée; introd., bibliogr. et notes par Antonia Fonyi; chronologie par Pierre Salomon. – [Paris]: Flammarion, [1983]. – 254 p.
9. Мерымэ П. Матэа Фальконэ / Праспэр Мерымэ; пер. з француз. Ніна Мацяш // Далягляды, 1985. – Мінск, 1985. – С. 201–210.
10. Simenon, G. Maigret et l’homme au banc / Georges Simenon // Romans / Georges Simenon. – [Moscou]: Éd. du Progrès, 1968. – P. 296–431.
11. Сіменон, Ж. Чалавек на лаўцы / Жорж Сіменон; пер. з француз. Алесь Асташонак // Пад страхам смерці: раман, аповесці / Жорж Сіменон. – Мінск, 1992. – С. 267–364.

Н. А. Матвиевко (Днепропетровск, Украина)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Тэорыя камунікацыі рассматрывае, пражэе всего, канцэпт камунікацыі, вклучаючы невербальную і её асабеннасці пры перадачы саабушчэння із адной культуры в другую. Выдэляючы тры асновных віда камунікацыі: вербальная, ілі дыялог, невербальная і візуальная. Камунікацыя впе азавісамасці аз её віда возмозжна межу прадставітэлямі адных і тэх же культуры і аззыка ілі разных.

В слугае межкультурной камунікацыі вознікае гораздо большэ проблем, так как абуаюцца лугды с разлнчным культурным апытам. Кажды участник может інтерпретировать речь другого участника согласно своим культурным абычаям і ожданіям. При значительной разнице между культурными абычаями тэх, кто абуаеця, может возникнуть аошнбочное толкованне і непоннманне.

Межкультурная камунікацыя – прадмет азучення науки, которая азследует, как абуаюцца лугды с разлнчным культурным пророзходеннем і как онн вэдут себя. Культура – это асабенная в каждой стране совокупность традицій, спосабов поведення, стілей одежды, прадзніков, кулінарных прадпочтеній. Лугды, прорываюшнне в одной стране, імеют некотарые сходства в рамках своей культуры, однако при более тщательном рассмот-

рени можно заметнть і разлнчня. Со временем азменяется культура любой страны. Человек, попадаюшнй в ннну культурную среду, не меняет свою собственную культуру. При камунікацыі разноразычных лугдей неабуоднм некнй абушнй аззык, который помог бы ім поннманть друг друга.

Феномен поліэтннчностн всё актнвнее становнтся абуектом науки, в частности лннгвнстнкн. Этннческое многообразне жнзнн азвляется теоретнческн і практическн значнмым атрнбутом совреannenого абущества. Процес абушчення лугдей, отнносящнхся к разным этннческнм группам, азпределается рядом термннов: межкультурная камунікацыя, межетннческая камунікацыя, інтеркомунікацыя, межрасовая камунікацыя, дыялог культур.

Этннческая культура, по мненню Грушевнцкой Т. Г. в качестве мнкрокультуры («...культуры разных соціальных групп і слоёв ввнтри одного абущества») входнт в состав макрокультуры («...культура в действнтельносн сушествует в віде множества культур разных эпох і регонов...») [1, 145]. Абушченне межу лугцами, прадставляюшнми разные народы (этннческне группы) она і называет межетннческой камунікацыей і выдэлет, что «совместное сушествованне в рамках одного абу-

ства естественно приводит к взаимному общению этих этнических групп и обмену культурными достижениями» [1, 143]. Одним из существенных признаков межэтнической коммуникации является существование и общение разных этносов в рамках одного общества. С точки зрения Темиргазиной З. К. при определении сущности межэтнической коммуникации «необходимо отделить её от сходного, во многом близкого понятия межкультурной коммуникации» [2, 188]. В пользу разграничения понятий межэтнической и межкультурной коммуникаций она пишет о том, что «активно функционирующая ныне теория межкультурной коммуникации ориентирована на исследование процессов между людьми, попавшими в инокультурную, незнакомую или малознакомую среду, условий эффективности подобной инокультурной коммуникации. Межэтническая коммуникация – это взаимодействие людей, принадлежащих к разным этническим группам, в условиях длительного совместного проживания» [2, 4].

Понимание сути явлений межкультурной и межэтнической коммуникаций предполагает рассмотрение их дефиниций: межкультурная коммуникация – это не только взаимодействие между носителями и неносителями языка, но любая коммуникация между людьми, которые в той или иной сфере общения не разделяют общего лингвистического или культурного фона; – это межличностная коммуникация, имеющая дополнительные характеристики – сходства и различия в языках, способах восприятия, ценностях и в образе мышления, это происходящее во времени взаимодействие между членами различных культур, это феномен взаимодействия между людьми из различных этнических и культурных групп.

Анализируя взаимоотношения между явлениями межкультурной и межэтнической коммуникацией, авторы называют ряд отличительных признаков: «принадлежность коммуникантов к разным этническим группам, этот фактор обуславливает речевое поведение человека, выбор им соответствующих стратегий и тактик...» [2, 189]. Далее называются присущие межэтнической коммуникации «длительность и стабильность контактов людей в условиях совместного сосуществования», следствием которых являются фонд общих фоновых знаний и «более близкое и наглядное знакомство с культурой и языком другой этнической группы. Третьей специфической чертой межэтнического общения является выбор языка. Обычно это наиболее распространённый язык, язык доминирующего этноса» [2, 189].

В пользу разграничения явлений межкультурной и межэтнической коммуникации указывает Солдатов Г. У. «культурно и этнически детерминированный мир является основой социализации каждого индивида» [3, 190].

Таким образом, все указанные дефиниции межкультурной коммуникации имеют общие моменты: межкультурная коммуникация это взаимодействие; это взаимодействие людей, относящихся к разным культурам и этносам, разница культур и этносов связана с разницей языков, невербальных средств общения, способов восприятия, ценностей и образов мышления. Оно осуществляется в рамках модели «разные социумы – разные этносы». Межэтническая культура – это взаимодействие разных этнических групп, проживающих в одном социуме, осуществляется в рамках модели «один социум – разные этносы».

Данное обстоятельство имеет ряд важных последствий для различения межкультурной и межэтнической

коммуникации. Такие особенности межэтнической коммуникации, как территориальная общность и связанное с этим синхронное сосуществование в рамках одного социума предполагает его длительность, в результате чего у этносов-соседей формируются общие фоновые знания, а также складываются знания друг о друге в результате совместной деятельности в разных сферах социальной жизни. Это знания о своей и чужих этнических группах, их истории, обычаях, особенностях культуры, которые в этнопсихологии получили название этнической осведомлённости.

Сопоставление межкультурной и межэтнической коммуникации позволяет выявить дифференциальные признаки, отличающие эти два логически связанных явления и которые можно выделить в три взаимосвязанные группы. Это социальные признаки, куда относятся территориальный, временной и языковой признаки, коммуникативные признаки – это тип взаимодействия, причины коммуникации, особенности коммуникации, степень эффективности коммуникации, характер общения, степень заинтересованности в общении, и социально-коммуникативные признаки, такие как проблема толерантности, вероятность непонимания, наличие или отсутствие общих фоновых знаний.

Временной признак позволяет рассматривать межкультурную и межэтническую коммуникацию как ограниченные и неограниченные во времени, что связано с сутью этих явлений. Длительное сосуществование этносов в условиях межэтнической коммуникации это возможность длительного непосредственного общения. Это общение может осуществляться часто, регулярно, постоянно в той или иной сфере деятельности или же, что весьма важно, существует высокая потенциальная возможность такого общения. Оно может быть регулярным, непосредственным или стать таковым по мере необходимости в нём.

Что касается межкультурной коммуникации, общение в её условиях характеризуется ограничением во времени, а цели принципиально требуют непосредственного вербального общения. Временные рамки здесь могут быть известны заранее, например, поездка на определённый период за границу с целью учиться или работать. В этом случае планируется вступление в межкультурные контакты, общение с представителями других этнических групп. Чтобы за этот срок как можно более эффективно решить свои задачи. Это значит, что в условиях межкультурной коммуникации одна из общающихся сторон будет иметь высокую степень готовности к коммуникативному сотрудничеству, развитую мотивацию коммуникативного поведения. Ограничение временных рамок как бы подталкивает одну из сторон, более заинтересованную в общении, к активной коммуникативной деятельности. Можно выделить логическую зависимость между такими признаками, как ограничение временных рамок – требование непосредственного вербального общения – высокая степень заинтересованности в общении – высокая степень готовности к общению – сознательное планирование межкультурного контакта – активная коммуникативная деятельность.

В условиях межэтнической коммуникации можно выделить корреляцию по признакам: длительное сосуществование – возможность длительного вербального общения во всех сферах жизни – высокая потенциальная возможность осуществления межэтнического контакта – отсутствие, как правило, планирования общения в силу неограниченного времени, что даёт возможность в лю-

бой момент осуществлять контакт – разная степень готовности к коммуникативной деятельности.

Сосуществование этносов в условиях одного социума и их общение – проблема многоаспектная. Полиэтнические общества постоянно находятся в такой ситуации, когда культура и язык одной этнической общности неизбежным образом вступают во взаимоотношения с

языками и культурами других, соседствующих, народов. По этой причине проблемы межэтнической коммуникации являются постоянно актуальными и значимыми для науки. Анализ этого явления с позиций лингвистики способен выявить «пути успешного межэтнического взаимодействия, основой которого должна стать этническая взаимотерпимость, или толерантность» [2, 190].

Литература

1. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: М., 2003.
2. Темиргазина З. К. Межкультурная и межэтническая коммуникация: к постановке проблемы. Материалы международной научно – практической конференции. Тобольск, 2003.
3. Солдатова Г. У. Этническое самосознание и этническая идентичность. М., 1998.
4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Е. Ю. Муратова (Витебск, Беларусь)

ТИПЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Хотя теория интертекстуальности разрабатывается уже не одно десятилетие, тем не менее вопросы, касающиеся интертекстуальности, остаются достаточно дискуссионными.

В рамках лингвопоэтического направления существует широкое и узкое понимание интертекстуальности. В широком смысле интертекстуальность понимается как универсальное свойство текста вообще, т. е. всякий текст рассматривается как интертекст, а интертекстуальность предстает как теория безграничного, бесконечного текста, интертекстуального в каждом своем фрагменте. Такова позиция Р. Барта и представителей французской школы (Ю. Кристева, М. Раффатер, Ж. Деррида), а также Ю. М. Лотмана. В соответствии с таким пониманием предтекстом каждого отдельного произведения является не только совокупность всех предшествующих текстов, но и сумма лежащих в их основе общих кодов и смысловых систем.

Но не все ученые понимают интертекстуальность столь широко, считая, что такое толкование интертекстуальности ведет в конечном счете к уничтожению понятия «текст» как четко выявляемой автономной данности. В узком смысле интертекстуальность понимается не как универсальное свойство любого текста, но как особое качество лишь определенных текстов, при этом один текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам. Подразумевается, с одной стороны, что автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты других текстов, с другой, что и адресат верно понимает авторские интенции и воспринимает текст в его диалогической сценности, намеренно предложенной автором. Данное понимание интертекстуальности нашло отражение в работах И. П. Смирнова, Н. А. Кузьминой, Н. А. Фатеевой, В. Е. Чернявской. Некоторые западные ученые (Л. Дэлленбах, П. Ван ден Хевель) под интертекстуальностью понимают взаимодействие различных видов внутритекстовых дискурсов, т. е. в бахтинском смысле – взаимодействие «своего» и «чужого» голоса. Но как бы широко или узко не понималась интертекстуальность, большинством ученых признается глубинная сущность данного термина – способность текста полностью или частично формировать свой смысл посредством отсылок к другим текстам.

Типы интертекстуального взаимодействия текстов имеют широкий спектр. Реализация интертекстуальных смыслов очень разнообразна – от преемственности до конфронтации. Новый текст, диалогически реагирующий на предтекст, может задавать ему любую

смысловую перспективу: дополнять, избирательно выдвигать на первый план отдельные актуальные смыслы, трансформировать и даже разрушать первичную смысловую систему.

Это может быть диалог между текстами, включающий элементы биографии авторов и реальных жизненных ситуаций, которые вызывают дополнительные ассоциации и новые смыслы. Так, у А. Вознесенского: *За упокой Высоцкого Владимира / коленапреклоненная Москва, / разгладивши битловки, заводила / его потусторонние слова... / Спи, шансонье Всея Руси... 2. Скрытымным – это не силлабика. / Лермонов поэтому непереводем. / Лучшая Марина зарыта в Елабуге. / Где ее могила? – скрытымным* [1, с. 262, 275].

Интертекстуальным маркером может быть полемический диалог с предшественниками по поэтической цепи. Например, А. Лысов своими строками: *Я – лишь символ. / Смолк во мне народный глас. / Я – и разум, и светильник, / И во цвете лет угас!* [2, с. 99] ведет диалог и с Н. Некрасовым («Какой светильник разума угас...») и с В. Маяковским («Светить – и никаких гвоздей!»).

У И. Кабыш свой диалог с А. Пушкиным: *Будешь бегать к лету. / Счастье есть, мой свет. / Это воли нету. / И покоя нет* [3, с. 80]. Здесь наблюдается столкновение двух мнений. Одно вербально выражено в стихотворении, другое невербально, интертекстуально присутствует в нем: *...счастья нет, а есть покой и воля*. Это столкновение неизбежно приводит к самоорганизации новых смыслов, которые сформулировать очень непросто, но попытаемся выразить отдельные составляющие данного «потока сознания». Если есть счастье, то почему нет покоя? Возможно счастье без покоя? Есть разное понимание счастья (с одной стороны, чеховский «Крыжовник», с другой, лермонтовский «Белеет парус одинокий...»: *А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой!* У А. Блока: *И вечный бой, покой нам только снится!* У М. Кузьмина: *О, быть покинутым – какое счастье!* и т. д.). Если на свете счастья нет, тогда что собой представляет покой без счастья? Возможно, добиться покоя души волевыми усилиями? Может быть да, может быть нет. Что предпочтительнее для человека – счастье или покой? Счастье может быть самым разным, но чаще всего это любовь, а она бывает и несчастная, а вот любовь и покой кажутся несоединимыми и т. д.

Поэт может спорить не только со своими предшественниками, но и с художественными образами, ими созданными. Например, у Б. Ахмадулиной: *О, что*

полцарства для меня! / Дитя, наученное веком, / возьми коня, отдам коня, / за полмгновенья с человеком... У Д. Пригова: *Ей жить и жить сквозь годы, мчась. / У ней других желаний нету, / А я хочу свой смертный час. / Встретить, несмотря на это* (пунктуация авторская). Любой тип полимического диалога (и с автором, и с образами, им созданными) определяется интертекстуальными элементами, степенью их эксплицитности в тексте, «накалом» спора. В результате возникают новые смыслы, не присущих тексту-источнику.

«Литературный контакт» между текстами может осуществляться и совершенно иначе, это может быть пародирование на любом языковом уровне. Например, строчки Е. А. Баратынского *Весна, весна! как воздух чист* А. А. Блок перефразирует: *Весна, весна! как воздух пуст*, т. е. отрицается смысловое содержание стиха при сохранении его формы.

Нередко пародирование представляет собой сложный, во многом имплицитный процесс. В качестве иллюстрации проанализируем отрывок из стихотворения И. Бродского. Известные строки А. С. Пушкина *Я вас любил: любовь еще, быть может... Я вас любил безмолвно, безнадежно...* откровенно и намеренно цитируются И. Бродским в шестом из «Двенадцати сонетов к Марии Стюарт»: *Я вас любил. Любовь еще (возможно, / что просто боль) сверлит мои мозги... Я вас любил так сильно, безнадежно, / Как дай вам Бог другим – но не даст!* Хотя прямое пародирование у И. Бродского наблюдается лишь на первом, поверхностном уровне. На самом деле взаимоотношения между двумя текстами гораздо сложнее. Интертекстуальные маркеры (строки А. Пушкина) организуют фракталь «несчастливая робкая романтическая любовь», поскольку уже начало стихотворения И. Бродского *Я вас любил* на подсознательном уровне возвращает читателя к пушкинскому оригиналу о светлой и несчастливой любви. Лексика самого И. Бродского *возможно, что просто боль; сверлит мозги; любил так сильно* (у А. Пушкина – *любил так искренно*), *другими* (у А. Пушкина – *другим*), *но не даст*, организуют противоположную фракталь «несчастливая, но неромантическая любовь». Такое «сплетение» разной лексики разных поэтов рождает глубинные смыслы: боль душевная (у А. Пушкина) превращается в физическую *просто боль*, мучает она не душу, а *сверлит мозги; любил сильно*, т. е. скорее всего речь идет о страсти, а значит – присутствует физиологическое начало; не верит в чистоту своей бывшей возлюбленной, т. к. предполагает в ее будущей жизни много любовников (*Как дай вам Бог другим*), и, самое главное, категорическое *не даст* говорит о том, что он не хочет ее счастья (а у А. Пушкина – искреннее и любящее *Как дай вам Бог любимой быть другим*). Трансцендентные смыслы, как думается, могут быть еще более глубокими. лирический герой уверенно заявляет словами А. Пушкина *Я вас любил*, а автор всем ходом стихотворения как будто спрашивает: Любил ли? Способен ли на чистую романтическую любовь? И разве она такая – настоящая любовь? Может быть, как раз тебе Бог *не даст* ничего, поскольку ты жесток, слеп душою и неблагодарен? Все эти смыслы не облечены в слова в тексте стихотворения, они возникли по мере линейного «развертывания» текста.

Но чаще интертекстуальность представляет собой не диалог или пародирование предтекста, а определенную «точку отчета» рефлексии автора, его желания понять себя и окружающий мир на новой эмоционально-интеллектуальной волне, источник которой

принадлежит другому автору, авторам, коллективному бессознательному, но последующее «море, ими полное» – это собственное творчество, собственное произведение. Проанализируем стихотворение Виктора Кривулина «Урок словесности» (орфография и пунктуация авторские) [4, с. 21]:

*на гусениц похожие училки
учили нас не ползать, но летать:
у собакевича особенная статья
у чичикова личико личинки –
все это мне до смерти повторять
до вылета из кокона – в какую
непредсказуемую благодать?*

Выявляется 4 интертекстуальных включения: *не ползать, но летать* (*не ползать, а летать* – «Песня о Соколе» М. Горького); *собакевич, чичиков* (*Собакевич, Чичиков* – «Мертвые души» Н. В. Гоголя); *особенная статья* (у ней *особенная статья* – «Умом Россию не понять...» Ф. И. Тютчева). На возникновение особых смыслов стихотворения влияет фонетическая организация сочетания *у чичикова личико личинки*. Важное смыслообразующее значение имеет сравнение *на гусениц похожие училки*.

Уже в первых двух строках возникают глубинные смыслы за счет скрытого противоречия: с одной стороны, учителя учили хорошему – *не ползать, но летать* (но горьковская категоричность значимо отсутствует: союз *а* заменен союзом *но*), с другой стороны, учителя пренебрежительно названы *училками* и, главное, они *похожи на гусениц*, которые как раз не летают, а ползают. Отсюда возникает невербализованный смысл: учат одному, а сами делают другое, либо: учат тому, на что сами не способны. Хотя возможно еще одно «ветвление» смысла: гусеница – это потенциальная бабочка, и учителя – это нереализовавшие себя люди, но еще способные «стать бабочками».

Из третьей строки *у собакевича особенная статья*, вырисовывается довольно положительный образ гоголевского героя, поскольку «срабатывает» интертекстуальный маркер синергетичности *особенная статья* – незабываемый образ России, в которую можно только верить. А вот образ Чичикова в следующей строке предстает иным: *у чичикова личико личинки*. Повтор звукового сочетания [*чи*] и гласного [*и*] объединяют *чичикова* и *личинку* в единое смысловое целое. А поскольку все происходит в коконе, то *чичиков* – один из нас, такая же личинка. Причем *чичиков* предстает не отрицательным героем, поскольку личинка – это стадия индивидуального развития многих животных, т. е. он способен к дальнейшему развитию. Тогда возникает вопрос: а какие мы? Тоже *чичиковы* (и что они собой представляют?) или нас такими хотят сделать? Неспорно *училки* – *учили* – *чичиков* объединяются фонетически. В итоге возникает понимание очень странной учебы, в которой смешаны положительные и отрицательные литературные герои, учителя не вызывают уважения и сами ни на что не способны. Впечатление, что школа – это кокон, не дающий расправить крылья, усиливается также за счет написания личных имен без заглавной буквы и отсутствия знаков препинания: перед нами не перечисление и не выделение кого-то, а сплошная биомасса. После такой школы будущая свободная жизнь представляется *непредсказуемой благодатью*, но вопросительный знак в конце рождает сомнения в этой *благодати*. Всех этих смыслов нет в словарных значениях лексем, они возникли как результат интертекстуальных связей поэтического текста.

Таким образом, чем больше внутритекстовых и экстралингвистических связей удастся установить и обосновать, тем лучше для интерпретации произведения, основная задача которой – «перевести» стереомерный язык произведения на линейный метаязык анализа с возможно меньшей потерей смысла [5]. Зна-

чимось интертекстуального подхода определяется, в первую очередь, задачами объективной и адекватной интерпретации текста, выявления его смысловой полифоничности и приращения смысла за счет диалогического взаимодействия с другими текстами культуры.

Літаратура

1. Вознесенский, А. Лирика / А. Вознесенский. – М.: Эксмо, 2007. – 351 с.
2. Лысов, А. Косиножка: новые стихи / А. Лысов. – Вильнюс: Petro ofsetas, 2004. – 203 с.
3. Кабыш, И. Детство. Отрочество. Детство: стихи, поэмы, пьеса / И. Кабыш. – Саратов: Регион. Приволж. изд-во «Дет. кн.», 2003. – 366 с.
4. Кривулин, В. Стихи после стихов / В. Кривулин – СПб.: Петербургский писатель – Русско-Балтийский центр «БЛИЦ», 2001. – 144 с.
5. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 215 с.

Т. С. Несцярэня (Мазыр, Беларусь)

НАЗВЫ ХВАЁВЫХ ДРЭЎ У ГАВОРКАХ УСХОДНЯГА ПАЛЕССЯ

У лексічнай сістэме народных гаворак значнае месца займае батанічная лексіка, якая прадстаўлена нешматлікімі, але разнастайнымі ў лексіка-семантычным і структурна-граматычным планах намінацыямі.

Мова непасрэдна звязана з усімі бакамі жыцця чалавека і здольна называць разнастайныя прадметы, паняцці, з’явы рэчаіснасці. Батанічная лексіка, займаючы прыкметнае месца у лексічнай сістэме беларускіх гаворак, служыць крыніцай папаўнення сродкаў выражэння літаратурнай мовы. Уяўляючы сабой найбольш старажытны пласт намінацыйных сродкаў, яна характарызуецца разнастайнасцю і неадзначнасцю, паколькі ў розных мясцінах адны і тыя ж рэаліі абазначаюцца па-рознаму.

Самай шматлікай па колькасці рэгіянальных лексічных адзінак і іх варыянтаў сярод батанічнай лексікі ў гаворках Усходняга Палесся з’яўляецца лексіка-семантычная група ‘агульныя назвы дрэў’, якая падзяляецца на: 1) назвы лісцевых дрэў і 2) назвы хваёвых дрэў.

У склад другой падгрупы ўваходзяць намінацыі елка (елачка, ель, ёлка, яліна) і сасна (сасонка).

У рабоце ставіцца на мэце прааналізаваць гэтыя лексемы, выявіць асаблівасці іх ужывання ў розных структурных варыянтах і значэннях, а таксама тэрытарыяльныя ўзаемаадносіны з іншымі словамі.

Намінацыя елка (елачка, ель, ёлка яліна) стала здабыткам сучаснай беларускай літаратурнай мовы са значэннем ‘вечназялёнае дрэва сямейства хваёвых з конусападобнай кронай і доўгімі лускаватымі шышкамі’. [9, с. 242]: Елка была вусока і вельмі густая. ю прагожа на яе было паглядзець [Рамаўка, Мазырскі].

Названая лексема агульнаславянская, мае адпаведнікі ў балт. мовах (параўн. стараж.-пруск. addle – ‘елка’) [11, с. 138]. Зафіксавана яна ў старажытнабеларускай і старабеларускай мовах: ель [6, с. 825], ель, ‘елка’ [2, с. 204].

Аналізуемая назва елка ўзводзіцца да edlka, edlĕ. Формы з -ька-суфіксальнай маюць вельмі абмежаваны характар: галоўным чынам беларуска-руская тэрыторыя. Прасл. edlĕ, edla маюць рэфліксацыі ва ўсіх славянскіх мовах і дакладныя паралелі (для прасл. edla) у балтыйскіх: ст.-пруск. addle, літ. ėgle, лат. egle [12, с. 186].

Разглядаемыя словы маюць шырокую лінгвагеаграфію і бытуюць на ўсходзе і заходзе паўночна-ўсходніх беларускіх гаворак: еліна ‘елка’ [7, с. 150]; ель ‘елка’ [1, с. 163]; яліна ‘матэрыял з елкі, яловая драўніна,

елка, адно дрэва’ [13, с. 203]; еліна ‘елка’ [10, с. 121]; елка (ёлка) ‘хвошч; узор на тканіне’ [10, с. 121].

Аналізуемая лексічная адзінка бытуе таксама за межамі беларускамоўнага асяроддзя – ва ўкраінскіх народных гаворках: елка ‘елка’ [3, с. 467] Єль, іль, яль, балг. ел, сербахарв. jel, славен. jel, польск. jodła [10, с. 17].

Матэрыял паказвае, што ў народных гаворках Усходняга Палесся намінацыя елка і яе варыянты маюць больш семантычных адценняў, чым у літаратурным ужыванні.

Акрамя таго, слова елка ў аналізуемым моўным рэгіёне ўступае ў аманімічныя адносіны з прыметнікамі елкі ‘елкі, прагорклы; сярдыты’: Ёлке сало, таке прагорклае, што не можна есці, все пажовкло [Махнавічы, Мазырскі].

Разгляджаныя намінацыі ў вивучаемых гаворках адносяцца да ліку прадуктыўных. Так, яны сталі базавымі для ўтварэння:

а) назоўнікаў елачка ‘дрэва; спосаб вышывання’: Хоць маленьку елачку, а пастаўлю на Новы год. На куце вісеў ручнік, вышыты ў елачку [13, с. 112]; ельнік (елюнік) ‘ельнік; мясцовасць, дзе растуць елкі; матэрыял з елкі’: Пайдзі ў ельнік шышак назбіраю сало капціць [Міхедавічы, Петрыкаўскі]; У нас елюнік колісь трохі буў, а потым паўсекалі дай завёўся [Рамаўка, Мазырскі];

б) прыметнікаў: елачны ‘які адносіцца да елкі’: Сало добра капціць на дыму з ёльных шышок [Міхедавічы, Петрыкаўскі]; ельнікаву (елову) ‘пра лес, які з елкі’: У ельнікавум лесе і ўдзень цёмна [Лучажэвічы, Мазырскі]; Еловуе дошкі белейшыя трохі, чым хваёвуе [Турцэвічы, Калінкавіцкі].

Варыянтнасць дадзенай намінацыі ў народных гаворках Усходняга Палесся звязана з рознымі семантычнымі адценнямі: слова елачка, акрамя асноўнага значэння, мае адценне ацэннаснасці (памяншальна-ласкальнае): Елачка была маленька і така прыгожанька, хоць ты зараз на яе цацкі навешвай [Белая, Мазырскі]; што ж да лексемы ель, то яна мае таксама адценне ацэннаснае, але ужо павелічальна-узмяцняльнае: Гэта ель така вяліка, паважна [Рудня, Мазырскі]. Слова ёлка мае некалькі значэнняў. Першае супадае са значэннем наймення елка, другое ж – ‘елка, ссечаная, упрыгожаная к святу Новага года’: Алена даўно ўпрагожыла ёлку, навешала на яе шмат цацак [Слабада, Мазырскі]; намінацыя яліна, акрамя названага, мае значэнне

адзінкавасці: Яліна стаяла збоку адна, як сіраціна якая [Лешня, Мазырскі].

Найменне сасна (сасонка) бытуе са значэннем 'вечназялёнае дрэва сямейства хваёвых, якое расце пераважна на пясчаных глебых, вызначаецца прамым вузкім ствалом і доўгай ігліцай' [9, с. 68]: Сасна такая вусокая, стромкая, аж вяршыні не відаць [Махнавічы, Мазырскі].

Варыянт гэтага наймення сасонка, акрамя названага, мае значэнне азначнасці (памяншальна-ласкальнае): Якая маладзенькая прагожанькая сасонка вурасла побач [Мялешкавічы, Мазырскі].

Слова гэта агульнаславянскае. Дрэва, мабыць, названа па колеру кары (параўн. стараж. -пруск. sasnis – 'заяц', стараж. -в. -ням. hasan – 'серы, бліскучы', ням. hase – 'заяц' і г. д.) Менш пераканаўча тлумачэнне слова як вытворнага з суф. –сна ад той жа асновы, што і стараж. -в. ням. saf – 'сок', лац. sapa – 'сок' і г. д. (psn > sn у выніку спрашчэння груп сагласных), па якому сасна – 'смалістае (сакавітае) дрэва' [11, с. 422].

Назва сасна была вядома старажытнарускай і старабеларускай мовам: сасна (сосна) 'хвойнае дрэва' [6, с. 468], сосна 'назва дрэва, вулей' [5, с. 271].

Гэтае найменне вядома ўкраінскім народным гаворкам сасна 'сасна', чэш., слвц., польск. sosna [10, с. 726]

Сінанімічным дублетам да лексемы сасна ў гаворках Усходняга Палесся выступае слова хво́я 'вечназялёнае дрэва сямейства хваёвых з высокім прамым ствалом і доўгай ігліцай, сасна' [9, с. 191]: Само больш у нас у лесе хво́я расце [Хамічкі, Мазырскі]. Праўда, найменне хво́я асвоена народнымі гаворкамі і з новымі пераноснымі 'іголки гэтага дрэва; пустазелле; урочышча; каравайнае дрэўца': Трэба хвоі награбці да ў стоцкі прызбу зрабіць, каб кортоплі не памерзлі [Прудок, Мазырскі]; У етом гаду хво́і багата нарасло на гародзі. [Раманаўка, Мазырскі].

Аналізуемая найменні выходзяць за межы Усходняга Палесся і бытуюць на усей тэрыторыі Беларусі: сусны́на 'сасна' [4, с. 222]; хво́іна 'сасна, сасоннік' [4, с. 244], сосна 'сасна, хвойка' [1, с. 401], хво́я 'хвойныя іголки, хво́я' [1, с. 472], сасна (сосна) 'сасна' [8, с. 371], хваі́на 'адно дрэва хво́і' [8, с. 293].

Без змены сваёй унутранай структуры, а таксама акцэнтацыі гэтыя найменні ўвайшлі ў састаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы.

Пры параўнанні гэтых тэрмінаў выяўляецца, што семантычны аб'ём намінацыі хво́я ў народных гаворках Усходняга Палесся шырэішы, чым у адпаведнай лексеме, кадыфікаванай нарматыўнай мовай.

Прыведзеныя вышэй лексічныя адзінкі ў аналізуемым моўным рэгіёне характарызуюцца шырокімі сувязямі з рознымі часцінамі мовы:

а) назоўнікамі: сасняк 'сасоннік': Хадзілі у сасняк, дык хоць грыбоў прынеслі [13, с. 319], саснечок 'малады сасновы лес': У саснечку, у падберэзніках маслюкі добра растуць [Лучажэвічы, Мазырскі], хвойнік 'хвойнік': У хвойніку пахаваліся ад мух [Хамічкі, Мазырскі], хваі́на 'адно дрэва хвоі; высокаяе дрэва': Ек будзеш іці па дарозі, дак ле хваі́ны павернеш і вуйдзеш на завалзкое [Раманаўка, Мазырскі], От хваі́ну вугнало екую, доўга і прама ек вероўка [Бібікі, Мазырскі].

б) прыметнікамі: саснову 'які адносіцца да сасны'; Сасновуе іголки добра жаваць, дак зубу не балецьмуць [Дзякавічы, Жыдкавіцкі]; хвойны (хваёву) 'пра пах, які адносіцца да хвоі': Ек раніцаю зайдеш у лес, дак такі хвойны пах, аж галаву кружыць. [Каменка, Мазырскі];. Адных хваёвух дроў прывёз, ні раскалоць, ні жару ад іх нема. [Бокаў, Мазырскі].

Суаднесенаць найменняў сасна і хво́я з рознымі часцінамі мовы – характэрная з'ява і для сучаснай беларускай літаратурнай мовы, параўн.: сасняк 'сасновы лес; сасновыя дошкі, бяровенне, галлё і пад' [9, с. 68]; хвойнік 'хваёвы лес' [9, 5, с. 189]; хваі́на 'тое, што і хво́я у 1 значэнні; асобная хво́я' [9, 5, с. 185].

Найменне хвойка ўступае ў аманімічныя адносіны з адпаведнай лексмай хвойка 'жук чорнага або бурага колеру, шкоднік хваёвых дрэў [Якімавічы, Калінкавіцкі].

Такім чынам, гэты лексічны пласт уяўляе пэўную цікавасць не толькі з пункту гледжання семантыкі, структуры, але папайняе слоўнік.

Лінгвагеаграфічны аналіз паказаў, што аналізуемая батанічныя назвы пашыраны за межамі даследуемага моўнага рэгіёна. Гэта сведчыць пра існуючыя моўныя і пазамоўныя кантакты носьбітаў народнай мовы.

Батанічная дыялектная лексіка застаецца багатай крыніцай узбагачэння літаратурнай мовы, насычэння яе вобразнымі, эмацыянальнымі словамі з празрыстай семантыкай. Збор, сістэматызацыя і навуковая інтэрпрэтацыя батанічнай лексікі – неадкладная задача беларускай лінгвістыкі.

Літаратура

1. Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970. – 511 с.
2. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. / [Склад. Р. С. Гамзавіч, Н. Ц. Кажура, І. І. Крамо і інш.; Рэд. А. М. Булыка]. – Мн.: Навука і тэхніка, 1989. – 296 с.
3. Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка: В 4-х т. Киев, т. 1, 1909.
4. Дыялектны слоўнік Брэстчыны / склад. Аляховіч М. М. і інш. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – 294 с.
5. Каратэка гістарычнага слоўніка беларускай мовы. Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа Акадэміі навук рэспублікі Беларусь.
6. Матэрыялы к словарю дрэвнерускага языка: В 3-х т. – М.: Книга, 1989.
7. Словарь белорусского наречия. – СПб: Типография Императорской АН, 1870. – 756 с.
8. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5-ці т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. Т. 2. – 728 с.; 1984. Т. 4. – 617 с.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: ў 5-ці т. – Мінск: беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1978, т. 2. – 765с.; 1983, т. 5 (1). – 663 с.; 1984, т. 5 (2). – 608 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, М, 1967, т. 2. – 671 с.; 1971, т. 3. – 827 с.
11. Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. Под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1971. – 541 с.
12. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т3. Г – І / [Р. У. Краўчук, В. У. Маргынаў, А. Я. Супрун, Н. В. Івашына; Рэд. В. У. Маргынаў]. – Мн.: Навука і тэхніка, 1985. – 408 с.
13. Янкова Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. – Мінск: навука і тэхніка, 1988. – 432 с.
14. Янкоўскі Ф. дыялектны слоўнік. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1959. Т. 1. – 230 с.

МАТЫВАВАНЫЯ НАЗВЫ МАРОЗУ Ў ГАВОРКАХ МАЗЫРСКА-ПРЫПЯЦКАГА ПАЛЕССЯ

Шматвекавыя назіранні чалавека за рознымі зменамі ў прыродзе садзейнічалі ўзнікненню і выкарыстанню ў практычнай дзейнасці, асабліва ў сельскай гаспадарцы, розных прыкмет стану надвор'я не толькі на пэўны час сутак, заўтрашні дзень, але і прадаказанняў, якімі будуць вясна, лета, восень, зіма. Так, марозную зіму прадаказваюць па надвор'і ў рэлігійныя святы: *Як на сороковяткі будэ мороз, то шчэ будэ сорок морозув* [1, 4, с. 522]; па часе першага марозу: *Калі першы мароз схпіў серад тыдня, то будзе зіма сярэдня: ні цяжкая, ні лёгкая** [Гаць Акцябр.] (тут і далей зорачкай (*) пазначаны ўласныя запісы.); па прыкметах расліннага свету: *На дубу шмат жоладу перэд морозной зімой**; *Позні лістапад – к суровой і процяглой зіме** [Зашыр'е Ельск.]; па рэакцыі жывёл: *Калі зайцы назапасілі багато жыру, то зіма будзе доўга і цяжка** [Каплічы Калінк.]; па паводзінах насякомых: *Калі мураўі робець велікіе кучы, то зіма будзе сурова** [Зашыр'е Ельск.]; па асабліваціх адлёту птушак у вырай: *Дружно атлеаюць птушкі – будзе сурова зіма** [Ямнае Калінк.].

Прадвеснікамі марознага надвор'я на бліжэйшы час з'яўляюцца паводзіны птушак: *Як сорока на самом верху садзіцца, то ожыдай мороза* [2, 3, с. 91]; *Певень часто на адной назе стаіць – к марозу** [Каплічы Калінк.]; паводзіны жывёл: *Кот шукае цёплае места – на мароз** [Гаць Акцябр.]; акаляючыя прадметы: *Вуглы трашчаць – на моцны мароз** [Букча Лельч.]; *Дровы ў печы трашчаць – будзе велікі мароз; Ек дым с коміна паднімаецца ўверх, то будзе мароз, а ек сцелцаца, то будзе атлега** [Каплічы Калінк.]; *Калі дым стаўбом, мароз – траскуном** [Кошчычы Калінк.]; некаторыя з'явы рыроды: *Краснае неба, калі сонца заходзіць – к марозу** [Гаць Акцябр.]; *Сонца заходзя ясна – на мароз** [Чапаева Глукс.]; *Калі зімой на ноч вакол луны красны свет, то будзе мароз** [Капаткевічы Петрык.].

Паколькі мароз з'яўляецца часам выпрабаванняў для жывых арганізмаў, у народным асяроддзі сустракаюцца звароты-загаворы: *Мороз, не прыходзь на разныя цвета, ні на ячныя, ні на льяныя, ні на просяныя, ні на цялята, ні на егнята, ні на поросята* [2, 3, с. 91].

У якасці назваў невялікага марозу ў беларускіх гаворках функцыянуюць афіксальныя ўтварэнні *марозік, замаразкі (замарозкі, замараска), прымаразак (прыморозкі, прымаразь, пышмаразячак), подмарозак*.

Для назвы моцнага, п'якучага марозу выкарыстоўваюцца дэрываты з экспрэсіўнай афарбоўкай: *маразішча (маразішчэ, марозішчэ, морозішчэ), маразянка, марозіско, маразюга, маразяка*, а таксама двухслоўныя найменні з апорным словам *мароз* і прыметнікамі *вялікі, добры, едкі, здаровы, зыркi, крэпкі, люты, моцны, сільны* ў якасці азначальнага кампанента.

У народна-дыялектнай мове Мазырска-Прыпяцкага Палесся з аналагічнай семантыкай сустракаюцца матываваныя метэонімы *пякун, скемоцень* 'моцны мароз': *На вуліцы п'якун п'ячэ так, што аж дыханне займае** [Сяменча Жытк.]; *Скемоцень* [2, 5, с. 40]. Параўнаем: *Печэ мороз огнем!* [2, 4, с. 21].

Намінацыя *пякун* у значэнні 'моцны мароз' вядома таксама ў гродзенска-баранавіцкай групе гаворак: *Заўтра будз'а добры п'якун, треба будз'а вал'анк'и абувац'* [3, с. 392], у віцебска-магілёўскай групе гаворак паўночна-ўсходняга дыялекту: *Ай-яй-яй, да Новыга года еткія пікуны ўдарлі* [4, с. 167]. Параўн. *пякушчы*

'вельмі моцны (пра мароз)': *Пякушчыя марозы былі* [1, 4, с. 214]. У палескай групе гаворак слова *пякун* ужываецца як назва бакаса [5, с. 146].

Лексема *скемоцень* не зафіксавана ў іншых гаворках рэспублікі. Параўнаем сугучныя ўтварэнні, якія бытуюць на ўсходзе палескай групы гаворак: *іскоцень* 'вялікі мароз' [2, 2, с. 174]; *кіпецень* 'вельмі вялікі мароз' [там жа, с. 191]; *нарыпень* 'скрыпучы мароз' [там жа, с. 158]; *рыпоцень* экспр. 'моцны, п'якучы мароз': *От рыпоцень, як едзе саньмі, то ўсё рыпіць* [там жа, с. 341], а таксама *кіпецень* – 'кіпень' у гаворках даследуемага моўнага рэгіёна [6, с. 53].

Метэонім *пякун* семантычна звязаны з лексмай *пячы* прасл. паходжання. Даследчыкі бачаць сувязь названага дзеяслова са ст.-інд. *praktis* 'варка, вараная ежа' [7, 3, сс. 256 – 257].

Слова не набыло статусу нарматыўнай моўнай адзінкі сучаснай беларускай літаратурнай мовы.

Што да паходжання наймення *скемоцень*, то верагоднай уяўляецца, на нашу думку, сувязь з дзеясловам *скамоть* у значэнні 'балець, ныць, ламаць' [7, 3, с. 647]. Магчыма, дзеяслоў абазначае рэакцыю жывых арганізмаў на моцны мароз; параўнаем *скамоть* 'плакаць ціхенька, стагнаць; папіскваць; жаліцца'; ст.-рус. *скамати*, *скамлю* 'крычаць'; ц.-слав. *скамати* 'стагнаць' і інш. [там жа].

Прыведзеная намінацыя не стала здабыткам сучаснай беларускай нарматыўнай мовы, носіць лакальны характар.

Словы *траскун, трэскоцень (трыскуцень)* служаць назвамі моцнага, траскучага марозу: *У якія чысла зімой траскун, у тыя чысла летам будзе сонца** [Фізічнік Нараўл.]; *На дварэ браўся траскун** [Вашкавічы Петрык.]; *Не мороз, а трэскоцень!* [2, 5, с. 161]; *Ну і трыскуцень буў гэту ноч** [Буйнавічы Лельч.]. Тут жа вядома двухслоўная назва *Трэскучы мароз* 'траскучы': *Трэскучы мороз на дварэ* [ТС, 5, с. 161]. У даследуемым моўным арэале лексема *траскун* бытуе таксама як назва тонкага лёду: *Лёд, екі гнецца, трашчыць, а держыць – траскун* [8, с. 360].

Надыход марознага надвор'я ў гаворках Мазырска-Прыпяцкага Палесся перадаецца прэдыкатывым словазлучэннем *трэсне мароз*: *Шчэ як трэсне мороз, дак усэ памарозіць* [там жа, с. 362].

Найменне *траскун* бытуе ў іншых моўных рэгіёнах Беларусі. Яно сустракаецца ў слуска-мазырскай групе паўднёва-заходняга дыялекту ў значэнні 'марозішча' [9, 5, к. 92], у гаворках паўночна-ўсходняга дыялекту таксама як назва моцнага марозу [10, с. 74]. Слова *трэскоцень* 'траскучы мароз' бытуе на ўсходзе палескай групы гаворак: *Не мороз, а трэскоцень!* [2, 5, с. 161].

Назва *траскун* семантычна звязана з дзеясловам *трашчаць* агульнаславянскага паходжання. Параўнаем рус. *трещать*, укр. *тріщати*, польск. *trzeszczeć* 'хлопаць, хрусцець', в. -луж. *treskas* 'трашчаць (пра мароз)'. Прасл. **treskь, *treskati* звязана чаргаваннем галосных з рус. -ц. -слав. *троска* 'маланка'. Даследчыкі збліжаюць намінацыі з знач. *priskan* 'малаціць' да *ga-prask* 'гумно' [7, 4, с. 99–100; 11, с. 451].

Ва ўкраінскай мове вядома лексема *тріскач* 'той, хто трэскаецца', у загадцы – мак [12, 4, с. 285].

У літаратурнай мове намінацыя *траскун* ужываецца для назвы жука сямейства лістаедаў, які ўтварае трэск

трэннем кончыка брушка аб надкрыллі. Значэнне ‘моцны мароз’ падаецца як размоўнае, уласцівае народнай мове [13, 5 (1), с. 514].

Метэонім *трэскоцень* не зафіксаваны ў нарматыўных слоўніках. Спалучэнне *траскучы мароз* у тлумачальным слоўніку падаецца з паметай *размоўнае* ў значэнні ‘вельмі моцны мароз’ [14, с. 661].

Што да лексемы *траскун*, то, як паказвае фактычны матэрыял, ёсць разыходжанні ў яе семантыцы ў народным ужыванні і ў літаратурнай мове.

Найменне *скалюк* мае семантычнае адценне. Яно называе звычайна ранішні мароз, які скоўвае вокны: *Пад раніцу скалюк скаваў усё вокны** [Сяменча Жытк.].

Метэонім *скалюк* не набыў шырокага распаўсюджання за межамі даследуемага моўнага арэала. Ён вядомы ў паўночна-заходняй частцы паўночна-ўсходняга дыялекту [9, 5, к. 92]. У гродзенска-баранавіцкай групе гаворак сустракаецца спалучэнне *скалецкі мароз* ‘моцны, пякучы’: *У г’ету з’іму скал’ецк’и мароз, ус’ей сад вымезнуць* [3, с. 433].

Можна меркаваць пра сувязь слова *скалюк* з лексмай *скалка* ‘крэмень’, характэрнай для дыялектнай мовы [15, с. 580], або рус. *скалить*, укр. *скалити* ‘трэскацца, пакрывацца трэшчынамі’ [7, 3, с. 631]. Параўнаем рус. дыял. *скалеть*, *скалеть* ‘вельмі змерзнуць’ [16, с. 235, с. 241]; бел. *скалець* ‘тое ж’ [13, 5 (1), с. 151].

Параўнаем укр. *скалка* ў значэннях: ‘іскра, аднострэва-ны прамень сонца’; ‘узор на вокнах ад марозу’ [12, 4, с. 130].

Слова *скалюк* не з’яўляецца нарматыўнай лексічнай адзінкай сучаснай беларускай літаратурнай мовы.

Абмежаванае ўжыванне ўласціва метэонімам *жыгун*, *студзень*, якія служаць назвамі моцнага марозу ў гаворках Мазырска-Прыпяцкага Палесся: *Зноў жыгун ударыў, шыбы пазамерзлі** [Шыя Ельск.]; *На дварэ такі студзень, што прабірае да касьцей** [Чырвоная Слабодка Калінк.].

Найменне *жыгун* суадносіцца з рускім *жечь* ‘пячы’; параўнаем: *жыгучка* ‘пякучая крапіва з дробным круглым лісцем’ [13, 2, с. 264]. У нарматыўных слоўніках слова не зафіксавана.

Намінацыя *студзень* утварылася, відавочна, ад дзеяслова *студзіць* ‘халадзіць, марозіць’ [13, 5 (1), с. 352]. Слова ў значэнні метэоніма не занатавана ў слоўніках. Яно ўступае ў аманімічныя адносіны з лексэмамі *студзень 1* ‘першы месяц календарнага года’, *студзень 2* (разм.) ‘квашаніна, запусцелая яда з мяснова або рыбнага навару з кавалкамі мяса, рыбы’ [14, с. 632].

Такім чынам, назвы марозу ў гаворках Мазырска-Прыпяцкага Палесся прадстаўлены экспрэсіўнымі матываванымі найменнямі, асобныя з якіх з’яўляюцца вузкарэгіянальнымі лексічнымі адзінкамі. Некаторыя метэонімы дадзенай тэматычнай мікрагрупы распаўсюджаны ў беларускіх гаворках і могуць, на нашу думку, папоўніць слоўніковы састаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы.

Літаратура

1. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979 – 1986. – Т. 1 – 5.
2. Тураўскі слоўнік: у 5 т. / склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун і інш.; рэд. А. А. Крывіцкі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982 – 1987. – Т. 1 – 5.
3. Сцяшкoviч, Т. Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці / Т. Ф. Сцяшкoviч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – 671 с.
4. Юрчанка, Г. Ф. Дыялектны слоўнік: з гаворак Мсціслаўшчыны / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – 227 с.
5. Шаталава, Л. Ф. Беларускае дыялектнае слова / Л. Ф. Шаталава. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975. – 208 с.
6. Кучук, І. М., Малюк, А. К. Палескі слоўнік: Лельчыцкі раён / І. М. Кучук, А. К. Малюк. – Мазыр: МазДПШ імя Н. К. Крупскай, 2000. – 156 с.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева: – 2-ое изд., стереотип.: – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3. – 831 с.; 1987. – Т. 4. – 864 с.
8. Янкова, Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны / Т. С. Янкова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 432 с.
9. Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: у 5 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1998. – Т. 5.
10. Жывое народнае слова: дыялект. зб. / рэд. П. А. Міхайлаў, І. Я. Яшкін. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 271 с.
11. Шанский, Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская; под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.
12. Гринченко, Б. Д. Словарь української мови: в 4-х т. / Б. Д. Гринченко. – Київ, 1907 – 1908. – Т. 1 – 4.
13. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск: БелСЭ, 1978. – Т. 2. – 768 с.; 1983. – Т. 5. кн. 1. – 663 с.
14. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. чл.-кар. НАН Беларусі М. Р. Судніка і вяд. навук. супрац. М. Н. Крыўко, 2-е выд. – Мінск: Выд. “Беларуская Энцыклапедыя” імя Петруся Броўкі, 1999. – 784 с.
15. Насовіч, І. І. Слоўнік беларускай мовы / І. І. Насовіч. – Мінск: Беларуска-Савецкая Энцыклапедыя, 1983. – 792 с.
16. Расторгуев, П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров) / ред. Е. М. Романович. – Мінск: Наука и техника, 1973. – 296 с.

О. Н. Новикова (Уфа, Россия)

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНЫХ ИМЕН СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНИИ: АББРЕВИАЦИЯ

В пополнении фонда личных имен (ЛИ) современной Британии значительную роль играет сокращение. Процесс сокращения, или аббревиации личных имен есть ономастическая универсалия с давней историей. Так, О. Бехагель отмечает, что краткие формы образовывались уже в древнегерманский период путем опущения одного компонента длинного двучленного антропонима с добавлением к оставшейся части суффикса -o или -i; ср.: *Ingraban* > *Ingo*, *Rudolf* > *Ruodi* [1, с. 262]. Имена сокращались и у англо-саксов, ср.: *Eda* < *Edwine*, *Sicga* <

Sigewrith [2, с. 51]. Сокращенная запись имен собственных наблюдается в древних памятниках славянской письменности. До 18 в. аббревиатуры образовывались контракцией и оформлялись с помощью надстрочных знаков-титл и выносимых букв; ср.: *Ись* < *Иисус*, *Двдь* < *Давид* [3]. Сокращенные имена начали широко распространяться в английском языке в средние века при обращении к родным и близким, ср.: *Johan* > *Jan*, *Jen*, *Jon*, *Jankin*, *Jenkin*, *Jonkin*, *Janin*, *Jenin*, *Jonin*. Форма *Jack* от *John* кажется невероятной. Предполагают, что исходным

было французское имя *Jankin*, которое норманны приносили без [n]. Некоторое влияние могло оказать и французское имя *Jacques*. С 18-го в. они начинают использоваться как самостоятельные имена в семейном кругу и в официальной обстановке, их начинают давать при крещении, хотя процесс идет очень медленно. Л. Данклинг приводит следующие данные: в 1700 г. в 200 метрических книгах около 440 девочек были названы *Elizabeth* и только 3 – *Betty*; 341 получили имя *Ann* и только 1 – *Nancy*. Через сто лет картина иная: имя *Elizabeth* – у 355 новорожденных, *Betty* – у 82, *Ann* – у 360, *Nancy* – у 47 [4, с. 77–82]. Однако, как о продуктивном способе образования имен собственных (ИС), об аббревиации можно говорить применительно к современности [5, с. 47].

Особенностью британского именника со второй половины 20-го в. является закрепление в нем сокращенных форм в качестве официального первого имени. Об активности деривационных процессов в сфере онимов свидетельствуют словари ЛИ. По данным «Словаря английских личных имен» 1973 г. женское имя *Elizabeth* имело максимальное число производных форм – 36: *Babbette, Babette, Bess, Bessie, Bessy, Bet, Betsey, Betsie, Betsy, Betta, Bette, Bettie, Betty, Bettina, Bettine, Elsa, Elsie, Eliza, Libby, Lilibet, Lilla, Lillah, Lisa, Lisbet, Lisabeth, Lise, Liselotte, Lisette, Liz, Liza, Lizette, Lizzie, Tetsy, Tetty, Tib, Tibbie* [6]. Этот же словарь 2000 г. содержит большее число дериватов; добавились *Beth, Betti, Bettye, Elisa, Elise, Lib, Lizbeth, Tibby* [7]. Имя *Margaret* имело 27 производных, зафиксированных в словаре в 1973 г., а в 2000 г. их число увеличилось до 30, причем качественный состав варьирует по словарям. У мужских имен больше всего образований от имени *Alexander*: 14 – в словаре 1973 г., 16 – в словаре 2000 г. Увеличение числа сокращенных форм наблюдается и по другим именам; большую вариативность демонстрируют женские имена. Интересно, что среди самых частотных имен Великобритании последнего десятилетия сокращенные формы опережают свои полные корреляты по популярности.

Очень точным представляется замечание Ю. В. Горшунова о том, что «Редуцированная форма – сигнал несколько иного восприятия мира. Это явление берет начало в более глубоком процессе творческого характера, происходящем в нашем сознании» [8, с. 9]. Таким образом, сокращение – это не простое механическое редуцирование формы, а способ осмысления действительности. Самое убедительное доказательство этому – различные виды сокращений, свидетельствующие о неиссякаемой творческой активности человека, и универсальный характер данного процесса.

Своеобразие внутреннего словопроизводства в морфологическом плане заключается в том, что формальным модификациям подвергается любая часть имени: а) усечение начала слова – афerezис: *Agnes > Ness, Albert > Bert*; б) усечение середины слова – синкопа: *Adeline > Aline*; в) усечение конца слова – апокопа: *Patricia > Pat*; г) смешанный тип: *Abraham > Bram*. Данные типы сокращений приводятся в словарях ЛИ, они традиционны. Количество и распространенность сокращенных вариантов у того или иного имени зависит от того, насколько привычно оно само. Множеством форм обладают старые, традиционные имена, при этом одни сокращения распространены повсеместно, а другие территориально маркированы, ср.: *Gwill < William* – в Уэльсе, *Liam < William* – в Ирландии, *Kirsty < Christine* – в Шотландии.

Морфологические изменения бывают настолько существенными, что деривационное тождество ИС бази-

руется иногда на общности одной фонемы, ср.: *Margaret > Maggie, Madge, Meg, Peg, Peggy, Maisie, Marget, Margot, Rita, Meta* [9]. Иногда усеченная форма настолько удаляется от исходной, что установить их общность можно только с учетом ступенчатости словообразовательной производности всех входящих в словообразовательное гнездо вариантов, ср.: *Victoria > Vicky > Vic, Pamela > Penny > Pen, Alexander > Xander > Xan*.

Не имея единой точки зрения на статус этого явления (В. В. Борисов, Е. М. Мельцер, Е. В. Сапогова и др.), исследователи отмечают активность оформления усеченных основ суффиксами -у, -ie, которые относят к наиболее продуктивным суффиксам существительных в 20-м в. [8]; [10]. А. Вежицкая полагает, что женским формам на -ie и мужским формам на -у надо приписывать разные значения. Последние имеют ту же прагматику, что и женские краткие формы. Мужские краткие формы с «немужской» фонетической структурой частично теряют мужской характер; женские краткие формы с «неженской» фонетической структурой частично теряют женский характер [11, с. 72]. Таким образом, обосновывается гендерная обусловленность производных форм женских и мужских ЛИ. Дериваты отражают качества, идентифицирующие людей как представителей того или иного пола, и способствуют раскрытию сложившихся в данном обществе стереотипов.

Проанализировав свыше 3-х тысяч ЛИ и их гипокристик, С. И. Гарагуля приходит к выводу о невозможности категоричного утверждения о том, что эти суффиксы являются показателями женского или мужского рода [12]; [13]. Действительно, оба суффикса служат для образования как мужских, так и женских сокращенных форм, ср.: жен. *Ann > Annie*, муж. *Robert > Robbie*. От одного имени могут образовываться дериваты с ними обоими, ср.: жен. *Eleanor > Ellie, Elly*, муж. *Corey > Corrie, Corry*. Этот же исследователь отмечает популярность нового орфографического форманта -i, ставшего показателем женских ЛИ, ср.: *Miranda > Randi*.

Несмотря на стремительную эволюцию значений этих суффиксов в настоящее время, естественно полагать, что в основе активного их использования в именаречении лежит ставшее привычным употребление для оформления кратких вариантов ЛИ, фамилий, прозвищ, сигнализирующее дружескую тональность общения.

Новым явлением в сфере аббревиации ЛИ является появление графических сокращений, к которым относят и замену буквы надстрочным знаком (’), ср.: *Em’ly*. В перечне имен девочек, родившихся в Шотландии в 2009 г. зафиксировано имя *KC*. Вполне удобопроизносимое, оно, однако, не позволяет определить свой источник: или это новая запись имен *Casey, Kasey* или совмещение чьих-то инициалов. Что касается формы этого имени, то для англоязычного ареала – особенно для США – традиционным является упоминание известных людей по инициалам их имен, ср.: *FDR < Franklin Delano Roosevelt*. Нельзя также отбрасывать влияние моды: многие популярные бренды представляют собой совмещение инициалов их создателя (создателей), ср.: *CK < Calvin Klein, D&G < Dolce and Gabbana*.

Пределом сокращения является появление однобуквенных именованных, которые из года в год присутствуют в официальных списках имен, ср.: *A, C, J, T*. Данное явление можно рассматривать или как сокращение какого-то отдельного имени или как полную минимизацию феномена личного имени, субъективное превращение его в ветку индивида.

Функционируя как слово, аббревиатура неизбежно вовлекается в процессы словоизменения и словообразования. Некий парадокс – а, с другой стороны, понятная закономерность – видится в том, что сокращения выступают про-

изводящей основой новых слов по моделям других способов словообразования, тем самым лексикализуясь и дезаббревируясь. Таким образом, естественно осуществляется переход к структурному развертыванию антропонима.

Литература

1. Behagel, O. Die deutsche Sprache/ O. Behagel. – 14. Auflage Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1968. – 180 S.
2. Reaney, P. H. The Origin of English Surnames / P. H. Reaney. – Routledge and Kegan Paul, 1967. – 240 p.
3. Алексеев, Д. И. К истории аббревиации личных имен/ Д. И. Алексеев // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. – С. 242-248.
4. Dunkling, L. A. First Names First/ L. A. Dunkling. – L., 1977. – 276 p.
5. Подольская, Н. В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса)/ Н. В. Подольская // Вопросы языкознания. – 1990. – №3. – С. 40-53.
6. Рыбакин, А. И. Словарь английских личных имен/ А. И. Рыбакин. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 408 с.
7. Рыбакин, А. И. Словарь английских личных имен/ А. И. Рыбакин. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2000. – 224 с.
8. Горшунов, Ю. В. Прагматика аббревиатуры/ Ю. В. Горшунов. – М.: Прометей, 1999. – 219 с.
9. First Names. – J. Cresswell. – Harper Collins Publishers, Great Britain, 2003. – 320 p.
10. Беркнер, С. С. Проблемы развития английского языка XIX-XX вв. / С. С. Беркнер. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1978. – 230 с.
11. Вежбицкая, А. Личные имена/ А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. – М.: «Русские словари», 1997. – С. 89-200.
12. Гарагуля, С. И. Имя личное как культурно-историческая категория современного английского языка/ С. И. Гарагуля. – Дис. ... канд филол. н. – 10. 02. 04 – германские языки – М., 2000. – 204 с. :ил.
13. Гарагуля, С. И. Английское личное имя как объект изучения языка, истории и культуры/ С. И. Гарагуля. – Белгород, 2002. – 144 с.

Р. М. Новрузов (Баку, Азербайджан)

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА САКРАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

В переводоведении анализ сакральных текстов представляет большой интерес. Сакральный текст в силу специфичности, трудности и наполненности во многом отличается от обычного текста, тем более, когда речь идет о его перекодировке на другой язык. Поэтому переводный текст и его сравнительно-сопоставительный анализ с оригиналом требует не только хорошего знания языков, но и особого прочтения исходного и переводного текстов. В этом смысле привлекает внимание опыт работы выдающегося писателя-мыслителя Льва Николаевича Толстого над евангельским текстом. Учитывая стесненные рамки статьи, мы остановимся лишь на некоторых примерах.

Толстой приводит два фрагмента текста из Евангелия: *Не судите, и не будете судимы* (Мф. VII, 1). *Не судите, и не будете судимы – не осуждайте, и не будете осуждены* (Луки VI, 37). Из содержания этих изречений Толстой пытается вывести отношение Христа к человеческим учреждениям. Он рассуждает следующим образом: «У Луки, гл. VI, с. 37-49, слова эти сказаны тотчас после учения о непротиивлении злему и воздаяния добром за зло. Тотчас после слов: будьте милосердны как Отец ваш на небе, сказано: не судите и не будете судимы, не осуждайте и не будете осуждены. Не значит ли это, кроме осуждения ближнего и то, чтобы не учреждать судов и не судить в них ближних? – спросил я тебя теперь. И стоило мне только поставить себе этот вопрос, чтобы и сердце и здравый смысл тотчас же ответили мне утвердительно» [1, 425-426]. Но этих предпосылок мало для писателя. Поэтому он обращается к христовому постулату «не противься злему», который так же подразумевает запрещение человеческих судов. Ведь Христос, рассуждает русский писатель, со дня рождения до смерти сам сталкивался с судами Ирода, синедриона и первосвященников. Кроме того Толстой находит связь словосочетаний «*не судите и не осуждайте*» с предыдущими словосочетаниями, данными Матфеем и Лукой: *не противьтесь злему, терпите зло, делайте добро всем*, которые в свою очередь следуют за словами уголовного закона: *око за око, зуб за зуб*. Эти послышки имеют целью прояснить понимание и раскрыть истинный смысл афоризмов учения Христа. А для этого необходимы дополни-

тельные аргументы. Логика поиска заставляет исследователя обратиться к мысли первого ученика Христа, апостола Якова. В главе IV, от 1-11 апостол Яков говорит: «Не злословьте друг друга, брата, кто злословит брата и судит брата своего, тот злословит закон; а если закон судишь, то ты не исполнитель закона; а судья. – Един законодатель и судья, который может спасти и погубить, а ты кто, который, судишь другого?» [1, 428].

Греческое слово «*katalaleo*» передается словом «*злословить*». Писатель-исследователь понимает этот термин в значении «*обвинять*» и пытается дать объяснение: «Переведено: *кто злословит брата, тот злословит закон*. И невольно представляется вопрос: почему? Сколько бы я ни злословил брата, я не злословлю закон, но если я обвиняю и сужу судом брата, то очевидно, что я этим самым обвиняю закон Христа, т. е. я считаю, закон Христа недостаточным и обвиняю и сужу закон. Тогда ясно, что я уже не исполняя Его закон, а сам судья. Судья же, – говорит Христос, – тот, который может спасти. А как же я, не будучи в состоянии спасти, буду судьей, буду наказывать?» [1, 428]. В данном случае все объяснение писателя направлено на подтверждение утверждения апостола Якова, прочитанного как недопущение суда человеческого, который противоречит закону Христа и не является спасительным. Более того, повторно обращаясь к посланию Якова, автор трактата находит еще одну аргументацию, заключающуюся в торжестве милости над судом, переданную иногда в переводе как «*милость превозносится над судом*», и означающий должествование милостивого христианского суда.

Учение Христа запрещает всякое различие между людьми. Поэтому ссылки на первых Его учеников дает верное понимание постулата *не судите и не осуждайте*. Однако, как пишет Толстой, начиная с пятого века, во всех толкованиях церкви понимают его только как «*осуждение на словах ближнего*» (злословие), т. е. для служителей церкви словосочетание не означает запрещение, а более того – они не противоречат закону Христа. Сомнения в искренности этих толкований вынуждают Толстого обратиться к самому переводу слов.

В русском переводе греческое слово «*krino*» передается как «*осуждать*», «*katalaleo*» – как «*злословить*».

Последний перевод слова смущает Толстого, и он обращается к переводам Евангелия на другие языки.

В Вулгате слово *“krino”* (осуждать) передано словом *condamnare*, у Лютера оно передано как *verdammen* (проклинать), по-французски и по-славянски оно означает *“осуждать”*.

Для того, чтобы прояснить смысл слова, он обращается к словарным значениям. Оказывается, что *“krino”* имеет много различных значений (в том числе употребительные значения – *приговаривать по суду, казнить*), но не имеет значения *злословить*. Вместе с тем самым употребительным, как указывает Толстой, в Новом Завете является передача его, как *“приговаривать по суду”*. Но слово *“krino”* употребляется в сочетании со словом *“katalaleo”*. Значит необходимо уточнить смысл и этого слова. Лексикографическое толкование его дается следующим образом: *“только приговаривать по суду к наказаниям или казнить”*. Но толкование необходимо подтвердить примером из евангельского текста. “Справляюсь о слове *“katalaleo”* в общем лексиконе, – пишет Толстой, – и нахожу, что слово это никогда не имеет никакого значения, как только приговаривать по суду к наказаниям или казнить. Справляюсь с лексиконом Нового Завета и нахожу, что слово это употреблено в послании Якова, гл. V, ст. 6, где сказано: Вы осудили и убили праведного. Слово *осудили*, то самое слово *katalaleo*, употреблено по отношению к Христу, которого засудили. И иначе, в другом смысле, это слово никогда не употребляется ни во всем Новом Завете и ни в каком греческом языке» [1, 433].

Скрупулезный толстовский анализ текста с обращением к его переводным вариантам обнаруживает различия между переводом и его толкованиями. Для него важным является не только верный перевод, но ясное и доступное понимание текста каждым простым верующим. К сожалению, по мнению писателя, толкования, данные богословами Священному Писанию на русском языке, не всегда являются логическими и последовательными. Так, он пишет: “В Евангелии, каждое слово которого мы считаем священным, прямо и ясно сказано: у вас был уголовный закон – зуб за зуб, а Я даю вам новый: *не противьтесь злему*; все исполняйте эту заповедь: не делайте зла за зло, а делайте всегда и всем добро, всех прощайте.

И далее прямо сказано: *Не судите*. И чтобы невозможно было недоразумение о значении слов, которые сказаны, прибавлено: *не приговаривайте по суду к наказаниям*. Сердце мое говорит ясно, внятно: не казните; наука говорит: не казните, чем больше казните – больше зла! разум говорит: не казните; злом нельзя пресечь зла. Слово Бога, в которое я верю, говорит то же. И я, читая все учение, читая слова: *не судите, и не будете судимы, не осуждайте и не будете осуждены, прощайте и будете прощены*, признаю, что это слово Бога, и говорю, что это значит, то, что не надо заниматься сплетнями и злословием, и продолжаю считать суды христианским учреждением и себя судьей и христианином” (1, 433-434). Комментарии тут, как говорится, излишни. Но привлекает внимание стремление исследователя к дотошному объяснению каждого слова, к выявлению связи его с ближайшим окружением и со всем смыслом текста.

Аналогичное отношение к слову мы наблюдаем и в последующем толковании текста. Писатель приводит слова Христа (Мф. V, 17-18): «Не думайте, чтобы я пришел нарушить закон или (учение) пророков; я не нарушать пришел, но исполнить. Потому, что верно говорю вам, скорее упадет небо и земля, чем выпадет одна ма-

лейшая йота или черта (частица) закона, пока не исполнится все» [1, 442]. К этим словам он прибавляет строки из 20-ого стиха: «Ибо, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, не войдете в царство небесное» [1, 442]. Соединяя эти изречения, Толстой, чтобы избежать ложного понимания, определяемого последним стихом, толкует слова Христа, как сына Божьего, пришедшего не нарушать вечный закон, для исполнения которого написаны их книги и пророчества, в смысле *научения исполнения вечного закона*. В качестве опорного слова он берет *вечный закон*. Именно это словосочетание, по мнению Толстого, требует верного толкования. Апеллируя к тексту, где выражение «чем выпадет одна малейшая йота или черта (частица) закона, пока не исполнится все» вызывает разночтения относительно понятия *закон*: о писанном законе, то есть о книге, или же о законе вечном, который является божественным и не подлежит изменению, идет речь. Некоторые толкователи этого фрагмента понимают это выражение, как указание на букву писанного закона. Толстой же отрицает это мнение, приводя свои доводы о том, что чуть выше этого выражения Христос в своей речи употребляет необычную связку *закон и пророки*, которая используется Им исключительно в понимании *писанного закона*, а фразу *закон или пророки*, означающую *вечный закон*, Он произносит и в следующем стихе, подтверждая истинный смысл выражения. Вот как он толкует текст: «У Луки XVI, 15, Христос говорит фарисеям, полагавшим праведность в писанном законе. Он говорит: «Вы оправдываете сами себя перед людьми, но Бог знает ваши сердца; что у людей высоко, то мерзость перед Богом». 16: «Закон и пророки до Иоанна, а с тех пор Царство Божие благовестуется, и всякий своим усилием входит в него». И тут-то, вслед за этим, с. 17, Он говорит: «легче небу и земле прейти, чем из закона выпасть черточке», Он утверждает закон вечный. В первых словах Он говорит: *закон и пророки*, т. е. писанный закон; во-вторых – Он говорит просто: *закон*, следовательно закон вечный. Стало быть, ясно, что здесь противопоставляется закон вечный закону писанному и что точно то же противоположение делается и в контексте Матфея, где закон вечный определяется словами: *закон или пророки»* [1, 443].

Каждый из приведенных цитат имеет для писателя значение аргумента. Обратим внимание на фразу «что у людей высоко, то мерзость перед Богом». Для Толстого она означает то, что делается (пишется) людьми и принимается ими за правило или принцип может отвергаться Всевышним. Следующая за ней фраза, соединяющая слова «закон» и «пророки», по мнению писателя, свидетельствует о писанном законе. В том случае, когда употребляется лишь слово «закон», то имеется в виду вечный закон. Однако вариант *закон или пророки* также относится писателем к смыслу «вечный закон». Дело в том, что прибавка к слову *закон* слова *пророк* с союзом *и* или *или* переделывает смысл изречения. Евангелие от Луки однозначно говорит о вечном законе; но в числе писателей Св. Писания есть те, которые, признавая писанные законы Моисея, присоединяют к слову *закон* прибавку и пророки, другие же (те, которые не признают книг Моисея) – или вовсе исключают вставку, или заменяют союз *и* (гр. *καυ*) на *или* (гр. *ἢ*).

Выявив для себя значения союзов, Толстой переходит к разъяснению слова, которое подало повод к неверному толкованию: «По-русски – **закон**, по-гречески – **nomos**, по-еврейски – **тора**, как по-русски, по-гречески и по-еврейски имеют два главных значения: одно – **самый закон без отношения к его выражению**; другое по-

нятие есть писанное выражение того, что известные люди считают законом. Различие этих двух значений существует и во всех языках» [1, 444]. Вместе с тем его собственные исследования доказывают, что у древних евреев, у пророков, – у Исаяи **тора** употребляется в смысле *закона вечного*, «невывраженного откровения», тогда как *закон-тора* у Ездры в ранние и позднейшие времена употребляется в смысле *писанных* пяти книг Моисея. Если у евреев последние получили общее заглавие **тора**, продолжает рассуждать писатель, то у русских существует различие между понятиями Библия и закон Бога. Именно поэтому Христос употребляет слово закон-тора (как его употребляли Исаяя и другие пророки) в смысле закона Бога, закона вечного, отрицая его в смысле писанного закона пяти книг, в противном случае, в случае признания его в смысле писанного закона, Он прибавляет к слову «и пророки». Подтверждением последнему является, по его мнению,

ссылки: «не делай того другому. Что не хочешь, чтобы тебе делали, в этом одном – весь закон и пророки»; (Лук. XVI, 16): «закон и пророки до Иоанна Крестителя». И, наконец, Толстой заключает интерпретацию текстов словами: «Христос по отношению к закону Моисея, и еще более к пророкам, в особенности Исаяи, слова которого Он постоянно приводит, признает, что в еврейском законе и пророках есть вечные истины, божеские, сходящиеся с вечным законом, и их-то – как изречение: люби Бога и ближнего – берет за основание своего учения» [1, 447].

Толстой изучением текста, поиском смысла слов подлинника пытается своими рассуждениями найти истину сакральной матрицы, которая обнаруживает подлинность прочтения и верность понимания. Таким образом, опыт работы Толстого над сакральным текстом помогает нам понять механизм работы над этим видом и учесть приемы его рецепции.

Литература

1. Толстой, Л. Н. В чем моя вера?/ Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого. Т. XI – М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1913. – 409-567 с.

Е. А. Огнева (Белгород, Россия)

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Одним из актуальных направлений современного языкознания является исследование концептуальной системы человека, известной также под названием «картина мира», как совокупности концептов – своеобразных культурных генов, входящих в «генотип культуры, самоорганизующихся интегративных функционально-системных многомерных (как минимум трехмерные) идеализированных формообразований, опирающихся на понятийный или псевдопонятийный базис» [1]. Известно, что вербализованные концепты являются частью языковой картины мира.

Культурологическая относительность языковой картины мира проявляется в вариативности форм и категоризации системы значений, вследствие того, что «язык и культура тесно связаны с помощью некоторого промежуточного образования, которое идеально реализуется в языке как значение, <...> обеспечивая онтологическое единство языка и культуры» [2, 54]. Значение отражает «специфику жизнедеятельности и культуры социальной и национальной общности, которая может быть описана в тексте» [3, 34]. Под текстом понимаем, вслед за Н. Ф. Алефиренко, «целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией (замыслом) его автора» [4, 303].

Художественный текст рассматривается нами как «форма реализации художественной картины мира, которая формируется под влиянием сложных когнитивных процессов» [5, 165].

Пониманию как целого текста, так и его частей способствует когниция. Под когницией понимается процесс «получения и использования “предзнаний” (в том числе и обыденного “со-знания”) – разновидности мыслительных операций, обслуживающих и сопровождающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний» [6, 59].

Совокупность языковых маркеров, вербализующих культурно-обусловленные знания народа в процессе их индивидуально-авторской репрезентации в текстовой архитектонике, образует культурно-языковое пространство текста, как значимую составляющую его концептосферы. Культурно-языковое пространство представляет собой сложную многоаспектную ткань художественного повествования.

Исследование влияния культуры на строй языка направлено на определение тенденций выделения более/менее информативных узлов в культурно-языковом пространстве текста, так как с течением времени осуществляется выделение одних компонентов этноязыковой структуры и ослабление других, что приводит к изменению степени информативности этих компонентов и в тексте.

Культурная маркированность текста, в этом случае, предстаёт как прототипический признак текстуальности. Текстуальность в когнитивном ракурсе представляется в виде «единства инвариантных признаков, характеризующих текст как результат и как процесс текстопорождения» [7, 48].

В свете всего вышесказанного возрастает значимость лингвокогнитивных исследований взаимообусловленности языка и культуры в формировании лингвокультурологического образа народа на страницах художественных произведений. Как известно, созданный в условиях одной национальной культуры текст содержит определенную степень имплицитного культурологического содержания, узнаваемого носителями данной культуры.

Очевидно, что внутри одной культуры нет необходимости эксплицитно выражать всю информацию, поскольку она уже знакома участникам коммуникации как некое знание, поэтому избыточность может тормозить процесс коммуникации, тогда как несовпадение объемов знаний коммуникантов о родной и чужой культуре на-

рушает линейность восприятия и непрерывность косвенной коммуникации (чтение переведённой литературы: художественной, научной и т. п.).

Интерпретация переводчиком концептосферы художественного текста и перекодировка её средствами переводного языка к восприятию инокультурным читателем направлена на «предупреждение коммуникативного сбоя при чтении художественного текста как значимого связующего звена в системе межкультурной коммуникации» [см. подробнее: 8, 17-29].

Преодоление коммуникативных сбоев, обусловленных лингвокультурологическими различиями народов, возможно на основе общечеловеческого бытийного базиса. Его наличие свидетельствует о взаимопроникновении, взаимообогащении культур разных народов в процессе коммуникации. Существование общечеловеческого бытийного базиса позволяет передать в том числе и лингвокультурологически обусловленную информацию оригинала в тексте перевода.

Перевод художественного текста предстаёт оптимальным способом, выявляющим законы языкового сознания, фиксирующего степень взаимодействия и взаимосвязи культур разных народов, которая может быть определена при исследовании социально-динамического потенциала взаимопроникновения их языковых картин мира, составной частью которых являются все типы вербализованных концептов.

Степень удаленности языков определяет значимость передачи имплицитной и эксплицитной информации оригинала в переведённом тексте, так как перекодировка единиц исходного текста является ключом для понимания его имплицитного содержания, в том числе, и лексики с национально-культурным компонентом.

Процесс исследования путей преобразования культурологически обусловленной лексики оригинала основан на сравнении различных категорий текста с позиции лингвокультурного моделирования языка, когда выделяются те категории, которые «составляют этнокультурную специфику данного языка, и те, которые вряд ли можно отнести к национально-специфическим» [9, 209].

Подчеркнем, что с культурологической точки зрения необходимо изучение как лексического состава языка, отражающего уникальность культуры, так и грамматического материала с позиции аксиологических доминант определенного этноса для выбора оптимальных путей перекодировки культурологически обусловленной составляющей концептосферы текста, то есть, его культурно-языкового пространства. Такой подход включает в себя описательную классификацию языковых единиц, репрезентирующих явления культуры.

Выявление оптимальных путей перекодировки как информативных узлов, так и периферийных компонентов культурно-языкового пространства оригинала направлено на уменьшение трудностей, возникающих у читателя переведённого текста как у носителя иной лингвокультуры, имеющего свой лингвокультурологический опыт.

Сопоставительные исследования в ряде случаев выявляют упрощенное перекодирование оригинала, которое обусловлено, по мнению Ю. А. Сорокина, «мотивной и когнитивно-когнитивной дистанцией между переводчиком и автором. Если дистанция велика, то

оказываются непрозрачными все те глубинные (как правило, конфликтные ситуации), на которые указывает исходная текстовая фактура» [10, 46].

Проводимое, на основе авторской методики когнитивно-составительного моделирования концептосферы художественного текста [11], исследование культурно-языкового пространства рассказа Ю. Казакова «Тихое утро» и текста его перевода на французский язык «Une matinée tranquille» выявляет степень возможной адаптации индивидуально-авторской концептосферы писателя как совокупности художественных концептов.

Подчеркнём, что содержание личного (индивидуально-авторского) концепта может быть выражено совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть, так как «каждое художественное слово тем и отличается от нехудожественного, что вызывает бесчисленное множество мыслей, представлений и объяснений» [12], что обусловлено, по мнению Т. Н. Федуленковой, тем, что «художественное слово по характеру и объёму передаваемой информации существенным образом отличается от своего словарного «прототипа» [13].

Именно когнитивно-составительные исследования концептосферы художественного текста позволяют изучить репрезентации концептов в произведении и «выделить типы их соотнесения с языковыми феноменами» [14, 78], что способствует выявлению принципов трансляции текстов на структурно иные языки.

Процесс трансляции требует от переводчика «художественно-ориентированной интерпретации, которая наравне со смысловой интерпретацией (выявление концептов, схем и др.) включает интерпретацию художественной идеи как сложного сцепления художественно оформленных понятий и когнитивных образов» [15, 179] на основе индивидуального «вербального кода», включающего в себя, в том числе, и реалии.

Реалии – это «не просто носители национального и социального колорита, но также и важнейшие элементы создаваемой автором художественной действительности» [16, 51].

Когнитивно-составительное исследование культурно-языкового пространства рассказа «Тихое утро» выявило следующий ряд закономерностей адаптации реалий.

Во-первых, часть реалий, репрезентирующих концепт ‘быт русского народа’, передана симметрично на французский язык. Например, реалии *плетень* [17, 42] – *la haie* [17, 43], *сеновал* [17, 42] – *le fenil* [17, 43].

Во-вторых, выявлены единицы, симметрично адаптированные в плане содержания и асимметрично – в плане выражения: *ржавый косарь* [17, 42] – *un coutelas rouillé* [17, 43], *холщевая сумка* [17, 50] – *le sac de toile* [17, 51], что обусловлено лингвистическими факторами. Особого внимания заслуживает перевод просторечного наименования *ветряной мельницы* – лексема *ветряк* [17, 42], которая приобрела в тексте перевода полную форму *moulin à vent* [17, 43].

В-третьих, выявлено применение переводчиком пояснительной вставки, то есть, в словосочетание *бадя с водой* [17, 50] дополнена при переводе лексема *plein*, что привело к увеличению объёма репрезентанта – *un seau, plein d'eau* [17, 51].

В-четвёртых, установлено применение неадекватного способа перевода ряда лексем, который привёл к искажению описываемой в оригинале действительности. Например, слово *амбар* [17, 42] – *un hangar* [17, 43]. Как известно, «амбар – строение для хранения зерна, муки, припасов, а также товаров» [18]. Эквивалентом к исследуемому слову во французском языке являются лексемы *grenier, grange*, тогда как употреблённая лексема *un hangar* в тексте перевода обозначает *навес; ангар (для самолётов), элинг (для дирижаблей), пакгауз, склад*. Очевидно, что лексемы *амбар* и *un hangar* неэквивалентны. Реалия *рига* [19, 42] переведена лексемой *la remise* [19, 43] (*каретный сарай, гараж, депо*), тогда как словарный эквивалент рассматриваемой реалии – словосочетание *hangar à récolte*. Употребление в качестве переводного варианта лексемы *la remise* также искажает действительность, описанную Ю. Казаковым в рассказе «Тихое утро».

В-пятых, выявлены безэквивалентные языковые единицы, обозначающие специфические для данной культуры явления – «продукты кумулятивной (накопительной, закрепляющей опыт носителей языка) функции языка, которые могут рассматриваться как вместилща фоновых знаний» [20]. Подчеркнём, что к разряду безэквивалентной лексики относятся слова, культурные

ассоциации которых не являются релевантными при интеркультурной коммуникации, то есть, не служат для различения языковых единиц. Например, лексема *богач* [21, 52] (водоём с рыбой) транслирована описательно словосочетанием *un trou du lac* [21, 53] и словом *le trou* [21, 87]. Как правило, в процессе адаптации безэквивалентных языковых единиц к восприятию иноязычным реципиентом для передачи плана содержания применяются различные комбинированные способы перекодировки в культурно-языковом пространстве концептосферы текста перевода.

Таким образом, когнитивно-сопоставительное исследование культурно-языкового пространства концептосферы художественного текста в его оригинальном и переводном варианте способствует более глубокому анализу степени адаптированности лингвокультурологических единиц, репрезентирующих концепт 'быт русского народа' в рассматриваемом рассказе Ю. Казакова «Тихое утро». Применение методики когнитивно-сопоставительного исследования материала выявило преобладание асимметрии при переводе реалий, что привело в целом созданию в тексте перевода образа русской деревни, который неадекватен его инварианту в тексте оригинала.

Литература

1. Ляпин, С. Х. Концептология. К становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центр концепта. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1997. – С. 11-31.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
3. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики: учебное пособие / В. Ф. Петренко. – Смоленск: СГУ, 1997. – 400 с.
4. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
5. Огнева, Е. А. Тенденции кросскультурной адаптации художественных текстов при переводе // Иностранные языки: лингвистический и методические аспекты: Межвузов. сб. науч. тр. Вып. 12 – Тверь: Тверск. гос ун-т, 2011. – С. 165-17.
6. Демьянков, В. З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005, № 3. – С. 5-10.
7. Чернявская, В. Е. Текстуальность как когнитивный феномен / В. Е. Чернявская // Конференция «Филология и культура». – Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 47-48.
8. Моисеева, С. А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации: Монография / С. А. Моисеева, Е. А. Огнева, 2-е изд. испр. и доп. М.: ИРИС ГРУПП, 2010. 202 с.

Е. Г. Панфилова (Минск, Беларусь)

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАЗЕМ СО СТРУКТУРОЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

1. Разнообразие структурных типов несоотносимых с частями речи фразем в материале русского, белорусского и немецкого языков. Поскольку фразеологизмы возникают на базе свободных сочетаний слов, то их структурное разнообразие в целом соответствует разнообразию синтаксических моделей словосочетаний и предложений, имеющих в каждом конкретном языке. В данной работе рассматриваются несоотносимые с частями речи фраземы со структурой предложения с точки зрения их синтаксической организации с целью выявления наиболее типичных и редких моделей ФО для каждого из рассматриваемых языков и установления межязыковых сходств и различий в указанном аспекте. Материалом исследования являются 453 фраземы со структурой предложения, входящие во фразеологические гнезда с высокочастотными существительными, прилагательными и глаголами (по 10 гнезд на каждую часть речи в белорусском, русском и немецком языках общим объемом 4079 единиц). Фраземы со структурой предложения в русском, белорусском и немецком языках составляют примерно 1/10 фразеологии и представлены несколькими синтаксическими моделями. Рассмотрим каждую из них.

1. 1. Фраземы со структурой двусоставного предложения. Самую многочисленную группу (количественные данные в таб. 1) в материале трех языков представляют фраземы со структурой двусоставного предложения (распространенного и нераспространенного). В качестве примеров представим следующие ФО: рус. *голова пухнет* 'о состоянии крайнего умственного напряжения в результате долгих размышлений, раздумий над чем-л., обилия впечатлений и т. д.' (МАС, III, 556), бел. *вада не ўстоіць на кім-н.* 'пра таго, хто ўмела і хутка ўсе робіць' (ТСБМ, I, 448), нем. *jmdm. fehlen die Worte* (досл. 'у кого-л. отсутствуют слова') 'кто-л. онемел (от удивления), не находит слов' (Dud, XI, 883) и др. Необходимо отметить, что в немецком материале из 140 фразем со структурой простого двусоставного предложения 119 являются распространенными (что составляет 85%), в то время как удельный вес распространенных двусоставных предложений в материале русского и белорусского языков составляет 38,3% (23 ФО из 60) и 35% (28 ФО из 80) соответственно. В целом, наличие большего количества распространенных предложений в немецком материале, чем в материале славянских язы-

ков, подтверждает тот факт, что существует разница между средним объемом русских и немецких фразеологизмов разных структурных типов (под объемом ФО понимается количество входящих в его состав знаменательных компонентов). Так, по данным сопоставительного исследования немецкой и русской фразеологии, проведенного А. Д. Райхштейном, «среднее число знаменательных компонентов в русских ФЕ около 2,2, в немецких ФЕ – 2,5» [1, 100]. Учитывая качественную характеристику немецких и русских фразем с точки зрения общекатегориальной принадлежности их знаменательных компонентов, А. Д. Райхштейном было установлено, что «немецкие ФЕ имеют в среднем несколько больший объем за счет того, что в них существенно чаще присутствуют глаголы, наречия (краткие прилагательные и местоимения)» [1, 100], т. е. значительно сильнее развита группа глагола.

1.2. Фраземы со структурой односоставного предложения. Разнообразные односоставные предложения (безличные, определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные) среди несоотносимых с частями речи фразем наиболее широко представлены в материале русского языка и достаточно широко – в материале белорусского (количественные данные в таб. 1), например: рус. *каким ветром занесло* ‘о неизвестной причине появления, о неожиданном прибытии кого-то, чего-л.’ (МАС, I, 158), бел. *нічога не скажаеш* ‘выраженне здзіўлення, абурэння і пад. з прычыны чаго-н’ (ТБСМ, V, ч. 1, 148) и др. В материале немецкого языка односоставных предложений значительно меньше, чем в славянских, и все они являются определенно-личными (это – речевые формулы, застывшие в повелительном наклонении с глаголом во втором лице единственного или множественного числа), например: *sieh[e] da!* (досл. ‘смотри’) ‘разг. выражение удивления’ (Dud, XI, 700), *mach’s/ mach’t’s gut!* (досл. ‘сделай/ сделайте это хорошо’) ‘разг. формула прощания’ (Dud, XI, 501) и др.

1.3. Фраземы со структурой сложного предложения. Сложные предложения (сложносочиненные и сложноподчиненные), в сравнение с односоставными, напротив, несколько шире представлены в немецком языке, чем в славянских (см. таб. 1). Примерами послужат следующие фраземы: рус. *одна нога здесь, (а) другая там* ‘очень быстро (сбегать, сходить куда-л.)’ (МАС, II, 506), бел. *ведаць, пачым фронт ліха* ‘пазнаць, як цяжка жыць у горы, нястачы’ (ТБСМ, I, 473), нем. *...das jmd. nicht mehr weiß, wo Gott wohnt* (досл. ‘... что кто-л. больше не знает, где живет бог’) ‘(в отношении неприятностей, которые приходят неожиданно) ... что кто-л. не знает, что с ним происходит’ (Dud, XI, 294) и др.

1.4. Нечленные предложения среди фразем, несоотносимых с частями речи. В трех языках встречаются фраземы, в которых невозможно выделить один из главных членов предложения, и, следовательно, понять характер синтаксических связей компонентов, например: рус. *по рукам!* ‘решено’ (МАС, III, 737), бел. *ичаслівай дарогі!* ‘добрае пажаданне ў дарогу’ (ТБСМ, I, 141), нем. *Himmel noch [ein]mal!* (досл. ‘небо еще раз!’) ‘выражение злости, недовольства’ (Dud, XI, 361) и др. В лингвистической литературе данные синтаксические конструкции, как правило, определяются терминологически либо как «нечленные предложения» [2; 3; 4], либо как «слова-предложения» [5; 6; 7]. В нашей работе для их обозначения принят термин «нечленные предложения».

Представим количественное соотношение синтаксических моделей фразем со структурой предложения в материале русского, белорусского и немецкого языков в таблице 1.

Таблица 1 – Количественное соотношение синтаксических моделей фразем со структурой предложения в материале русского, белорусского и немецкого языков

Модели предложений	В русском материале	В белорусском материале		В немецком материале		
	Кол-во ФО	Ранг	Кол-во ФО	Ранг	Кол-во ФО	Ранг
Двусоставное	60 (49,2%)	I	80 (60,6%)	I	140 (70,4%)	I
Односоставное	44 (36%)	II	35 (26,5%)	II	19 (9,5%)	III
Сложное	9 (7,4%)	III-IV	10 (7,6%)	III	29 (14,6%)	II
Нечленное	9 (7,4%)	III-IV	7 (5,3%)	IV	11 (5,5%)	IV
Всего	122 (100%)		132 (100%)		199 (100%)	

Как видим из таблицы, общим для трех языков является преобладание двусоставных предложений среди несоотносимых с частями речи по морфологическому признаку фразем и приблизительно равное количество нечленных структур в рассматриваемом материале. К межъязыковым различиям следует отнести: 1) наличие большего количества односоставных предложений в славянских языках, чем в немецком; 2) больший удельный вес односоставных структур в русском языке в сравнение с белорусским; 3) численное преобладание сложных предложений в немецком материале в сравнение с материалом славянских языков. Представляется важным определить статистическую надежность выявленных межъязыковых различий по каждому из указанных аспектов.

2. Статистическая оценка надежности межъязыковых различий в количественном соотношении синтаксических моделей фразем со структурой предложения. С целью определить, являются ли релевантными различия в количественном распределении синтаксических моделей фразем рассматриваемого структурного типа в трех языках, были рассчитаны коэффициенты доверия (надежности) полученных результатов. Коэффициенты надежности позволяют с 95% точностью определить существенность выявленных различий, а вероятность ошибки в 5% является допустимой в лингвостатистике [8, 89]. Сначала была определена значимость выявленных различий в количественном распределении односоставных предложений в материале рассматриваемых языков. Для этого был вычислен коэффициент надежности для каждой пары языков по следующей формуле, предложенной И. А. Носенко [8, 93]:
$$z = \frac{m_1/N_1 - m_2/N_2}{\sqrt{\frac{pq}{n}}}$$
 (z – коэффициент доверия (уровень значимости), m_1 – абсолютное количество односоставных предложений среди фразем одного языка, m_2 – абсолютное количество односоставных предложений среди фразем другого языка; N_1 – общее количество рассматриваемых фразем со структурой предложения в материале одного языка, N_2 – общее количество фразем со структурой предложения в материале другого языка; параметры p , q , n вычисляются по

формулам: $p = (m_1 + m_2) / (N_1 + N_2)$, $q = 1 - p$, $n = N_1 N_2 / (N_1 + N_2)$.

При допустимой 5% погрешности полученный коэффициент доверия сравнивается со значением двустороннего критерия $z_{\alpha/2} = 1,96$. В случае, если значение z больше 1,96, различия следует считать релевантными. Проведя все необходимые расчеты, было установлено, что для русского и немецкого языков коэффициент значимости равен 5,88, для белорусского и немецкого – 4,14, для русского и белорусского – 1,97. Все значения больше, чем 1,96, следовательно, межъязыковые различия в представленности односоставных предложений среди несоотносимых с частями речи по морфологическому признаку фразем являются существенными.

Что касается большего удельного веса сложных предложений в материале немецкого языка в сравнение с русским и белорусским, то рассчитанные при помощи описанного выше метода математической статистики коэффициенты значимости межъязыковых различий в этом аспекте равны 1,94 (для русского и немецкого языков) и 1,91 (для белорусского и немецкого языков). Оба значения меньше, чем пороговое значение 1,96, следовательно, мы не можем признать данное различие статистически значимыми. В целом, преобладание сложных предложений в немецком материале в сравнение с материалом славянских языков нельзя объяснить типологическими особенностями синтаксиса рассматриваемых языков, поскольку «отношения в сложном предложении аналогичны как по способу соединения предложений, так и по семантике соединяющих элементарные предложения единиц. Различия касаются частностей, в основном, объема значения или сферы функционирования отдельных союзов» [9, 84], а также в более строгом оформлении придаточного предложения в немецком языке.

3. Типологические факторы, обуславливающие различный удельный вес односоставных предложений в материале немецкого, русского и белорусского языков. Меньший удельный вес односоставных предложений в немецком материале в сравнение с материалом славянских языков объясняется тем, что в немецком синтаксисе в большей степени выражена тенденция к синтаксически строгим моделям, в частности, к двусоставности предложения. А. Л. Зеленецкий и О. В. Новожилова отмечают, что «немецкое предложение тяготеет к двусоставности, пусть даже формальной. Проявлением этого считаются употребление в безличных предложениях вводящего *es*, соотношение формально безличных предложений типа *Mich friert* с личными двусоставными *Ich friere*, а также последовательное различие двух абстрактных глаголов отношения: *sein* и *haben*, тогда как в русском используется один глагол *быть*» [10, 24]. Авторы «Сравнительной типологии немецкого и русского языков» (2006) С. П. Анохина и О. А. Кострова также пишут о том, что

«для немецкого языка ведущей является тенденция к двусоставности предложения, в отличие от русского языка» [9, 83]. Обязательность подлежащего в любом немецком предложении можно объяснить фиксированным порядком слов, который требует постановки сказуемого на второе место. Поэтому, чтобы обеспечить сказуемому второе место, в безличных предложениях употребляется формальное подлежащее *es*, а в неопределенно-личных – *man*. В русском и белорусском языках отсутствие фиксированного места сказуемого обуславливает отсутствие выражения двусоставности в определенно-личных, неопределенно-личных, обобщенно-личных и безличных предложениях. Этим в некоторой степени объясняется такое разнообразие бесподлежащих предложений в славянских языках. Еще одним различием в синтаксисе немецкого и славянских языков является отсутствие нулевой связки в немецком двусоставном предложении с именным сказуемым. Для соответствующих русских и белорусских предложений характерно наличие нулевой связки в настоящем времени изъявительного наклонения.

В материале двух рассматриваемых славянских языков представлены все модели односоставных предложений, однако в целом регулярность их реализации выше в русском языке, чем в белорусском (36% и 26,5% соответственно). Большой удельный вес односоставных предложений в русском материале объясняется тем, что в русском языке возможность образования безличных и безглагольных предложений несколько шире, чем в белорусском (а также в польском и словенском языках). На это указывает Н. Б. Мечковская: «Значения лица максимально морфологически выражены в южнославянских языках и наименее эксплицитно – в восточнославянских, особенно в русском» [11, 102]; кроме того, как пишет тот же автор, «в последнее десятилетие в белорусском языке, прежде всего в национально ангажированной публицистике, в большой мере под влиянием польского и украинского языков, стали употребительны сказуемые со связкой *есть* и именем творительном падеже», в то время как «в русском языке связка *есть* и еще более редкая форма *суть* удерживаются несколько архаически, в случаях подчеркнута строгих дефиниций и ождествлений» [11, 102].

Таким образом, удельный вес фразем со структурой односоставного предложения в материале рассматриваемых языков зависит, во-первых, от типологии порядка слов (наличие в немецком языке фиксированного порядка слов с постановкой глагола на второе место почти в любом предложении требует обязательного присутствия субъекта, что обуславливает резкое преобладание двусоставных моделей) и, во-вторых, от возможности конкретного языка морфологически не выражать значение лица (чем она больше, тем шире представлены в языке односоставные предложения).

Сокращения

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985.; ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. (6 кн.) / Пад агульн. рэд. К. К. Крапівы. Мн., 1977 – 1984; Dud. – Duden in 12 Bänden. Bd. 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: 3. Auflage. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2008.

Литература

1. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн – М.: Высш. шк., 1980. – 143 с.
2. Виноградов, В. В. Язык художественного произведения / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. 1954. №5. – С. 3 – 26.
3. Скобликова, Е. С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения / Е. С. Скобликова. – М.: Просвещение, 1979. – 236 с.
4. Меликян, В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечлененого предложения / В. Ю. Меликян. – Ростов-на-Дону: РГПУ, 2004. – 288 с.

5. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса [1959]: Пер. с франц. Редкол.: Г. В. Степанов (пред.) и др.; Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
6. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – М.: Высшая школа, 1973. – 423 с.
7. Ляпон, М. В. Слова-предложения / М. В. Ляпон // Русский язык: Энциклопедия. – 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: БРЭ; Дрофа, 1998. – С. 492 – 494.
8. Носенко, И. А. Начала статистики для лингвистов / И. А. Носенко. – М.: Высшая школа, 1981. – 157 с.
9. Анохина, С. П., Кострова, О. А. Сравнительная типология немецкого и русского языков / С. П. Анохина, О. А. Кострова. – Самара: изд-во СамГПУ, 2006. – 120 с.
10. Зеленецкий, А. Л., Новожилова О. В. Теория немецкого языкознания / А. Л. Зеленецкий, О. В. Новожилова. – М.: Академия, 2003. – 400с.
11. Мечковская, Н. Б. Безличность, неопределенность и обобщенность лица в структуре категории личности / Н. Б. Мечковская // *Personalität und Person*. Wiesbaden, 1999. – С. 97 – 124.

Т. Н. Пономаренко (Мозырь, Беларусь)

НЕТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ КОММУНИКАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ

Так как предметом изучения данной статьи являются нетрадиционные способы передачи коммуникативной информации, то основная цель исследования заключается в анализе групп таких новообразований и в прагматическом подходе к их декодированию.

Лексический состав языка динамичен, он изменяется исторически в соответствии с новыми задачами коммуникации и практическим использованием языка. Существенной особенностью его является непосредственная зависимость от явлений действительности, и именно в лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни, что неизбежно влечёт за собой создание новых слов. Лингвисты связывают их появление с рядом признаков: социальной потребностью, наличием творца, наличием контекста, наличием языковой модели и коммуникативной ценностью вновь созданного слова. При этом новое слово должно соответствовать существующей структуре языка, массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в процессе коммуникации.

В XX – начале XXI века появление новообразований связано, в первую очередь, с бурным развитием науки и техники. Появление радио, телевидения, авиации, атомной энергии принесли с собой большое количество новых терминов во все мировые языки, в том числе и в английский язык: *televisioner* – телезритель, *atomic pile* – атомный реактор *half-life* – период полураспада, *tracer atom* – меченый атом, *to dieselize* – установить дизель.

Такие слова следует воспринимать как неологизмы, однако, с течением времени выражаемые ими понятия прочно входят в нашу жизнь, становятся привычными, и новообразования перестают считаться новообразованиями, входят в словарный состав языка.

Лингвисты выделяют в языке еще одну специфическую группу новообразований, которые выражают традиционные понятия, но формируются с помощью иных языковых средств, например словосочетаний: *dance-like* (like a dance) *steps*, *watchless* (without the watch), *porridge-plate* (plate with porridge). Слова эти называют потенциальными или окказиональными, они не зарегистрированы словарем и ранее были неизвестны носителям языка. В разряд неологизмов они не входят, так как были созданы индивидуально, на потребу случая. Необходимость их появления обычно объясняется стилистическими потребностями и стремлением назвать единственным понятие, обозначенное описательно. Расшифровка точного смысла этих слов затруднена – они требуют контекстового окружения для понимания.

К словам данной группы имеет смысл применять лексический анализ, основанный на прагматическом

подходе. «Прагматика» в лингвистике имеет несколько различных трактовок, однако все они объясняют необходимость использования новообразования в конкретном случае согласно требованиям семантики контекста. Неологизм служит при этом единой задаче – максимально точной передаче смысла сказанного, т. е. максимально точной передаче информации при коммуникации [1]. Говорящий сознательно создает новое, ранее не существовавшее слово в языковой игре, игнорируя стандартную языковую норму для максимально точной коммуникации (передачи информации). Слово теряет свою самостоятельность, приобретает статус единицы текстового целого, зависит от него и участвует в его декодировании. При этом прагматический подход готов учитывать эмоционально-экспрессивные компоненты, соотнося их с тональностью ситуации (официальная – неофициальная), ролевыми отношениями (симметричные – несимметричные), интенцией говорящих (намерение обидеть, унижить, поощрить, похвалить, подшутить и т. д.) [2].

В. И. Заботкина в пределах структуры языка выделяет три пласта новообразований – слова с эмоциональным интенциональным прагматическим компонентом, слова с эмоциональным компонентом и слова с импликациональным прагматическим компонентом [3]. К словам с интенциональным прагматическим компонентом она относит слова, идентифицирующие (называющие) понятия, ограниченные профессиональными параметрами (*aquacise* – физические упражнения в воде, *netiquette* – правила поведения пользователей в Интернете, *ofstel* – Office of Telecommunication, *ofsted* (Office for Standards in Education)). Слова с эмоциональным компонентом – это предикаты-аналоги вещи или класса, несущие один признак, оценочно или эмоционально окрашенные, ограниченные ситуативной вариативностью (*luvvy* – актершк, *saddo* – «старый хрыч», *shock jock* – дерзкий радио диск-жокей). Слова с имплицитивным прагматическим компонентом – это слова, требующие дополнительных контекстовых ассоциаций, связанных с культурой, традициями, бытом, имеющие возможные ограничения по возрасту, полу, расе (*Whitewatergate* – слово вошло в язык после событий, развернувшихся в Арканзасе в 1980-х и связанных с заявлением о финансовых нарушениях при создании бизнес-плана земель).

Большой частью прагматические компоненты новообразований зависимы от контекста, необычны и экспрессивны. В. И. Заботкина считает, что они проявляются только в контексте, следовательно, прагматический подход к декодированию этих новообразований – это едва ли не единственный способ определить смысл ска-

занного [3]. Слова попадают в нетрадиционное для себя окружение, приобретают новые оттенки значения, которые затем оформляются в новый лексико-семантический вариант значения (Twenty bucks a night just for cleaning up some litter is a good piece of wages, but the wife was scairt of them I was a little bit scairt of them too. Здесь scairt – scared – напуган).

В романе С. Кинга «Худеющий» новообразованиями являются такие слова, как autoeroticism (n), kick – pleated (adj), force – feed (v), wide – eyed (adj), hollow – cheeked, bone – white, pig – fat, hot – wire (v), bleeding – heart (adj), high – school – age, less-than noble, off-the-wall-things, double – take (n). Причины появления этих новообразований абсолютно прагматичны – помещенные в новый для себя контекст (коммуникативную единицу высшего ранга), они не выражают новых понятий, а являются отражением или уточнением старого значения в новой форме. Автор создает их по продуктивным лексическим моделям, однако вкладывает в них новое качество, новое определение, описание известных объектов или действий, чтобы привлечь внимание читателя, придать колорит описываемой ситуации, сократить высказывание и сделать его максимально понятным.

По мнению Л. А. Киселевой, именно тест максимально полно реализует лингвистическую и прагматическую стратегию [4]. Текст предназначен для эмоционально-волевого и эстетического воздействия на тех, кому адресован, служит для передачи и хранения информации и воздействия на личность получателя информации. Он коммуникативен, информативен, связан и

целостен. Говорящий отбирает для реализации своих намерений произвести воздействие на слушающего индивидуальный набор языковых средств – и очень часто в их роли выступают новые слова, которые, обладая эффектом новизны и выразительности, привлекают внимание ко всему тексту. Прагматическое воздействие такого текста всегда индивидуально и направлено на конкретного получателя информации, следовательно, прагматичность декодирования текста и его лексических единиц по-разному реализуется в каждом конкретном акте коммуникации, в каждом отдельном контексте.

Таким образом, использование говорящим новых слов в тексте, несущих в себе определенную новизну, нетрадиционность и экспрессию, позволяет достичь максимальной коммуникативности передаваемой информации, а восприятие слушающим текстового целого через понимание точного смысла отдельных его лексических единиц позволяет декодировать полученную информацию максимально точно. В этом и заключается общий смысл прагматического подхода к декодированию новообразований в рамках контекста. Новообразования используются в новой для себя контекстовой обстановке, лишаются своей смысловой самостоятельности, приобретают новые семантические варианты значения и могут быть поняты только в общей канве текстового целого. Каждый случай использования нового слова, в прагматическом смысле, индивидуален, уникален и может быть декодирован только в конкретном контексте или речевом коммуникативном акте.

Литература

1. Stalnaker R. C. Pragmatics / R. C. Stalnaker // The semantics of natural language / ed. by D. Davidson, G. H. Harman. – Dordrecht, 1972.
2. Никитин, М. В. Лексическое значение слова: (Структура и комбинаторика) / М. В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1983 – 127 с.
3. Заботкина, В. И. Семантика и прагматика нового слова / В. И. Заботкина. – М: Наука, 1991 – 131 с.
4. Киселева, Л. А. Вопросы теории речевого воздействия / Л. А. Киселева. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978 – 160 с.

Л. В. Прахарэнка, М. М. Пратасевіч (Мазыр, Беларусь)

СЕМАНТЫЧНАЯ ВАРЫЯНТНАСЦЬ АЎТАРСКІХ МЕТАФАР У МОВЕ ПЕРАКЛАДУ РАМАНА А. ПУШКІНА “ЯЎГЕНІЙ АНЕГІН”

Сярод многіх кірункаў беларускай Пушкініяны асобнае месца займаюць пераклады, якія застаюцца адным з галоўных сродкаў ідэнтыфікацыі нацыянальнай літаратуры. Пераклады твораў А. Пушкіна на беларускую мову не толькі дапамагаюць стаць бліжэй да творчай лабараторыі, паэтыкі аўтара, але і здольны ажыццявіць ўзаемадзеянне і ўзаемаўзбагачэнне дзвюх розных лінгвакультурных сістэм. Менавіта таму асабліва цікава ўяўляюць пераклады мастацкіх тэкстаў з рускай на беларускую мову. Грандыёзнай падзеяй стаў пераклад А. Куляшовым рамана “Яўгеній Анегін” у 1949 годзе.

У гэтым перакладу рамана ў вершах “Яўгеній Анегін” выразна прасочваецца арыентаванасць перакладчыка на захаванне зыходнай аўтарскай вобразнасці, яе рэалізацыі альтэрнатыўнымі моўнымі сродкамі ў тым выпадку, калі немагчымы даслоўны пераклад. У працэсе супастаўлення тэкстаў намі быў выяўлены значны пласт метафарычных словазлучэнняў, якія пры захаванні зыходнай вобразнасці маюць некаторыя семантычныя разыходжанні з арыгіналам. Часцей за ўсё перакладчык замяняе аўтарскую лексіку блізкай па значэнні па прыняццю сумежнасці:

Он рытсья не имел охоты   Ён варушыць не меў ахвоты
В хронологической пыли   Гісторыі архіўны пыл

Словазлучэнне *хронологическая пыль* уяўляе сабой метафару, якую аўтар ужывае адносна гісторыі як навукі. Слова *пыль* абазначае ‘мельчайшыя сухие частицы, носящиеся в воздухе или скапливающиеся на поверхности чего-нибудь’ [1, 625]. Гэтае слова таксама іранічна характарызуе старажытнасць. Нетыповым з’яўляецца прыметнік *хронологическая*, які ў аўтарскім тэксце служыць азначэннем да слова *пыль* (параўн.: *дорожная пыль, книжная пыль*) Словазлучэнне *хронологическая пыль* у кантэксце становіцца метафарычным за кошт пачатковай неспалучальнасці паняццяў, якія абазначаюцца гэтымі словамі. У беларускамоўным тэксце перакладу Аркадзь Куляшоў замяняе словазлучэнне сінанімічным: *гісторыі архіўны пыл*. У выніку рускаму слову *хронологический* адпавядаюць беларускія *гісторыя* (‘рэчаіснасць у яе развіцці і руху’, ‘навука аб развіцці чалавечага грамадства’, ‘сукупнасць фактаў і падзей, што адносяцца да мінулага жыцця; мінулае, якое захавалася ў паняцці людзей’ [2, 150]) і *архіўны* (які мае адносіны да архіва – ‘збор рукапісаў, пісем і пад., што маюць дачыненне да дзейнасці якой-небудзь установы ці асобы’ [2, 66]). Семантыка зыходнай страфы перадаецца ў поўным аб’ёме, але пры гэтым аўтарская метафара “сціраецца”, канкрэтызуецца словам *гісторыя*.

Такім чынам, у гэтым выпадку назіраецца аслабленне вобразнасці дзеля захавання дакладнасці значэння.

*А Петербург неугомонный Збуджае Пецярбург шумлівы
Уж барабаном пробужден Святальны барабана гром*

У прыведзенай страфе арыгінальнага тэксту можна адзначыць два метафарычныя словаўжыванні: прыметнік *неугомонный* і дзеепрыметнік *пробужден*, значэнне якіх перадаецца ў беларускамоўным тэксце перакладу прыметнікам *шумлівы* і словазлучэннем *збуджае гром*. Супаставім іх значэнні:

<i>неугомонный</i>	Такой, который не может угомониться, подвижный, шумливый [1, 406]	<i>шумлівы</i>	Схільны шумець, утвараць шум [2, 765]
<i>пробужден</i>	То же, что будить [1, 595]	<i>збуджае</i>	Перапыняць чый-небудзь сон, прымушаць працуцца; абуджаць што-небудзь у каго-небудзь, выклікаць да жыцця, дзейнасці [2, 95]
<i>пробудить</i>		<i>гром</i>	Грукат, які суправаджае маланку ў час навальніцы [2, 157]

Метафарычнае азначэнне *неугомонный* супадае ў адным са сваіх слоўнікавых значэнняў з беларускім *шумлівы* і з'яўляецца гіперонімам у дачыненні да яго. А. Куляшоў канкрэтызуе значэнне аўтарскага метафарычнага азначэння, у выніку чаго вобразнасць часткова страчваецца, так як прыметнік *шумлівы* можа характарызаваць як чалавека, так і нежывыя аб'екты. Аднак паралельна назіраецца ўзнікненне дадатковай вобразнасці пры перакладзе дзеепрыметніка *пробужден*: *збуджае барабана гром*. Увядзеннем дадатковага назоўніка *гром*, які ў тэкście перакладу набывае метафарычнасць, перакладчык узмацняе зыходную вобразнасць.

Пры перакладзе вобразных сродкаў рамана "Яўгеній Анегін" на беларускую мову А. Куляшоў нярэдка ўжывае кантэкстуальныя сінонімы, такія, як, напрыклад, словы *неугомонный* – *шумлівы*:

*Как женщины, он оставил книги, Ен, як жанчыні, пакінуў кнігі
И полку, с пыльной их семьей, И цаффы з пыльнай іх сям'ёй
Задержнул траурной тафтой Завесіў чорную тафтой*

Мы назіраем няпоўнае супадзенне прыметнікаў *траурный* – *чорны*: *траурный* – 'печальны і мрачный' [1, 797]; *чорны* – 'які мае колер сажы, вугалю', 'цяжкі, змрочны, беспрасветны' [2, 748]. Аднак у масавай свядомасці *чорны* колер таксама асацыіруецца са смерцю, жалобай. Таму гэтую лексему можна назваць кантэкстуальным сінонімам да слова *жалобны* – дакладнаму адпаведніку рус. *траурный* [3, т. 3, 542]. Аднак у кантэкście слова *траурный* мае стылістычнае адценне іроніі, якое страчваецца пры яго перакладзе прыметнікам колеру *чорны*.

Увогуле, перакладчык даволі часта замяняе кантэкстуальнымі сінонімамі прыметнікі:

*Улыбкой ясною природа Усмешкай сонечнай прырода
Сквозь сон встречается утро года Праз сон вітае ранак года*

У арыгінальным тэкście ўжываецца метафара, пасродкам якой прырода набывае рысы жывой істоты. Пры гэтым слова, што ў структуры метафары нясе асноўную семантычную нагрузку, у мове перакладу мае дакладны эквівалент: *улыбка* – *усмешка* [3, т. 3, с. 606]. Аднак перакладчык змяняе семантыку прыметніка *ясный* ('яркий, сияющий', 'светлый, ничем не затемненный' [1, 906]) на *сонечны* ('з яркім святлом сонца', 'радасны, шчаслівы' [2, 613]). У кантэкście рамана апошнія азна-

чэнне не аслабляе вобразна-эстэтычны эффект, паколькі з'яўляецца сінанімічным. Так, напрыклад, у беларускай мове словы *ясны* і *сонечны* адносяцца да сінонімаў [4, 482].

Аналагічным чынам аўтар замяняе больш агульнае метафарычнае абазначэнне аб'екта рэчаіснасці ў наступным выпадку:

*Того змея воспоминаний, Таму гадзюка ўспамінаў
Того раскаянье грызет Нідзе стакою не дае*

Слова *змея* замяняецца гіпонімам гадзюка, які мае больш канкрэтнае значэнне: *змея* – 'пресмыкаюццаеся с длінным извивающимся телом, часто с ядовитыми железами в пасти' [1, 226]; *гадзюка* – 'ядавітая змея з плоскай трохвугольнай галавой' [2, 140]. У выніку вобразнасць метафары не страчваецца, паколькі гэтыя лексемы аб'ядноўваюцца агульным родавым паняццем. Аднак значэнне метафарычна ўжытага дзеяслова *грызет* перадаецца не зусім дакладна дзеяслоўным словазлучэннем *стакою не дае*, якое з'яўляецца гіперанімічным у дачыненні да арыгінальнай лексемы, што прыводзіць да аслаблення вобразнасці.

*В обоих сердца жар угас; Агонь у нашых сэрцах згас;
Обоих ожидала злорада Чакала ўперадзе тым часам
Слепы Фортуны и людей І нас, і нашу маладосць
На самом утре наших дней Людзей, слятога лёсу злосць*

Аўтарскае метафарычнае спалучэнне слоў *сердца жар угас* перакладаецца на беларускую мову як *агонь у сэрцах згас*. Пры гэтым паміж словамі *жар* і *агонь* існуе рода-відавая семантычная сувязь: *жар* – 'горячий, сильно нагретый воздух, зной', 'горячие угли без пламени', 'разгоряченное, лихорадочное состояние' [1, 185]; *агонь* – 'гаручыя святлівыя газы высокай тэмпературы; полымя' [2, 29]. Паміж гэтымі паняццямі існуе выразная семантычная сувязь па прымеце цяпла. У дадзеным выпадку яны з'яўляюцца семантычнымі эквівалентамі; ужыванне лексемы *агонь* у беларускім перакладзе дазваляе захаваць зыходную вобразнасць, метафарычнасць.

*Блажен, кто с нею сочетал Шчаслівы той, хто спалучаў
Горячку рифм: он тем З каханнем верш: ён тым
удовоил надвоіў
Поэзии священный бред Паззію юнацкіх дзён*

Метафарычнае словазлучэнне *горячка рифм* замяняецца перакладчыкам тэматычна блізкім назоўнікам *верш*, што, аднак, прыводзіць да страты вобразнасці, дэметафарызацыі:

<i>горячка</i>	Сильное возбуждение, азарт, спешка в каком-н. деле [1, 137]	<i>верш</i>	Невялікі мастацкі твор, напісаны рытмізаванай мовай [с. 110]
<i>рифма</i>	Созвучие концов стихотворных строк [1, 669]		

Арыгінальнае метафарычнае словазлучэнне *горячка рифм* пры перадачы семантыкі словам *верш* страчвае вобразнасць пры захаванні асноўнага сэнсу. Падобная з'ява пры супастаўленні тэкстаў арыгінала і перакладу назіраецца дастаткова часта:

*Я ждущу тебя: единым Чакваю я: сваёй
взором увагай
Надежды сердца ожи- Мае надзеі
ви ўзварухні*

Слова *взор* мае ў рускай мове значэнне 'то же, что взгляд', 'направленность зрения на кого-что-н.' [1, 77]. Беларускае *ўвага* падаецца тлумачальным слоўнікам як 'сканцэнтраванасць думак ці зроку, слыху на чым-небудзь'. Пры наяўнасці дакладных адпаведнікаў позірк, погляд [2, 675] перакладчык па тых або іншых прычынах выкарыстоўвае назоўнік з больш агульным значэннем. Не зусім дакладна перадаецца і семантыка метафарычна ўжытага дзеяслова *оживить* – 'возвратить'

к жизни, сделать снова живым' [1, 439]. Беларускае слова ўзварушыць некалькі адрозніваецца сваім значэннем: 'вывесці са стану вяласці, пасіўнасці; расшавяліць, узяць; абудзіць, ажывіць', 'выклікаць глыбокія пачуцці, узрушыць' [2, 682]. Аднак паміж гэтымі лексемамі існуе пэўная сэнсавая карэляцыя, так як у кантэксце перакладу асноўнае значэнне і метафарычнасць словазлучэнняў захоўваюцца. Захаванне першапачатковай вобразнасці можа адбывацца ў выпадку няпоўнай эквівалентнасці другасных лексічных адзінак пры захаванні значэння метафараўтвараючых:

*Мелькает, вьется первый снег, Мильгае, кружыцца сняжок,
Звездами падая на брег У першых зорках беражок*

Рускаму слову звезда адпавядае беларускае зорка – г. зн., што аўтар перакладу ўжывае дакладны адпаведнік. Аднак у перакладным тэксце адсутнічае дзеяслоў падать: у першых зорках беражок. На яго месцы падразумяецца дзеяслоў быццёнасці ёсць, які служыць падсвядомай лагічнай звязкай. Калі ў аўтарскім тэксце метафара характарызуе працэс "снег звездами падает", то ў перакладзе – вынік: "беражок (ёсць) у зорках". Аднак пры гэтым захоўваецца метафара, заснаваная на прыпадабненні сняжынак да зорак.

Такім чынам, на прыкладзе перакладу рамана "Яўгеній Анегін" на беларускую мову мы можам прасачыць змену метафарычнага зместу вобразнага выразу пры замене дзеяслова кампанента метафары:

*Блеснул мороз. И рады мы Мароз ударыў. Рады мы
Проказам матушки зимы Приемным забаўкам зімы*

Дзеяслоў блеснул ('ярко светиться, сверкать; излучать отраженный свет' [1, 48]) ужыты ў пераносным значэнні, таму што звычайна не судзіцца з назойнікам мороз – 'очень холодная погода' [1, 358]. Аўтар, верагодна, меў на ўвазе бляск снегу і ільду пры марозным надвор'і. А. Куляшоў у беларускамоўным тэксце перакладу замест дакладных эквівалентаў блішчаць, зіхцець, ззяць ужывае ў пераносным значэнні дзеяслоў ударыць ('раптоўна, з сілай наступіць' [2, 679]), які адрозніваецца ад арыгінальнага аўтарскага большай інтэнсіўнасцю дзеяння, закладзенай у семантыцы. Пры гэтым выказанне мароз ударыў становіцца агульнамоўнай, "сцёртай" метафарай.

Перанос метафары з аднаго аб'екта на іншы можа адбывацца і праз яго замену іншым, сінанімічным:

Літаратура

- 1 Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: «Азъ», 1996. – 928 с.
- 2 Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск: БелЭн, 2002. – 784 с.
- 3 Русско-белорусский словарь: в 3 т. / НАН Беларуси; Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – 8-е изд., испр. и доп. – Минск: БелЭн, 2002. – Т. 1 – 3.
- 4 Клышка, М. К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў / М. К. Клышка. – Мінск: Бел. навука, 2005. – 592 с.

И. В. Русецкая (Мозырь, Беларусь)

УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТАКТА МЕЖДУ ЗНАКОМЫМИ КОММУНИКАНТАМИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ОБЩЕНИИ

Стандартные коммуникативные ситуации предполагают решение коммуникантами некоторых типовых задач, отражением которых и являются сами стандартные коммуникативные ситуации. Коммуникативный контакт является существенной стороной общения. Успех конкретной коммуникативной ситуации зависит от того, как будет решена задача привлечения внимания и установления контакта.

Привычно применяемые в качестве попыток установить контакт средства могут носить весьма разнообразный характер, например, включать прямые обраще-

*Чье сердце опыт остудил Кто да ўсяго ў жыцці астыў
И забываются запретил! І ўсё сабе забараніў!*

Аўтар ужывае яркую метафору *сердце опыт остудил*, якая ў тэксце перакладу спрашчаецца: суб'ектам дзеяння становіцца не *опыт*, а сам чалавек: *кто да ўсяго ў жыцці астыў*. Сэнсавая эквівалентнасць перакладу дасягаецца за кошт ужывання слоў з блізім значэннем: так, слова *остудить*, ужытае аўтарам у пераносным сэнсе, мае слоўнікавае значэнне 'охлаждать, давать остынуть' [1, 456]; беларускі кантэкстуальны адпаведнік *астыць* мае значэнне 'стыць', 'стаць халодным, абыякавым да каго-, чаго-небудзь' [2, 71]. Такім чынам, метафарычнасць аслабляецца: замест яркага ўвасаблення перакладчык ужывае слова ў пераносным значэнні адносна асобы.

Такім чынам, семантычная варыянтнасць пры перакладзе метафар у рамана "Яўгеній Анегін" на беларускую мову можа ўтварацца ў выніку:

1) замены аўтарскіх лексем іх тэматычна блізкімі частковымі адпаведнікамі, якія ёсць у беларускай мове: *в хронологической пыли – гісторыі архіўны пыл*;

2) ужывання перакладчыкам сінонімаў, якія адносяцца да той жа часціны мовы, што і арыгінальныя лексемы, якія ўтвараюць аўтарскія тropy: *Петербург неугомонный – Пецярбург шумлівы*;

3) гіперанімічных і гіпанімічных адносін паміж лексемамі ў арыгінальным і перакладным тэкстах: *змея воспоминаний – гадзюка ўспамінаў*.

Пры гэтым даволі часта назіраецца "сціранне" метафары, аслабленне зыходнай вобразнасці: *сердце опыт остудил – хто да ўсяго ў жыцці астыў*. Гэта звязана з тым, што выкарыстаныя аўтарам словы, якія ўтвараюць метафору, часта звязаны з арыгіналам толькі тэматычна і не з'яўляюцца дакладнымі адпаведнікамі. У выніку тэкст перакладу захоўвае толькі семантычнае "ядро" метафары.

Такім чынам, мы можам сцвярджаць, што пераклад рамана ў вершах "Яўгеній Анегін" А. Пушкіна на беларускую мову А. Куляшовым захоўвае асноўную семантыку метафар арыгінала, але вобразнасць перакладнага тэксту можа аслабляцца або падвргацца пераасэнсаванню.

ния к потенциальному речевому партнеру, просьбы и уговоры уделить время для беседы, требования о контакте и т. п. Вербальные приемы и способы рассчитаны на то, чтобы привлечь и заинтересовать потенциального партнера по общению, а на этой основе – побудить его к установлению коммуникативного контакта.

Среди средств установления контакта выделяются вербальные и невербальные. Группа вербальных средств установления контакта чаще всего представлена обращением и приветствием. Наиболее редко употребля-

емыми единицами являются информативная фраза и выражение радости.

Обращение составляет около половины контактоустанавливающих средств, используемых в ситуациях общения знакомых коммуникантов-англичан.

Обращение употребляется как самостоятельно ("Mother!"[1]), так и в сочетании с другими средствами: приветствие ("Hello, Miss"[2]); контактоустанавливающий вопрос ("My darling, are you all right?"[1]); просьба ("Doctor, I want to speak to you"[3]); предложение чего-либо ("Well, Mister, sit down"[3]); комплимент ("You look a bit peaky, Mr. James"[3]); извинение ("Please forgive me, dear"[1]); упрек ("I'm not calling you again, Maggie McKinley"[4]); благодарность ("It's kind of you to have come so promptly, Mr. Porter"[5]); констатация прибытия ("It's me, Mother!"[1]).

Обращение обладает коммуникативной валентностью, оно может сочетаться почти со всеми средствами установления контакта.

Приветствие является следующим по распространенности за обращением. Почти в трети случаев оно употребляется самостоятельно. Возможно также сочетание его со следующими средствами: обращение ("Hello, Allie dear"[6]); контактоустанавливающий вопрос, фраза ("Hallo, Mam. What've you done with the pump?"[1]); извинение ("Good morning, excuse me"[1]); узнавание ("Hullo! Oh, it's you!"[3]); сокращение дистанции ("She stops a few feet short of him: 'Hi!'[3]); предложение еды ("Hullo, boy. Come and have your tea"[3]); комплимент ("Hello, you look gorgeous!"[4]).

В некоторых коммуникативных ситуациях говорящий использует невербальное приветствие (приветственный жест) как самостоятельное средство установления контакта ("Phill saw him and waved"[2]).

Следующим по частотности употребления является контактоустанавливающий вопрос. Среди семантических типов контактоустанавливающих вопросов можно выделить обращение к состоянию, занятиям собеседника ("Are you busy?"[2]) и обращение к отсутствующему лицу ("How's your Granny?"[2]).

Контактоустанавливающий вопрос употребляется самостоятельно в большинстве случаев его использования ("I hope you had a pleasant vacation?"[5]).

Выделены комбинации контактоустанавливающего вопроса со следующими средствами: обращение ("Like to have a try, Herb?"[6]); приветствие ("Hello, what are you doing here?"[6]); рукопожатие ("Shook hands: 'And how are we now?'[7]); благодарность ("She thanked him and asked if he was doing anything special this morning"[7]).

Просьба в роли контактоустанавливающей единицы употребляется как самостоятельно ("Give me your cup"[2]), так и в сочетании с другими единицами: обращение ("Dad, I want to talk to you"[6]); сокращение дистанции ("Jake made straight for him: 'Ernie, I want a word with you'[7]); извинение ("May I come in? I'm so sorry about the noise"[2]).

Исследование просьбы как средства установления контакта позволяет выделить несколько групп: просьба поговорить, уделить внимание ("Gran, may I talk to you about Dad?"[1]); просьба сделать что-либо ("Smile, sweetheart"[1]); просьба дать какой-либо предмет ("Mark asked to use Philip's phone"[4]); напращивание на комплимент, похвалу ("You like my tattoo?"[4]).

Предложение чего-либо как правило используется самостоятельно. Знакомые коммуниканты предлагают: войти, подойти ("Come on"[5]); присесть ("Sit down, And-

rew"[1]); помочь ("Can I help?"[3]); еду и/или напитки ("Going to stay for supper, aren't you?"[2]).

Информативная фраза используется довольно редко в общении знакомых коммуникантов. Это средство является самодостаточным ("I will send for my things when I've got an address"[6]). Информативная фраза в некоторых случаях может комбинироваться с обращением ("I'm going up to my study, Mrs. Sharp"[3]).

Выражение радости как единица установления контакта крайне редко используется самостоятельно ("This is a surprise. It's good of you to see me"[7]). В преобладающем большинстве ситуаций выделены комбинации данного средства с обращением ("Good to see you, Phill"[4]), приветствием ("Evening, Lent. Nice of you to come"[1]), улыбкой ("He smiled pleasantly: 'Nice of you to come'[5]), взглядом ("James looked across the table at Mark: 'It's good to have you home again'[4]).

Извинение употребляется чаще самостоятельно ("Sorry, I didn't know anyone was here"[4]). Однако можно выделить также следующие сочетания извинения с приветствием ("Good morning, excuse me"[1]), предложением чего-либо ("I'm sorry. I came in to see if I could help you pack"[4]), просьбой ("May I come in? I'm so sorry about the noise"[5]), стуком ("Jake knocked at the door: 'I'm sorry, Damon'[6]), обращением ("Pardon me, Mr. Gray"[3]).

Контактоустанавливающая фраза во всех случаях используется самостоятельно. Выделены следующие семантические типы контактоустанавливающих фраз: обращение к занятиям собеседника ("I didn't know you were coming home"[1]); обращение к окружающей обстановке ("Perfect day!"[2]); объяснение своих действий ("I was passing by and thought..."[4]); ободрение ("It's all right!"[1]).

Комплимент как контактоустанавливающее средство почти не используется самостоятельно, чаще сочетается с другими единицами: обращение ("Catriona, you are beautiful"[5]); взгляд ("Her glance and tone were pointedly neutral: 'You look bloody awful'[2]); сокращение дистанции ("Jake went round and joined Louise: 'Hallo, how terrible you look'[6]); предложение чего-либо ("She handed a glass of orange juice: 'Your early call, Monsewer'[7]); приветствие ("Hello, you look gorgeous"[2]).

В ситуациях общения знакомых коммуникантов был выявлен особый вид комплимента ("You look bloody awful"[6], "How terrible you look"[6]), который составляет почти треть всех случаев с применением комплимента.

Упрек употребляется как самостоятельное контактоустанавливающее средство ("You are talking about Walter. Behind my back"[3]), может комбинироваться с обращением ("I'm not calling you again, Maggie McKinley"[4]).

В ситуациях установления контакта между знакомыми коммуникантами были выявлены средства, используемые крайне редко:

благодарность ("I believe, I've got to thank you", "She thanked him and asked if he was doing anything special this morning"[3]);

констатация прибытия ("It's me", "Well, here we are"[1]);

совет ("You'll be taking cold baths before breakfast"[2]);

приказ ("Ring up this sir J. Holmes, - he ordered"[5]).

В группе невербальных средств установления контакта самым распространенным является взгляд. Практически во всех случаях используется самостоятельно ("He stood in the doorway of her office and watched

her"[4]). Но возможно употребление и в комбинации с другими контактоустанавливающими средствами: выражение радости ("James looked across the table at Mark: "It's good to have you home again"[4]); контактоустанавливающий вопрос, обращение ("She looked at me: "Are you feeling all right, Mark?"[4]); комплимент ("She saw him. Her glance and tone were pointedly neutral: "You look bloody awful"[6]).

Во многих ситуациях общения коммуниканты используют пролонгированный взгляд. В остальных случаях – кратковременный, выражающий вопрос, удивление или интерес.

Сокращение дистанции используется в большинстве в комбинации с вербальными контактоустанавливающими единицами: обращением ("Louse crossing to Walter: "Walter, my dear"[3]); приветствием ("She stops a few feet short of him: "Hi"[3]); просьбой ("Jake made straight for him: "Ernie, I want a ward with you"[6]); советом ("She went straight down to him: "You'd better get off"[3]); комплиментом ("Jake went round and joined Louse: "Hallo, how terrible you look"[6]); контактоустанавливающим вопросом ("She crosses to Rosemary: "Aren't you feeling well?"[4]).

Физический контакт как средство установления контакта редко используется самостоятельно, чаще в комбинации с другими средствами: обращение ("My sweet, – Angela was kissing him"[5]); приветствие ("Good morning, Daddy, – she kisses him"[1], "Good evening, – and shake hands"[2]); контактоустанавливающий вопрос ("Shook

hands with the curious warmth: "And how are we now?"[2]); улыбка ("Kelly, smiling, coming up and shaking hands"[5], "Mark, smiling, his arm stretched out ready for a hearty handshake"[4]); выражение радости ("She embraced Maggie eagerly: "Darling! How nice to see you"[4]).

Узнавание для установления контакта между коммуникантами практически не используется самостоятельно, чаще комбинируется с обращением ("Oh, it's you, Pam!", "Is that you, Maggie?"[4]) и с приветствием ("Hullo! Oh, it's you!"[3]).

Как правило, стук является самостоятельной единицей в установлении контакта ("Granny knocks a chair softly against the table"[1], "Brenda tapped softly at the open door"[1]). Однако можно выделить комбинации с другими контактоустанавливающими средствами: обращение ("Arnie? – knocking on outer door"[1]); извинение ("Jake knocked at the door: "I'm sorry, Damon"[6]).

Улыбка обычно используется самостоятельно, но может комбинироваться с другими средствами: рукопожатие ("Kelly, smiling, coming up and shaking hands"[5]); выражение радости ("He smiled pleasantly: "Nice of you to come"[5]).

Таким образом, базовыми контактоустанавливающими единицами в англоязычном общении являются контактоустанавливающий вопрос, информативная фраза, обращение, предложение чего-либо, приветствие, просьба, взгляд.

Литература

1. Stories by modern English authors. – Moscow: Foreign Languages publishing house, 1961. – 152 p.
2. Modern English Drama. – Moscow: Raduga publishers, 1984. – 480 p.
3. Modern English Plays. – Moscow: Progress Publishers, 1966. – 382 p.
4. Salinger, J. D. Nine stories / J. D. Salinger. – Moscow: Progress publishers, 1982. – 436 p.
5. Eleven American Stories. – М.: Издательство «Международные отношения», 1978. – 191 с.
6. American Short Stories (The 20th Century). – Москва: Радуга, 1989. – 589 с.
7. Making it all right: modern English short stories. – Moscow: Progress publishers, 1978. – 457 p.

А. Садыгова (Баку, Азербайджан)

СВЯЗЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ (коммуникативный аспект)

Любой иностранный язык является неотъемлемым компонентом культуры, ее аккумулятором, носителем и выразителем. Поэтому основной путь усвоения русского языка на современном этапе может быть отображен в формуле, которую предложил Е. И. Пассов: культура через язык и язык через культуру, т. е. усвоение фактов культуры в процессе использования языка как средства общения и овладение языком как средством общения на основе усвоения фактов культуры [4]. Это взаимодействие с фактами культуры и есть общение с ними в диалоге культур иностранной и русской.

При этом необходимо создание такой модели культуры страны, которая выступала бы в качестве аналога действительности, дающего возможность познать менталитет народа данной страны и быть, таким образом, репрезентантом и ретранслятором данной конкретной культуры.

Представляется, что при отборе содержания и форм обучения по данной концепции можно исходить из уникальной возможности и фундаментальной особенности любой культуры, которая проявляется в ее диалогичности. В изоляции, как известно, любая культура погибает, и лишь в диалоге и контакте с другими культурами, культурами других народов она обогащается и обновляется.

Если согласиться с этим, то можно было бы опираться на определение культуры, данное В. С. Библером: культура "есть всеобщая форма одновременного общения и бытия людей различных культур, каждая из которых есть всеобщая форма одновременного общения и бытия людей... и в этом общении культур происходит общение индивидов" [1, с. 24–25]. Именно в таком диалоге культур формируются умения в познании собственной культуры и культуры других. Это видение своей культуры через призму другой, образование определенной дистанции между собственной культурой и другой через микродиалог в сознании ведет к межкультурной компетенции – образованию "третьей культуры" личности [5], характеризующейся новым взглядом на свое собственное существование и на собственную личность и промежуточным положением между родной и иностранной культурой.

Осуществить диалог различных культур можно очевидно через произведения данной конкретной культуры, присвоенные ее представителями и составляющие базовую культуру личности, под которой понимается "необходимый минимум общих способностей человека, его ценностных представлений и качеств, без которых невозможна как социализация, так и оптимальное развитие генетически заданных дарований личности" [3, с. 28].

При этом этот минимум не вносится извне, а вырабатывается личностью самостоятельно в процессе различных способов деятельности и социального поведения [2].

Именно базовая культура личности как комплекс знаний, умений, качеств, привычек, ценностных ориентации и позволяет человеку жить в гармонии как с общечеловеческой и национальной культурой, так и с культурой других народов.

Базовая культура личности, представлена в ее компонентах, включающих: *духовную культуру*, объединяющую художественную, эстетическую, мировоззренческую культуры и культуру вероисповедания; *социальную культуру*, объединяющую правовую, экономическую, политическую культуры и культуру основ научных знаний; *экологическую* (культура человека в природе, культура природы в человеке, физическая культура). И через все эти аспекты культуры "проходят" *нравственная, коммуникативная и речевая культуры*, являясь их неотъемлемыми частями.

Произведения каждого из указанных компонентов базовой культуры личности представляют собой тексты различных видов как вербального, так и невербального плана: вербальные тексты различных речевых жанров, отражающие содержание данной культуры (публицистические, официально-деловые, научные, разговорные, художественные), произведения изобразительного искусства, музыкальные произведения и т. д. и воспроизводящие мысли основных собеседников диалога культур: усваивая произведение (текст) данной культуры как "кристаллизованное начало свободных форм человеческого общения" [1], личность овладевает и формой общения, продуцируемой этим произведением, сравнивает через свой внутренний микродиалог, через свою базовую культуру данную культуру со своей, формируя, таким образом, у себя "третью" культуру, объединяющую обе культуры: свою собственную и изучаемую.

При этом можно выделить два вида текстов, репрезентирующих культуру: а) реальные тексты данной культуры и б) тексты, отражающие мысли, "внутренний диалог" собеседников представителей культур.

Формирование "третьей культуры" личности осуществляется в учебном процессе на основе ее базовой культуры через "межкультурное обучение" (W. Pauels), имеющее целью сформировать у обучающихся новое культурное сознание способность при контактах с другой культурой понять иной образ жизни, иные ценности, по-иному подойти к своим ценностям и отказаться от существующих стереотипов и предрассудков.

В качестве единицы такого межкультурного обучения выступает не урок, а узел проблем как единица образования культурного человека, формулируемых в виде вопросов этих "пусковых механизмов диалога" [3; 6], обращенных как к себе, так и к собеседникам. Проигрывание ситуаций для решения этих проблем с позиций представителя другой культуры, попытка воспроизвести его мысли, опираясь на его базовую культуру, заставляет задуматься над своим собственным образом жизни и формирует "третью" культуру личности.

Поэтому общаясь в конфликтных ситуациях диалога культур, личность формирует у себя и ассертивные ка-

чества, т. е. способность аргументировать, отстаивать свою позицию, снимая агрессивность в споре, убедительно защищать свою точку зрения, т. е. в ходе формирования третьей культуры происходит и социализация личности.

Таким образом, в качестве *цели* межкультурного обучения выступает подготовка к контакту с другой культурой, адекватному поведению в условиях чужой культуры, т. е. формирование "третьей культуры" личности; в качестве *содержания* – произведения базовой культуры личности в виде текстов различного характера; в качестве *основной единицы обучения* – релевантные для межкультурного контакта проблемы; в качестве *метода* – интерактивный метод, в центре которого стоит процесс межкультурного диалога, модели поведения в межкультурных конфликтных и контактных ситуациях.

Диалог, таким образом, выступает в межкультурном обучении в двух функциях:

- как форма организации обучения;
- как принцип организации содержания обучения.

Основываясь на данной концепции, можно выделить следующие этапы межкультурного обучения:

- Усвоение фоновой информации о фактах данной культуры в виде произведений культуры (текстов) на контрастивной основе, в сравнении с фактами собственной культуры, в выделении различий между культурами: сравнение базовых культур личности своей собственной и изучаемой, т. е. приобретение определенных знаний. В качестве основы диалога русской и собственной культуры обучающегося выступает при этом азербайджанская речь, а в более широком смысле азербайджанская культура.

- Интерпретация усвоенных фактов базовой культуры в межкультурных контактных и конфликтных ситуациях, выделение ее "культурных стандартов" этнического, политического и экономического плана, оказывающих влияние на мышление, ценности и действия представителей данной конкретной культуры формирование ценностных ориентации личности;

- Проигрывание межкультурных ситуаций, в ходе которого обучающиеся попеременно выполняют роли представителей базовых культур. В данном процессе происходит изменение системы "контекстуализации" личности, т. е. изменение культурного фона при получении определенных коммуникативных сигналов от собеседника представителя другой культуры, что и ведет к образованию третьей культуры личности, т. е. формируются качества, привычки, способы деятельности личности.

- Современный рынок профессий в Европе требует от специалистов как профессиональной, так и географической мобильности. Помимо чисто профессиональной компетенции требуется широкая социальная компетенция: умение работать в творческой группе, умение обучаться самому, умение адаптироваться, креативность, умение анализировать и решать проблемы и, не в последнюю очередь, коммуникативные умения в поликультурном пространстве.

Литература

1. Библер В. С. Диалог культур и школа XXI века // Школа диалога культур: Идеи. Опыт. Проблемы. Кемерово, 1993.
2. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1978.
3. Леонтьев А. А. Педагогическое общение. М., 1979.
4. Пассов Е. И. Коммуникативное иноязычное образование. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. Липецк, 1999.
5. Hunfeld H. Die Normalität des Fremden. Waldsteinberg, 1998.

6. International Certificate Conference. ICC-Referenzsystem für die
7. Ausbildung von Sprachkursleitenden. Frankfurt/M., 1998.

МГПУ им. И.П.Шамякина

ВЕРБАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Успешная межкультурная коммуникация является залогом продуктивного партнерства во всех сферах современной жизни. Глобализация и современные технологии все больше сближают представителей разных народов и культур, заставляя их познавать обычаи и традиции друг друга.

Современная межкультурная коммуникация лежит в сфере интересов целого ряда гуманитарных дисциплин, таких как психология, социология, этнология, философия, психолингвистика и филология. Однако наиболее эффективным нам видится междисциплинарный подход к анализу лингвистических феноменов сочетающий когнитивную, социологическую, философскую и культурологическую направленности исследования речевого поведения коммуникантов, их языкового сознания, коммуникативной деятельности в межкультурном аспекте.

Для современного научного знания важно обеспечить благоприятные условия для плодотворного диалога представителей различных культур. Важным для этого является преодоление возможных барьеров и предотвращение возможных неудач в процессе межкультурной коммуникации.

При исследовании речевого общения коммуникация понимается как «деятельность человека, направленная всякий раз к определенной цели, к наилучшему и наиболее удобнейшему выражению своих мыслей и чувств» [Щерба 1974]. Эта деятельность связана с правильным выбором языковых средств и использованием их в конкретной речевой ситуации. Важность этого положения возрастает в условиях общения представителей разных лингвокультур на языке-посреднике.

Под коммуникативным барьером обычно понимают все то, что препятствует коммуникации или блокирует ее. Такие барьеры могут иметь физическую или психологическую природу [1].

Проблема определения сущности барьеров коммуникации достаточно актуальна для современной науки. В настоящее время существует несколько классификаций трудностей, возникающих в процессе межкультурной коммуникации.

Ряд исследователей подразделяет все коммуникативные барьеры на четыре класса: технические, межъязыковые, социальные и психологические. Существуют и более разветвленные классификации, где выделяются исторические, географические, государственно-политические и другие преграды коммуникации [2].

Нам хотелось бы подробнее рассмотреть трудности межкультурной коммуникации, связанные с языком или вербальными, так как, на наш взгляд, именно они играют

ведущую роль в обеспечении успешной межкультурной коммуникации. К вербальным барьерам традиционно относят семантические, фонетические и стилистические.

Семантические барьеры возникают при неправильной интерпретации используемых в коммуникации многозначных понятий и символов или их оттенков. Здесь решающую роль может сыграть языковая компетентность участников общения. Если она значительно разнится – это безусловно скажется на качестве коммуникации. Для минимизации неудач в процессе коммуникации современные исследователи предлагают выделять и овладевать корпусом языковых средств, детерминированных той или иной культурной характеристикой [3].

Причиной неудачи коммуникации может стать погрешность самого канала передачи информации – это так называемый фонетический барьер как на уровне неправильного произношения (перцепции), так и на уровне неправильного членения (сигнификации).

На уровне перцепции барьер фонетического непонимания порождается таким фактором, как невыразительная слишком быстрая речь, речь-скороговорка и речь с большим количеством звуков-паразитов.

В рамках плодотворной коммуникации необходимо построение коммуникативных паттернов (схем) и выделение вероятностных зон коммуникативных неудач.

Не меньшую роль в разрушении эффективной межличностной коммуникации может сыграть стилистический барьер, возникающий при несоответствии стиля речи коммуникатора и ситуации общения, использование в речи специфических терминов или стиля речи и актуального психологического состояния реципиента.

Для построения успешной межкультурной коммуникации представляется продуктивным умение подстраиваться под лингвокультурные особенности собеседника, общаться в рамках выбранной коммуникативной стратегии с учетом этикета делового общения [4, 216].

Представители каждой лингвокультуры следуют своим собственным уникальным коммуникативным стратегиям, поэтому для достижения двустороннего эффективного общения необходима взаимокоррекция коммуникативной стратегии речевых партнеров.

Эффективность коммуникации повышается при владении участниками общения адекватными коммуникативными стратегиями и знаниями о характеристиках другой культуры. Экспериментально доказано, что при использовании обоими участниками одинаковой стратегии общения эффективность коммуникации значительно возрастает.

Литература

1. Бабаянц В. В. Барьеры межкультурной коммуникации / Вестник. Серия «Гуманитарные науки». № 8. – М., 2003.
2. Боброва С. П., Смирнова Е. Л. Основы теории коммуникации // Иваново, 2005.
3. Садохин А. П. Межкультурные барьеры и пути их преодоления в процессе коммуникации // Обсерватория культуры: Журнал – обозрение, 2008. – № 2. – С. 26–32.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000.

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ОДЕЖДЫ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Каждый этнос отличается только ему присущими способами восприятия окружающей действительности, которые формируются на основе собственного практического освоения мира, с опорой на традиции и обычаи

предшествующих поколений, с учетом установок культуры и специфики этнического сознания. Видение мира одним народом будет в некоторой степени отличаться от видения мира другими народами.

Одним из важнейших компонентов этнической идентификации народа является одежда. Ее наименования занимают особое место в языковой картине мира человека, они непосредственно связаны с бытом, историей, культурой народа, их развитие и функционирование зависят от социальных изменений в жизни этнокультурного сообщества. Значение одежды не исчерпывается только ее утилитарной ролью. Являясь одним из наиболее устойчивых этнических показателей, костюм издавна выполнял обрядовые, знаковые, социальные функции. На формирование традиционного комплекса одежды оказывают влияние этические, эстетические представления, традиции поколений, материальные и экономические условия жизни, а также связи с другими этносами.

Цель работы: показать, что наименования одежды обладают этнокультурным своеобразием, которое обусловлено как собственно языковыми, так и экстралингвистическими факторами, что проявляется на лексико-семантическом уровне языка.

Нами был применен метод сплошной выборки названий одежды из различных источников на русском и китайском языках в количестве 346 названий на русском языке и 370 названий на китайском языке.

Познавая окружающую действительность, человек неизменно расчленяет ее на отдельные элементы. Это деление осуществляется посредством языковых единиц, характеризующихся определенной степенью абстракции.

Общеизвестно, что наименование предмета первоначально связано с выделением в нем какого-либо признака. Этот признак зависит от «национального» видения предмета, поэтому в русском и китайском языках он может быть разным. Признак как бы мотивирует название, поэтому его называют мотивирующим признаком. Мотивировка – только путь наименования предмета, представление, положенное в основу номинации, не имеющее ничего общего с лексическим значением, то есть с «направленностью на действительность», или с предметно-логической отнесенностью. Слова и идентичным лексическим значением в разных языках могут иметь различную мотивировку, то есть разные признаки, лежащие в их основе.

Вместе с тем есть немало и таких наименований, образная сторона которых является одинаковой в разных языках, что связано с возникновением стойких ассоциаций у многих людей. Совпадение мотивирующего признака объясняется, с одной стороны, наличием особенно заметных признаков, с другой – сходством общественной практики представителей разных национальностей.

Однако мотивация слова существует лишь до тех пор, пока она осознается носителями языка. Мотивирующий признак может вообще перестать осознаваться носителем данного языка, в результате чего слово, образованное от другого слова, больше не связывается с ним по смыслу. В этом случае говорят о деэтимологизации. Поэтому многие слова (русского или китайского языков) на первый взгляд не содержат указания на признак, обосновавший название; мотивировка таких слов неясна, но сравнительно-исторический анализ позволяет раскрыть ее.

Анализ слов, обозначающих названия одежды в русском и китайском языках, позволил выделить следующие наиболее типичные признаки, положенные в их основу:

1) результат действия; 2) цель действия; 3) характер обработки ткани; 4) материал; 5) цвет; 6) внешний вид,

характер (длина, особенности отдельных деталей и т. п.); 7) часть тела; 8) пространственное положение одежды по отношению к телу; 9) сочетание отдельных видов одежды; 10) предмет одежды как часть от целого; 11) профессия, занятие человека; 12) имя собственное.

Часть производных слов, использованных в качестве названий одежды в русском и китайском языках, восходят к основам, обозначающим действие. Так например, слово *ткань* восходит к глаголу *ткати*, *сукно* – *сучить*, *полотно* (ст.-сл. *платьно*) – из праслав. *polъ polъno*, со значением «то, что складывают и раскладывают», само слово *одежда* восходит к глаголу *одети*. В китайском языке этому глаголу соответствует его синоним *облечь/облекать* (одежда, костюм; то, что облекает, одевает). В русском языке глагол *облечь* пережил семантическое изменение, выразившееся в абстрагизации его значения: «одеть в какую-либо одежду» (ср. слова того же корня *облаченье* – одежда священников; *оболочка* – верхняя одежда, кафтан, зипун; сущ. *облик* – «внешний вид, наружность»)

Многие названия одежды являются заимствованными из других языков, но общие принципы, представления, положенные в основу наименований, зачастую являются универсальными, и этому мы находим подтверждение как в русском, так и в китайском языках. Например, такое общее название одежды, как защита от холода легло в основу слова *кашше* («род платка или шарфа, закрывающего переднюю часть лица для предохранения от холода»), заимствовано из франц. языка *cache* – *peз*, сложения на базе *cache* – «прятать», *peз* – «нос»; китайское 袖棉衣 (лян мао) – ватное пальто с безразмерными рукавами, в которые можно спрятать руки от холода.

Другая типичная модель номинации названий одежды связана с характером обработки ткани: она может разрезаться – *риза*, *разрез* как деталь одежды; подрубаться – *рубаха*, *рубашка*; стегаться – *стеганка* (стеганая ватная куртка); Приведенные сущ. *рубаха*, *рубашка* – собственно русские образования от др.-рус. *рубъ* (плохая одежда, ср. *рубище* – «ветхая одежда») от глагола *рубить* (в диалектах *руб* – «рубец, край, кромка»), в китайском языке несколько изменена семантика от близкой к рус. *рубашка* («длинная льняная свободная одежда для женщин») до *саван* («одежда для покойников»). Мотивирующим признаком для названия одежды может стать материал, из которого она изготовлена. Например, *ватник* – указывает на материал, лежащий в основе названия. Известное из татарского языка слово *армяк* – «кафтан из толстого сукна» – первоначально обозначало «ткань из верблюжьей шерсти» (из *ар* – «вить, плести»), затем – одежду из такой ткани. По материи, из которой сшиты, названы и брюки особого вида – *джинсы*. Название ткани связано с названием города (Генуя), где ее впервые начали производить. В китайском языке слово *джинсы* – 牛仔 (ню цзы ку) – это просто «узкие спортивные брюки», слово заимствовано из английского языка. *Хэцзю* (сы чоу) – шелк, из которого шьют рубашки, платья, называется по имени города Сю Чжоу, где его производили и производят сейчас.

В основе наименования предметов одежды может быть и такой внешний признак, как цвет. Например, сущ. *белье* названо так по первоначально белому цвету полотна. Первоначальное значение слова – «некрашеное белое полотно», затем «изделия из этого полотна, холста и т. п. для ношения на теле или для употребления в хозяйстве: рубашки, полотенца и т. д.». В китайском языке *белье*

обозначается словом 大学 (ней и), в котором подчеркивается другой его признак: то, что находится внутри.

Мотивировкой для названия одежды могут служить и другие признаки. В основу сущ. *плащ* был положен его плоский характер (из *plask-jь, родственного *плоский, пласт, плат*). Плащ первоначально имел вид гладкого, плоского покрывала, куска ткани, «свободно» накинутаго на плечи. Это значение не сохраняется и в китайском языке, иероглиф 男短 (юй и) – *плащ* имеет значение «одежда, закрывающая от дождя». Современное значение «легкое непромокаемое пальто» (т. е. то, что защищает от дождя) является вторичным в русском языке и первичным в китайском.

Одежду может характеризовать и ее длина. Например, слово *куртка*, восходит к лат. *kurtus* – «короткий» (в китайском языке этот же признак выражен прилагательным в сочетании с существительным «куртка», дословно «короткое пальто»), в китайском языке слово *куртка* – 男短上衣 (нань дуань шан и) – короткая верхняя одежда, наглухо застегивающаяся.

Основанием для номинации предметов одежды часто служат и названия частей тела («то, на что надевается»), например, слово *рукавицы* – обозначает одежду, надеваемую на руки (от рукав, рука). По той же модели, что и *рукавицы*, было создано др.-рус. *ногавицы* («то, что надевается на ноги»), которое имело разные значения: «чулки, носки, штаны»), сохранилось на периферии русского языка в значении «род чулок из толстой шерсти, фетра, носимых на Кавказе, Кубани». В китайском языке чулки – 袜 (чан ва) – вязаное, трикотажное изделие, облегающее ногу. Слово *нога* положено в основу названия носков в китайском языке 短袜 (ва цзы) в отличие от собст.-рус. *носок*, образованного лексико-семантическим способом на основе сущ. *носок* со значением «передний конец обуви или чулка».

Одежду может характеризовать и «место расположения» по отношению к телу человека или по отношению к другой одежде. Так в основе обозначения нижней одежды употребляется слово *исподнее* – «нижнее, нательное белье» (то, что находится под другой одеждой).

Предмет одежды может получить свое название по названию одежды в целом. В основе такого наименования лежит метонимический перенос «одежда – вид одежды» (родо-видовые отношения). Так, сущ. *платье* было образовано от др.-рус. *плать* – «кусочек полотна, материи». Семантическое развитие слова *платье* можно представить следующим образом: «кусочек полотна для

одежды» – «одежда» (ср. др.-рус. *платье* – «одежда», это значение сохранилось и у современного *платье*, например в сочетании *магазин готового платья*) – «вид женской одежды».

Одной из распространенных моделей для именования предметов одежды является наименование по профессии людей. Так, слово *ковбойка* образовалось в результате «сжатия» словосочетания *ковбойская рубашка* (первоначально «рубашка ковбоя», затем рубашка подобного вида), *водолазка* напоминает костюм водолаза (плотно облегающая, обтягивающая тело).

Предмет одежды может существовать и как принадлежность, атрибут одежды какого-либо народа, а потому в наименовании отражается название народа. Например, *косоворотка*, рубашка, свойственная только русским, или туфли – 便鞋 (бянь се) – обувь, закрывающая ногу не выше щиколотки, свойственная только китайцам, или халат ци (китайский женский халат с разрезами по бокам и воротником-стойкой), или 云鞋 (юань се) – меньшинство в Китае Цян людей в праздничные дни носит самодельную обувь из ткани, их ботинки выглядят, как лодка, пальцы лежат на толстой подошве, верх обуви украшен вышивкой: это красочные модели мура и кукушки, или 尖花鞋 (цзяо цзянь сю хуа се) – легкая обувь, сделанная из ткани, с вышивкой и заостренным (наклон к небу) передом обуви (меньшинство Шуй).

Мотивировкой для наименования одежды может стать имя собственное: название какой-либо местности, города, имя или фамилия отдельного человека, с которым связывается определенный вид одежды. Например, *толстовка* – «широкая блуза с поясом» – получила название по фамилии Льва Толстого, носившего блузу такого покроя, или *жилет* по имени шута Gille, впервые надевшего подобный вид одежды, в китайском языке 水装狐褶子 (чжунь шань фу) – жилет из лисьего меха, поверху украшенный красным шелком.

В результате проведенного анализа, можно говорить о том, что принципы номинации названий одежды в русском и китайском языках практически совпадают. Несмотря на то, что языки не являются родственными, существуют общечеловеческие принципы, модели и законы, по которым создаются эти слова. В процессе развития языков, лексическая система претерпевает изменения (китайский язык более консервативен), но мы все же имеем возможность сопоставлять лексические единицы двух неродственных языков.

Диахроническое сопоставление слов, выяснение их внутренней языковой мотивировки важно не только с собственно лингвистической, но с коммуникативной точки зрения.

Литература

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языке [текст]: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 2003. – Т. 1. – 2003. – 699 с., портр.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языке [текст]: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 2003. – Т. 2. – 2003. – 279 с., 1 портр.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языке [текст]: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 2003. – Т. 3. – 2003. – 555 с., 1 портр.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языке [текст]: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 2003. – Т. 4. – 2003. – 688 с., 1 портр.
5. Калашникова, Н. М. Семиотика народного костюма / Н. М. Калашникова. – СПб., 2000. – 386 с.
6. 刘 . 中国吉祥 · 案的衍 · 及其文化意 · 研究. 河南大学 · 士 · 文, 2006.

РЕЧЕВАЯ ЛИЧНОСТЬ. КОММУНИКАЦИЯ. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

В последние десятилетия объектом изучения целого ряда научных направлений становится языковая личность. Во многих случаях наряду с понятием «языковая личность» стали употребляться понятия «речевая личность», «коммуникативная личность». «Речевая личность – личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических)» [3; 51]. В некоторых случаях понятия «языковая личность» и «коммуникативная личность» исследователями не разграничиваются. Так, В. И. Карасик поясняет, что языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность [1, 26], что вполне справедливо.

Термин «языковая личность» введенный Ю. Н. Карауловым приобрел на современном этапе развития лингвистики интегративный характер. Концепция языковой личности пронизывает все аспекты изучения языка. Из общей характеристики языковой личности наиболее значимо следующее: «набор готовностей к осуществлению речевых поступков», основное проявление – через язык (в текстах), на базе языковых средств [2, 38]. Важные условия для развития языковой личности – речевая деятельность, приобщение к культуре. Расширение аспектов изучения языковой личности привело к разработке проблем языковой личности как обобщающего культурного концепта в этнопсихологии и лингвокультурологии. Последняя наука является одним из ведущих направлений лингвистических исследований. Она идет от духа языка или от тех или иных явлений, связанных с языковой ментальностью, изучает национально-культурные специфические правила организации речевого общения, показывает духовность, соборность народа, отраженные в языке. Язык, таким образом, представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры.

В жизни человека процесс общения занимает очень важную роль. Поэтому ученые и исследователи из различных областей знания разрабатывают этот вопрос. На современном этапе изучение языка очень тесно связано с усвоением культуры. Это относится также и к изучению иностранных языков. Контакты между различными нациями стали более интенсивными, а поэтому изучения всего лишь языка становится мало.

Сегодня участники коммуникации стремятся к осуществлению общения на другом, более высоком уровне, а именно – на уровне культурного понимания, связанного с культурной компетенцией. «Культурная компетенция не совпадает с языковой: переключение языковой компетенции в культурную основано на интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода. Владение такого рода интерпретацией и есть культурно-языковая компетенция». [5, 227]. И чтобы культурное понимание шло более гладко, то знакомство с языками должно сопровождаться различной информацией, связанной со спецификой жизни того или иного народа. При этом фразеологические единицы, являясь особыми речевыми оборотами, хранят в себе и передают сведения о нормах, ценностях, устоях общества, т. е. служат отражением национально-культурного наследия различных стран.

В данной работе мы будем рассматривать примеры фразеологических оборотов из русского, украинского и белорусского языков. Так как современная лингвистика носит антропологический характер, то хотелось бы обратить больше внимания на фразеологические единицы, которые относятся к нравственной сфере, в частности, с компонентом «любовь» и «честь». Первым шагом в любом деле является установление значения основной лексемы:

Честь – это

1. *Моральное, профессиональное, социальное и т. п. достоинство, вызывающее уважение к самому себе или со стороны окружающих.* [4, 785]

2. *Почет, уважение. Знаки внимания, оказываемые кому-либо.*

3. *То, что придает кому-либо или чему-либо ценность, достоинство; то, чем гордятся.*

4. *Целомудрие, непорочность (женщины).*

Например: (РЯ)¹ *дело чести; клясться честью; похвастаться своей честью; воинская честь; честь российского спорта. «... вдруг пахнуло в лицо Пьера тем давно забытым счастьем...» (Л. Н. Толстой «Война и мир»). «Только самые простые вещи никогда не разочаровывают. Счастье достается как-то очень просто и всегда намного проще, чем думаешь» (Эрих Мария Ремарк. «Триумфальная арка»); заслуженная честь; оказать честь гостю; отдать честь; делать (сделать) честь; честь семьи; честь фирмы; честь заводской марки; береги честь смолоду;*

(БЛР) *справа гонару; гэты студэнт – гонар (гордаць) нашага інстытута; быць у пашане; гэта вялькы гонар (пошана, павага) для мене; аддаць чэсьць; рабіць (зрабіць) гонар; Шануйся замалада – не напаткае бяда.*

(УЯ) *народитися в сороці; щастя однооке; справа чести; честь університету; бути у пошані; на честь (пошану) чю; мати за честь щось; заради чести; честь університету (фірми) і т. д.; берегти честь замолоду.*

Изложенное выше показывает, что понятие честь широко представлено в русском, украинском и белорусском языках, а также свидетельствует о высоком уровне культуры народов, о природном чувстве самоуважения и о национальном достоинстве. Но в истории любой национальной культуры вопросы, касающиеся человеческих взаимоотношений, таких как любовь или дружба, всегда имели и до сих пор имеют первостепенное значение. При этом очень часто вопрос любви и чести идет рядом.

Очень важно отметить разницу значения «любовь» в разные эпохи. Так как это очень повлияло на современные значения этого слова. Разработанная терминология различных типов любви существовала в древнегреческом языке:

– «Ерос» – это стихийная и страстная самоотдача, восторженная влюбленность, направленная на плотское или духовное;

– «Филла» – это любовь-дружба, любовь-приятельство индивида к индивиду;

– «Сторуэ» – это любовь-нежность, особенно семейная;

– «ауате» – жертвенная и снисходящая любовь «к ближнему».

¹ Список принятых сокращений: БЛР – белорусский язык; РЯ – русский язык; УЯ – украинский язык

Для Эмпедокла вся история космоса – это противоборство любви («φύλα»), как конструктивного начала, и ненависти, как начала диссоциации. У Платона и в платонизме “любовь” – эрос, побудительная сила духовного восхождения.

Семантическая структура данного слова изменилась качественно и количественно. Например, количество значений уменьшилось, а если отмечать качественные изменения, то любовь из возвышенного чувства начала превращаться в низменное. В конце XX века актуализируется значение «Любовь. Заниматься любовью». Например, “Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона” [7], где первым значением идёт “половая любовь – влечение существа одного пола к другому для соединения с ним и взаимного восполнения жизни”; “Толковый словарь Ефремовой” даёт иное объяснение: “... Такое чувство, которое основано на взаимной симпатии и половом влечении” [6].

Многие варианты значений нашли своё отражение в фразеологии. Примеры, которые приведены ниже, помогают обнаружить различные значения, поэтому их распределили на условные группы (примеры на русском, другие языки уточняются в скобках):

– **любовь-дружба**

Их и водой не разольёшь. (БЛР: *І вада не размые; як у адной кашулі крышчаныя*)

– **настоящая любовь**

Не мил и свет, коль милого нет. (БЛР: *без сонейка света не быць, без мілага нельга жыць*)

До гробовой доски (УЯ: *аж до гробу; до самої смерці; до скону; до гробової дошки*)

Он без ума от неё. (УЯ: *шалено (до нестями) кохати*).

– **несерьёзная любовь**

Закрутить любовь.

Шутить – не любить.

«**старая любовь**»

Старая любовь не ржавеет.

Старый друг лучше новых двух.

– **одинокая любовь**

С глаз долой – из сердца вон. (БЛР: *з ваччу сышоу і з памяці зваліўся; як з вачэй, то і з думкі*)

Силой мил не будешь. (УЯ: *на милування нема сілування; сілою не будеш мілою; не можна нелюба любить*)

необъяснимая любовь

Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей (А. С. Пушкин)

Любовь зла, полюбишь и козла.

Любовь слепа.

«*С милым рай и в шалаше*» (Н. М. Ибрагимов «Русская песня»)

– **«очень любят»**

Живут, как кошка с собакой. Любит и кот сало (волк овцу). Любит, как собака палку. (БЛР: *Глядзець, паглядаць, любавачца як кот на сала. УЯ: Любить, як вовк віцю; любить. Як собака (пес) цибулю; любить як міль в оці*).

Рассмотренные нами концепты позволяют сделать вывод о том, что во фразеологии находят наиболее полное отражение многие нравственные понятия, характерные для мировоззрения и культуры славянских народов. Знание этих концептов поможет речевой личности адаптироваться в различных условиях коммуникации.

Литература

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987.
3. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / ред. Н. Ю. Шведовой / С. И. Ожегов. – М.: Изд-во “Русский язык”, 1983.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
6. <http://slovar.com.ua/rus.html>
7. <http://slovari.yandex.ru/dict/brokminor/article/26/26353.html?text=%D0%BB%D1%8E%D0%B1%D0%BE%D0%B2%D1%8C&stpar3=1.5>
<http://www.iiport.com/index.php?sw=%D0%BB%D1%8E%D0%B1%D0%BE%D0%B2%D1%8C>

М. Г. Старовойт (Мозырь, Беларусь)

**СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛЯ НЕОПРЕДЕЛЕННО МАЛОГО КОЛИЧЕСТВА
В БЕЛОРУССКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Поле неопределенно малого количества в белорусском, русском и английском языках представляет собой реализацию поля оценочного выражения неопределенного количества. При отборе практического материала мы опирались на образность языковых явлений. Организация лексики в систему строилась на основе ассоциативно-номинационного принципа, который определяет пути номинационной системы языка, привычные для носителей языка способы мотивации слов с оценочно-количественными значениями. В нашем случае лексические единицы группируются вокруг языковых образов, лежащих в основе семантических переносов, реализация которых определяется нормой и узусом.

Для функционально семантических полей именно ассоциативно-номинационный принцип структурирования приобретает огромную значимость и информативность. Номинационная схема показывает участок «языковой картины мира» в пределах конкретного поля и способна передать национальную специфику языка

и номинационную типологию. Анализ ассоциативно-номинационных направлений также имеет огромное значение для изучения глубинной когнитивной структуры значения. Выявление групп лексических единиц на основе образа, возникающего при восприятии слова внутри языковой категории «неопределенное количество» позволяет уточнить картину организации всей лексики в систему.

В связи с тем, что в лингвистической литературе новейшего времени внимание исследователей привлекали средства выражения неопределенно малого количества, вторая реализация оценки, а именно неопределенного малого количества – оставалась малоизученной. Причиной тому является слабая представленность в языке средств выражения малого количества. Категорию НМК часто связывают с категорией уменьшительности, малой размерности [1, 11], деинтенсификации [2, 66].

Тем не менее, анализ лексикографических источников показывает, что в белорусском, русском и англий-

ском языках средства выражения НМК не столь уж малочисленны и организуются по принципу ФСП, включающего не только лексико-фразеологические средства, но и некоторые словообразовательные морфемы [3, 5].

Поле неопределенного малого количества в белорусском, русском и английском языках представляет собой вторую реализацию поля оценочного выражения неопределенного количества. Логически равнозначные понятия большого и малого количества являются неравнозначными в языковом мышлении и в разной степени представлены в семантике языка. Поле НМК является своеобразным отражением поля НБК, однако заметно отличается по количеству конститuentов и наличию классов образов.

Словообразовательные морфемы, представленные в поле НМК, немногочисленны. Для выражения НМК с названиями совокупностей и вместилищ в белорусском и русском языках могут использоваться уменьшительно-ласкательные суффиксы: бел. *букецік, кучка, лыжачка*, рус. *букетик, кучка, ложечка*. Поле НМК английского языка не располагает такими морфологическими средствами.

В целом поля НБК и НМК семантически противостоят друг другу, что делает конститuentы одного поля возможными антонимами по отношению к конститuentам второго поля. В то же время очевидно сходство обоих полей, которое проявляется не только в общих принципах строения, общих видах лексической номинации, но и в соотношении отдельных классов образов, отрицательно отражающих друг друга.

Языковые образы и классы образов в основном соответствуют и противостоят друг другу в обоих полях. Так, классу образов «большого» соответствует класс образов «малого», классу образов «больших/интенсивных природных явлений» – класс образов «малых/неинтенсивных природных явлений»; классу образов «больших совокупностей» – образы «мелких совокупностей»; классу образов «полного» – класс образов «неполного», классу образов «сильного» – класс образов «слабого». Образ «малого числа» противопоставлен образу «большого числа», «малого количества воды» – «большой площади воды», «малых вместилищ» – «большим вместилищ», «малой меры» – «большой меры» и т. д.

Тем не менее, система классов, а также степень заполнения поля НМК является менее разработанной по сравнению с полем НБК. Более трети классов образов, существующих в поле НБК, не находят своего выражения в поле НМК. Это классы, мотивированные образами больших совокупностей растений, упорядоченных и беспорядочных совокупностей лиц и животных, осадков, больших площадей суши, совокупностей разнообразных предметов. Некоторые классы свойственны только полю НБК: класс образов движущихся совокупностей, класс образов артефактов. Однако, все классы, существующие в поле НМК, имеют параллели с противоположным значением в поле НБК.

Как и в поле НБК, особенности каждого из языков более заметны при сопоставлении на уровне нормы языка, где рассматриваются определенные конститuentы классов образов.

Центр поля образует лексика, где гиперонимами выступают бел. *мала*, рус. *мало* и англ. *little*. Все остальные разряды относятся к вторичной и опосредованной номинации. Детально разработаны в сопоставляемых языках образы малой меры и малого вместилища. Наряду с бел. *грам*, рус. *грамм* и англ. *gram* представлены также специальные англ. *ounce, oz*, бел. *унцыя*, рус. *унция*, приближительные меры расстояния и веса англ. *inch*,

pitch, бел. *цяля, крок, шаг*, рус. *дюйм, шаг*. Часто используются национально-специфические лексемы, например, бел. *губка, кватэрка, корх*, англ. *lot, scruple*, рус. *вершок, золотник*. Традиционными в употреблении являются бел. *лыжка, чайная ложка*, англ. *spoon, teaspoon*, рус. *ложка, чайная ложка*.

Особую группу составляют лексемы, где эталоном измерения или своеобразной емкостью выступает тело человека: англ. *handful, mouthful*. По нашим наблюдениям, английский язык значительно шире использует этот способ передачи НМК. Наиболее широкой сочетаемостью обладают совпадающие англ. *handful*, бел. *жаменя*, рус. *горсть*. Сюда примыкают компоненты, выражающие образ малой дозы, выраженной через действия человека: англ. *draught, sip, gulp*, бел. *глыток, панюшка, дробка, каліва*, рус. *глоток, понюшка, щепотка*.

Образ малой части или малого куска в целом реализуется одинаково: англ. *crumb, piece, lump, bit*, бел. *крошка, кавалак, жмуток, пасмачка, касмель*, рус. *крошка, кусок, клочок*.

Подклассы образов малых или неинтенсивных природных явлений в целом соответствуют подклассам образов больших природных явлений в поле НБК. Это образы малого количества воды и слабого движения воды, малой плотности растущего и единичных мелких растений или плодов, слабого движения воздуха, мельчайших частиц материи, малого количества света или огня, малой площади, окруженной водой, слабого отражения предмета, мелких животных. Тем не менее, при полном совпадении системы направлений мотивировки некоторых подклассов заметны определенные различия между языками.

Образ малого количества воды в белорусском, русском и английском языках реализованы бел. *кропля, кропелька, расінка*, рус. *капля, капелька, росинка*, англ. *drop, drip, trickle, dew-drop, dribble*. Англ. *streamlet, rivulet*, бел. *ручаек, струменьчык, цурок* и рус. *ручеек, струйка* объединяются образом слабого движения малой воды. Сочетаемость глаголов англ. *exude, percolate, leak out, pemeate, seep* и рус. *просачиваться, выдавать, проговариваться, расплзаться*, в основном включает абстрактные понятия типа *сведения, новости, слухи, подробности*.

Единичные мелкие растения или плоды также могут выражать НМК: бел. *зярытка, зернетка*, рус. *зернышко, росинка*, англ. *grain, corn, seed, nugget*.

Совпадает в сопоставляемых языках реализация образов мельчайших частиц материи (бел. *Атам, малекула, пылінка, парушынка*, рус. *атом, молекула, пылинка, соринка*, англ. *atom, molecule, mote, speck*); слабого света (бел. *праменьчык, пробліск*, рус. *лучик, проблеск*, англ. *ray, beam, flash, gleam*); малой частицы огня (бел. *іскра, агеньчык*, рус. *искра, огонек*, англ. *sparkle, spangle*). Сочетаемость компонентов этого класса образов всегда связана с абстрактными существительными, обозначающими эмоциональные и духовные качества человека: англ. *gleam of hope, spark of excitement*, рус. *луч надежды, проблеск сознания*. Образ слабого движения воздуха разработан в английском языке шире, чем в белорусском и русском языках: англ. *warf, whiff, puff, breath*, бел. *подых, навеу*, рус. *дуновение*. Сочетаемость этих слов, а также слов, объединенных образом не самого предмета, а его отображения аналогична с сочетаемостью слов, реализующих образы мельчайших частиц материи, слабого света и огня: англ. *burst of joy*, рус. *порыв радости*, бел. *парыу радасці, добрыя парывы, добрыя намеры*.

На фоне обширного класса совокупностей, лежащих в основе мотивировки слов, передающих идею большого количества, образы малых совокупностей слабо используются в трех сопоставляемых языках для передачи малого количества. Это связано с сущностью понятия «совокупность», включающего признак множественности объектов.

Класс мелких совокупностей представлен в пяти слабо разработанных подклассах. Противостоят друг другу наименования малых беспорядочных совокупностей и малых совокупностей, объединенных в одно целое. Это уменьшительные существительные (характерны для белорусского и русского языков), образованные от компонентов аналогичных подклассов поля НБК: бел. *групка, кучка, букецік, пакецік, вяночак, стосік, сцірта*, рус. *групка, кучка, букетик, пакетик, веночек, стопочка*. Примерами в английском языке могут послужить *posy, nosegary, tangle, clew*. В русском языке наиболее широкой сочетаемостью обладает существительное *кучка*. Существительные типа *букетик, пакетик* имеют ограниченную сочетаемость, хотя допускается *веночек песен*.

Слабо реализован в белорусском, русском и английском языках образ малого количества собранного: бел. *нястача, недахоп, беднасць, неураджай, няурод*, рус. *нехватка, недостаток, скудность, неурожай*, англ. *indigence, lack, deficiency, penury, shortage, scarcity, shortcoming*.

По сравнению с многочисленными компонентами поля НБК, объединенными образами «сильного» и «полного», классы образов «слабого» и «неполного» разработаны слабо. Образ части, края или тонкого покрытия площади лежит в основе значений рус. *краешек, налет*, англ. *edge, bloom*. Специфичными являются англ. *beeswing (осадок на стенках бутылки со старым выдержанным вином), patina (пленка разных оттенков, образующаяся на меди, латуни, бронзе при окислении металла)*.

В целом, семантические классы белорусского, русского и английского языков в поле НМК имеют ряд сходств и отличий, что можно объяснить структуральными различиями белорусского, русского и английского языков.

Литература

1. Пилюян, Б. С. Основные средства выражения понятия малости в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б. С. Пилюян. – М., 1965. – 20 с.
2. Сушинский, И. И. Средства выражения ослабления признака в современном немецком языке / И. И. Сушинский // Вопросы лексикологии немецкого и французского языков / И. И. Сушинский. – М.: изд-во Моск. ун-та, 1980. – С. 66-75.
3. Акуленко, Л. Г. Выражение неопределенно большого и малого количества в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 0 / Л. Г. Акуленко. – Харьков, 1982. – 279 л.

О. А. Ткаченко (Киев, Украина)

ТЕКСТ КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ОНИРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (на материале латинского, английского и украинского языков)

Проблема соотношения языка и культуры является актуальной в языкознании. Важным вопросом лингвокультурологии выступают вопросы соотношения этих двух важнейших атрибутов человеческой жизнедеятельности и их взаимодействие [12; 83].

Проблема языка как составной части культуры достаточно сложна, поскольку трудно представить язык некоей дискретной сущностью, противопоставленной культуре в целом и рядоположенной с искусством, наукой, религией, моралью, обычаями и т. п. [12; 84].

У истоков лингвокультурологии стояли такие известные ученые, как В. фон Гумбольдт и А. А. Потенция. Объединяя язык с жизнью народа, немецкий ученый говорил, что язык – это объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию [3; 349].

На связи языка и культуры основываются учения последователей В. фон Гумбольдта – неогумбольдтианцев, школы Э. Сепира – Б. Уорфа. По мнению ученых, язык и культура выступают частицами одного целого: язык не является оторванным от остальной культуры комплексом, а, наоборот, составляет важную часть культуры народа, живущего в определенное время и в определенном месте. Как таковой он отражает в своей содержательной части, то есть, в основном, в словаре, многие языковые элементы культуры [10; 537].

Язык и культура являются взаимосвязанными сложными системами, значительные сегменты которых пересекаются, накладываются друг на друга, а нередко и создают одну неделимую парадигму, комплекс с присущими ему закономерностями функционирования [4; 7].

● По словам А. Т. Хроленко, невозможно существование языка, который не был бы погружен в контекст культуры. Точно также культура имеет в своем центре структуры языка [12; 83].

Как самостоятельная область исследования лингвокультурология сформировалась в 90-е годы XX в. и связана с работами Ю. С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры», Н. Д. Арутюновой «Язык и мир человека» и др. По мнению В. В. Воробьева, лингвокультурология – это новая исследовательская парадигма движения научно-культурной мысли о языке и культуре. Она не только расширяет диапазон исследовательской идеи, но позволяет глубже и много стороннее осознавать ее возможности и резервы [2; 37].

Язык как один из основных признаков нации выражает культуру народа, который на нем говорит, т. е. национальную культуру. Две национальные культуры никогда не совпадают полностью, каждая культура состоит из национальных и интернациональных единиц [6; 87].

В составе текста на любом языке можно выделить основные слои лексики, наиболее ярко выражающие национальное своеобразие культуры: нравы, обычаи, традиции, связанные с народными поверьями, фольклором и мифологией.

Рассматривая художественный текст как культурологическую базу для формирования языковой картины мира, мы исследуем произведение Публия Овидия Назона «Метаморфозы». Именно в этом произведении римского автора находятся сведения о боге Сна, который в латинской мифологии имеет название – **Сомнус (Somnus)** сын **Ночи (Nox)** брат близнец **Мора (Mors – смерть)**, антропоморфное божество, а также его сыно-

вья, божества сновидений: **Фобетор (Phobetor), Фантаз (Phantasia) и Морфей (Morpheus)**.

Из нижеследующих строчек произведения «Метаморфозы» Публия Овидия Назона, автор описывает бога Сна следующим образом:

*Est prope Cimmerios longo spelunca recessu,
mons cavus, ignavi domus et penetralia Somni:
quo nunquam radiis oriens mediusve cadensve
Phoebus adire potest [16; книга 11, 592-595].*

Близ Киммерийской земли, в отдаленье немалом,
пещера

Есть, углубленье в горе, – неподвижного **Сна** там
покои.

*Не достигает туда, ни всходя, ни взойдя, ни спускаясь,
Солнце от века лучом [8; книга 11, 592-595].*

Описываются также и качества каждого из сыновей бога Сна: Фобетор (Phobetor) [16; книга 11, 640], который подражает зверям, птицам и змеям и Фантаз (Phantasia) [16; книга 11, 642], который является спящим людям в виде предметов и вещей окружающего их мира – воды, деревьев, земли, камня и Морфей (Morpheus), крылатое божество, которое являлось людям во сне, принимая образ любого человека [16; книга 11, 635]. Он умел абсолютно идентично подражать голосу и стилю произношения человека, которого изображал. Только во время отдыха он сохранял свой личный облик. Морфей жил в царстве сна среди маков, и каждый раз дотрагивался до спящего одним из его цветков, навевая приятные сны.

Таким образом, текст художественной литературы отображает мифологические воззрения античного народа, тем самым, открывая для нас специфику использования онирической терминологии того давнего времени.

В английской литературе впервые онирические мифологические термины встречаются у Шекспира в его трагедиях «Ромео и Джульетта» и «Король Лир».

Богиня Меб (Mab) королева фей упоминается Меркуцио – одним из главных персонажей трагедии «Ромео и Джульетта»:

*O, then, I see **Queen Mab** hath been with you.
She is the fairies' midwife, and she comes
In shape no bigger than an agate-stone
On the fore-finger of an alderman,
Drawn with a team of little atomies
Athwart men's noses as they lie asleep [9; акт 1 сцена 4].*

О, вижу я, что у тебя была

Царица Мэб, волшебниц повитуха.

Она совсем малютка; вся она

Не более агатового камня

У старшины на пальце; разъезжает

На атомах, запряженных гуськом,

В своем возке воздушном, по носам

Людей, что снят [15; акт 1, сцена 4].

Она управляет сновидениями людей:

And in this state she gallops night by night

Through lovers' brains, and then they dream of love;

O'er courtiers' knees, that dream on court'sies straight,

*O'er lawyers' fingers, who straight dream on fees,
O'er ladies' lips, who straight on kisses dream, [9;
акт 1, сцена 4].*

В таком-то вот параде, по ночам,

Царица Мэб в мозгу влюбленных мчится, –

Любовные тогда им снятся сны;

Иль скачет по коленям царедворцев –

И грезятся им низкие поклоны; –

Иль у судьбы по пальцам – и ему

Приснятся взятки; иль по губкам дам –

И грезятся тогда им поцелуи. [15; акт 1, сцена 4].

Другое мифическое божество, которое также впервые упоминается в английской литературе, встречается в трагедии Шекспира «Король Лир»:

S. Withold footed thrice the old;

*He met the **night-mare, and her nine-fold;***

Bid her alight,

And her troth plight,

And, aroint thee, witch, aroint thee! [5; акт 3, сцена 4].

Трижды Витольд святой приезжал

И девять чертовок с Марой встречал,

Слезть им велел,

Заклял от злых дел,

И пошла вон, ведьма, пошла! [14; акт 3, сцена 4].

В украинской художественной литературе мы не можем с твердостью утверждать, что то или иное произведение является первым, где упоминается мифологические божества сна. Однако в народном фольклоре, который предшествовал многим литературным памятникам украинской литературы, сохранились достаточно интересные упоминания мифических божеств – ночниц (крикливид, крикс, плакс). По народным поверьям эти духи забирали сон, в основном у детей. Отдельным жанром в украинском фольклоре выступают шептания. Одним из их видов были шептания от бессонницы:

Гора з горою,

камінь з травою,

риба з водою!

Як камінь закамів

так щоб крикливиці занімили! [11;104]

Гора с горой

Камень с травой

Рыба с водой!

Как камень закамел

Так чтоб крикливицы занемели!

По народным поверьям, ночью в виде девушек прилетают в дома ночницы. В народе говорят: «*Нате вам ночницы, отдайте нам сонницы*». Они забирают сон у людей, усыпляют их; иногда бывают мстительными, нападают на детей [1; 495].

Исследуемая онирическая терминология в художественных текстах трех разноструктурных языков дает нам возможность детально ознакомиться с тремя лингвокультурами, тем самым, обогатив наши знания о традициях и верованиях той либо иной нации. Перспективным является детальный анализ становления онирической лексики в трех разноструктурных языках.

Литература

1. Войтович В. Українська міфологія / Войтович Валерій. – К.: Либідь, 2002. – 664 с.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Монография. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 448 с.
4. Кононенко В. І. Українська лінгвокультурологія: навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів / Віталій Кононенко. – К.: Вища школа, 2008. – 328 с.
5. Король Лир // Электронный ресурс: http://shakespeare.mit.edu/lear/lear_3_4.html
6. Ощепкова В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М.: Глосса-Пресс, 2004. – 336 с.
7. Потебня А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 282 с.

8. Публий Овидий Назон. *Метаморфозы*. Перевод с латинского С. В. Шервинского. – М.: Художественная литература, 1983. // Электронный ресурс: http://www.lib.ru/POEEAST/OWIDIJ/ovidii2_2.txt
9. Ромео и Джульетта // Электронный ресурс: http://shakespeare.mit.edu/romeo_juliet/romeo_juliet_1_4.html
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Издательская группа "Прогресс", 1993. – 655 с.
11. Українські замовляння / Упор. М. Н. Москаленко. – К.: Дніпро, 1993. – 307 с.
12. Хроленко А. Т. Лингвокультуроведение: Учебное пособие. – Курск: Изд-во РОСИ, 2001. – 180 с.
13. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие/ А. Т. Хроленко; под ред. В. Д. Бондалетова. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 184 с.
14. Шекспир У. *Король Лир* Перевод Бориса Пастернака ПСС в восьми томах. Издательство "Искусство", 1959, т. 6. Электронный ресурс: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_text4.txt
15. Шекспир У. Ромео и Джульетта (перевод Д. Л. Михаловского) Трагедия в пяти действиях СПб., "Издательский Дом "Кристалл", 2001 Электронный ресурс: http://www.lib.ru/SHAKESPEARE/shks_romeo3.txt
16. Publius Ovidius Naso. *Metamorphoses* // Электронный ресурс: <http://thelatinlibrary.com>

Е. В. Федорасова, Н. П. Зорько (Мозырь, Беларусь)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПО ХАРАКТЕРУ ОБОЗНАЧАЕМЫХ ОБЪЕКТОВ

Основную культурную нагрузку языка несет лексика, и наиболее наглядно этот аспект представлен устойчивыми выражениями, фразеологизмами, идиомами, пословицами и поговорками – то есть тем слоем языка, в котором непосредственно сосредоточены результаты культурного опыта народа. Эти единицы языка наглядно иллюстрируют и образ жизни, и географическое положение, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой.

Фразеология больше, чем любая другая часть словарного состава языка, тесно связана с историей, традициями и литературой народа, говорящего на этом языке. Это ее свойство особенно проявляется в фразеологических единицах, компонентом которых является имя собственное.

Специфика географических названий заключается, прежде всего, в том, что имя, определяемое социальными и историческими факторами развития общества, одновременно призвано определять и называть объект. Велика познавательная и воспитательная роль географических названий, они имеют исключительно важное политическое, практическое и научное значение [1, с. 55].

В английском языке фразеологические единицы с именем собственным в качестве одного из компонентов являются достаточно многочисленными. В английском языке фразеологизируются ойконимы (названия населенных пунктов), хоронимы (названия больших областей), урбанонимы (названия улиц и других мелких объектов внутри населенных пунктов), гидронимы (названия всех водных объектов), оронимы (имена собственные гор и прочих возвышенностей), вымышленные географические названия.

Ойконимы как именованья населенных пунктов представляют собой один из самых важных и употребительных разрядов именованья топонимического пространства. Населенные пункты как рукотворные объекты четко выделяются из окружающего ландшафта. Вследствие наибольшей (по сравнению с другими названиями) экстралингвистической обусловленности, ойконимы легко входят в различные устойчивые сочетания слов [2, с. 140].

Названия городов, сел, деревень и всех других видов поселений в обжитой местности выполняют основную адресную роль и поэтому абсолютно преобладают среди всех других топонимов. Поэтому ойконимические фразеологизмы преобладают среди других видов топонимических фразеологизмов в английском языке.

Существует определенная соотношенность между наличием или отсутствием у ойконима коннотативного

значения и степенью мотивированности оборота в целом. Большинство фразеологических единиц с ойконимами характеризуется отсутствием или малой степенью мотивированности. Значение фразеологической единицы может и не выводиться из значения составляющих ее компонентов. Например, в английском языке, *to be born in Trumplington* «быть глухим»; *to go to Bungay* «убираться прочь»; *Hull cheese* «крепкое пиво». Ойконимы *Trumplington, Bungay, Hull* в восприятии современных носителей языка характеризуются отсутствием коннотаций и поэтому не способствуют выявлению общего значения оборота [3, с. 77].

Вместе с тем другие фразеологические единицы обладают мотивированностью благодаря метафорическому образу, например, в обороте *carry coals to Newcastle* («возить уголь в Ньюкасл») «делать бесполезное дело», в связи с определенностью имплицативного содержания топонима *Newcastle*, обозначающего центр угольной промышленности. Оборот *to turn (put) the best side to London* «проявить себя с лучшей стороны» также обладает определенной семантической членимостью, в результате восприятия той внутренней формы, которую имеет ойконим Лондон – столица, центр культурной и общественной жизни и т. д. Или: *Bunbury man* «пуританин» (город *Bunbury* знаменит пуританизмом жителей), *Paddingtonfair* «публичная казнь» (известно, что наиболее опасных преступников в старину казнили в Паддингтоне [4].

Для фразеологических единиц с ойконимами характерно определенное метасемiotическое свойство, а именно отсутствие стилистической нейтральности. Их предпочтительное употребление в ряде случаев, вместо соответствующих синонимических свободных словосочетаний, свидетельствует о том, что они имеют несомненную экспрессивную окрашенность, то есть не только обозначают явление как таковое, но до какой-то степени выражают отношение к нему говорящего.

Как известно ойконимы подразделяются на астионимы (названия городов) и хорионимы (названия сельских поселений). Частотность употребления того или иного астионима зависит от той роли, которую играл город в жизни государства на протяжении всей его истории. Хорионимы встречаются реже. Это объясняется тем, что астионимы имеют намного больше ассоциаций, чем хорионимы. Для фразеологизации хорионима, деревня должна чем-то прославиться, например: *to run away to Gretna Green* «убежать, чтобы тайно обвенчаться» (убежать в Гретна-Грин). Гретна-Грин – деревня на границе с Шотландией, где убежавшие влюбленные

могли обвенчаться без соблюдения всех установленных английским законом формальностей; *a wise man of Gotham* «недалекий человек, простак» (мудрец из Готама). По преданию, жители деревни Готам славились своим простодушием [там же].

В разряд *хоронимов* относятся названия больших областей (географических, экономических, исторических). Здесь представлены:

названия континентов, например: *African black* «марихуана» по цвету и возможно по происхождению; *Australia ballot* «гайное голосование»;

названия островов, например: *Coney Island* 1) «передвижной киоск, где можно быстро перекусить» 2) «большая булка с горячей сосиской и приправами». Кони-Айленд – остров возле Нью-Йорка, известный своими пляжами и аттракционами;

названия стран и государств, например: *to build castles in Spain* «жить иллюзиями, строить воздушные замки» (строить замки в Испании); *the curse of Scotland* (карт.) «девятка бубен» (проклятие Шотландии);

названия больших областей за пределами страны, например: *Garden of Eden* «рай земной, райский уголок». Эдем, в библейской мифологии земной рай, место пребывания Адама и Евы до «грехопадения». В переносном смысле – страна вечного блаженства и наслаждения;

названия больших областей внутри государств: графства Великобритании, например: *as valiant as an Essex lion* «боязливый, робкий». Графство Эссекс славится своими телятами; *Yorkshire born and Yorkshire bred, strong in the arm and weak in the head* «рожденный и выращенный в Йоркшире, силен в руках, но слаб в голове»;

названия штатов в США, например: *From Maine to California* «из одного конца США в другой» (от Мэна до Калифорнии). Мэн – крайний северо-восточный штат США, Калифорния – крайний юго-западный штат США [там же].

Урбанонимические фразеологизмы очень разнообразны по своему составу. В составе фразеологических единиц встречаются названия улиц (годонимы), например: *Wall street*, районов, например: *a Bronx cheer*, зданий, например: *be like Fort Knox*, рынков, например: *to talk Billingsgate*, тюрем, например: *Newgate bird*, замков, например: *to go to Canossa*, психиатрических лечебниц, например: *it's Bedlam*. Специфичным для английского языка является присутствие в составе фразеологических единиц названий гостиниц (*put on the Ritz*), вокзалов (*as busy as Grand Central Station*) и площадей (агоронимы) (*Tyburn blossom*) [там же].

Отражая определенную историческую эпоху, урбанонимы помогают проследить историю развития города и являются источником ценной лингвистической и страноведческой информации [1, с. 64]. Названия улиц стали со временем обозначать род занятий или социальное положение живущих или работающих там людей. Так, например, в результате метонимического переноса значения слов (названия улиц) возник целый ряд фразеологических единиц: *Fleet Street* «английская пресса», здесь находились редакции крупнейших газет; *Downing Street* «правительство Великобритании»; *Harley Street* «врачебная профессия».

Изучение *гидронимии*, т. е. название рек, озер, проливов, заливов и других видов водных объектов вызывает исключительный интерес у лингвистов, историков и географов. Оно проливает свет на этногенез, этнические связи, указывает направление перемещения населения,

помогает восстанавливать древнейшие формы слов, не зафиксированные в письменных памятниках [2, с. 156].

История становления названий водных объектов отражает развитие человеческого познания и эволюцию познания человеком внешнего мира, закрепляющего результаты когниции в даваемых познанным объектам именах. Гидронимы появляются на самом раннем этапе развития общества из потребности называть реки и озера, важные для жизнедеятельности человека и необходимые для ориентирования в жизненном пространстве, что обусловлено необходимостью взаимопонимания в процессе коммуникации. Из всех топонимических образований наиболее устойчивыми, как свидетельствует топонимический материал, оказались гидронимы. С помощью данных гидронимики часто удается установить современные ареалы распространения животных и растений. Именно гидронимы обладают большой информационной емкостью, еще далеко не познанной и не исчерпанной.

Вода играет большую роль в жизни человека и охватывает многие сферы его хозяйственной деятельности. Развитие первых цивилизаций начиналось на речных и морских побережьях. Для древнего земледельца культ земной воды и воды небесной – дождя – вполне естественное явление. Тесное взаимоотношение между культурами воды и урожая прослеживается в обрядах всех народов, причем в обрядах христианских, мусульманских и других верований довольно четко прослеживается их более ранняя языческая основа. Человек, первым пришедший утром за водой, бросал в воду несколько зерен. У многих народов совершались общественные жертвоприношения реке, в которую народ сбрасывал туши животных. В свадебном фольклоре широко распростран мотив свадьбы как переправы через реку. Реку воспринимали как некий рубеж, разделяющий важнейшие этапы жизни человека. Например, *cross the Rubicon* «перейти Рубикон, принять окончательное решение, отважиться на решительный шаг». В 49 г. до н. э. Юлий Цезарь вопреки запрещению Римского сенатора перешел с войском реку Рубикон, служившую границей между Италией и Цизальпинской Галлией, и начал гражданскую войну; *cross the Styx* «умирать». В греческой мифологии Стикс – река, через которую тени умерших переправлялись в страну мертвых [4]. В дохристианскую и христианскую эпохи в странах Европы было принято бросать в реку детей для установления их законнорожденности, испытывать водой ведьм, преступников. В феодальную эпоху в Западной Европе при судебном разбирательстве применяли испытания – так называемые «ордалии». Обвиняемых раздевали и бросали в воду, причем судьи заклинали реку, чтобы она приняла в себя невинных людей. Если человек не тонул, его виновность считалась доказанной.

Гидронимы подразделяются на пелагонимы (названия морей), потамонимы (названия рек), лимнонимы (названия озер), гелонимы (названия болот). Во фразеологии гелонимы не представлены, возможно, потому, что они носят чисто локальный характер и не известны за пределами исследуемой области. Потамонимы наиболее многочисленны в английском языке. Фразеологизируются только названия крупных рек, имеющие множество ассоциаций и играющие важную роль в жизни рассматриваемых лингвокультурных обществ. Для английского языка характерно использование во фразеологизмах пелагонимов: *Тэмза*, *Миссури*, *Миссисипи*, *Нил*, *Потомак*, *Рейн*, *Иордан*, *Рубикон*.

Часто гидронимы в составе фразеологической единицы отражают что-либо невозможное, необычное, отчаянное и рискованное, например: *to try to sweep back the Atlantic with a broom* «пытаться сделать невозможное» (Пытаться подмести Атлантический океан веником); *to shoot Niagara* «пускаться в рискованное предприятие, решаться на отчаянный шаг» [там же]. Смелчаки неоднократно пытались переплыть Ниагарский водопад.

В английской фразеологии *оронимы* встречаются реже, чем гидронимы. Это объясняется физико-географическими особенностями страны. Великобритания обладает густой сетью полноводных в течение всего года коротких рек (Северн, Темза, Уз, Тис, Тайн, Иден, Туид и др.). В горах много озёр, наиболее крупные из них: Лох-Ней, Лох-Ломонд, Лох-Несс. Горы же в Великобритании средневысотные и слабовыраженные. Это объясняет преобладание в английской фразеологии гидронимов.

Принципиальное отличие оронимов от гидронимов состоит в том, что реки обладают протяженностью и их названия известны широкому кругу людей, а горы локально ограничены и не всегда доступны. Названия рек чаще употребляются не только местными жителями, но и далеко за пределами своего течения. Названия гор известны небольшим коллективам. Горы картографировались значительно позже рек – некоторые только в конце 19 – начале 20 в. Поэтому нередко название реки и горы, с которой она берет начало, совпадают [2, с. 161].

Названия возвышенностей встречаются чаще, чем названия низменностей, например: англ. *valley of Baca* «долина плача» – символ человеческой жизни; *as plain as Salisbury* «совершенно очевидно, бесспорно, ясно как день» (ясный как Солбери).

Помимо реально существующих географических названий, среди топонимических фразеологизмов можно встретить *фразеологические единицы с вымышленными географическими названиями*. Такие фразеологизмы очень многочисленны. *The land of Cockaine* «сказочная страна изобилия и праздности, рай земной»; *live in Easy Street* «быть богатым» (жить на Беспечной улице); *on the high-road to Needam* «на пути к нищете» (need – нужда) (на шоссе в Нидам) [4].

Большинство фразеологизмов, представленных в данной группе, образуются с помощью стилистического приема – каламбура или игры слов, который рассматривается как культурное явление, поскольку для понимания каламбуров необходимо воссоздать в памяти культурные данные. В английском языке преобладают каламбуры, построенные на двояком значении одного из компонентов. Например, *Acapulco gold* «крепкая, коричневато-золотая марихуана из Мексики». В этом выражении в компоненте «gold» проявляется игра значений по цвету, качеству и сорту. Это пример многих подобных английских географических каламбуров, используемых для названий наркотиков, построенных на двояком значении.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что топонимы в составе фразеологических единиц несут важную лингвокультурологическую информацию, без знания которой невозможно понимание фразеологизма. В качестве компонента фразеологической единицы топоним играет важную роль для выявления национально-культурных особенностей народа-носителя данного языка. Фразеологическая картина мира, основу которой составляют фразеологические единицы с топокомпонентом, позволяет полнее представить этнические стереотипы того или иного лингвокультурного сообщества.

Литература

1. Леонович, О. А. Очерки англоязычной ономастики / О. А. Леонович. – Пятигорск, 1990. – 130 с.
2. Уразметова, А. В. Лингвокультурологический аспект изучения топонимов в составе фразеологических единиц: дис. ... канд. филолог. наук: 10. 02. 20 / А. В. Уразметова. – Уфа, 2006. – 196 с.
3. Беленькая, В. Д. Очерки англоязычной топонимики / В. Д. Беленькая. – М.: Высшая школа, 1977. – 277 с.
4. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – Москва, 1998. – 942 с.

К. Л. Хазанова (Гомель, Беларусь)

ЛЕКСИКА-СЕМАНТИЧНАЯ ЭКВІВАЛЕНТНАСЦЬ ТЭКСТАЎ АРЫГНАЛА І ПЕРАКЛАДУ

Любы перакладны тэкст уяўляе сабой акт міжмоўнай і міжкультурнай камунікацыі. У лексіка-семантычным аспекце пераклад мастацкага твора – заўсёды з’ява складаная. Супастаўленне мовы арыгінала і мовы перакладу дае магчымасць выявіць неаднароднасць семантычных адносін паміж тэкстамі арыгінала і перакладу, але пры гэтым абавязковую (для таго, каб тэкст на мове перакладу лічыўся паўнапраўным прадстаўніком арыгінала ў іншым моўным асяроддзі) наяўнасць лексіка-семантычнай эквівалентнасці.

Зварот да літаратурнай спадчыны класіка не толькі беларускай літаратуры, але і мастацкага перакладу на беларускую мову Янкі Купалы паказаў, што ў аснове яго перакладчыцкай творчасці закладзены прынцып частковай агульнасці ў непарыўным адзінстве з прынцыпам супрацьлегласці. Сэнсавая эквівалентнасць мовы арыгінала і мовы перакладу, якая выяўляецца пры вывучэнні лексічнай спецыфікі перакладу ў супастаўленні з арыгіналам, дала багаты матэрыял для асэнсавання ролі гэтых прынцыпаў у сістэмнай арганізацыі купалаўскіх перакладаў.

У беларускіх тэкстаў купалаўскага перакладу знакамітага “Кабзара” Тараса Шаўчэнкі наглядаюцца моўныя факты, якія вызначаюць магчымасць і межы семантычнай агульнасці суаднесеных моўных адзінак. Ступень рэальнай сэнсавай блізкасці паміж украінскім арыгіналам і беларускім перакладам розная ў залежнасці ад кантэксту. У сапраўднасці карціна рэальнай адпаведнасці перакладу ўкраінскаму арыгіналу вельмі складаная і разнастайная. Кожная міжмоўная ўкраінска-беларуская паралель як адзінкавых лексем, так і шматкампанентных выразаў з’яўляецца асобным, непаўторным, непадобным на іншыя тыпам семантыкастылявога вар’іравання залежнасці беларускага перакладу ад украінскага арыгінала.

З мэтай лепшага выяўлення адносін мовы купалаўскага перакладу да мовы шаўчэнкаўскага арыгінала, на нашу думку, будзе мэтазгодным аб’яднаць суадносныя адзінкі арыгінала і перакладу ў абагуленую класіфікацыю, заснаваную на тыпах лінгвістычнай эквівалентнасці перакладу і арыгінала, якія прапанаваў В. Н. Камісараў [1].

Перш за ўсё звяртаюць на сябе ўвагу лексічныя адзінкі, якія валодаюць максімальна высокай сэнсавай агульнасцю, магчымай паміж разнамоўнымі тэкстамі: *Пострывайце.. світ – не хата* [2, 70] – *Пачакайце! Свет – не хата* [3, V, 411]. Дзеясловы *пострывайце* і *пачакайце* маюць значэнне ‘не пачынаць дзейнічаць’. Для такіх адносін арыгінала і перакладу характэрна высокая ступень семантычнага паралелізму: *навприсідки Парубкі з дзідамі* [2, 69] – *ўтрысядкі Дзецюкі з дзідамі* [2, V, 410]. У абедзвюх мовах гэтыя лексічныя адзінкі (*парубок – дзецюк*) захавалі семантыку ‘нежанаты хлопец’. Характэрная рыса перакладу падобнага тыпу – вялікая суаднесенасць лексічнага складу: *Посаджу.. На дзігліку* [2, 82] – *Посаджу.. На пасадзе* [3, V, 426]. Паралель *дзіглік – пасад* мае значэнне ‘пачэснае месца’. Галоўная рыса дазенага тыпу эквівалентнасці – захаванне максімальна магчымай агульнасці асобных сем, якія ўваходзяць у значэнне слоў арыгінала і перакладу: *Налігачем [ляхі] скруцілі руки* [2, 84] – *Пастронкамі [ляхі] скруцілі руки* [3, V, 429]. Ступень агульнасці пры дадзенай эквівалентнасці вызначаецца магчымасцю ўзнавіць у перакладзе аднолькавае з арыгіналам значэнне слоў *налігач* і *пастронка* – ‘рэмень, вяроўка’. У гэтай групе міжмоўных адпаведнікаў пры вызначэнні эквівалентнасці перакладу і арыгінала на першы план выходзіць крытэрыі агульнай прыналежнасці слоўнага знака да пэўнага значэння.

У другі тып эквівалентнасці можна выдзяліць групу моўных паралеляў, якая характарызуецца значным, але няпоўным паралелізмам семантыкі: *Світе тихий!* [2, 573] – *Свет спакойны!* [3, IV, 446] Пры супастаўленні слоў *тихий* і *спакойны* выяўляецца сэнсавая агульнасць толькі ў значэннях ‘бягучы’ і ‘няшумны, маўклівы’. Для гэтага тыпу паралеляў у перакладзе існуюць адпаведнікі слоў арыгінала з блізкім семантычным аб’ёмам. Цікавыя суадносіны ўсталяваліся паміж лексемай *нужда* і яе адпаведнікам у перакладзе *бяд*: *матір.. у могилу Нурьда положила* [2, 506] – *маці.. у магілу Бяда палажыла* [3, IV, 444]. Лексічныя варыянты супалі ў значэнні ‘галеча, нястача’, а астатнія семы ў іх розныя: *нужда* – ‘патрэба’, *бяд* – ‘няшчасце, нядоля’.

Паколькі лексемы ўкраінскай і беларускай моў з’яўляліся элементамі ўнікальных мозных сістэм, відавочна немагчымасць абсалютнай тоеснасці зместу арыгінала і перакладу. Так, дзеяслоў *повити* ў значэннях ‘апавіць; абвіць, абаханіць шыю рукамі, спавіць; закручваць дзіця ў пялёнкі’ [4, 459] ідэнтычнага паводле семантычнага зместу беларускага адпаведніка не меў. Т. Шаўчэнка надаў дзеяслову *повити* сэнс ‘загарнуць у што-небудзь – пра дзіця’ [5, II, 88]. Перакладчык зрабіў лагічную выснову: *повити* → спавіць нованароджанае дзіця → *радзіць*: *Мене там мати повила* [2, 505] – *Мяне радзіла маці там* [3, IV, 444]. Адпаведная кантэкстуальная сітуацыя дала Я. Купалу падставы для выбару ў якасці суадноснага варыянта ўкраінскаму *повити* дзеяслова, семантычнае нападўненне якога абмежавана толькі значэннем ‘нарадзіць дзіця’.

У гэтым тыпе эквівалентнасць агульнага зместу арыгінала і перакладу ахапіла інфармацыю, замацаваную за спосабам выражэння моўных адзінак: *Я сьогодні забарилась* [2, 82] – *Замарудзіла я сёння* [3, V, 426]. Украінскае *забаритися* накладаецца на беларускае *замарудзіць* у семе ‘затрымацца’, у семах ‘забавіцца’ і ‘запаволіцца’ заўважаецца некаторае разыходжанне.

Па-іншаму развіліся семантычныя суадносіны ў міжмоўнай паралелі субстантывавальных прыметнікаў *ревучий – бурлівы*: *чуті, Як реве ревучий* [2, 308] – *чут-*

на, Як реве бурлівы [3, IV, 443]. Слова *ревучий* ‘шумлівы’, маючы значэнне ‘пра Дняпро’ [5, II, 192], увайшло ў семантыку беларускага *бурлівы* ‘бурны, мнагаводны, неспакойны’. Больш шырокае значэнне беларускага варыянта, семантычна рэалізаванае ва ўкраінскім адпаведніку, цалкам замяніла яго. Гэты тып моўных паралеляў раскрывае важную ролю семантычных сувязей у працэсе міжмоўнай камунікацыі. Прычым па-за ўвагай перакладчыка не застаўся і стылістычны аспект арыгінала. Таўталогія, выкарыстаная Шаўчэнкам (*реве ревучий*), прызначана ўздзейнічаць на слыхавое ўспрыняцце рэцэптараў. У перакладзе гукапераймальную функцыю выканалі алітэрацыя *р* (*реве бурлівы*).

Асаблівасцю наступнага тыпу семантычнай эквівалентнасці перакладу і арыгінала з’яўляецца адсутнасць яўнага паралелізму семантычнага складу адначасова з захаваннем у перакладзе зместу арыгінала. Дзеяслоў *вгнути* (*утнути*), напрыклад, меў шэсць значэнняў (1 адрэзаць, адсеч, урэзаць; 2 ударыць; 3 зрэзаць, скасіць; 4 змайстраваць, выканаць з вялікім натхненнем; 5 змагчы; 6 зразумець [4, 632]), сярод якіх моўная сітуацыя вымагала толькі апошняга: *оксію Не вгну таки й досі* [2, 71]. Я. Купала ўлічыў складанасць семантыкі дзеяслова (пры спалучэнні з узмацняльнай часціцай *таки* – ‘спасцігнуць розумам’, ‘усвядоміць’, ‘здагадацца’ [5, I, 121]), а таксама яго стылявую прыналежнасць (размоўнае, рэдкае [4, 632]): *оксію Не ўцямлю і досюль* [3, V, 412].

Пры гэтым тыпе перакладаў слоў захоўваюцца агульныя паняцці, з дапамогай якіх здзейснілася апісанне ў арыгінале: *Погралися гори-хвили* [2, 131] – *Пагулялі горы-хвалі* [3, IV, 461]. Агульнасць паняццінай асновы вынікае з таго, што ў арыгінале і перакладзе сітуацыя апісана шляхам указання аднолькавых яе прыкмет. *Погратися* валодала значэннямі: ‘пазабавіцца’, ‘пацешыцца’, ‘пашумець’, ‘запеніцца’. З іх толькі два апошнія адпавядаюць купалаўскаму эквіваленту.

Атаясамліванне сітуацый арыгінала і перакладу дапускае, што за кошт гэтага дасягаецца ўзнаўленне мэты камунікацыі арыгінала. У падобных выпадках назіраецца выкарыстанне перакладам сінанімічнай структуры, звязанай з арыгіналам адносінамі семантычнай трансфармацыі слова: *човен.. Ніхто не спіняэ* [2, 131] – *човен.. Ніхто не прыкмеціць* [3, IV, 461]. У арыгінале дзеяслоў *спинити* пададзены ў значэнні ‘затрымаць’, а ў Я. Купалы – *прыкмеціць* ‘заўважыць’. Адносіны паміж зместам арыгінала і перакладам класіфікуюцца паводле фармальна-лагічных адносін раўназначнасці паміж двума паняццямі. Для апісання сітуацыі ў Я. Купала кіраваўся прыкметай, дадзенай арыгіналам: ‘адсутнасць каго-небудзь здольнага займацца з чоўнам’.

Яшчэ адзін тып эквівалентнасці арыгінала і перакладу склалі выпадкі сэнсавай блізкасці да арыгінала, не заснаванай на агульнасці значэнняў выкарыстаных моўных сродкаў. Словы некаторых выразаў арыгінала не знайшлі ў перакладзе непасрэднага адпаведніка: *Як письменні начитали* [2, 67] – *Як письменныя гавораць* [3, IV, 407]. Дзеясловы *начитати* ‘прачытаць’ і *гаварыць* ‘выражаць думкі вусна’ абазначаюць розныя дзеянні, на аснове якіх узнікаюць падобныя асацыяцыі. У абодвух тэкстах перцыпіент мае магчымасць зрабіць аднолькавыя высновы пра сэнс выказвання: ‘павучаць, падказваць’.

У іншых радках моўныя сродкі, выкарыстаныя і Т. Шаўчэнкам, і Я. Купалам, фактычна апісалі аднолькавы ўчынак, паказаўшы на аднолькавую рэальнасць:

Люде, што *зібратись* волю боронить [2, 84] – Людзі, што *меліся* волю бараніць [3, V, 429]. Аднак у арыгінале і перакладзе ўжыты розныя па сэнсе словы: *зібратися* ‘падрыхтавацца куды-небудзь ці да чаго-небудзь’, *мецца* ‘жадаць’. Пры розным намінатыўна-першасным значэнні эквівалентныя адпаведнікі арыгінала і перакладу выразілі адну думку: ‘вырашыць штосьці рабіць’.

Адсутнасць супастаўляльнасці лексічнага складу, характэрную для адносінаў арыгінала і перакладу гэтага тыпу, асабліва відаць з наступных прыкладаў: *Куды ж воно дзілось? відкіля взялось?* [2, 66] – *Дзе ж яно прапала? Скуль яно прыйшло?* [3, V, 405] Сітуацыя апісана праз розныя камбінацыі асобных яе прыкмет. Выразы ўспрымаюцца як сінамічныя, нягледзячы на несупадзенне моўных сродкаў. Словы *дзіцца* ‘аддзіцца’ і *прапасці* ‘згінуць’ супалі ў значэнні ‘знікнуць’. Таксама, як і *взяцца* ‘схапіцца рукамі, ‘пачаць працу’ і *прыйсці* ‘прыбыць куды-небудзь’ захавалі значэнне ‘з’явіцца’, ‘узнікнуць’.

Сэнсавая мадыфікацыя, уласцівая такому тыпу эквівалентнасці, як, дарэчы, і папярэдняму, назіраецца ў радках: *шляхта.. королем коверзуе* [2, 72] – *шляхта.. муштруе каралю* [3, V, 413]. У арыгінале *коверзувати* мела значэнне ‘дзекавацца, глуміцца’ [4, 300], а *муштруваць* (пераклад) – ‘кіраваць, прымушаць да дзеяння’. Семантыка лексем не супала. Аднак умова эквівалентнасці выканана, бо існуе захаванне мэты камунікацыі ў гэтым перакладу: перадача значэння ‘папіхаць, дэспатычна абыходзіцца з кім-небудзь’. У перакладзе ёсць указанне на тую самую сітуацыю, што мае арыгінал, а таксама ўстаноўлены тыя самыя адносіны аб’ектаў выказвання.

Аб’яднаць вышэйзначаныя прыклады ў асобны тып эквівалентнасці дала падставы прамая і лагічная сувязь паміж разнамоўнымі паведамленнямі.

У перакладзе выкарыстоўваліся моўныя адзінкі, у якіх агульнасць зместу з арыгіналам была найменшая. Для іх характэрна немагчымасць лексічнай сувязі адносінамі семантычнай трансфармацыі: *Там неволя, Робота тяжкая, ніколі I помолитись не дають* [2, 505] – *Там няволя, работа цяжкая, ніколі I адначыні не даюць* [3, IV, 444]. Пераклад перадаў не прамы змест, а вытворны, які вынікае толькі з усяго выказвання. Асобнае значэнне ўдзельнічала ў стварэнні зместу ўжо не праз уласныя семы, а толькі склаўшы з іншымі адзінкамі сэнсавы цэлае для выражэння іншага сэнсу. Прамае значэнне *помолитись* ‘выканаць рэлігійны абрад’ адступіла на другі план. Успрыняўшы перыферычную сему ‘адсутнасць вольнага часу’ (мэту выказвання), Я. Купала ідэнтыфікаваў і інтэрпрэтаваў значэнні ў адносінах адно да аднаго і да апісанай рэальнасці.

Дадзены тып эквівалентнасці рэалізаваны ў радках: *Коли ж згинув чорнобривий – То й я погубаю* [2, 20] – *Калі згінуў чарнабрывы, То й я прападаю* [3, IV, 450]. У пераклад Я. Купала заклаў здольнасць выклікаць тыя самыя пачуцці, што і тэкстарыгінала, нягледзячы на меншую катэгарычнасць семантыкі беларускага варыянта: *прападаць* ‘знікаць’ – *погубаць* ‘гінуць’.

У беларускім тэксце Я. Купала пакінуў паэтычнае ўздзеянне арыгінала, заснаванае на выкарыстанні тро-

паў: *серед неба Горить білолиций* [2, 80] – *Сярод неба Месяц зіхаціцца* [3, V, 424]. У выпадку транслітаравання перакладам субстантываванага прыметніка арыгінала (*білолицы, белатвары*) беларускаму чытачу было б цяжка асэнсаваць змест, бо для беларускай моўнай свядомасці такая назва Месяца не была характэрнай, і лексема не выклікала б паэтычных асацыяцый. Варыянтам перакладу стала слова, якое ў адносінах да вобразнай перыфразы арыгінала, з’яўлялася апорным, паясняльным. З мэтай узнёўлення мастацкай паэтычнасці тэксту Я. Купала замяніў прэдыкат выказвання: *горить – зіхаціцца*.

Такім чынам, эквівалентнасці, пры якой агульнасць зместу перакладу з арыгіналам найменшая, Я. Купала дасягнуў шляхам перадачы мэты камунікацыі, што вынікала з указання на сітуацыю, сэнс выразу, які ўклаў у арыгінал Т. Шаўчэнка.

Даследаванне разнастайных тыпаў лексіка-семантычнай эквівалентнасці тэксаў перакладу і арыгінала (на матэрыяле перакладу Я. Купалы “Кабзара” Т. Шаўчэнка на беларускую мову) дало падставы сцвярджаць, што наяўнасць лінгвістычных універсалаў і генетычная роднасць беларускай і ўкраінскай мовы ў працэсе перакладу сутыкнуліся з адрозненнямі, выкліканымі самастойным існаваннем кожнай з моў-удзельніц міжмоўнай камунікацыі. Адзінства прынцыпаў частковай агульнасці і супрацьлегласці дасягалася неабходнасцю захавання ў перакладзе інварыянтнага сэнсу, зададзенага арыгіналам. Унікальнасць семантычных сістэм моў і як яе вынік неаднароднасць семантычных адносінаў моўных адзінак прывяла да назіральнай няроўнасці семантычнага патэнцыялу лексем арыгінала і перакладу, на аснове якой, аднак, улічваючы абавязковую залежнасць перакладу ад арыгінала, даволі лёгка ўсталёўваецца лексіка-семантычная эквівалентнасць беларускамоўных перакладаў і іх іншамоўных арыгіналаў. Ступень лексіка-семантычнай эквівалентнасці перакладу і арыгінала тым большая, чым большая колькасць элементарных сэнсаў моўнай адзінкі арыгінала стала дамінантным значным кампанентам для перадачы ў перакладным тэксце і ўвайшла ў семантыку моўнай адзінкі перакладу і чым менш страчаных сем, вызначаных перакладчыкам нерэlevantнымі для перакладу. Розныя колькасныя суадносіны семантыкі адзінак перакладу і арыгінала стварылі своеасаблівую тыпалогію эквівалентнасцей адносінаў, якая не сведчыць аб парушэнні лексіка-семантычнай эквівалентнасці перакладу і арыгінала, а толькі класіфікуе яе. Самая вялікая ступень лексіка-семантычнай эквівалентнасці арыгінала і перакладу існуе ў адзінках, якія захавалі агульнасць усіх асноўных частак зместу арыгінала. Суадноснасць семантычнай падобнасці арыгінала і перакладу значна памяншаецца, калі ў ролі дамінантнага выступаюць пэўныя канкрэтныя семы моўнай адзінкі арыгінала. У некаторых выпадках эквівалентнасць лексіка-семантычных адносінаў арыгінала і перакладу абпіраецца на існаванні толькі адной агульнай элементарнай сэнсавай часткі ў семантычным напаўненні моўных знакаў арыгінала і перакладу.

Літаратура

1. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1980. – 166 с.
2. Шевченко, Т. Г. Кобзар / Т. Г. Шевченко. – Київ: Дніпро, 1987. – 640 с.
3. Купала, Янка. Збор твораў: у 7 т. / Янка Купала / Акад. навук БССР. Ін-т літаратуры імя Янкі Купалы. – Т. 4: Вершы, паэмы, пераклады. – Мінск: Навука і тэхніка, 1974. – 457 с.; Т. 5: Паэмы, пераклады. – Мінск: Навука і тэхніка, 1974. – 561 с.
4. Лемцогова, В. П. Украінска-беларускі слоўнік / В. П. Лемцогова. – Мінск: Выш. школа, 1980. – 688 с.
5. Словник мови Шевченка: В 2 т. / АН УРСР. Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні; Відповід. ред. В. С. Ващенко. – Київ: Наукова думка, 1964. – Т. 1–2.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭПИГРАФА В ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

При рассмотрении диалогической модели текста эпиграф играет одну из ведущих ролей. Он представляет собой идеально интегрированную в текст цитату, это своеобразный «текст в тексте» [5]. Ю. М. Лотман указывал на возможность построения такого усложненного текста, подчеркивая, что «один текст дается как непрерывное повествование, а другие вводятся в него в нарочито фрагментарном виде (цитаты, отсылки, эпиграфы и т. п.). Предполагается, что читатель развернет эти зерна других структурных конструкций в текст. Подобные включения могут читаться и как однородные с окружающим их текстом, и как разнородные с ним» [6, 159].

Эпиграф, таким образом, можно рассматривать как самостоятельный текст, который соотносится как с текстом-источником, так и с текстом, в который он включен.

Многочисленные формы и функции эпиграфов детально описаны в диссертации К. Зегерманн «Эпиграф в лирике» [11]. Автор указывает на разнообразие и возрастающую значимость данного феномена для поэзии.

По определению Н. А. Кузьминой «эпиграф задает тему, которую подхватывает и развивает следующий за ним текст... выявляет идею, концепцию произведения... задает ключевые слова и группы слов, формирует стилистическую и эмоциональную тональность текста» [3]. Указанная значимость эпиграфа требует от переводчика особого внимания. «Переводчик художественного произведения – не только поэт, но и исследователь: его деятельность осознается им же самим как после-деятельность (мета-деятельность, перевод), предполагающая анализ, исследование законов организации текста-оригинала на разных языковых уровнях (от фонетического до собственно текстового)» [4].

При создании текста перевода возникает сложная коммуникативная цепь «автор – текст-оригинал – читатель/переводчик (автор) – текст-перевод – читатель». И если в текст-оригинал включен эпиграф, то появляется дополнительное звено: «текст-оригинал + диалогизирующие тексты», что приводит к усложнению данной системы, и следовательно к повышению требований к переводу и деятельности переводчика.

Перевод лирического произведения представляет собой своеобразную творческую преработку оригинала, «происходит не просто замена одного языка другим. В переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки» [1, 11]. И в таком аспекте перевод эпиграфа является отдельным этапом данного творческого процесса.

Переводчик должен ощущать духовное родство с автором переводимого текста, чтобы с минимальными смысловыми потерями передать текст читателям иной культуры. Должен ли он переводить эпиграф как самостоятельный текст, либо необходимо обратиться к тексту-источнику в оригинале или в переводе? Мы не ставим своей задачей сравнить переводы с точки зрения адекватности, но пытаемся подчеркнуть всю сложность перевода текста с эпиграфом, логичность выбора эпиграфа для переводного текста.

Для решения данной задачи необходимо определить источник эпиграфа. Н. А. Кузьмина к самой большой группе эпиграфов относит цитаты из поэзии предшественников и современников. И практически у всех поэтов встречаются автоэпиграфы [2, 144].

Например, А. Ахматова включает в стихотворение «Родная земля» в качестве эпиграфа цитату из своего стихотворения «Не с теми я, кто бросил землю...». Авторитетная, по словам Н. А. Кузьминой, доказывает, что «произведение, отделившись от своего создателя, живет собственной жизнью» [2, 145], а с появлением переводов становится достоянием иных культур. Наличие множественности переводов одного и того же стихотворения дает переводчику возможность выбора: процитировать чужой перевод либо создать свою смысловую интерпретацию эпиграфа.

Так Р. Кирш в своем переводе стихотворения «Родная земля» А. Ахматовой использует в качестве эпиграфа цитату из им же переведенного стихотворения А. Ахматовой «Не с теми я, кто бросил землю...», что является вполне логичным, несмотря на то, что существуют очень близкие переводы других авторов, ср.:

И в мире нет людей бесслезнее, / Надменнее и проще нас.

(А. Ахматова) [7, 96]

Doch niemand auf der Welt ist tränenloser, / Hochmütiger und einfacher als wir.

(Rainer Kirsch) [7, 25]

Und auf der Welt ist niemand tränenloser, / Hochmütiger und einfacher als wir.

(Eric Boerner) [8]

Учитывая множественность переводов часто сложно найти то стихотворение-перевод, которое явилось источником цитации. Сложно утверждать, что какой-либо текст-перевод был для переводчика как носителя языка оригинала актуальным. В некоторых случаях можно предположить, что эпиграф переведен как отдельный текст. Р. Кирш в переводе стихотворения А. Ахматовой «Клеопатра» эпиграф «Александрийские чертоги / Покрыта сладостная тень» А. Пушкина передает очень близко к тексту: «Alexandrias Paläste / Deckt ein sanfter Schatten nun» [7, 41], если сопоставить с цитатой из перевода З. фон Радецким стихотворения А. Пушкина: «und schmachtend tiefer Schatten wohnt / in Alexandriens Palästen» [10].

Переведенный Р. Киршем эпиграф «И дряхлый пук дерев» к стихотворению «Ива» А. Ахматовой выглядит как дословный при сопоставлении его с цитатой из перевода стихотворения А. С. Пушкина «Царское село», выполненного М. Энгельгардом. Ср.: *Und die altersschwachen Bäume* (А. Ахматова «Ива», пер. Р. Кирша) [7, 43] – ... *sehn, / Den Stapel Holz...* (А. Пушкин «Царское село», пер. М. Энгельгарда) [9, 239].

Эпиграфы, источником которых являются, например, цитаты из газет, переводятся как самостоятельный текст с учетом последующего смыслового содержания стихотворения. Например, эпиграф к стихотворению М. Цветаевой «Маяковскому» переведен следующим образом:

«В гробу, в обыкновенном темном костюме, в устойчивых, грубых ботинках, подбитых железом, лежит величайший поэт революции.»

(«Однодневная газета», 24 апреля 1930 г.)

«In einem Sarg, schlichtem dunklem Anzug und derben, eisenbeschlagenen Stiefeln liegt der größte Dichter der Revolution.»

«Extranummer», 24. April 1930 [12, 73]

Эпиграфы на иностранном языке в большинстве случаев сохраняются, перевод их часто приводится в

комментарии. Например, без изменений передан эпиграф к стихотворению А. Ахматовой «Cinque»: *Autant que toi sans doute il te sera fidele / Et constant jusques a la mort (Baudelaire)* [7, 63] либо также у А. Ахматовой эпиграф к стихотворению «Предвесенняя элегия»:... *toi qui m'as consolee (Gerard de Nerval)* [7, 103].

Итак, перевод эпиграфа является отдельным сложным творческим процессом. При переводе особую роль

играет источник эпиграфа, который и определяет в большинстве случаев стратегию перевода. Переводчик должен обратиться к тексту-источнику, определить функцию эпиграфа и сохранить ее в переводном тексте. Краткость и одновременно смысловая завершенность эпиграфа, в котором сосредоточена тема и идея всего произведения, направляет читателя/ переводчика в процессе смысловосприятия и смыслопорождения.

Литература

- 1 Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: курс лекций / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 1999. – 187 с.
- 2 Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 272 с.
- 3 Кузьмина, Н. А. Эпиграф в коммуникативном пространстве художественного текста / Н. А. Кузьмина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omsu.omsckreg.ru/vestnik/articles/y1997-i2/a060/article.html> – Дата доступа: 12. 03. 2011.
- 4 Кузьмина, Н. А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста / Н. А. Кузьмина // Текст. Интертекст. Культура [Электронный ресурс]. – М., 2001. – Режим доступа: www.irlras-cfrl.rema.ru:8101/publications/reports/perevod-2.htm. – Дата доступа: 02. 04. 2004.
- 5 Лотман, Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман // Учен. зап. Тартуского ун-та. – 1981. – Вып. 567. – С. 3 – 18.
- 6 Лотман, Ю. М. Текст как семиотическая проблема / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллин, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 129 – 247.
- 7 Achmatowa, A. Gedichte / Anna Achmatowa. – Frankfurt am Main, 1988. – 224 s.
- 8 Boerner, E. Deutsche und russische Literatur / Erik Boerner [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://home.arcor.de/berick/illeguan/index.htm> – Дата доступа: 12. 03. 2011.
- 9 Puschkin, A. Die Gedichte / Alexander Puschkin. – Frankfurt am Main, 1999. – 1187 s.
- 10 Radecki, S. Alexander Puschkin „Kleopatra und ihre Liebhaber“ / Sigismund von Radecki [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.egyptomania.de/2cleo.htm> – Дата доступа: 12. 03. 2011.
- 11 Segermann, K. Das Motto in der Lyrik / Krista Segermann. – München, 1977. – 224 s.
- 12 Zwetajewa, A. Gedichte. Prosa / Marina Zwetajewa. – Leipzig, 1987. – 366 s.

І. С. Чарняўская (Мінск, Беларусь)

АКТУАЛІЗАЦЫЯ ІНТЭРТЭКСТУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТАЎ У СУЧАСНЫХ СМІ І МАСТАЦТВЕ

У канцы ХХ ст. стала відавочна, што не толькі творчае, гуманітарнае, але і ў цэлым навуковае мысленне “інтэртэкстуальнае” па сваёй прыродзе, што інтэртэкстуальнасць можна вызначаць як парадыгму сучаснага спосабу мыслення пра свет. Рост даступнасці твораў мастацтва, масавая адукацыя, развіццё сродкаў масавай камунікацыі і распаўсюджванне масавай культуры прывялі да вельмі моцнай семіятызацыі чалавечага жыцця, да адчування таго, што пра ўсё на свеце ўжо сказана. Мастацтва, а з нейкага моманту і паўсядзённыя семіятычныя зносіны, становяцца ў значнай ступені “інтэртэкстуальнымі”. Адпаведна інтэртэкстуальныя сувязі ўстанаўліваюцца паміж творамі выяўленчага мастацтва, архітэктуры, музыкі, тэатра, кінамастацтва; дастаткова часта сустракаюцца музычныя, выяўленчыя, сюжэтныя, багетныя і іншыя цытаты, алюзіі і г. д.

Пасля выбуху інтэртэкстуальнасці ў сферы масавай камунікацыі інтэртэкстуальныя спасылкі сталі распаўсюджаным прыёмам пабудовы загаловаў газетных і часопісных матэрыялаў. Перыядычны друк і сёння выкарыстоўвае самыя разнастайныя спосабы выражэння інтэртэксту. У заглаўках газет пры гэтым звычайна пераважае арыентацыя на тэкставы кампанент. Крыніца-арыгінал пэўным чынам трансфармуецца, і ў заглаўку ўзнікае новае словазлучэнне па існуючым узору, заснаваным на абыгрыванні структуры, рытмікі і лексічнага значэння зыходнай адзінкі. Вядома, што ў такім выпадку крыніца, да якой ідзе адсылка, павінна быць відавочнай, за кошт чаго і рэалізуецца актуалізацыя газетнага заглаўка для чытача. Па гэтай прычыне найбольш часта ў друку трансфармуюцца фразы з папулярных фільмаў, песень, рэкламных слогаў, вядомыя афарызмы, прыказкі і прымаўкі, іншыя канструкцыі.

Заглавак	Пераклад
<i>Туман попутал</i> Советская Белоруссия, № 47 (23189), с. 2	<i>Бес попутал</i>
<i>Не стерпелось, не слобилось...</i> Советская Белоруссия, № 47 (23189), с. 7	<i>Стерпится, слобится</i>
<i>Отец широкого профиля</i> Советская Белоруссия, № 48 (23190), с. 6	<i>Специалист широкого профиля</i>
<i>Квартирный психоз</i> Советская Белоруссия, № 48 (23190), с. 12	<i>Квартирный вопрос</i>
<i>Война и мир</i> Советская Белоруссия, № 49 (23191), с. 3	<i>Война и мир</i>
<i>Зачем вы, девушки?</i> Советская Белоруссия, № 49 (23191), с. 5	<i>Зачем вы, девушки, красивых любите?</i>
<i>Пришёл, увидел и забил</i> Советская Белоруссия, № 49 (23191), с. 14	<i>Пришёл, увидел, победил</i>
<i>Пасующие в темноте</i> Советская Белоруссия, № 49 (23191), с. 14	<i>Танцующие в темноте</i>
<i>Куда меня ты позовёшь?</i> Советская Белоруссия, № 59 (23201), с. 12	<i>Когда меня ты позовёшь</i>
<i>Если бы “Юность” могла</i> Советская Белоруссия, № 59 (23201), с. 15	<i>Если бы молодость знала! Если бы юность могла!</i>
<i>Безусловные единицы</i> Советская Белоруссия, № 57 (23199), с. 9	<i>Условные единицы</i>
<i>Суд да дело</i> Советская Белоруссия, № 55 (23197), с. 4	<i>Суть да дело</i>

<i>Откуда дровишки?</i> Советская Белоруссия, № 55 (23197), с. 5	– <i>Откуда дровишки?</i> – <i>Из леса, вестимо!</i>
<i>Клён ты мой упавший...</i> Советская Белоруссия, № 54 (23196), с. 3	<i>Клён ты мой опавший</i>
<i>Следствие ведёт репортёр...</i> Советская Белоруссия, № 52 (23194), с. 17	<i>Следствие ведут знатоки</i>
<i>Багаж уходит в небо</i> Советская Белоруссия, № 52 (23194), с. 32	<i>Табор уходит в небо</i>
<i>Жениться или учиться?</i> Советская Белоруссия, № 52 (23194), с. 12	<i>Не хочу учиться, а хочу жениться</i>
<i>Сделал дело – играй смело</i> Советская Белоруссия, № 52 (23194), с. 14	<i>Сделал дело – гуляй смело</i>

Сёння своеасабліва пабудаваныя інтэртэкстуальныя канструкцыі сустракаюцца вельмі часта, і таму не ўспрымаюцца незвычайна на агульным фоне. Аднак, нягледзячы на гэта, яны ствараюць сэнсавую двухпланавасць і павялічваюць выўленчыя магчымасці аўтарскіх тэкстаў.

Не засталіся ў баку ад гэтага “інтэртэкстуальнага выбуху” і *аўдыёвізуальныя* сродкі масавай інфармацыі. Па такім жа прынцыпе – абыгрыванне вядомых фраз – будуюцца многія назвы каманд разнастайных шоу, тэле – і радыёперадач, мастацкіх стужак (“Мульт личности”, “Первый канал”, “Великолепная пятёрка”, АНТ; “Жди меня”, “Первый канал”, “Одиссея команды кусто”, “Первый канал”, “Следствие ведёт Колобков”, “Первый канал”, каманды КВЗ “Утомлённые солнцем”, “Дети лейтенанта Шмидта” і г. д.). Яркім прыкладам інтэртэкстуальнасці на тэлебачанні можна назваць тэлеперадачы “Кто хочет стать Максимом Галкиным?” (“Россия”), “Огонёк на Шабаловке” (“Россия”), “Новые песни о главном” (“Первый канал”). У першым выпадку назіраецца выразная алюзія на тэлеперадачу “Кто хочет стать миллионером?”. Гэта адбываецца за кошт увядзення ў назву аднаго з папярэдніх сінтаксічнай канструкцыі і ўпамінання прозвішча Максіма Галкіна, які вядомы шырокаму колу глядачоў як вядучы гэтага папулярнага шоу. Другі і трэці прыклад таксама накіроўваюць тэлеспажыўца да канцэптуальна падобных інфармацыйных прадуктаў, якія ўжо некалі існавалі і, натуральна, з’яўляюцца яму вядомымі. Як і ў папярэднім прыкладзе, алюзія ўзнікае дзякуючы нязначнай трансфармацыі назваў: “Огонёк на Шабаловке” змяняе “Голубой огонёк”, а “Новые песни о главном” прыходзіць на месца “Старых песен о главном”.

Сустракаюцца прыклады інтэртэкстуальнасці, пры якіх можа не адбывацца трансфармацыі, наўмыснага абыгрывання пэўных слоўных элементаў, а за кошт канцэпцый новага інфармацыйнага прадукта ствараецца адсылка да якога-небудзь ужо вядомага глядачу/слухачу факта (тэлеперадача “Кабачок 12 стульев”).

Улічваючы спецыфіку аўдыёвізуальных сродкаў масавай інфармацыі, трэба сказаць, што яны маюць значна больш магчымасцяў у параўнанні з друкаванымі выданнямі. Так, інтэртэкстуальнасць на радыё выразна праяўляецца за кош разнастайных гукавых уключэнняў. Выкарыстоўваючы ў радыёэфіры пэўны гукавы рад, стваральнік інфармацыйнага прадукта разлічвае на ўзнёкненне ў слухача адпаведных асацыяцый, якія суадносяцца са знаёмым “тэкстам” (напр., гук рухавіка, які заводзіцца, выкарыстоўваецца ў якасці адбіўкі ў шоу

“Авторparty” радыё “Юністар”, гук тэлефоннага званка на пачатку “Стала заказу” (“Рускае радыё”) і г. д.).

Яшчэ адной сяміятычнай сферай, у якой дастаткова часта выкарыстоўваюцца інтэртэкстуальныя спасылкі, з’яўляецца *рэклама*. У ёй вываюць прадстаўленыя сямія разнастайныя іх віды – ад прамых цытат да часам даволі тонкіх алюзіяў. Рэкламныя прадукты, змешчаныя ў друкаваных СМІ, рэалізуюць інтэртэкстуальнасць, дзякуючы тэкставому кампаненту і візуальным вобразам. Выпадак, калі пэўны тэкст выступае ў якасці алюзіі, у сучасных рэкламах шмат. Яскравы прыклад такога выражэння інтэртэкстуальнасці – рэклама пошукавай сістэмы “Яндэкс”: на белым лісце паперы напісана слова-адказ, якое правакуе ў святломасці спажыўца рэкламы адпаведнае пытанне (напр., “1861” – “У якім годзе было адменена прыгоннае права?”, “Быць” – “Быць ці не быць?” і да т. п.).

У рэклам, што перадаюцца пасродкам тэлебачання, ёсць многа магчымасцей ствараць своеасаблівыя гіпертэкст за кош пераасэнсавання глядачом адпаведных інфармацыйных адзінак. Імі могуць выступаць наступныя элементы:

1) Тэкставыя (рэклама соку “Сочный”: словы героя ўяўляюць сабой трансфармаваныя фразеалагізмы “мець стальных нервы”, “устроіць канцэрт”, “дастаць з-пад зямлі” і інш.);

2) Гукавыя (сацыяльная рэклама супраць СНІДу: на экране паказваецца нотны стан, на якім знакі нотнай граматы складаюцца ў мелодыю; у гэты час за кадрам гучыць пахавальны марш);

3) Візуальныя (у роліку аднаго з мабільных аператараў задзейнічаны героі, якія папярэдне здымаліся ў рэкламе іншага аператара).

У сучасную камп’ютарную эпоху актуальнай аказваецца таксама праблема суадносін паняццяў “інтэртэкст” і “гіпертэкст”, якія з’явіліся амаль адначасова. Найбольш яркім прыкладам такога суаднесення на сённяшні дзень служыць уся інтэрнэт-прастор, пабудаваная па прынцыпе гіпертэксту. Зразумела, што такое прадстаўленне звестак ужо самой сваёй структурай забяспечвае яго “дэцэнтрацыю”, і таму натуральна, што арыентацыя на “гіпертэкстуальную свядомасць” параджае тэксты, створаныя на тыпу слоўнікаў, энцыклапедыяў. Такая кампазіцыя тэксту ў нейкай меры прыраўнівае на ўзроўні інтэрпрэтацыі аўтара і чытача, паколькі выбар і змена фокуса і шляху чытання тэксту залежаць пераважна ад “спажыўца” інфармацыі.

У вялікай ступені прысутнічаюць інтэртэкстуальныя элементы і ў розных відах мастацтва: кінематографі, жывапісе, архітэктуры, музыцы і г. д. Напрыклад, выразным прыкладам інтэртэкстуальнасці можна назваць сусветна вядомы мультфільм “Хто падставіў труса Роджэра?”, які ўяўляе сабой пародыю на адну са сфер амерыканскага кінематографа. У мультфільме паказаны асноўныя сюжэтныя схемы, характэрныя для жанру так званых баевікоў, якія ў вялікай колькасці здымаюцца ў Злучаных Штатах. Падобную схему бачым у расійскіх кінастужках “Самы лепшы фільм” і “Самы лепшы фільм-2”, асновай якіх з’яўляюцца многія вядомыя кінематаграфічныя працы.

Напэўна, як ні ў якой іншай сферы, у кінематографі наўмысна выкарыстоўваюцца інтэртэкстуальныя элементы на мяжы розных відаў мастацтва. Так, мультфільмы пра Ілью Мурамца, Алёшу Паповіча і Дабрыню Нікіціча ўяўляюць сабой асучасненую “экрانیзацыю” рускага народнага эпаса (мультыплікацыя/фальклор);

фільм па кнізе Ф. Бегбедэра “99 франкаў” і фільм “Дваццаць адна цыгарэта” спалучаюць кіно і рэкламу (кінематограф/рэклама). Вядомы савецкі фільм Л. Гайдая “Іван Васільевіч змяняе прафесію” ў адной са сцэн аб’яднаў кіно і жывапіс: у кватэры героя цар Іван Грозны заўважае карціну І. Рэпіна “Іван Грозны і сын яго Іван”. Дастаткова празрыстыя

алюзіі на творы жывапісу і іх аўтараў сустракаюцца часта ў галіне моды і дызайну і іншых сферах.

Такім чынам, сёння шматлікія інтэртэкстуальныя элементы прысутнічаюць ва ўсіх сферах культуры і мастацтва. Яны характэрны для слоўных жанраў і маюць месца не толькі ў тэкстах у вузкім сэнсе, г. зн. вербальных, але і ў тэкстах, пабудаваных сродкамі іншых знакавых сістэм.

Літаратура

1. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. – СПб. : Изд-во С.-Пб. ун-та, 1999. – 443 с.
2. Иншакова, Н. Г. Рекламный текст: редакторский взгляд / Н. Г. Иншакова. – М. : МедиаМир, 2007. – 288 с.
3. Іўчанкаў, В. І. Дыскусія беларускіх СМІ. Арганізацыя беларускага тэксту / В. І. Іўчанкаў. – Мінск: БДУ, 2003. – 257 с.

І. Л. Шаўлякова-Барзенка (Мінск, Беларусь)

СПЕЦЫФІКА ВЫЯЎЛЕННЯ ДЫЯЛАГІЗМУ Ў НАЙНОЎШАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

У сучасным беларускім мастацтве слова (у прыватнасці, у літаратурным працэсе першага дзесяцігоддзя ХХІ стагоддзя) канцэпт між-быцця, адзін з найважнейшых складнікаў канцэптасферы нацыянальнага прыгожага пісьменства ХІХ–ХХ стагоддзяў, набывае вагу ключавога чынніка. “Беларусы здаўна прызвычаліся да існавання “паміж”, спакушаючы сваёй адкрытасцю і *Заход, і Усход*”, – заўважае літаратуразнаўца І. Афанасьёў [1, 369]. Адчуванне “паміжнасці” быцця як анталагічнай накіраванасці было геніяльна “персаніфікаванае” Янкам Купалам у вобразе-канцэпце “тутэйшасці”, які ўтварае філасофска-мастацкае ядро п’есы “Тутэйшыя” (1922), прысвечанай людзям, што жывуць на гістарычных скразняках, людзям, асуджаным быць грамадзянамі “сярэдзіннай тэрыторыі” – не толькі ў геаграфічным, але і ў ментальным, духоўна-маральным сэнсах. Нам ужо даводзілася акцэнтаваць увагу на тым, што тлумачэнне “беларускага ментальнага тыпу” ў айчынай славеснасці (і ўласна мастацкай, і філасофска-публіцыстычнай) памежжа ХХ–ХХІ стагоддзяў нярэдка зводзіцца да мадэрнізацыі – больш ці менш абгрунтаванай – якраз канцэпта “тутэйшасці”. Прычым купалаўскі “арыгінал” у творах новай літаратурнай генерацыі актуалізуецца, бадай, залішне арыгінальна (адным з яркіх прыкладаў у гэтым сэнсе паўстае вершаваны тэкст В. Куставай “Посттутэйшыя, або Пакаленне “БР”, размешчаны ў маі 2007 года на форуме сайта www.litara.net).

Тым не менш, якраз у абсягах мастацкай славеснасці найбольш рэльефна, “рэчыўна” – шматаспектна і рознаўзроўнева – выяўляецца своеасаблівае сэнсаформа існавання і літаратуры, і аўтэнтычнай культуры ў цэлым, што рэпрэзентуе адмысловасць быцця ў бясконцым міжчасці і на непераадольным памежжы. Гістарычны, геапалітычны і да т. п. фактары дазволім сабе прымаць за “відавочнасць”, якую неабходна мець на ўвазе падчас асэнсавання і атрыбутавання **спецыфічнага тыпу літаратурна-мастацкай творчасці**, агульныя прыметы якога, на наш погляд, спакваля пачынаюць акрэслівацца менавіта “зараз” – у межах чарговага (сучаснага нам) “пераходнага перыяду”.

Ужо сам факт прыналежнасці літаратара да эпохі Пост абумоўлівае ў вачах тэарэтыкаў “другаснасць” яго мастацкага плёну, бо сама літаратура ўважаецца за “гульню ў гульню”, угрунтаваную ў логіцы “паразітавання” на адкрыццях папярэднікаў. Да ўсяго, у айчынай культурнай прасторы сітуацыя ўскладняецца неабходнасцю даводзіць самім сабе ўласную ж аўтэнтычнасць: адпрэчваць абвінавачванні ў тым, што, маўляў, новая нацыянальная літаратура была “сканструявана” з фрагментаў іншых (“чужых”) традыцый, таму пра

арыгінальнасць (тут: адзінкавасць, унікальнасць) найноўшай мастацкай славеснасці нібыта і гаварыць не выпадае. Разам з тым, менавіта вырак між-быцця абумоўлівае **дыялагізм нацыянальнай літаратурнай традыцыі**; прычым тэндэнцыі развіцця мастацкай славеснасці першага дзесяцігоддзя ХХІ стагоддзя, калі “межы” пачынаюць замяшчаць сабою ўласна “прасторы”, яскрава сведчаць пра **іманентнасць дыялагізму як асноватворнага грунту аксіялагічных, духоўных, маральных, эстэтычных, мастацкіх (ідэяна-проблемных і вобразна-выяўленчых) пошукаў сучасных беларускіх літаратараў (празаікаў, паэтаў, драматургаў, крытыкаў)**. Згаданы дыялагізм як іманентная ўласцівасць мастацкай анталогіі беларускай нацыянальнай літаратуры выяўляецца праз **дыялагічнасць** – адмысловую якасць найноўшай мастацкай прасторы – і ўрэчаўляецца ў мастацкай практыцы ў досыць шырокім спектры індывідуальна-аўтарскіх “версій”, якія (хоць і з вялікай доляй умоўнасці) можна тыпалагізаваць – напрыклад, паводле ўзроўню і ступені выяўлення дыялагізму ў літаратурна-мастацкім творы.

Паводле прапанаваных крытэрыяў у агульным корпусе мастацкіх тэкстаў апошняга дзесяцігоддзя выразна вылучаюцца дзве тыпалагічныя групы. Адна ўлучае творы з дыялагічнасцю “ўнутранай”, схаванай у глыбінных тэксту: працінаючы ўсе ўзроўні яго структуры, ахопліваючы твор цалкам, выяўляецца такая дыялагічнасць, як правіла, ва “ўскоснай інтэртэкстуальнасці”, праз асацыятыўную актуалізацыю не толькі іншакультурных кантэкстаў, але і аўтэнтычнага падтэксту. Акрэслены тып уласцівы пераважна творам прадстаўнікоў так званага сярэдняга пакалення беларускіх літаратараў (мусім абмежавацца згадкаю найбольш рэпрэзентатыўных, на наш погляд, тэкстаў): пазмы “Ірландыя” Л. Дранько-Майсюка, “Ра”, “Эміграцыя” А. Бадака; вершы І. Бабкова, а таксама яго “раман у 10-ці эпізодах” “Адам Клакоцкі і ягоныя цени”; раман “Рэвізія” А. Федарэнкі; апавесць А. Брва “Каменданцкі час для ластавак”; апаведы і навелы Уладзіміра Сцяпана, С. Рублеўскага, М. Андрасюка, Вінцэся Мудрова, М. Касцюкевіча і інш. Асабліва паказальнымі ў дадзеным аспекце бачацца апавесці “Сэрца мармуровага анёла”, “Пярсцёнак апошняга імператара”, “Ночы на Плябанскіх млынах”, раманы “Золата забытых магіл”, “Скокі смерці”, “Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію”, раман “Сутарэнні Ромула” Л. Рублеўскай. Яе раманная проза апошніх гадоў – “інтэнсіўна інтэртэкстуальная” (3. Шаўчук) [2], тут аднолькава актуальнымі паўстаюць айчыныя і замежныя літаратурныя крыніцы (летапісы, дыярышы, мастацкія творы, мемуары, дакументы

розных эпох), з'явы розных відаў мастацтва (выяўленчага, дэкаратыўна-прыкладнага, музычнага, тэатральнага), аб'екты побытавай культуры... Галоўны крытэрыі іх адбору – важкасць унёску ў справу рэміфалагізацыі аўтэнтычнай беларушчыны. У дадзеным выпадку размова ідзе не пра збыткую цытацыйна прэцэдэнтных для найноўшай культурнай парадыгмы тэкстаў і не пра пастышавае жангліраванне знакавымі для нацыянальнай традыцыі ідэямі, канцэптамі, імёнамі і г. д. Напрыклад, мастацкая персаніфікацыя інтэртэкстуальнасці ў “Сугарэннях Ромула” – Кніга Вячкі Скрыніча разгортваецца як вандроўка па Тэксце беларускай культуры – неад'емнай часткі еўрапейскага гісторыка-культурнага ландшафту.

Да другой групы можна аднесці творы маладзейшых літаратараў, якія ў абсягах першага дзесяцігоддзя XXI стагоддзя міжволі “кансалідуюцца” ў “найноўшае філалагічнае пакаленне”: яно, у адрозненні ад згаданага “сярэдзіннага пакалення”, уступае з іншакультурнымі тэкстамі не ва “ўнутраны”, але ў “публічны” дыялог. Па сутнасці, паэзія, проза і нават крытыка пакалення 1990-х (за рэдкім выключэннем), а таксама тых, хто выступіў са сваімі творами ўжо ў 2000-х, ёсць плёнам “гучнага” – і пры гэтым няменна іранічнага і/ці самаіранічнага – дыялогу з тэкстамі (у шырокім сэнсе: літаратурнымі, філасофскімі, музычнымі, кінематаграфічнымі і г. д.) іншых культур: прыгадаем паэтычныя творы М. Баярына, А. Хадановіча, С. Прылуцкага, М. Шчура, В. Гапеевай, Вальжыны Морт; зборнік “Практычны дапаможнік па руінаванні гарадоў”, раманы “Праклятыя госці сталіцы”, “Сарока на шыбеніцы” Альгерда Бахарэвіча, “Рэканструкцыя неба. Раман у дэталі” В. Гапеевай, раманы “Змак пабудаваны з крапівы” З. Вішнева, “Бег” А. Талстога; артыкулы і рэцэнзіі М. Аляшкевіч і інш. Мастацкі тэкст у дадзеным выпадку найчасцей вышпуюваецца на “мяжы-скрыжаванні” філасофіі постмадэрнізму-дэканструктывізму-постструктуралізму – і іранічнай меладрамы, трагедыі – і вадвілю: мімесіс дасягаецца за кошт гвалтоўнага, шокавага спароўвання “верху” і “нізу”, якое, на думку адпаведных аўтараў, адно і здольнае “аднавіць” хаоснасць сучаснасці.

У творах апошняй літаратурнай генерацыі (умоўнага пакалення дваццацігадовых), у сваю чаргу, іншакультурныя тэксты скарыстоўваюцца, як правіла, інструментальна: “імёны” з іншых культур закліканыя стварыць “імя ўласнае” маладому літаратару, паколькі яны, з аднаго боку, адпаведным чынам маркіруюць паэтычную ці праязную прастору, а з другога боку, маніфестуюць эстэтычныя ды мастацкія арыенціры літнеафіта.

Заўвага аднаго мастацкага персанажа – “...Беларусь знаходзіцца між Захадам і Усходам (але на Захадзе)...” [3, 168] – надзвычай красамоўна “адгукаецца” ў бягучым літаратурным працэсе. Так, крытык Л. Галубовіч, упікаючы маладую паэтку Насту Кудасаву (чый першы паэтычны зборнік “Лісце маіх рук” выйшаў у 2006 годзе) у безразважнай і апантанай захопленасці “непадробным талентам выдатнай расійскай паэткі М. Цвятаевай”, фармулюе агульны прысуд: “Чамусьці многія з беларускіх паэтаў захопліваюцца... а прасцей скажам падпадаюць пад уплыў рускай класікі: Ясеніна, Маякоўскага, Ахматавай, Пастэрнака, Мандэльштама, Рубцова, Бродскага і г. д. Ды рэдка хто “наследуе” беларускую нацыянальную класіку (за выняткам такіх імён як Багдановіч і Рызанаў). <...> Пад Купалу (да 1929 года) падрабіцца ўвогуле немагчыма, паколькі гэта **натуральны** нацыянальны талент, а Прыроду, як

вядома, ніякай штучнасцю і версіфікацыйнымі вымогамі не падменіш...” [4]. “Рэха паэзіі “сярэбранага веку”, найперш, Марыны Цвятаевай”, “сучучнасць матываў, вобразаў, ладу мыслення, самааснавання” чуюцца і іншаю крытыку – Л. Алейнік – у зборніку Л. Рублеўскай “Шыпшына для Пані” (2007) [5]. Міхась Южык, разважаючы ў допісе “Чаму мы не цыгем класікаў?” [6] пра “нейкі дзівосны беларускі феномен”, дакарае не толькі сённяшніх пісьменнікаў і крытыкаў, журналістаў, але і суайчыннікаў наогул: чаму, цытуючы “чужых” класікаў і нават мала вядомых літаратараў, беларусы ігнаруюць класікаў беларускай літаратуры.

Між тым, аналіз літаратурна-мастацкіх твораў апошняга дзесяцігоддзя сведчыць пра істотнасць “ўзроставага” фактару падчас выбару тым ці іншым пісьменнікам, у якім кірунку (“усходнім” ці “заходнім”, “класічным” ці “авангардысцкім”) перасягнуць уяўную Мяжу, вырвацца з яе цяжэстаў, каб здзейсніцца ў культурным дыялогу – і праз яго. Прадстаўнікі памянёнага “сярэдзіннага пакалення” могуць рушыць у розных “геаграфічных” кірунках (напрыклад, А. Федарэнка звяртаецца да рускай літаратуры – А. Чэхава, Л. Талстога, а Л. Дранько-Майсюк, – да заходнеёўрапейскай), але амаль заўсёды ўтрымліваюцца ў полі прыцягнення пласце даўнейшай і сучаснай класікі. Маладзейшыя літаратары таксама ахвотна апелююць да класікі, але гэта, за рэдкім выняткам, зусім іншыя “класікі” – пераважна постмадэрну (прыгадаем іранічную інкарнацыю ідэй Р. Барта ў вершы Ю. Аляксеенкі “Смерць Аўтара”) альбо маскульту. Зрэшты, “рубіком” паміж гэтымі дзвюма “класікамі” ў некаторых выпадках настолькі станчаецца, што перасягаецца літаратарам неаўважна для яго самога, з зухаватай лёгкасцю. Напрыклад, А. Лапіцкая, аналізуючы творы двух аўтараў, якія надрукавалі свае першыя праязныя творы ў 2000-х, прыкладна ў дзевятнаццацігадовым узросце, заўважае: “Трэба адзначыць, што і А. Бруй, і Тэда Лі абсалютна не засяроджваюцца на нацыянальна-палітычных пытаннях, дый выявіць пераемнасць з папярэдняй беларускай літаратурай у іхніх творах амаль немагчыма: у апавяданнях Тэды Лі згадваюцца Бах, Муракамі, Франсуаза Саган, Кастанеда, Уэльбек, Гамер, Гары Потэр, “Cosmopolitan”, “Дзёнік Брыджыты Джоўнс” – родныя ж аўтары/творы/выданні, апроча “Маладосці”... і Аляксандра Кулінковіча... застаюцца тут на-за ўважай. Для твораў жа А. Бруя апеляванне да фактаў сучаснай культуры было б даволі недарэчным – зрэшты, самі ягоныя тэксты якраз выяўляюць арыентацыю аўтара на еўрапейскі ўзровень, ягоную прыхільнасць да творчай свабоды – пры поўным адмаўленні ад тэндэнцыйнасці і абавязковага ўздымання «вострых сацыяльных праблемаў» [7].

Паказальным таксама з’яўляецца тое, што цягам апошніх гадоў з’явіліся – перакладзеныя якраз маладымі літаратарамі на беларускую мову – кнігі сучасных польскіх, нямецкіх, украінскіх, чэшскіх, ізраільскіх, шведскіх пісьменнікаў, а вось беларускіх перакладаў твораў сучасных расійскіх аўтараў, тым больш выдадзеных асобнымі кнігамі, не было (у адрозненні да апошняй чвэрці XX стагоддзя).

Калі гаварыць пра перспектывы найноўшага беларускага мастацтва слова ў аспекце спецыфікі выяўлення дыялагізму, то, на нашу думку, у бліжэйшы час у айчыннай літаратурнай прасторы будзе павялічвацца ўдзельная вага дыялагічнасці другога тыпу – “гучнай”, “наўпроставай”. Але ўжо зараз ёсць падставы меркаваць, што найбольш верагоднай альтэрнатывай

“колькаснай” перавазе “публічнай” дыялагічнасці становіцца аксіялагічная ды мастацкая “якасць” (вартасць) твораў, што паўстаюць на грунце дыялагічнасці “ўнутранай”. Акрамя таго, нарастанне адмысловых **дыфузных тэндэнцый** у светнай літаратурнай прасторы (звязаных з паскарэннем працэсаў узаемапрацікання, змяшэння, узаемаўплыву, сінтэзу і пераўтварэння элементаў розных мастацкіх сістэм) ужо зараз сведчыць на карысць нядоўгага існавання гэтай умоўнай “альтэрнатывы”. Найноўшае нацыянальнае мастацтва слова, якое мы ўважаем за сістэму, здольную да самаарганізацыі

і самаразвіцця, сёння сутыкаецца з вострай неабходнасцю актуалізаваць у спецыфічных умовах інфармацыйнага грамадства сваю ролю як суб’екта міжкультурнай камунікацыі. Відавочна, што істотнае абнаўленне “камунікатывага арсеналу” ў гэтай сітуацыі непазбежнае. Аднак, ключавымі задачамі становяцца не толькі стварэнне адэкватнай выклікам эпохі літаратурна-мастацкай “метамовы”, але і пошук спосабаў (шляхоў, тыпаў, сродкаў, прыёмаў, форм, *etc.*) яе самаактуалізацыі ў найноўшай культурнай парадыгме, арыентаванай на дыялогавае “маўленне”.

Літаратура

1. Афанасьёў, І. Там, дзе пачынаецца вечнасць / І. Афанасьёў / Анталогія сучаснага беларускага мыслення. – СПб. : Невский Простор, 2003. – С. 365 – 381.
2. Шевчук, З. В. Засоби моделювання історыі в постмодэрній украінскай прозі: Автореф. дис... канд. філал. наук: 10. 01. 06 / З. В. Шевчук; НАН Украіны. Ін-т л-ри ім. Т. Г. Шевченка. – Київ, 2006. – 19 с. – укр. – [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.lib.ua-ru.net/dissertation.htm>. – Дата доступу: 10. 01. 2011.
3. Пятровіч, Барыс. Шчасце быць... (Трыпціх, апавесці, апавяданні, мроі) / Барыс Пятровіч. – Мінск: ВП “Тэхнапрэнт”, 2004. – 576 с.
4. ЛеГАЛ. Кулуары / ЛеГАЛ // Літаратура і мастацтва. – 2007. – 2 лістапада. – С. 16.
5. Алейнік, Л. Смак шпышыны / Л. Алейнік // Літаратура і мастацтва. – 2008. – 1 лютага. – С. 6.
6. Южык, Міхась. Чаму мы не цытуем класікаў? / Міхась Южык. – [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://iuzhyk.livejournal.com/?skip=20/>. – Дата доступу: 08. 02. 2011.
7. Лапіцкая, А. Ад трэцяй асобы... Паралельны агляд творчасці Тэды Лі і Аляксея Бруа / А. Лапіцкая. – [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.dziejaslou.by/inter/dzeja/dzeja.nsf/htmlpage/lap44/>. – Дата доступу: 02. 04. 2011.

В. Ю. Шыманская (Мінск, Беларусь)

ПРАСТОРОВЫЯ І СТРУКТУРНЫЯ МЕТАФАРЫ ЎНУТРАННАГА СВЕТУ ЧАЛАВЕКА Ў БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОВАХ

Метафарычнае поле ўнутранага свету чалавека можа быць прадстаўлена праз сістэматызацыю полісемантаў паводле першасных лексіка-семантычных варыянтаў, якія размяркоўваюцца па семантычных сферах “Прырода”, “Прадмет”, “Чалавек”, “Працэсы і адносіны”, што ўтвараюць структуру крыніцы метафарычнага пераносу і адпавядаюць асноўным метафарычным мадэлям псіхалогіі чалавека. Метафарычная мадэль, як правіла, азначаецца як “схема сувязі паміж паняццёвымі сферамі, якая існуе ці складваецца ў свядомасці носьбітаў мовы і якую магчыма выразіць формулай X гэта Y ” [1, 64].

Метафары, сферай матывацыі якіх выступаюць найменні працэсаў і якасцей, а тым больш адцягненыя параметрычныя і кансістэнцыйныя паняцці, даволі складана класіфікаваць адназначна, у выніку чаго ўтвараецца пярэстая карціна тыпалагізацыі такіх адзінак у розных даследаваннях: вылучэнне найменняў быцця, якасцей і станаў, адносін, парадку, каштоўнасці, колькасці, прасторы, часу, прычыны, руху і змянення ў асобную сферу “А ргіорі” [2], уключэнне абазначэнняў руху і перамяшчэння ў сферу “Чалавек” [2, 253–256], далучэнне найменняў працэсаў і з’яў да сферы “Фізічны свет”, а адцягненых катэгорый да сферы “Абстракцыя” [3].

Паколькі многія дзеянні і працэсы складана аднесці толькі да чалавека (прадмета, прыроды), а параметрычныя, арыентацыйныя, акцыянальныя і іншыя адцягненыя паняцці адносяцца хутчэй да ўсіх аб’ектаў, мэтазгодна вылучыць іх у адну сферу “Працэсы і адносіны”. Да гэтай сферы адносяцца найменні дзеянняў, якія адбываюцца ў рэчаіснасці (у тым ліку дзеянні, што ўтвараюцца чалавекам, механізмамі, наогул аб’ектамі фізічнага свету), і адносіны, што разумеюцца як “сілы цягнення” паміж прадметамі, чалавекам і светам. У гэтай сферы таксама знаходзяцца абстрактныя (параметрычныя і структурныя) абазначэнні.

Тыпалагічная сфера “Працэсы і адносіны” ахоплівае два аспекты ўзаемадзеяння чалавека з сусветам: яго ўздзеянне на асяроддзе (выражаецца праз шэраг акцыянальных метафар) і ўсведамленне сябе як часткі гэтага асяроддзя (выражаецца ў арыентацыйных метафарах): *капа́нне ў псіхалогіі, узвышанасць пачуццяў, спусцеласць у душы, a stab of envy ‘укол зайздрасці’, profundity of thought ‘глыбіня думкі’, vacancy and vanity ‘пустата і ганарыстасць’* і інш.

Заснаваныя на арыентацыйных і анталогічных уяўленнях пра свет, метафары падгрупы “прасторавыя і параметрычныя адносіны” характарызуюць пачуцці і паводзіны ў катэгорыях накіраванасці, меры, інтэнсіўнасці і ацэнкі. Сэнсавае развіццё параметрычнай метафары *верх* (і іншых метафар з адпаведнай семай) ідзе па двух кірунках – колькасным (высокая ступень праяўлення якасці, інтэнсіўнасць) і змястоўным (высокамаральнасць, узнёсласць думак, пачуццяў) [4]. Метафара *high ‘верх’* актуалізуе значэнне ‘энтузіязм, уздым’ і служыць для намінацыі псіхічнага стану, а метафара *верх* мае больш агульнае значэнне інтэнсіўнасці і ўжываецца ў функцыі характарызацыі: *верх жадання, верх спраўджаных імкненняў, everybody is on a high ‘усе былі на ўздыме’*.

Душа, свядомасць чалавека як сукупнасць яго якасцей можа ўяўляцца ў вобразе ўмяшчальніка і, як вынік, валодаць параметрамі глыбіні і напоўненасці [4; 5]. У семантычных адносінах уключэння знаходзяцца метафары *глыбіня і depth ‘глыбіня’*, якія маюць агульнае значэнне ‘змястоўнасць, інтэнсіўнасць’: *глыбіня думкі, глыбіня пачуцця, the depth of knowledge ‘глыбіня ведаў’, the depth of her vindictiveness ‘глыбіня яе помслівасці’*. Англійскі полісемант *depth* можа дадаткова абазначаць стан роспачы, дэпрэсіі або маральнага заняпад чалавека: *she was in the depths of despair ‘яна была на дне адчаю’, to sink to such depths ‘ануціцца да такой нізасці’*.

Эквівалентам беларускай метафары *глыбіня* ў значэнні 'прыхаваньня пачуцці, думкі' з'яўляецца метафара *deeps* 'глыбіні': *у глыбіні пачуццяў ішла барацьба, the deeps of her scheming soul* 'глыбіні яе каварнай душы'.

Эквівалентныя метафары *павярхоўнасць* і *shallowness*, якія ўжываюцца толькі ў пераносным значэнні, характарызуюць несур'езнасць, недастатковы ўзровень інтэлектуальных здольнасцей: *павярхоўнасць* назіранняў, *the shallowness of explanation* 'павярхоўнасць тлумачэння'.

Гарызантальныя параметрычныя вобразы псіхалогіі чалавека рэалізуюцца ў метафарах *шыр, шырыня, breadth* 'шырыня' і інш. У англійскай мове метафара *breadth* абазначае высокую ступень праяўлення якасцей, здольнасцей: *breadth of experience* 'шырыня вопыту', *breadth of vision* 'шырыня поглядаў'. У беларускай моўнай культуры полісеманты *шыр, шырыня* абазначаюць не толькі багацце ўнутранага свету чалавека, пачуццёвы і інтэлектуальны вопыт, але яны непарыўна звязаны з паняццем экстрэмызацыі гэтых якасцей, іх выяўленнем [4; 5]. Нягледзячы на тое, што слоўнікавая дэфініцыя закранае толькі першы аспект семантыкі (ступень праяўлення якасці), семантыка экстрэмызацыі пачуццяў выяўляецца ў кантэксце, у самім культурным успрыманні гэтай метафары: *шырыня душы, разгарнуць волю ва ўсю шыр*. Відавочна, што паняцце *шырыня душы* з'яўляецца безэквівалентным у параўнанні з англійскай мовай.

Метафара *пустата* характарызуе стан апатыі, адсутнасці інтарэсаў, імкненняў: *страшная пустата лягла на сэрца, пустата ў сэрцы і ў мозгу*. У семантычных адносінах перасячэння з беларускім полісемантам знаходзіцца англійскі полісемант *emptiness* 'пустата', які абазначае гэтакі самы стан, а таксама можа актуалізаваць значэнне 'няшчырасць', 'бессэнсоўнасць' (слоў, учынкаў): *a feeling of emptiness* 'пачуццё спустошанасці', *the emptiness of words* 'пустата слоў'. Сінанімічнае значэнне 'павярхоўнасць', 'адсутнасць інтарэсу' рэалізуецца ў полісеманце *vacancy* 'пустата': *an expression of vacancy on his face* 'пусты выраз на ягоным твары'.

Настрой спустошанасці, стан маральнага бяссілля, няшчасця характарызуюць намінатыўныя метафары *спустаішэнне, спусцеласць, vacuim* 'вакуум', *desolation* 'спустаішэнне': *душэўнае спустаішэнне, спусцеласць у анямелай душы, his death left a vacuim in her life* 'яго смерць пакінула вакуум у яе жыцці', *in choked desolation, she watched him leave* 'ў стане горкага спустаішэння яна бачыла, як ён пайшоў'. Няздольнасць свядома разважаць, нявызначанасць думак, пачуццяў называюць і характарызуюць МРПС *зблытанасць, мешаніна, jumble, muddle* 'зблытанасць': *зблытанасць думак, мешаніна ў галаве, her thoughts were in a jumble* 'ў думках была мешаніна', *she was able to cut through confusion and muddle* 'яна магла справіцца з разгубленасцю і зблытанай'.

Група метафарычных праекцый з крыніцай матывацыі "перамяшчэнне і становішча ў прасторы" аб'ядноўвае семантыку прасторавых суадносін і семантыку перамяшчэння, таму большасць метафар абазначаюць ацэнку і змяненне адначасова. Эквівалентныя метафары *пад'ём, lift* абазначаюць уздым, энтузіязм: *эмацыянальны пад'ём, those words gave us a real lift* 'мы былі на пад'ёме дзякуючы гэтым словам'. Метафара *прыўзняцасць*, якая ўжываецца толькі ў пераносным значэнні, абазначае добры настрой: *уся прыўзняцасць раптам апала*. Полісеманты *ўзнёсласць, узняцасць* актуалізуюць

значэнне 'высакароднасць' або 'радасць, усхваляванасць': *несці ў сэрцы прасветленую ўзнёсласць, узняцасць настрою*. Сема 'высакароднасць' актуалізуецца ў эквівалентных метафарах *узвышанасць, elevation, loftiness*: *узвышанасць ідэі, elevation of character* 'узвышанасць натуры', *loftiness of thought* 'ўзнёсласць думкі'.

Метафары *падзенне, fall* 'падзенне' абазначаюць маральнае разлажэнне, дэградацыю чалавека: *дайсці да поўнага падзення, the fall of an honest man* 'падзенне сумленнага чалавека'. Стан адзіноты, ізаляванасці абазначаецца эквівалентнымі метафарамі *адарванасць, disconnectedness: an acute feeling of disconnectedness, пачуваць у сэрцы нейкую адарванасць*. Полісемант *down* 'ніз' актуалізуе значэнне 'незадаволенасць', абумоўленае арыентацыйнымі карэляцыямі, і абазначае непрыемны настрой: *everyone gets their downs* 'у кожнага ёсць хвіліны заняпаду'. У беларускай мове словы з падобнай семантыкай (*упадак, упадачнасць, нізасць*) з'яўляюцца адзначанымі (хаця і метафарычнымі па прыродзе) і арыентаваны як на характарызацыю настрою чалавека, так і ацэнку маральнасці яго паводзін.

У англійскай мове можна заўважыць спецыфічную карэляцыю паміж паняццямі *верх – ніз* і *розум – эмоцыі*, якая выяўляецца ў ацэнцы эмоцый як нечага больш нізкага за розум: *The discussion fell to an emotional level* 'Дыскусія апусцілася на эмацыянальны ўзровень'. *He couldn't rise above his emotions* 'Ён не мог падняцца над сваімі эмоцыямі' [6, 36].

Метафары *дно* і *bottom* 'дно' ўжываюцца для абазначэння прыхаваных пачуццяў, глыбіннай часткі свядомасці ці душы чалавека: *узімаць са дна душы ўспаміны, from the bottom of heart* 'са дна душы'. Семантычна суадносінны дзвюх метафар можна ахарактарызаваць як адносінны ўключэння: англійскі полісемант мае яшчэ адзін ЛСВ 'значнасць, змястоўнасць' (беларускі эквівалент – *глыбіня*): *his views all have weight and bottom* 'яго погляды характарызуюцца глыбінёй'.

У той час як некаторыя метафары мадэлі "Працэсы і адносінны" з'яўляюцца перыферычнымі ў метафарычным полі ўнутранага свету чалавека і называюць не самі паняцці псіхалагічнай сферы, а характарызуюць іх дынамічны ці сутнасны бок у спалучэннях з найменнямі псіхалагічных паняццяў (напрыклад, *шырыня светапогляду, зблытанасць думак, breadth of vision* 'шырыня поглядаў' і інш.), некаторыя метафары разглядаемай мадэлі з'яўляюцца канцэптуальнымі найменнямі станаў, учынкаў, пачуццяў і выконваюць намінатыўную функцыю (напрыклад, *яна ніколі яшчэ не адчувала такой спустошанасці, an expression of vacancy on his face* 'абьякавасць на яго твары').

Выказаную думку пацвярджае тое, што многія метафары разглядаемай мадэлі маюць толькі адно (метафарычнае па прыродзе) значэнне: *павярхоўнасць, пад'ём, узвышанасць, ўзнёсласць, хісткасць, loftiness* 'узвышанасць', *superficiality* 'павярхоўнасць', *uplift* 'уздым' і інш. З гэтага можна зрабіць выснову, што лексікалізацыйны патэнцыял метафар мадэлі "Працэсы і адносінны" даволі высокі і многія метафары могуць страчваць сваю вобразнасць і набываць намінатыўнае значэнне.

Такім чынам, праекцыі са сферы працэсаў і адносін на сферу псіхалагічных з'яў фарміруюць шырокі пласт метафарычных абазначэнняў інтэнсіўнасці, ацэнкі, дынамікі ўнутраных станаў і пачуццяў, а таксама ўзаемаадносін паміж людзьмі. Параметрычныя адносінны

закранаюць вертыкаль і гарызанталь уяўнай псіхалагічнай прасторы, а “структурныя” метафарычныя пераносы заснаваны на канцэптуалізацыі пачуццяў і думак як змесціва чалавека, а таксама чалавека як умяшчальніка пачуццяў і думак.

Рэгулярнасць асобных тыпаў пераносаў у межах разглядаемай мадэлі прыкладна супадае. Агульнасць назіраецца і ў суадносінах метафар з эквівалентным матывуючым значэннем. У той жа час у працэсе супастаўлення метафар у беларускай і англійскай мовах

выязляюцца спецыфічныя для абедзвюх моў рысы – наяўнасць карэляцыі “верх – розум”, “ніз – эмоцыі” ў англійскай мове і канцэпту “шырыня душы” ў беларускай мове.

Супастаўленне прасторавых і структурных метафарычных мадэлей унутранага свету чалавека ў беларускай і англійскай мовах дазваляе выявіць тыпалагічныя заканамернасці метафарычнага мадэлявання, а таксама выявіць спецыфічныя рысы, абумоўленыя лінгвістычнымі і экстралінгвістычнымі фактарамі.

Літаратура

1. Чудинов, А. П. Регулярная многозначность в глагольной лексике: пособие к спецкурсу / А. П. Чудинов. – Свердловск, 1986. – 80 с.
2. Караулов, Ю. Н. Свойства семантического поля / Ю. Н. Караулов // Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – Гл. 5. – С. 207 – 274.
3. Склярёвская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Склярёвская. – 2-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 166 с.
4. Ташлыкова, М. Б. О широте души, глубине чувств и высоте помыслов (к проблеме полисемии параметрических имён) / М. Б. Ташлыкова // Вестник НГУ. Серия: Филология. – 2004. – Т. 3, вып. 1. – С. 26 – 35.
5. Шмелёв, А. Д. Широта русской души / А. Д. Шмелёв // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 357 – 367.
6. Kövecses, Z. Metaphor: A Practical Introduction / Z. Kövecses. – NY: Oxford University Press, 2002. – 286 p.

Е. В. Яковец (Мозырь, Беларусь)

К ПРОБЛЕМЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Фразеологические синонимы – это похожие по смыслу или родственные фразеологизмы, которые, помимо общих признаков в парадигматической области, проявляют и определенные различия [1, с. 132].

Внутри этой категории различаются более специальные виды синонимов, выделяемые, во-первых, на основе различия или тождества структуры и лексического состава компонентов, во-вторых, на основе семантических взаимосвязей у данных фразеологических единиц и, в-третьих, по функциональным, стилистическим особенностям фразеологических единиц.

Соответственно первому критерию выделяются синонимические фразеологические единицы, характеризующиеся семантическим тождеством при структурной и лексической разнооформленности. Этот тип единиц получил терминологическое обозначение собственно-фразеологических синонимов или просто фразеологических синонимов.

В. И. Кодухов считает, что синонимия – это процесс установления говорящим смыслового подобия слов в тексте. Это синонимическое сближение слов одной и той же лексико-семантической или тематической группы. Причем нередко синонимически сближается не слово, а его контекстное значение, его индивидуальное переносное употребление [2, с. 208].

Фразеологические синонимы, показывающие полное совпадение своей структуры и почти полное тождество лексического состава за исключением одного или нескольких заменяемых компонентов, получили наименование структурных синонимов.

На основе взаимозамены синонимов компонентами в составе фразеологических единиц, в результате чего они получают общность в структуре, лексическом составе и значении и отличаются друг от друга лишь лексическим оформлением одного-двух компонентов, создаются фразеологические варианты, например: *мороз по спине, мороз по коже, мороз по телу* (ощущается озноб, вызываемый чувством сильного страха, волнения, возбуждения и т. д.).

Возникновение структурных синонимов или образование одноструктурных синонимов возможно в языке в результате совпадения в структуре и частично в составе лексических компонентов различных по происхождению фразеологизмов.

По второму критерию, по семантическим показателям фразеологические синонимы могут иметь следующие разновидности:

- равнозначные синонимы;
- идеографические синонимы;
- стилистические синонимы;

Равнозначные синонимы выражают одно и то же понятие, одно и то же суждение. Их материальный состав может быть очень различным в лексическом и структурном отношении. Например: *книга за семью печатями, китайская грамота*.

Несмотря на совершенно различную структуру этих фразеологизмов, различный лексический состав, и различную образность, все они выражают одно и то же понятие (совершенно непонятно) и имеют одну и ту же функциональную стилистику – обиходно-разговорную речь.

Помимо равнозначных синонимов, во фразеологической системе современного русского языка имеются фразеологические единицы, выражающие хотя и одно понятие, но отличаются друг от друга семантическими оттенками. Фразеологические единицы подобного типа называются идеографическими фразеологическими синонимами.

В. Г. Виллюман считает необходимым при идентификации синонимов также установить семантические связи между словами, т. е. наличие семантико-смысловой общности. Затем выявляются функциональные связи слов, т. е. наличие у них общности в дистрибуции и сочетаемости. Необходимыми и достаточными признаками синонимии являются частичная семантико-смысловая общность и частичная взаимозаменяемость [3, с. 208].

Семантические оттенки значения фразеологических синонимов являются второстепенными дополнительными элементами, выделяемыми в значении. Эти семанти-

ческие оттенки могут дифференцировать фразеологические синонимы в различных планах и, в первую очередь, в отношении интенсивности характеризуемого действия: *вскружить голову, завоевать сердце, разбить сердце*.

Помимо рассмотренных разновидностей синонимов в языке имеются стилистические фразеологические синонимы. Стилистические синонимы во фразеологии характеризуются наличием общего значения и дополнительными стилистическими различиями. Они возникают в одноструктурных синонимах с вариацией компонентов вследствие различной функционально-стилистической принадлежности варьируемых слов. Особенно типичны здесь фразеологизмы субстантивных компонентов. Последние обычно являются существительными одной группы слов.

В зависимости от того, к какой сфере употребления относится варьируемый компонент – литературному языку, обиходно-разговорной речи, специальной лексике, территориальным диалектом – меняется стилистическая характеристика фразеологизма: *не ударить лицом в грязь, не ударить мордой в грязь*. Все они имеют одно общее значение «не оплошать, выполнив что-либо наилучшим образом», но отличаются в стилистическом плане. Если единица *не ударить лицом в грязь* относится к литературно-разговорной сфере общения, то второй синонимический ей фразеологизм употребляется в фамильярной, грубо-фамильярной, разговорно-обиходной речи.

По третьему критерию учитывается схождение-расхождение единиц не в структурном и семантическом планах, а в плане функций, стилистических особенностей. В лингвистической литературе функциональный план учитывается при расхождении функционального план разграничения лексики, определении стилистических синонимов, описании диалектизм, профессионализмов. Однако единого выдержанного подхода к этому критерию речевых знаков нет, как и понятия, которое бы характеризовала сопоставляемые единицы. Сравним, к примеру, вариант: синоним как термин сопоставления. С точки зрения анализируемой проблемы можно только сказать, что по стилистическим показателям и варианты и синонимы могут иметь и сходства и расхождения. Например, варианты: *маслобойня и маслобойка* «предприятие по изготовлению масла» отличаются между собой стилистической принадлежностью.

От фразеологических синонимов нужно отличать фразеологические варианты, у которых различия в лексическом составе и структуре, не нарушают тождества фразеологизма [4, с.72]. Например: *не ударить лицом в грязь – не удариться лицом в грязь, зажимать в кулак – зажимать в кулаке, закидывать удочку – забрасывать удочку*.

Фразеологические синонимы открывают неограниченные возможности образования точных, эмоционально-экспрессивных высказываний, делают нашу речь выразительной, богатой.

Литература

1. Арбекова, Т. И. Лексикология английского языка: учебное пособие для вузов / Т. И. Арбекова. – М.: Высшая школа, 1977. – 433 с.
2. Кодухов, В. И. Введение в языкознание: учебное пособие для вузов / В. И. Кодухов. – М.: Высшая школа, 1979. – 461 с.
3. Вилломан, В. Г. Английская синонимия: учебное пособие для вузов / В. Г. Вилломан. – М.: Высшая школа, 1980. – 356 с.
4. Телия В.Н. Что такое фразеология. – М.: Высшая школа, 1966. – 408 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аматов Александр Михайлович	доктор филологических наук, профессор Белгородского государственного университета.
Андреев Анатолий Николаевич	доктор филологических наук, профессор Белорусского государственного университета, член Союза писателей Беларуси.
Анисимова Татьяна Валентиновна	доктор филологических наук, профессор Волгоградского государственного университета.
Антонова Светлана Михайловна	кандидат филологических наук, доцент УО «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы».
Архипова Елена Владимировна	старший преподаватель УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Ахраменко Пётр Евгеньевич	кандидат филологических наук, доцент УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Байрамова Анна	магистр, преподаватель Бакинского славянского университета, заведующий отделом международных связей.
Белая Алла Степановна	кандидат филологических наук, доцент Нежинского государственного университета имени Н. Гоголя.
Брындин Евгений Григорьевич	директор НКО исследовательский центр «Естествоинформатика» (г. Новосибирск).
Бушев Александр Борисович	кандидат филологических наук, доцент филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета (г. Тверь).
Гафарова Сагиба	доктор филологических наук, профессор, проректор по международным связям Бакинского славянского университета.
Герцик Александр Викторович	кандидат филологических наук, доцент УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Горбачев Оляга Евгеньевна	кандидат филологических наук, доцент УО «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка».
Григорик Ирина Альвиновна	преподаватель УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».
Гурин Ирина Владимировна	магистр филологических наук, аспирант УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».

Гуцко Ирина Николаевна	старший преподаватель УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Дамянова Христина Добрева	старший ассистент Шуменского университета «Епископ Константин Преславский».
Дзюба Наталья Валерьевна	преподаватель УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Долбик Елена Евгеньевна	кандидат филологических наук, доцент Белорусского государственного университета.
Дуброва Татьяна Васильевна	магистрант УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Еремейчик Ирина Николаевна	магистрант УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Ермалович Алла Валентиновна	преподаватель УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники».
Журавская Любовь Васильевна	кандидат филологических наук, доцент УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Зорько Наталья Петровна	студентка УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Иваницкая Татьяна Валерьевна	студентка курса УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».
Иванов Евгений Евгеньевич	кандидат филологических наук, заведующий кафедрой УО «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова».
Иванова Светлана Фёдоровна	кандидат филологических наук, доцент УО «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова».
Ивченков Виктор Иванович	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Института журналистики Белорусского государственного университета.
Илюхина Надежда Алексеевна	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Самарского государственного университета.
Истомин Виктор Серафимович	кандидат филологических наук, заведующий кафедрой УО «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы».

Ицкович Татьяна Викторовна	кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Первоуральск).
Каленик Ирина Викторовна	аспирант УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Карлова Марина Александровна	ассистент УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Качур Марина Степановна	старший преподаватель УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Каюмова Эльмира Ришатовна	аспирант Стерлитамакской государственной педагогической академии имени З. Бишевой.
Клименко Анна Петровна	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой УО «Минский государственный лингвистический университет».
Климкович Ольга Александровна	преподаватель УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».
Коваль Владимир Иванович	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».
Коновалова Ирина Сергеевна	старший преподаватель УО «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова».
Королёва Инна Александровна	доктор филологических наук, профессор Смоленского государственного университета.
Коцевич Светлана Серафимовна	кандидат филологических наук, доцент УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина».
Кравченко Юлия Ивановна	преподаватель УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Крупа Людмила Фёдоровна	аспирант УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Кузьмич Владимир Васильевич	кандидат филологических наук, доцент УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Кураш Сергей Борисович	кандидат филологических наук, заведующий кафедрой УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».

Кязимова Фарида Мамедгызы	старший преподаватель Бакинского славянского университета.
Лавшук Оксана Анатольевна	кандидат филологических наук, доцент УО «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова».
Лаевская Татьяна Евгеньевна	ассистент УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Левонюк Алла Евгеньевна	кандидат филологических наук, доцент УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина».
Ломако Павел Григорьевич	аспирант УО «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка».
Манаенко Геннадий Николаевич	доктор филологических наук, профессор Ставропольского государственного педагогического института.
Марченко Марина Александровна	преподаватель Горловского государственного педагогического института иностранных языков.
Матвиенко Надежда Александровна	преподаватель Днепропетровского университета экономики и права имени А. Нобеля.
Медведь Елена Николаевна	кандидат филологических наук, доцент Сумского государственного университета.
Миронычева Ольга Алексеевна	студентка УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Муратова Елена Юрьевна	кандидат филологических наук, доцент УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».
Мухина Мария Васильевна	преподаватель Волжского гуманитарного института.
Неверов Александр Сергеевич	доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой УО «Белорусский государственный университет транспорта».
Неверова Зоя Александровна	кандидат исторических наук, доцент УО «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации».
Нестереня Татьяна Сергеевна	ассистент УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Новикова Ольга Николаевна	кандидат филологических наук, заведующий кафедрой Башкирского государственного аграрного университета.

Новик-Щербенко Надежда Ивановна	кандидат филологических наук, доцент УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Новрузов Рафик Манаф оглы	доктор филологических наук, профессор Бакинского славянского университета.
Огнева Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Белгородского государственного университета.
Пантелеенко Олеся Александровна	преподаватель Белорусского государственного университета.
Панфилова Елена Геннадьевна	аспирант Белорусского государственного университета.
Пахомова Юлия Николаевна	преподаватель УО «Белорусский государственный медицинский университет», соискатель Института журналистики Белорусского государственного университета.
Пономаренко Татьяна Николаевна	преподаватель УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Попова Елена Владимировна	аспирант Сумского государственного университета.
Прокопенко Антонина Вадимовна	аспирант Сумского государственного университета.
Протасевич Марина Михайловна	студентка УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Прохоренко Людмила Валерьевна	кандидат филологических наук, доцент УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Распопова Татьяна Анатольевна	кандидат филологических наук, заведующий кафедрой Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского.
Русецкая Инна Валерьевна	преподаватель УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Рыжов Константин Германович	магистрант Волгоградского государственного университета.
Рябова Екатерина Сергеевна	аспирант Волгоградского государственного университета.
Сабитова Айнур Закир гызы	кандидат филологических наук, доцент Азербайджанского университета языков.
Садьгова Афаг Аллахверди гызы	кандидат педагогических наук, доцент Азербайджанского государственного университета культуры и искусства.

Салеев Вадим Алексеевич	доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель культуры РБ, главный научный сотрудник НМУ «Национального института образования» (г. Минск).
Салеева Марианна Вячеславовна	кандидат философских наук, доцент Белорусского государственного университета.
Сасновская Алина Викторовна	аспирант УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».
Сенкевич Василий Иванович	доктор филологических наук, профессор Академии Подляска в Седльцах (Польша), заведующий кафедрой УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина».
Сергей Владимир Николаевич	кандидат филологических наук, декан факультета иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Сергушкова Ольга Владимировна	ассистент УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Сердюкова Екатерина Ивановна	магистрант УО «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова».
Серикова Ирина Валерьевна	ассистент УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».
Синкевич Татьяна Ивановна	старший преподаватель УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».
Сичкарь Наталья Александровна	магистрант Нежинского государственного университета имени Н. Гоголя.
Скрипаль Анна Анатольевна	магистрант Волгоградского государственного университета.
Скуденкова Елена Евгеньевна	старший преподаватель УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Старовойт Марина Геннадьевна	магистр филологических наук, аспирант УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Стрижак Артём Леонидович	аспирант УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».
Телепень Сергей Валерьевич	кандидат исторических наук, доцент УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Ткаченко Ольга Андреевна	аспирант Киевского национального университета имени Т. Шевченко.

Федорасова Елена Витальевна	преподаватель УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Флисац Олеся Юрьевна	студентка УО «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка».
Хазанова Екатерина Львовна	кандидат филологических наук, доцент УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».
Хаками Оксана Николаевна	кандидат филологических наук, Гейдельбергский университет.
Чернявская Ирина Сергеевна	магистрант УО «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка».
Чуланова Галина Валерьевна	старший преподаватель Сумского государственного университета.
Швачко Светлана Алексеевна	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Сумского государственного университета.
Шевлякова-Борзенко Ирина Леонидовна	кандидат филологических наук, доцент, начальник управления научно-методического сопровождения образовательного процесса НМУ «Национального института образования» (г. Минск).
Шиманская Ольга Юрьевна	кандидат филологических наук, заведующий кафедрой УО ФПБ «Международный институт трудовых и социальных отношений».
Щербин Вячеслав Константинович	кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра системного анализа и стратегических исследований НАН РБ.
Яковец Елена Викторовна	магистрант УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Ячная Татьяна Анатольевна	аспирант УО «Минский государственный лингвистический университет».

СОДЕРЖАНИЕ

Кураш С. Б.	Текстоведческий вектор в преподавании и изучении русской филологии в Мозырском государственном педагогическом университете имени И. П. Шамякина: связь науки и практики	3
-------------	---	---

ОНТОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ТЕКСТА

Аматов А. М.	Диктема как языковая и текстовая единица	5
Андреев А.Н.	Закон красоты, или диалектика гения и злодейства.....	7
Антонова С. М.	Антропогенная программа отождествительной устремлённости к идеалу: филологическая риторика, прецедентная языковая личность, креативность.....	8
Ахраменко П. Е.	Безличность как отражение внутреннего мира человека.....	12
Брындин Е. Г.	Коммуникативно-ассоциативное моделирование символически-языкового мышления.....	15
Илюхина Н. А.	Роль текста в изучении генезиса образного компонента концепта.....	17
Ицкович Т. В.	Жанр и текст	19
Кураш С. Б.	Интертекст – гипертекст – корпус текстов: о корреляции понятий и перспективах исследования в современной русистике.....	21
Манаенко Г. Н.	Специфика корреляции «событие – факт».....	24
Неверов А.С., Неверова З.А.	Анализ текстов с использованием метода симплекс-решетчатого планирования.....	26
Салеев В. А.	Человек и художественный текст.....	28
Сасновская А. В.	Функции ключевых слов и правила их выделения в учебном и поэтическом тексте	31
Сергей В. Н.	Коммуникативная перспектива и связность поэтического текста во французском языке.....	33
Сергушкова О. В.	Типы, значения и роль в тексте сегментированных синтаксисом косвенных падежей	35
Швачко С. А.	Онтологическая сущность слов замещения	37

ТЕКСТ И МИР: ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ – ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Байрамова А.	Особенности отражения вежливости в языке и речи в контексте межкультурной коммуникации (на материале японского языка).....	40
Белая А. С.	Лингвистические проблемы языковой коммуникации (социальная терминология в тексте)	41
Гафарова С.	Художественный перевод как диалог и взаимодействие национальных литератур	42

Герцик А. В.	Литературные реминисценции и аллюзии в авторских песнях В. Высоцкого	43
Григорик И. А.	Категоризация образов «слеза – слезы» и классификация существительных	45
Гуцко И. Н., Миронычева О. А.	Функциональные, структурные и языковые особенности заголовков британских газет	47
Дамянова Х. Д.	Грамматические лакуны и перевод	50
Долбик Е. Е.	Прецедентные феномены в поэзии В. А. Карпова	52
Иваницкая Т. В.	Типы интертекстуальности в творчестве В. С. Высоцкого (аллюзии на художественный текст С. А. Есенина)	54
Иванова С. Ф.	Крылатые выразы з рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. у сучаснай беларускай літаратурнай мове	57
Каленік І. В.	Семантычная структура онімаў-алюзій (на прыкладзе міфонімаў)	59
Качур М. С.	Фреймовый падход как метод исследования процессов фразеологизации	61
Клименко А. П., Ячная Т. А.	Лексико-тематическая характеристика ассоциативного поля «моральные ценности» в языковом сознании белорусов	64
Коваль В. И.	Каша из топора: текст – фразеологизм – слово	66
Королева И. А.	Роль имен собственных в организации межтекстовых связей представителей Смоленской поэтической школы	69
Кузьмич В. В., Карлова М. А.	Высоцкий как пародическая личность	71
Крупа Л. Ф.	Метафора как способ образования номинативных единиц для обозначения средств мобильной телефонии	73
Кязимова Ф.	Синтагматические отношения гласных в русском и азербайджанском языках	74
Лавшук О. А., Сердюкова Е. И.	Одиссеевские аллюзии в поэзии К. Михеева	76
Леванюк А. Я.	“Келіх, што ледзь прыгубілі...” (да пытання анталогіі беларускага афарызма)	78
Ламака П. Р.	Паняцце безэквівалентнай лексікі ў тэорыі перакладу і ў супастаўляльным мовазнаўстве	80
Матвиенко Н. А.	Межкультурная и межэтническая коммуникация	82
Муратова Е. Ю.	Типы интертекстуального взаимодействия поэтических текстов	84
Несцярэня Т. С.	Назвы хваёвых дрэў у гаворках Усходняга Палесся	86
Новік-Шчарбенка Н. І.	Матываваныя назвы марозу ў гаворках Мазырска-Прыпяцкага Палесся	88
Новикова О. Н.	Источники личных имен современной Британии: аббревиация	89
Новрузов Р. М.	К проблеме перевода сакральных текстов	91

Огнева Е. А.	Культурно-языковое пространство текста при переводе	93
Панфилова Е. Г.	Синтаксическая организация фразем со структурой предложения в русском, белорусском и немецком языках	95
Пономаренко Т. Н.	Нетрадиционные способы передачи коммуникативной информации в англоязычных текстах	98
Прахарэнка Л. В., Пратасевіч М. М.	Семантычная варыянтнасць аўтарскіх метафар у мове перакладу рамана А. Пушкіна “Яўгеній Анегін”	99
Русецкая И. В.	Установление контакта между знакомыми коммуникантами в англоязычном общении	101
Садыгова А.	Связь языка и культуры (коммуникативный аспект)....	103
Салеева М. В.	Вербальные барьеры межкультурной коммуникации ..	105
Синкевич Т. И.	Особенности номинации одежды в русской и китайской традиции	105
Сичкаръ Н. А.	Речевая личность. Коммуникация. Лингвокультурология.....	108
Старовойт М. Г.	Структурные особенности поля неопределенно малого количества в белорусском, русском и английском языках.....	109
Ткаченко О. А.	Текст как культурологическая база онирической лексики (на материале латинского, английского и украинского языков).....	111
Федорасова Е. В., Зорько Н. П.	Лингвокультурологический анализ топонимических фразеологизмов по характеру обозначаемых объектов..	113
Хазанова К. Л.	Лексіка-семантычная эквівалентнасць тэкстаў арыгінала і перакладу	115
Хаками О. Н.	Особенности перевода эпитафия в лирических произведениях.....	118
Чарняўская І. С.	Актуалізацыя інтэртэкстуальных элементаў у сучасных СМІ і мастацтве	119
Шаўлякова-Барзенка І. Л.	Спецыфіка выяўлення дыялагізму ў найноўшай беларускай літаратуры.....	121
Шыманская В. Ю.	Прасторавыя і структурныя метафары ўнутранага свету чалавека ў беларускай і англійскай мовах.....	123
Яковец Е. В.	К проблеме фразеологической синонимии в современном русском языке.....	125

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ТЕКСТОВ, СТИЛЕЙ И ЖАНРОВ

Анисимова Т. В.	Лексическая структура текста (терминология на страницах СМИ	127
Архипова Е. В.	О некоторых особенностях функционирования речевого акта несогласия как реакции на репрезентативные речевые акты.....	129
Бушев А. Б.	Макаронизмы и макаронические тексты.....	131

Горбацевич О. Е.	Философские теории смеха и способы создания комического текста.....	133
Гурин И. В.	Язык современных СМИ как объект лингвистических исследований.....	134
Дуброва Т. В.	Устойчивые словесные формулы в русском интернет-общении.....	136
Дзюба Н. В., Скуденкова Е. Е.	Женский образ в английском печатном рекламном тексте.....	137
Еремейчик И. Н.	Гендерная специфика обращений в интернет-коммуникации.....	138
Ермаловіч А. В.	Апісанне як тып маўлення і яго ўжыванне ў тэкстах розных стыляў.....	139
Жураўская Л. В.	Тэкстаўтваральныя кампаненты беларускіх народных апавяданняў (прагматычны аспект).....	141
Иванов Е. Е.	Проблема предметно-тематической квалификации и классификации пословиц.....	143
Іўчанкаў В. І.	Тэкставая дзейнасць журналіста ў сучасным грамадстве.....	145
Истомин В. С.	Язык политического дискурса.....	147
Канавалава І. С.	Тэксты-прататыпы беларускіх антыпрыказак.....	149
Каюмова Э. Р.	Эмоционально-экспрессивные синтаксические конструкции в публицистическом тексте (на материале женских изданий).....	151
Климкович О. А.	Субъектный состав деловой коммуникации (на материале актовых текстов XIV–XVI вв.).....	154
Коцевич С. С.	Заговор как суггестивный дискурс.....	156
Кравченко Ю. И.	Синтактико-семантические показатели репрезентации стратегий речевого поведения в русскоязычном политическом дискурсе (на материале речей В. В. Путина и Д. А. Медведева).....	158
Лаевская Т. Е.	Особенности функционирования вторичных жанров в условиях современного литературного дискурса.....	160
Марченко М. А.	Дискуссии о поэтике постмодернизма.....	162
Медведь Е. Н., Прокопенко А. В.	Средства речевого воздействия политспичей.....	163
Мухина М. В.	О содержании понятия «имиджевая реклама».....	165
Неверова З. А.	Текст в ситуации постмодерна.....	168
Пантелеенко О. А.	Вербальные средства обозначения мимико-жестового поведения в киносценарии и его литературной первооснове.....	170
Пахомова Ю. Н.	Фразеологизм язык не сломаешь в структуре публицистического текста.....	172
Попова Е. В.	Демократизация языковой нормы в рамках закона антиномии (на материале политического дискурса).....	175
Распопова Т. А.	Язык современных молодежных субкультур.....	177
Рыжов К. Г.	Продвижение авторов издательствами как форма паблик рилейшнз.....	179

Рябова Е. С.	Специфика использования ключевых слов для оптимизации PR-текста в интернете.....	182
Сабитова А.	К вопросу о типологии романтизма.....	184
Сенкевич В. И.	Велеречивость как институциональный феномен речевой деятельности.....	186
Серикова И. В.	Графикация как способ образования фразеологизмов-заглавий в газетных текстах.....	188
Скрипаль А. А.	Оценочность как основной признак политического текста.....	190
Стрижак А. Л.	О функционировании прецедентных имен собственных в современном газетном тексте.....	192
Телепень С. В.	Латинские эпиграфические тексты как исторический источник (на примере военных надписей эпохи принципата).....	194
Флисак О. Ю.	Прямые и косвенные реквестивы в публицистическом тексте (на материале печатных СМИ Беларуси).....	196
Чуланова Г. В.	Интеграция вербальных и невербальных знаков текста-регулятива.....	198
Щербин В. К.	Формы локализации «встроенных» словарных текстов.....	201

МГПУ ИМ. И.П. ШАМЯКИНА

Научное издание

ТЕКСТ. ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК

Неделя русской филологии
в Мозырском государственном
педагогическом университете
имени И. П. Шамякина

Сборник научных трудов

В двух частях

Часть 1

Ответственный за выпуск С. С. Борисова
Технический редактор Н. В. Ропот
Компьютерная вёрстка: М. А. Карлова, Н. Л. Соколова
Оригинал-макет: Е. В. Лис, Е. Л. Щека, Е. В. Юницкая

Подписано в печать 19.05.2011. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Ризография. Усл. печ. л. 27,0.
Тираж 100 экз. (Первый завод – 1–77 экз.). Заказ 24.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»

ЛИ № 02330/0549479 от 14 мая 2009 г.
247760, Мозырь, Гомельская обл., ул. Студенческая, 28
Тел. (0236) 32-46-29